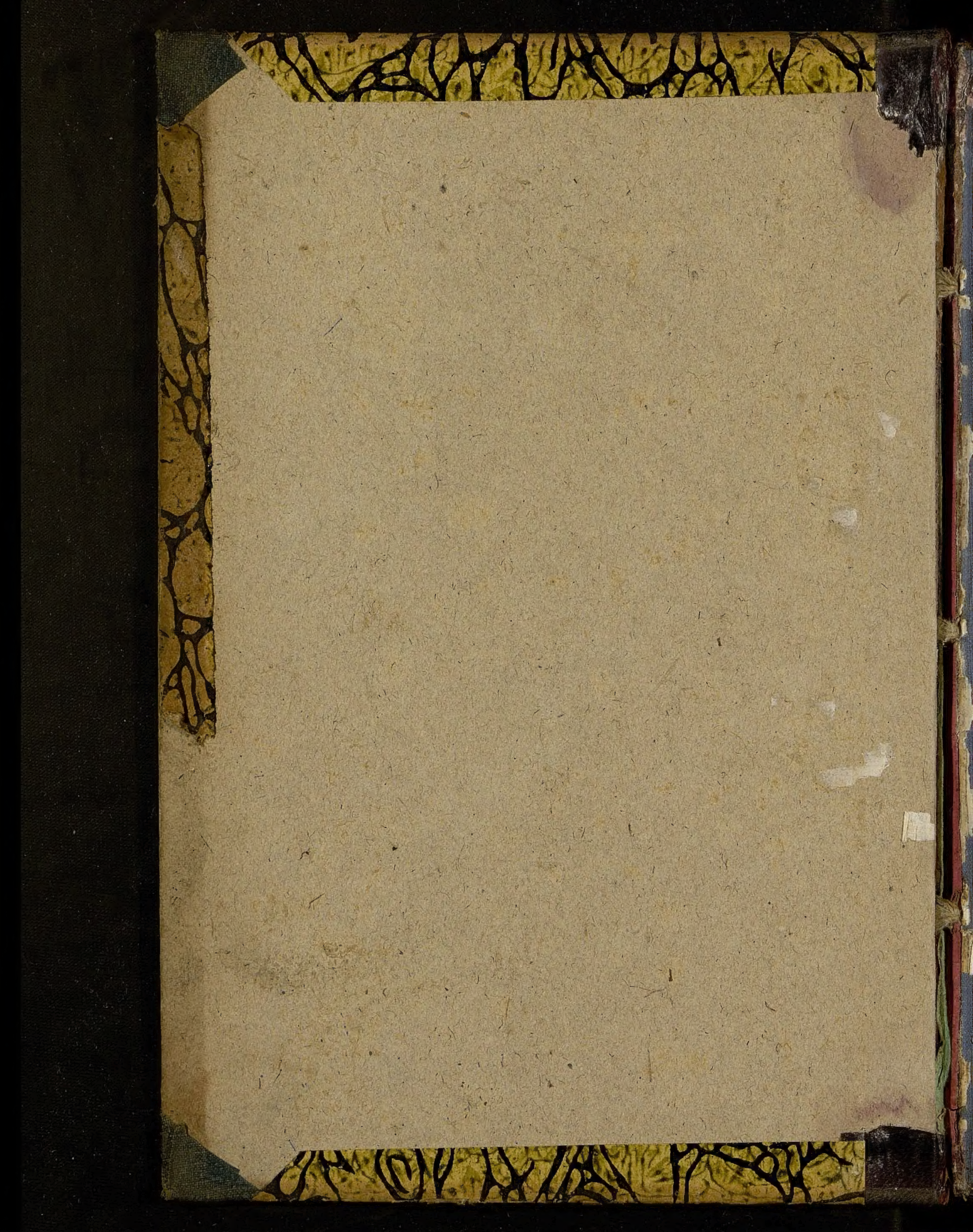
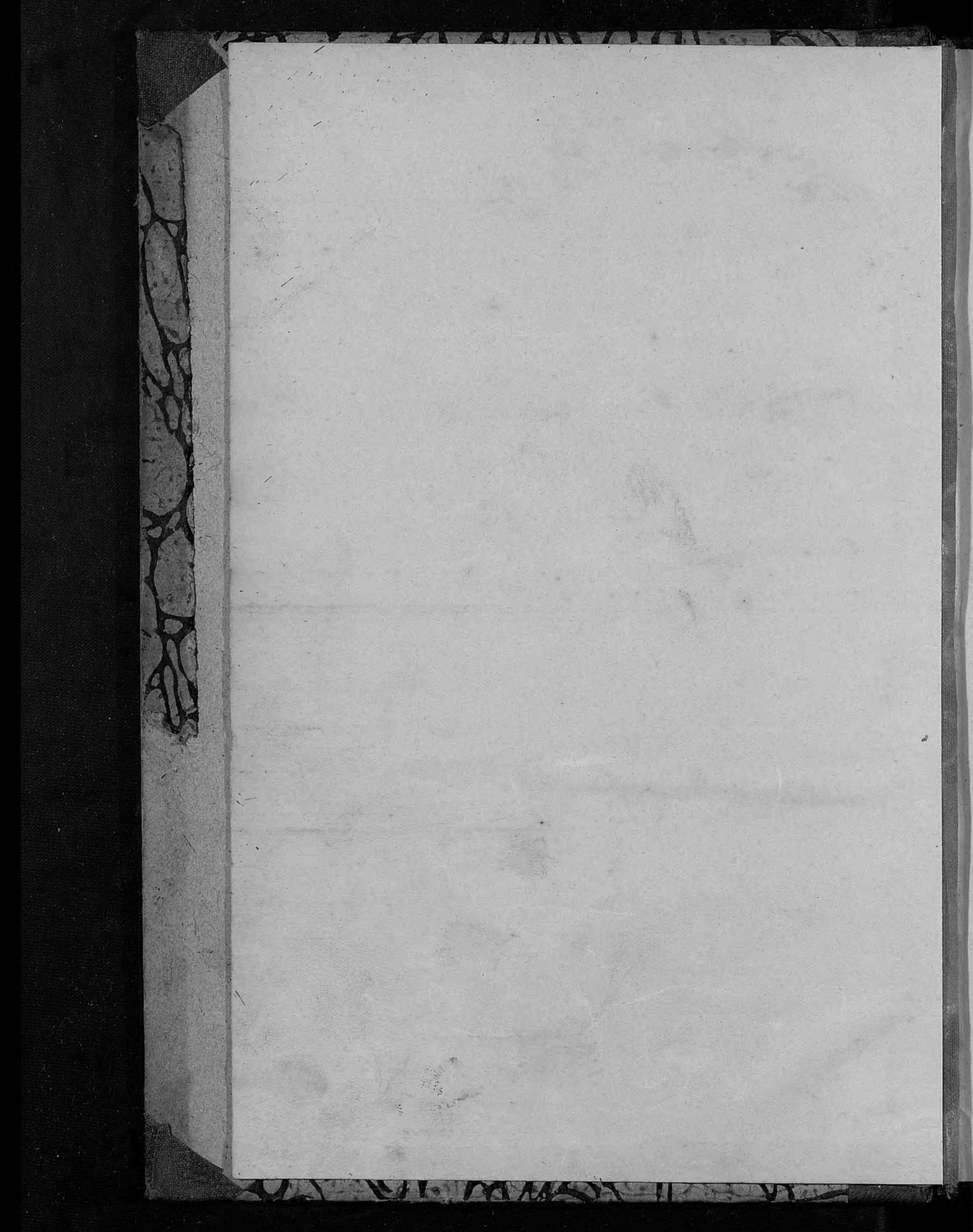
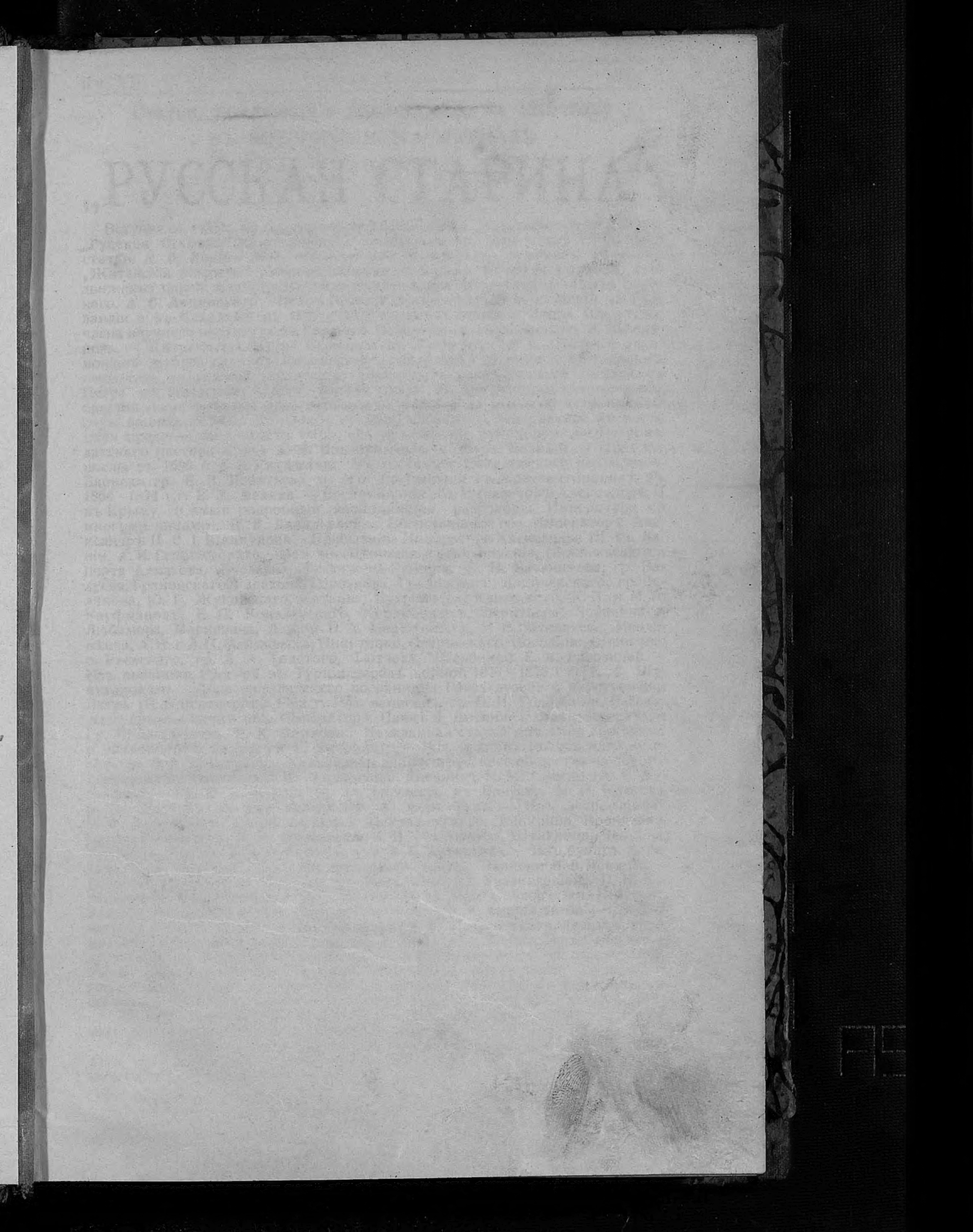

Статьи, подлежащія напечатанію въ 1915 году въ историческомъ журналѣ

„РУССКАЯ СТАРИНА“.

Вступая въ 1915 г. въ сорокъ шестой годъ своего существованія, ред. журн. **„Русская Старина“** предполагаетъ напечатать въ этомъ году слѣдующія статьи: **А. Ѳ. Кони.**—„Изъ воспоминаній и замѣтокъ судебнаго дѣятеля“. „Житейскія встрѣчи“. **Дневныя записки генерала Патрика Гордона**, сподвижника царей: Алексѣя Михайловича, Ѳеодора Алексѣевича и Петра Великаго. **А. С. Лацинскаго.**—Петръ Великій, Императоръ Всероссійскій въ Голландіи и въ Саардамѣ въ 1697 и 1717 годахъ. Сочиненіе Якова Шельтена, члена научнаго института въ Гарлемѣ. Переводъ съ голландскаго. **И. Щелкунова.** — Житье-бытье Петра Великаго въ Даніи въ 1716 г. (Полный церемоніалъ выѣзда царя въ Копенгагенъ, подробная записка о его первомъ появленіи на датской территоріи, разсказы о развѣдочныхъ поѣздкахъ Петра къ шведскому берегу, бесѣда Петра съ профессоромъ астрономіи, оригинальная поѣздка царя верхомъ на лошади на высокую астрономическую башню, обѣды, праздники, гулянія, маскарадъ, театральное въ честь царя представленіе, арестъ царя, его похожденія, рукоположеніе Петромъ датскаго пастора и др.). **А. В. Полторацкаго.** — Петръ Великій и шведскіе послы въ 1699 г. **А. Е. Кауфмана.** - Въ гостяхъ у Саардамскаго плотника.— Записки гр. Н. П. Игнатьева о его пребываніи въ Константинополѣ въ 1864—1874 г.г. **В. Х. Мелека.** — Воспоминанія объ Императорѣ Александрѣ II въ Крыму. (Самыя подробныя воспоминанія, разговоры Императора со многими лицами), **Н. К. Васильевой.** — Воспоминанія объ Императорѣ Александрѣ II. **О. І. Щелкунова.** - Пребываніе Императора Александра III въ Даніи. **А. И. Георгіевскаго.**—Мои воспоминанія и размышленія. (Восп. касаются поэта Алмазова, Буслаева, Бестужева-Рюмина, П. Н. Батюшкова, гр. Валуева, Грановскаго, Галахова, Горбунова, Градовскаго, Данилевскаго, гр. Делянова, Ю. Г. Жуковскаго, Каткова, Кудрявцева, Краевскаго, К. П. и М. П. Кауфмановъ, Е. П. Ковалевскаго, Корниловыхъ, Леонтьева, Лохвицкаго, Любимова, Маркевича, Д. А. и Н. А. Милютиныхъ, М. Н. Муравьева, Менделѣева, А. Н. и Л. Н. Майковыхъ, Никитенко, Островскаго, Погодина, Пирогова, о. Раевскаго, гр. Д. А. Толстого, Тютчева, Щербины). **Е. А. Рагозиной.** — Изъ дневника Русской въ Турціи передъ войной 1877-1878 г.г. **Е. С. Шумигорскаго.** — Донесенія датскаго посланника Гакстгаузена о царствованіи Петра III и переворотѣ 1762 г. Изъ записокъ гр. Ѳ. И. Головкина. Разсказы современниковъ объ Императорѣ Павлѣ I. Дневникъ статсъ-секретаря Гр. И. Вилламова. **И. К. Маркова.** Неизданная статья епископа Никодима о митрополитѣ Филаретѣ. **Н. Высоцкаго.** — Изъ нравовъ московскаго духовенства. **В. А. Бочкарева.**—Культурные запросы русскаго общества на порогѣ царствованія Екатерины II.—**Андерсона.** Дневникъ И. М. Снегирева. **В. Мустафина.** — Гр. М. Н. Муравьевъ въ письмахъ къ Валуеву. М. Н. Катковъ и гр. Валуевъ въ ихъ перепискѣ. **А. фонъ-Таль.** — Изъ воспоминаній Е. И. Ламанскаго (Восп. касаются Петрашевскаго, Канкрина, Вронченко, Брока, Княжевича, М. Н. Муравьева, Я. И. Ростовцева, Штиглица, Чевкина, Рейтерна, Грейга, Абазы, Бунге и др.). **В. С. Арсеньева.** - Изъ бумагъ Болотова. **А. А. Танкова.** — Курскій мятежный столпъ. Записки **Н. В. Исакова.**— Военныя дѣйствія на Кавказѣ при Воронцовѣ съ предисловіемъ П. Н. Колюбакина. (Характеристика гр. Воронцова, кн. Аргутинскаго, кн. Бебутова, Коцебу, кн. Барятинскаго, Евдокимова и др.). **Е. А. Андріашевой.** — „Воспоминанія стараго педагога“. Воспоминанія **Е. К. Андреевскаго, Леваковскаго, Виноградскаго, Веселовскаго** и др. **М. Л. Гофмана.** - Поэмы Боратынскаго и другія статьи по исторіи литературы. Съ іюньской книги, въ приложеніи, къ ж. „Русская Старина“ будетъ печататься продолженіе труда С. Р. Минцлова—„Обзоръ записокъ, дневниковъ, воспоминаній и писемъ, относящихся къ русской исторіи и напечатанныхъ на русскомъ языкѣ“ (вып. VI-й).

Въ 1915 году будетъ обращено особое вниманіе на печатаніе воспоминаній участниковъ русско-нѣмецкой войны.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ журналѣ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 10 руб. съ пересылкой, за границу 12 руб.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 5% съ каждаго рубля.

Подписка принимается въ Петроградѣ, Фонтанка, д. № 18.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ,

основанное 1-го января 1870 г.

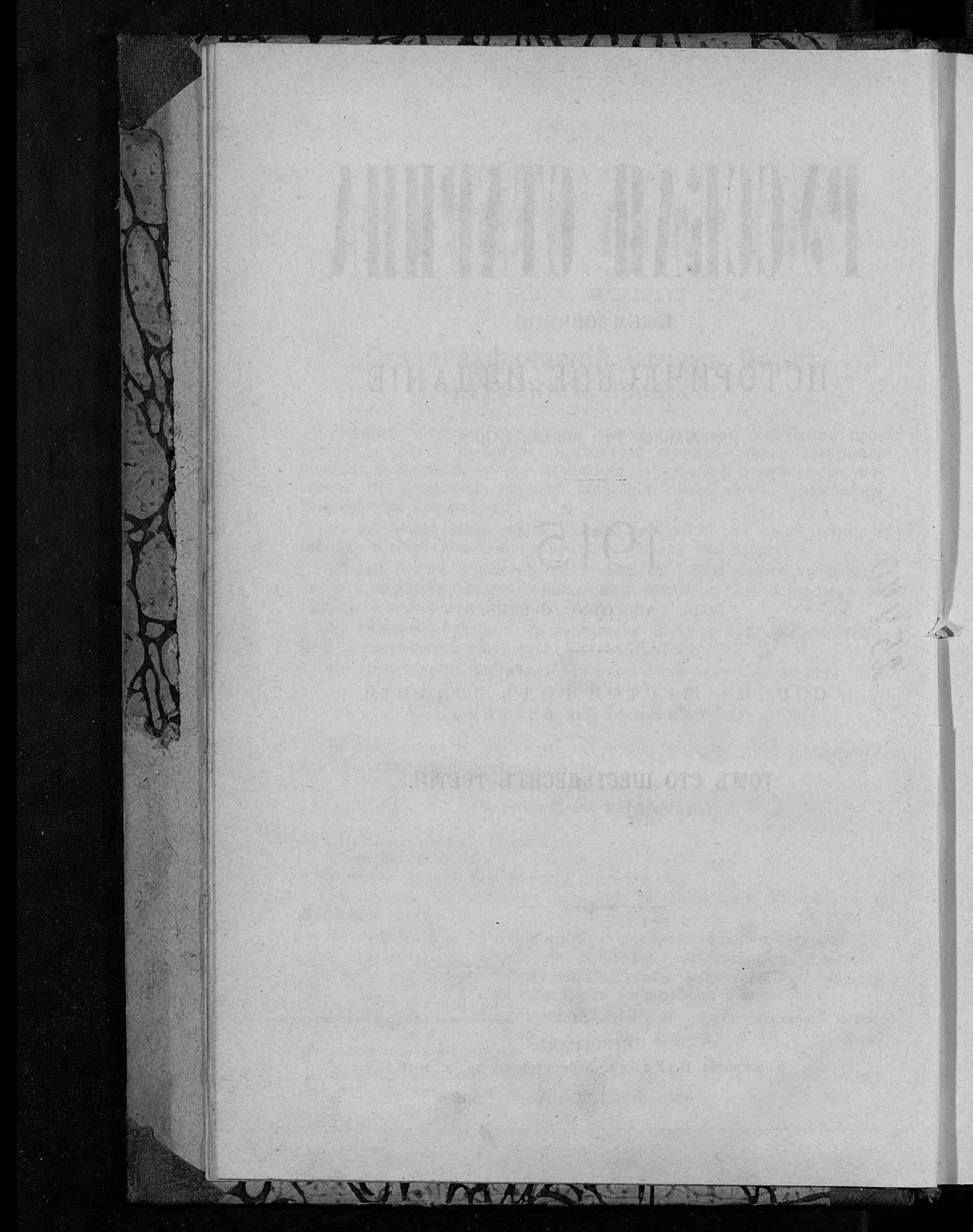
1915.

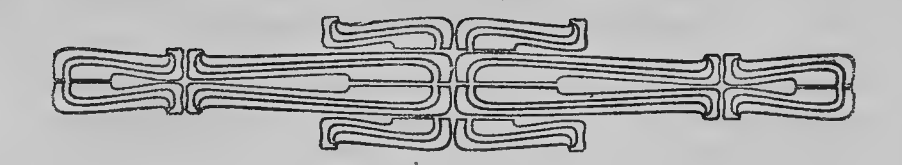
ІЮЛЬ. — АВГУСТЪ. — СЕНТЯБРЬ.

СОРОКЪ ШЕСТОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ СТО ШЕСТЬДЕСЯТЪ ТРЕТІЙ.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія П. Усова. Лермонтовскій пр., д. № 28.
1915.

Сборникъ дипломатическихъ документовъ, касающихся событій на Балканскомъ Полуостровѣ [1]).

(Августъ 1912 г.—Іюль 1913 г.).

108 [2]).

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Посламъ въ Лондонѣ, Парижѣ, Вѣнѣ и Римѣ. Посланникамъ въ Бѣлградѣ и Цетинье.

С.-Петербургъ, 6 апрѣля 1913 г.

(Телеграмма).

Здѣшній Австро-Венгерскій Посолъ сообщаетъ мнѣ, что положеніе въ Скутари слѣдуетъ считать крайнимъ, и что черногорцы со дня на день ожидаютъ сдачи города и для этой цѣли намѣрены теперь же подвергнуть усиленной бомбардировкѣ не только форты, но и самый городъ.

Въ виду этого графъ Берхтольдъ поручилъ австрійскому адмиралу предложить на совѣтѣ командующихъ въ международной эскадрѣ приступить безъ замедленія къ мѣрамъ примѣненія силы въ видѣ высадки на берегъ десантовъ и даже примѣненія оружія въ случаѣ надобности.

По мнѣнію Вѣнскаго Кабинета таковыя мѣры содѣйствовали бы принятію Черногорскимъ Правительствомъ рѣшенія Державъ относительно судьбы Скутари. Одно предложеніе финансовой помощи, на каковую Вѣнскій Кабинетъ согласенъ,

---

[1]) Обращаемъ особое вниманіе нашихъ читателей на этотъ сборникъ, который наглядно разъяснитъ ходъ событій на Балканскомъ полуостровѣ. *Ред.*

[2]) См. „Русская Старина", іюнь 1915 г.

не достигло бы цѣли. Австрійскимъ Представителямъ при Великихъ Державахъ поручено просить о преподаніи таковыхъ же инструкцій всѣмъ адмираламъ.

Я не замедлилъ заявить графу Турну, что подобное предположеніе представляетъ столько опасностей, что Державы должны обдумать сначала всякія средства воздѣйствія на Черногорію безъ примѣненія силы. При этомъ я указалъ на ожидаемое отозваніе изъ-подъ Скутари сербскихъ войскъ. Поэтому первымъ шагомъ было бы удостовѣриться, насколько полнымъ является обложеніе Скутари и не представляется ли какой-либо возможности мирному населенію покинуть городъ или получить продовольствіе.

Въ случаѣ такого оборота дѣлъ представилась бы надежда убѣдить черногорцевъ уступить желанію Державъ.

(Подп.) *Сазоновъ.*

109.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Посланнику въ Бѣлградѣ. Сообщается въ Лондонъ и Вѣну.

С.-Петербургъ, 10 апрѣля 1913 г.

(Телеграмма).

По вопросу объ эвакуаціи Албаніи, нашъ Посолъ въ Лондонѣ обратилъ вниманіе своихъ коллегъ на опасныя послѣдствія спѣшнаго увода войскъ изъ Албаніи до установленія тамъ порядка.

Эти замѣчанія не встрѣтили возраженія со стороны другихъ Пословъ, которые признали, что эвакуація должна быть постепенной, а не одновременной.

(Подп.) *Сазоновъ.*

110.

Посолъ въ Лондонѣ.

10 апрѣля 1913 г.

(Телеграмма).

По мнѣнію Пословъ, Державамъ надлежитъ совмѣстно заявить Черногорскому Правительству, что взятіе Скутари нисколько не мѣняетъ рѣшенія Державъ касательно сѣвернаго и

сѣверо-восточнаго разграниченія Албаніи, и что поэтому черногорцы должны какъ можно скорѣе очистить городъ Скутари и передать его Державамъ въ лицѣ командира международной эскадры.

(Подп.) *Графъ Бенкендорфъ.*

111.

Посолъ въ Лондонѣ.

12 апрѣля 1913 г.

(Телеграмма).

Послы считаютъ необходимымъ, чтобы Державы немедленно сдѣлали коллективное представленіе въ Цетинье согласно предложенію отъ 10 апрѣля и назначили Черногорскому Правительству короткій срокъ для отвѣта. Послѣ передачи ноты блокада должна быть усилена, и Черногорія должна быть лишена возможности добывать денежныя средства.

(Подп.) *Графъ Бенкендорфъ.*

112.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Посламъ въ Парижѣ и Лондонѣ.

С.-Петербургъ, 13 апрѣля 1913 г.

(Телеграмма).

Телеграмма Посла въ Лондонѣ 12 апрѣля получена.

Мы уполномочиваемъ нашего Посланника въ Цетинье присоединиться къ коллективному выступленію Державъ, согласно телеграммѣ Посла въ Лондонѣ 10 апрѣля.

Но мы не согласны съ предложеніемъ назначить Черногорскому Правительству срокъ для отвѣта, ибо въ случаѣ неполученія таковаго пришлось бы прибѣгнуть къ принудительнымъ мѣрамъ, тогда какъ Державы далеки отъ единомыслія въ этомъ вопросѣ.

Считаемъ долгомъ предупредить, что если бы какая-нибудь Держава прибѣгла къ насильственнымъ мѣрамъ, то мы отказались бы раздѣлить нравственную отвѣтственность за эти дѣйствія.

Мы надѣемся также, что въ случаѣ подчиненія Черногоріи волѣ Европы за ней будетъ признано право на компенсаціи.

(Подп.) *Сазоновъ.*

113.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Послу въ Лондонѣ.

С.-Петербургъ, 15 апрѣля 1913 г.

(Телеграмма).

Солидарность Державъ болѣе чѣмъ когда-либо необходима.

Благоволите повторить, что Державы остаются единодушны въ рѣшеніи присудить Скутари Албаніи.

Это является существеннымъ пунктомъ. Но Державы располагаютъ различными средствами воздѣйствія, дабы настоять на своемъ рѣшеніи, не прибѣгая къ насильственнымъ мѣрамъ. Пусть эти средства болѣе медленны, но они не менѣе вѣрно приведутъ къ цѣли, и мы не видимъ никакой надобности ускорять дѣло, рискуя подвергнуть опасности общее положеніе.

(Подп.) *Сазоновъ.*

114.

Посланникъ въ Цетинье.

16 апрѣля 1913 г.

(Телеграмма).

Согласно полученнымъ мною точнымъ свѣдѣніямъ никакого штурма Скутари, непосредственно предшествовавшаго сдачѣ этого города, и никакихъ жертвъ ни съ той, ни съ другой стороны не было. Капитуляція Скутари послѣдовала въ силу соглашенія съ Эссадъ-Пашею на слѣдующемъ основаніи: Эссадъ уходитъ изъ Скутари съ войскомъ, знаменами, оружіемъ, за исключеніемъ осадной артиллеріи, и объявляетъ себя Княземъ

автономной Албаніи подъ суверенитетомъ Султана и въ качествѣ таковаго предоставляетъ Черногоріи Скутари со всей территоріей до Дрина.

Черезъ Алессіо Эссадъ направился въ Эльбасанъ и Тирану.

(Подп.) *А. Гирсъ.*

115.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Посламъ въ Парижѣ и Лондонѣ.

С.-Петербургъ, 20 апрѣля 1913 г.

(Телеграмма).

На вопросъ Англійскаго Посла о томъ, какія мѣры представлялись бы намъ наиболѣе опасными съ точки зрѣнія сохраненія мира, я отвѣтилъ, что, не имѣя возможности учесть того впечатлѣнія, которое произвело бы на наше общественное мнѣніе принятіе какихъ бы то ни было понудительныхъ мѣръ, я могу тѣмъ не менѣе указать на нѣкоторыя обстоятельства, могущія затруднить наше положеніе и вынудить насъ къ вмѣшательству: 1) выступленіе отдѣльной Державы, выходящее за предѣлы рѣшеній, принятыхъ Державами, и 2) всякая попытка установить въ одномъ изъ Балканскихъ Государствъ право исключительнаго вмѣшательства или политическаго преобладанія. Такія выступленія встрѣтятъ съ нашей стороны рѣшительное противодѣйствіе и могутъ привести къ самымъ серьезнымъ послѣдствіямъ.

(Подп.) *Сазоновъ.*

116.

Посолъ въ Лондонѣ.

22 апрѣля 1913 г.

(Телеграмма).

Сэръ Эдуардъ Грей получилъ сообщеніе Черногорскаго Правительства, что оно передаетъ участь Скутари въ руки Державъ. Послы съ удовлетвореніемъ приняли это заявленіе къ свѣдѣнію и полагаютъ, что Черногорское Правительство

должно передать городъ командиру международной эскадры. Блокада должна быть снята немедленно послѣ передачи Скутари Державамъ.

(Подп.) *Графъ Бенкендорфъ.*

117.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Послу въ Константинополѣ.

С.-Петербургъ, 17 апрѣля 1913 г.

(Телеграмма).

Мы получили свѣдѣнія, что Турецкое Правительство ходатайствуетъ о безпрепятственной эвакуаціи изъ Албаніи не только больныхъ, но всѣхъ турецкихъ войскъ вообще.

Точка зрѣнія, которую мы неизмѣнно защищали передъ Державами, заключается въ томъ, что Албанія должна оставаться Оттоманской провинціей и что въ ней слѣдуетъ сохранить суверенитетъ Султана при соблюденіи извѣстныхъ условій, связанныхъ съ автономнымъ строемъ, который предполагается ввести въ этой провинціи.

Благоволите освѣдомиться у Великаго Визиря, насколько Порта раздѣляетъ нашу точку зрѣнія, такъ какъ, удаляя изъ Албаніи всѣ свои войска, она рискуетъ утратить всякую связь съ этой провинціей.

(Подп.) *Сазоновъ.*

118.

Посолъ въ Константинополѣ.

19 апрѣля 1913 г.

(Телеграмма).

Завтра увижу Великаго Визиря и объяснюсь съ нимъ въ смыслѣ Вашей телеграммы 17 апрѣля, но опасаюсь, что встрѣчу съ его стороны сильное нерасположеніе къ нашему взгляду. Какъ онъ, такъ и Министръ Иностранныхъ Дѣлъ лично крайне раздражены противъ албанцевъ и совершенно отрекаются отъ нихъ, желая порвать всякую связь между Турціей и Албаніей.

(Подп.) *М. Гирсъ.*

119.

Посолъ въ Константинополѣ.

20 апрѣля 1913 г.

(Телеграмма).

Ссылаюсь на мою телеграмму отъ вчерашняго числа.

Въ настоящее время и Великій Визирь и Министръ Иностранныхъ Дѣлъ сильно возбуждены противъ албанцевъ и утверждаютъ, что не желаютъ больше имѣть ничего общаго съ Албаніей. Я убѣждалъ ихъ относиться хладнокровно къ дѣлу и не терять изъ виду, что въ конечномъ результатѣ все-таки въ интересахъ Турціи сохранить хотя бы и слабую власть въ краѣ, гдѣ значительная часть населенія мусульманская.

(Подп.) *М. Гирсъ.*

120.

Посолъ въ Константинополѣ.

20 апрѣля 1913 г.

(Телеграмма).

Высокая Порта заявила, что принимаетъ предложеніе немедленно прекратить военныя дѣйствія и назначить уполномоченныхъ для переговоровъ о мирѣ, при чемъ она выбираетъ Лондонъ какъ мѣсто для переговоровъ.

(Подп.) *М. Гирсъ.*

121.

Посланникъ въ Софіи.

1 мая 1913 г.

(Телеграмма).

Союзныя Государства заявляютъ, что они готовы прекратить военныя дѣйствія и выбираютъ Лондонъ какъ мѣсто для переговоровъ о мирѣ.

(Подп.) *Неклюдовъ.*

122.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Посламъ въ Парижѣ и Лондонѣ.

С.-Петербургъ, 3 мая 1913 г.

(Телеграмма).

Полагаемъ, что предположенiе о предоставленiи делегатамъ воюющихъ сторонъ права лишь совѣщательнаго голоса въ Парижской финансовой комиссiи не отвѣчаетъ смыслу условiй медiацiи. Послѣ данныхъ союзникамъ Великими Державами увѣренiй, попытка обязать ихъ безусловно подчиниться рѣшенiямъ Державъ, принятымъ помимо ихъ воли, произведетъ на нихъ тяжелое впечатлѣнiе и грозитъ тѣмъ, что будущiя работы комиссiи окажутся безплодными, такъ какъ проведенiе въ жизнь ея рѣшенiй сдѣлается крайне труднымъ.

(Подп.) *Сазоновъ.*

123.

Посолъ въ Лондонѣ.

23 мая 1913 г.

(Телеграмма).

По мнѣнiю Пословъ, въ ожиданiи установленiя опредѣленнаго правленiя въ Албанiи, слѣдовало бы учредить международную контрольную комиссiю изъ делегатовъ Великихъ Державъ съ присоединенiемъ къ нимъ албанскаго элемента. Эта комиссiя должна на мѣстѣ изучить условiя постепеннаго устройства страны и принять мѣры для поддержанiя тамъ порядка. Въ числѣ этихъ мѣръ прежде всего надо будетъ озаботиться созданiемъ жандармерiи подъ руководствомъ и начальствомъ европейскихъ офицеровъ, которые должны быть взяты отъ одного изъ нейтральныхъ Государствъ съ исключенiемъ шести Великихъ Державъ, Балканскихъ Государствъ, и тѣхъ Государствъ, которыя имѣютъ прямые интересы на Балканскомъ полуостровѣ.

(Подп.) *Графъ Бенкендорфъ.*

124.

Посолъ въ Лондонѣ.

27 мая 1913 г.

(Телеграмма).

Переговоры о мирѣ между балканскими и турецкими уполномоченными прерваны. Большинство уполномоченныхъ выѣхали изъ Лондона.

(Подп.) *Графъ Бенкендорфъ.*

125.

Посолъ въ Лондонѣ.

19 іюня 1913 г.

(Телеграмма).

Текстъ толкованія формулы объ Адріатической желѣзной дорогѣ, принятаго на засѣданіи Пословъ въ Лондонѣ 18 іюня 1913 года:

Рѣшеніе, принятое на засѣданіи Пословъ 7-го декабря 1912 года.

Сербіи будетъ предоставленъ торговый выходъ къ морю чрезъ свободный и нейтральный албанскій портъ, который будетъ обслуживаемъ международной желѣзнодорожной линіей подъ европейскимъ контролемъ и подъ охраной спеціальной международной стражи съ обезпеченіемъ свободнаго транзита и безпошлиннаго ввоза всѣхъ товаровъ, въ томъ числѣ и военныхъ припасовъ.

Толкованіе.

1. Спеціальная нейтрализація порта.

Если нейтралитетъ будущей Албаніи допуститъ возведеніе укрѣпленій для защиты страны, то относительно торговаго порта, обслуживаемаго международной желѣзной дорогой, будетъ установлено особое положеніе запрещающее укрѣпленіе этого мѣста.

2. Международная желѣзная дорога и свобода транзита.

Шесть Великихъ Державъ, а равно Сербія и Албанія примутъ своими капиталами участіе въ учрежденіи международ-

наго общества для постройки и эксплоатацiи вышеуказанной желѣзной дороги, на которую Албанское Правительство выдастъ концессiю. Сказанныя Государства будутъ, въ силу помянутаго участiя, имѣть право вмѣшательства въ управленiе этимъ предпрiятiемъ.

Подписавшiяся Великiя Державы гарантируютъ всѣмъ Государствамъ свободное пользованiе сказанной желѣзной дорогой и портомъ одинаковымъ образомъ, на равныхъ условiяхъ и во всякое время.

3. Контроль надъ желѣзной дорогой и охрана ея.

Международный контроль будетъ въ рукахъ комиссiи изъ представителей шести Великихъ Державъ, Сербiи и Албанiи и будетъ устроенъ по образу контроля, предусмотрѣннаго ст. VIII Суэцкой конвенцiи 1888 года, съ измѣненiями, которыя бы потребовались вслѣдствiе разницы въ положенiи. Охрана желѣзной дороги будетъ поручена жандармерiи, милицiи или какому-либо иному государственному албанскому установленiю подъ европейскимъ контролемъ шести Великихъ Державъ.

4. Транзитъ военныхъ припасовъ.

Свобода транзита военныхъ припасовъ не вызываетъ возраженiй въ принципѣ, но за воюющими Государствами признаются права осмотра и призовое по отношенiю ко всѣмъ торговымъ судамъ, до входа ихъ въ портъ, обслуживаемый международной желѣзной дорогой.

(Подп.) *Графъ Бенкендорфъ.*

126.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Посланнику въ Софiи.

С.-Петербургъ, 18 ноября 1912 года.

(Телеграмма).

По порученiю своего Правительства, Греческiй Повѣренный въ Дѣлахъ просилъ нашего содѣйствiя для убѣжденiя Болгарiи въ необходимости вступить на почву откровенныхъ объясненiй въ цѣляхъ полюбовнаго размежеванiя и тѣмъ са-

мымъ положить конецъ неопредѣленному положенію, грозящему опасными осложненіями. Благоволите передать Болгарскому Правительству, что мы дружески обращаемъ его вниманіе на желательность возможно скорѣе покончить съ этими недоразумѣніями, столь опасными для всѣхъ союзниковъ.

(Подп.) *Сазоновъ.*

127.

Посланникъ въ Софіи.

19 ноября 1912 г.

(Телеграмма).

Ссылаюсь на Вашу телеграмму 18 ноября.

Между притязаніями грековъ и болгаръ разница настолько огромная, что именно поэтому болгары тщательно избѣгаютъ вступать съ Греціей въ откровенныя объясненія о будущемъ размежеваніи Македоніи и дѣлаютъ все возможное, дабы отложить этотъ острый споръ до заключенія мирныхъ прелиминарій. Я убѣдился, что болгары не хотятъ и слышать объ уступкѣ грекамъ Солуни, а между тѣмъ греки требуютъ еще уступки Каваллы, Драмы, Сереса, Водены, Флорины и даже Битоли со всею Пелагонійскою равниною. Г-нъ Гешовъ сказалъ мнѣ, что ни до войны, ни послѣ, никакихъ разговоровъ о размежеваніи между греками и болгарами не происходило.

(Подп.) *Неклюдовъ.*

128.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Посланнику въ Аѳинахъ.

С.-Петербургъ, 23 ноября 1912 г.

(Телеграмма).

Я указалъ Болгарскому Посланнику на жалобу грековъ, что Болгарія уклоняется отъ переговоровъ о взаимномъ размежеваніи. Г-нъ Бобчевъ отвѣтилъ мнѣ, что болгарамъ извѣстны совершенно непріемлемыя притязанія грековъ, по которымъ нельзя сговориться. Слова Болгарскаго Посланника

совпадаютъ съ вынесеннымъ мною изъ объясненій съ Греческимъ Повѣреннымъ въ Дѣлахъ впечатлѣніемъ, ибо послѣдній утверждалъ права грековъ на Монастырь, Салоники и все побережье Эгейскаго моря до Кавaллы съ Сересомъ и Драмою. Полагаю, однако, вѣроятнымъ, что въ концѣ концовъ грековъ можно было бы склонить къ уступчивости по перечисленнымъ пунктамъ, исключая Салоникъ, которыя могутъ стать камнемъ преткновенія въ согласіи между обоими государствами.

(Подп.) *Сазоновъ.*

129.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Посланнику въ Софіи.

С.-Петербургъ, 25 ноября 1912 г.

(Телеграмма).

Я сказалъ Греческому Повѣренному въ Дѣлахъ, что болгары не рѣшаются вступить въ переговоры съ греками, остерегаясь возможности чрезмѣрныхъ притязаній со стороны послѣднихъ. Греческій Повѣренный въ Дѣлахъ отвѣтилъ, что болгарамъ не слѣдуетъ опасаться слишкомъ большого расхожденія въ этомъ вопросѣ, и что, вслѣдствіе уклончивости Софійскаго Кабинета, создается гораздо болѣе серьезное положеніе. Со своей стороны присоединяемся къ этому взгляду и полагали бы крайне желательнымъ, чтобы между обоими Государствами возможно скорѣе начались переговоры о размежеваніи.

(Подп.) *Сазоновъ.*

130.

Посолъ въ Парижѣ.

2 декабря 1912 г.

(Телеграмма).

По словамъ Г-на Данева, разверстка пріобрѣтенныхъ отъ Турціи территорій между союзниками произойдетъ лишь послѣ заключенія мира. На мой вопросъ, предвидятся ли по этому поводу затрудненія, г-нъ Даневъ отвѣтилъ, что Болгарія ни

въ какомъ случаѣ и ни за какую цѣну не откажется отъ Салоникъ, и попросилъ меня довести до Вашего свѣдѣнія, что это для Болгаріи вопросъ жизни или смерти и что Болгарское Правительство не можетъ согласиться подвергнуть его арбитражу. По отношенію къ Сербіи г-нъ Даневъ сказалъ мнѣ, что онъ лишь въ Парижѣ освѣдомился о намѣреніи Сербіи искать компенсацій путемъ расширенія границъ, установленныхъ Болгаро-Сербскимъ соглашеніемъ. Это, по мнѣнію г-на Данева, совсѣмъ не возможно, и Болгарія ни въ какомъ случаѣ не согласится на уступку Сербіи городовъ Охриды, Монастыря и Прилепа, которые, по ея мнѣнію, являются исконными Болгарскими землями.

Въ пользу Румыніи, Болгарія согласна на небольшое исправленіе границы, но безъ уступки Силистріи, какъ и на учрежденіе Епископской каѳедры для куцо-влаховъ.

Въ общемъ, по словамъ г-на Данева, Болгарія считаетъ, что разверстка территоріи должна быть соразмѣрна съ понесенными каждымъ изъ союзниковъ жертвами людьми и деньгами.

(Подп.) *Извольскій.*

131.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Посланнику въ Бѣлградѣ.

С.-Петербургъ, 3 декабря 1912 г.

(Телеграмма).

Въ бесѣдѣ съ нашимъ Посломъ въ Парижѣ, г-нъ Новаковичъ сказалъ, что, въ случаѣ отказа отъ пріобрѣтенія въ суверенное обладаніе Адріатическаго порта, Сербія принуждена будетъ искать компенсацій за предѣлами границы, установленной болгаро-сербскимъ договоромъ. Съ другой стороны, послѣднія свѣдѣнія свидѣтельствуютъ о значительной перемѣнѣ тона турецкихъ уполномоченныхъ, указывающей на опасность несговорчивости съ ихъ стороны.

На нашъ взглядъ жизненные интересы Сербіи и всѣхъ союзниковъ требуютъ скорѣйшаго заключенія мира съ Турціей.

Одинаково важно сохраненіе полнаго единогласія Сербіи съ Болгаріей; возможность нарушенія съ такимъ трудомъ достиг-

нутаго между обоими государствами разграниченія не можетъ встрѣтить съ нашей стороны ни сочувствія, ни поддержки.

Возобновленіе розни между Сербіей и Болгаріей подвергло бы риску всѣ достигнутые ими сообща результаты и было бы использовано ихъ врагами. Пусть въ Бѣлградѣ отдадутъ себѣ отчетъ въ томъ, что, если мы совѣтуемъ Сербіи выказать уступчивость въ вопросѣ о портѣ, то нами руководитъ при этомъ не равнодушіе къ интересамъ Сербіи, а глубокое убѣжденіе въ томъ, что это соотвѣтствуетъ настоятельной необходимости.

При этой постановкѣ вопроса, которую мы ставимъ своей задачей отстаивать въ Лондонѣ, мы увѣрены, что Сербія выйдетъ изъ войны со всѣми данными для укрѣпленія полной независимости и силы.

Мы полагаемъ въ интересахъ союзниковъ вообще не поднимать вопросовъ о взаимномъ размежеваніи, пока не рѣшенъ главный вопросъ въ связи съ переговорами въ Лондонѣ.

(Подп.) *Сазоновъ.*

132.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Посланнику въ Софіи.

С.-Петербургъ, 8 декабря 1912 г.

(Телеграмма).

Прошу Васъ передать Болгарскому Правительству, что мы оказываемъ самое серьезное давленіе на Порту, дабы она уступила въ вопросѣ Адріанополя, Скутари и Янины и пошла на миръ на условіи проведенія пограничной черты южнѣе Адріанополя. Мы надѣемся, что Болгарское Правительство сумѣетъ оцѣнить значеніе оказываемой нами столь серьезной поддержки его интересамъ и съ своей стороны выкажетъ должную уступчивость по отношенію къ своимъ союзникамъ, такъ и къ Румыніи. Въ частности мы надѣемся, что вопросъ о Салоникахъ не поведетъ къ конфликту Болгаріи съ Греціей. Укажите при этомъ на то, что за послѣднее время мы не всегда встрѣчали со стороны Болгарскаго Правительства то открытое и довѣрчивое отношеніе, которое мы привыкли встрѣчать въ Софіи. Сами болгары не изъ словъ, а изъ дѣлъ могли достаточно убѣ-

диться въ томъ, какъ вся наша политика до сихъ поръ исходила изъ сознанія солидарности интересовъ Россіи и Славянства. Если самолюбію Софійскаго Кабинета можетъ льстить неискреннее заигрываніе мнимыхъ его друзей, надѣющихся поссорить болгаръ съ нами, то Россія не можетъ строить отношеніе свое къ славянамъ на такихъ пріемахъ. Наше особое положеніе создаетъ неблагодарную для насъ обязанность напоминать каждому изъ балканскихъ государствъ о необходимости взаимной уступчивости. Всѣ эти соображенія даютъ намъ право надѣяться, что въ этомъ вопросѣ голосъ Россіи будетъ пользоваться подобающимъ ему вниманіемъ, тѣмъ болѣе, что наша единственная цѣль — способствовать всѣмъ балканскимъ государствамъ въ достиженіи наибольшихъ выгодъ, ограниченномъ лишь необходимостью считаться съ законными взаимными интересами.

(Подп.) *Сазоновъ.*

133.

Посланникъ въ Софіи.

27 января 1913 г.

(Донесеніе).

По приглашенію г-на Гешова, 24 января изъ Бѣлграда прибылъ сюда г-нъ Венизелосъ. Онъ имѣлъ разговоры съ членами Кабинета и былъ затѣмъ принятъ въ продолжительной аудіенціи Королемъ Фердинандомъ. Въ бесѣдѣ со мною г-нъ Венизелосъ завѣрилъ меня въ полной солидарности союзниковъ, которые въ настоящую минуту заняты исключительно скорымъ и успѣшнымъ завершеніемъ военныхъ дѣйствій, дабы привести Турцію къ сознанію необходимости уступить. Затрудненія между болгарами и греками возникнутъ лишь по заключеніи мира и, разумѣется, на почвѣ размежеванія. Мой собесѣдникъ весьма откровенно заявилъ мнѣ, что, по его мнѣнію, греки должны уступить Болгаріи Каваллу, Драму, Сересъ, Кукушъ и, разумѣется, Битолію; но они не могутъ отказаться отъ Салоникъ, Халкидики (за исключеніемъ Аѳона), Енидже-Вардара, Верріи, Водены и Флорины.

(Подп.) *Неклюдовъ.*

134.

Посланникъ въ Софіи.

23 февраля 1913 г.

(Телеграмма).

Сербское Правительство адресовало оффиціальное письмо Болгарскому Правительству съ предложеніемъ предоставить Сербіи всѣ мѣстности Македоніи, занятыя въ настоящую минуту сербскими войсками. Г-нъ Пашичъ основываетъ это домогательство на томъ, что военная конвенція измѣнена была въ смыслѣ большей помощи болгарамъ со стороны сербовъ. Болгарское Правительство отвѣтитъ на эту просьбу отрицательно, настаивая на минимальной границѣ, предусмотрѣнной договоромъ 29 февраля прошлаго (1912) года. Основаніе, приводимое сербами, болгаре также безусловно отрицаютъ, ибо, по ихъ словамъ, прошлогодняя военная конвенція была видоизмѣнена передъ войною—съ полнаго и ничѣмъ не обусловленнаго согласія Сербскаго Правительства,—письменными статьями, которыя были подписаны уполномоченными на это генералами.

(Подп.) *Неклюдовъ.*

135.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Посланнику въ Бѣлградѣ.

С.-Петербургъ, 25 февраля 1913 г.

(Телеграмма).

Ссылаюсь на телеграмму Посланника въ Софіи 23 февраля.

Не можемъ не пожалѣть о томъ, что, не дожидаясь заключенія мира, Сербское Правительство возбудило вопросъ, постановкѣ коего отнюдь не можемъ сочувствовать, ибо онъ противорѣчитъ принятымъ на себя Сербскимъ Правительствомъ обязательствамъ.

(Подп.) *Сазоновъ.*

136.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Посланнику въ Софіи.

С.-Петербургъ, 25 февраля 1913 г.

(Телеграмма).

Въ бесѣдѣ съ нашимъ Посланникомъ въ Аѳинахъ Греческій Министръ Иностранныхъ Дѣлъ жаловался, что Болгарія пытается возможно распространить свою оккупацію и направляетъ войска въ районы, занятые греками вокругъ Салоникъ. Учащаются кровавыя стычки между греками и болгарами. Освободившіеся въ Эпирѣ, со взятіемъ Янины, греческіе отряды предполагается немедленно вернуть въ Салоники; обладаніе этимъ городомъ Греція рѣшила отстоять всѣми силами.

По свѣдѣніямъ нашего телеграфнаго агентства, болгары во вторникъ вечеромъ атаковали Нигриту съ значительными силами. Сраженіе продолжалось въ четвергъ и пятницу, при чемъ обѣ стороны понесли тяжелыя потери; греки посылаютъ подкрѣпленія изъ Салоникъ.

Благоволите сдѣлать энергичныя представленія Болгарскому Правительству о необходимости немедленно прекратить это междоусобіе.

(Подп.) *Сазоновъ.*

137.

Посланникъ въ Аѳинахъ.

23 марта 1913 г.

(Телеграмма).

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ сказалъ мнѣ, что вооруженное столкновеніе съ Болгаріей неизбѣжно, тѣмъ болѣе, что болгаре, повидимому, рѣшительно намѣреваются завладѣть Салониками и что чѣмъ раньше произойдетъ столкновеніе,—тѣмъ лучше, ибо для Греціи предпочтительно потерять Салоники на полѣ сраженія. Я указалъ Министру на несостоятельность такой точки зрѣнія, прибавляя, что мнѣ едва-ли представляется возможнымъ, чтобы болгаре, до заключенія мира съ Турціей, рѣшились на такія крайнія дѣйствія.

(Подп.) *Демидовъ.*

138.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Посланнику въ Аѳинахъ.

С.-Петербургъ, 24 марта 1913 г.

(Телеграмма).

Прошу Васъ дать Греческому Правительству настоятельный совѣтъ не предпринимать выступленій противъ Болгаріи, способныхъ возстановить противъ Греціи общественное мнѣніе въ Россіи и Европѣ.

Такія выступленія тѣмъ менѣе обоснованы, что послѣ предложенія, сдѣланнаго самимъ Г-номъ Венизелосомъ поручить смѣшанной греко-болгарской комиссіи провести размежеваніе между областями оккупаціи обѣихъ армій, Греція медлитъ назначеніемъ делегата.

Благоволите оказать возможно болѣе энергическое воздѣйствіе на Греческое Правительство, чтобы предотвратить грозящую опасность столкновенія между союзниками.

(Подп.) *Сазоновъ.*

139.

Посланникъ въ Аѳинахъ.

26 марта 1913 г.

(Телеграмма).

Ссылаюсь на Вашу телеграмму 24 марта. Министръ Президентъ далъ мнѣ категорическое завѣреніе, что имъ приложены будутъ всѣ усилія къ обоюдному примиренію и къ безотлагательному началу работъ Комиссіи. Греческимъ отрядамъ даны строгія приказанія не продвигаться далѣе впередъ. Г-нъ Венизелосъ вполнѣ основательно находитъ нужнымъ, чтобы и Болгарское Правительство опредѣленно объявило, на какую пограничную линію оно претендуетъ къ сѣверу отъ Салоникъ. Министръ считаетъ необходимымъ, какъ въ цѣляхъ оборонительныхъ, такъ и экономическихъ, чтобы Салоникамъ былъ обезпеченъ извѣстный гинтерландъ.

(Подп.) *Демидовъ.*

140.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Посланникамъ въ Бѣлградѣ и Аѳинахъ.

С.-Петербургъ, 4 апрѣля 1913 г.

(Телеграмма).

По порученію Софійскаго Кабинета, здѣшній Болгарскій Посланникъ обратилъ наше вниманіе на опасныя теченія, угрожающія прочности Балканскаго Союза. Такъ, недавно Сербскій Министръ Финансовъ указалъ на необходимость дополнительныхъ кредитовъ на военныя нужды по заключеніи мира до окончательнаго размежеванія новыхъ территорій между союзниками. Сербскія и греческія войска усиливаются въ направленіи къ расположенію болгарскихъ войскъ. Съ другой стороны, между Сербіей и Греціей происходятъ, повидимому, особые переговоры и настойчиво распространяется слухъ о союзѣ между этими двумя Державами.

Благоволите представить Министру Иностранныхъ Дѣлъ, насколько опасны и прискорбны всѣ мѣры, клонящіяся къ подорванію Балканскаго союза.

(Подп.) *Сазоновъ*.

141.

Посланникъ въ Софіи.

6 апрѣля 1913 г.

(Телеграмма).

Вражда между болгарами съ одной стороны и греками и сербами съ другой принимаетъ угрожающіе размѣры. Сербы укрѣпляются въ Битоліи и стягиваютъ войска къ Велесу. Греки посылаютъ подкрѣпленія къ Нигритѣ и въ иныя мѣста. Болгарскія газеты, особенно оппозиціонныя, полны обвиненій и нападокъ на союзниковъ; въ публикѣ открыто говорятъ о неминуемомъ столкновеніи и высказываютъ увѣренность, что болгаре въ нѣсколько дней сметутъ союзниковъ и займутъ Салоники и южную Македонію. Болгарская Главная Квартира принимаетъ всѣ мѣры на случай братоубійственной войны.

Настроеніе здѣсь въ общемъ таково, что столкновеніе можетъ произойти немедленно вслѣдъ за подписаніемъ прелиминарій

мира съ Турціей, при чемъ нападеніе послѣдуетъ, вѣроятно, со стороны болгаръ. Необходимы, слѣдовательно, мѣры, весьма спѣшныя. Г-нъ Гешовъ, котораго я неоднократно предупреждалъ все это время объ опасностяхъ подобнаго положенія вещей, повидимому, безсиленъ направлять событія и повторяетъ, что подастъ въ отставку, если бы дѣло дошло дѣйствительно до вооруженнаго столкновенія съ союзниками.

(Подп.) *Неклюдовъ.*

142.

Посланникъ въ Аѳинахъ.

6 апрѣля 1913 г.

(Телеграмма).

Я объяснился по содержанію Вашей телеграммы 4 апрѣля съ Г-омъ Венизелосомъ. Онъ завѣрилъ меня, что никакого сепаратнаго соглашенія между Греціей и Сербіей не существуетъ. Первый Министръ не скрылъ, однако, отъ меня, что, хотя онъ не склоняется къ подобной мѣрѣ, таковая можетъ быть вызвана силою обстоятельствъ, если болгаре не прекратятъ своего вызывающаго образа дѣйствій. Словомъ, отъ болгаръ зависитъ, по утвержденію Министра, чтобы греко-сербская дружба не была поставлена въ необходимость совмѣстнаго активнаго выступленія. Г-нъ Венизелосъ въ высшей степени сочувственно относится къ мысли о личной встрѣчѣ и совѣщаніи въ какой-либо изъ балканскихъ столицъ четырехъ Премьеровъ, чѣмъ, по его мнѣнію, упразднилось бы много лишней переписки и создался бы полезный для общаго согласія концертъ. Онъ просилъ меня ходатайствовать передъ Императорскимъ Правительствомъ о предложеніи и поддержкѣ этого проекта въ Софіи и Бѣлградѣ.

(Подп.) *Демидовъ.*

143.

Посланникъ въ Бѣлградѣ.

7 апрѣля 1913 г.

(Телеграмма).

Получилъ Вашу телеграмму 4 апрѣля. Г-нъ Пашичъ категорически опровергаетъ всѣ слухи о Сербо-Греческомъ сепарат-

номъ соглашеніи, и у меня нѣтъ основаній ему не довѣрять. Однако, я долженъ замѣтить, что таковое соглашеніе между двумя союзниками, не имѣющими поводовъ къ пререканіямъ, далеко не невозможно въ будущемъ; сами болгары своимъ недружелюбіемъ и къ грекамъ и къ сербамъ толкаютъ ихъ къ объединенію.

(Подп.) *Гартвигъ.*

144.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Посланникамъ въ Аѳинахъ, Бѣлградѣ и Софіи.

С.-Петербургъ, 9 апрѣля 1913 г.

(Телеграмма).

Ссылаюсь на телеграмму Посланника въ Аѳинахъ 6 апрѣля. Благоволите заявить Министру Иностранныхъ Дѣлъ, что, по нашему мнѣнію, встрѣча Балканскихъ Премьеровъ могла бы въ большой мѣрѣ способствовать улаженію разногласій, возникшихъ между союзниками.

(Подп.) *Сазоновъ.*

145.

Посланникъ въ Букарестѣ.

9 апрѣля 1913 г.

(Телеграмма).

Здѣсь съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдятъ за пререканіями между союзниками, становясь всецѣло на сторону сербскихъ и греческихъ вожделѣній. Въ случаѣ вооруженнаго столкновенія между Болгаріей и Сербіей, Румынія на этотъ разъ не останется нейтральною и, несомнѣнно, воспользуется обстоятельствами для болѣе широкаго удовлетворенія своихъ домогательствъ.

(Подп.) *Шебеко.*

146.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Посланнику въ Софіи.

С.-Петербургъ, 9 апрѣля 1913 г.

(Телеграмма).

Ваша телеграмма 6 апрѣля получена. Полагаемъ полезнымъ сосредоточить наши усилія на томъ, чтобы убѣдить союзниковъ договориться между собою, чему бы способствовало личное свиданіе Премьеровъ.

Расчитываемъ на испытанную опытность и умѣренность Г-на Венизелоса и Г-на Пашича, которые могутъ оказать благотворное вліяніе на разрѣшеніе кризиса, если необходимая уступчивость будетъ проявлена и со стороны болгаръ.

(Подп.) *Сазоновъ.*

147.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Посланникамъ въ Аѳинахъ и Бѣлградѣ.

С.-Петербургъ, 9 апрѣля 1913 г.

(Телеграмма).

Освѣдомитесь объ отношеніи Правительства, при коемъ Вы аккредитованы, къ вопросу объ одновременной демобилизаціи войскъ союзниковъ въ моментъ установленія прелиминарій мира. Таковая мѣра, по нашему мнѣнію, была бы полезна въ цѣляхъ общаго успокоенія и въ интересахъ самихъ союзниковъ. Въ случаѣ сочувственнаго отношенія Правительства къ этому предложенію сдѣлаемъ въ Бѣлградѣ / Аѳинахъ и Софіи однородные шаги.

(Подп.) *Сазоновъ.*

148.

Посланникъ въ Аѳинахъ.

11 апрѣля 1913 г.

(Телеграмма).

Получилъ Вашу телеграмму 9 апрѣля.

Сознавая пользу встрѣчи Балканскихъ Премьеровъ, Министръ Иностранныхъ Дѣлъ преподаетъ инструкціи Греческимъ Представителямъ въ Софіи, Бѣлградѣ и Цетинье въ соотвѣтственномъ направленіи. Онъ душевно признателенъ Императорскому Правительству за его неустанныя примирительныя усилія.

(Подп.) *Демидовъ.*

149.

Посланникъ въ Бѣлградѣ.

11 апрѣля 1913 г.

(Телеграмма).

Получилъ Вашу телеграмму 9 апрѣля.

Проектъ объ одновременной демобилизаціи войскъ союзниковъ въ моментъ установленія прелиминарныхъ условій мира встрѣтилъ полное сочувствіе со стороны Г-на Пашича. Онъ обѣщалъ тотчасъ же подвергнуть обсужденію этотъ вопросъ въ Совѣтѣ Министровъ.

Нынѣ Г-нъ Пашичъ сообщаетъ, что, при условіи приступленія къ проекту Болгаріи и Греціи, Сербія охотно начнетъ съ указаннаго момента демобилизацію, сведя численность своей арміи отъ 80 до 100 тысячъ человѣкъ.

Въ виду тревожнаго положенія на албанской границѣ, большее сокращеніе арміи представляется Г-ну Пашичу опаснымъ.

(Подп.) *Гартвигъ.*

150.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Посланнику въ Софіи. Сообщается въ Аѳины.

С.-Петербургъ, 12 апрѣля 1913 г.

(Телеграмма).

Всѣ наши усилія должны быть направлены къ тому, чтобы изыскать способъ улаженія разногласія.

Лучшимъ изъ такихъ способовъ было бы личное свиданіе Г-на Гешова съ Г-номъ Венизелосомъ.—Нежеланіе болгаръ приступить къ дѣловымъ переговорамъ является результатомъ той же тактики, которая только благодаря нашимъ стараніямъ не привела ихъ въ критическую минуту къ войнѣ съ Румыніей.

Теперь та же уклончивость обостряетъ съ каждымъ днемъ отношенія Болгаріи съ Греціей.

Свиданіе Г-на Гешона съ Г-номъ Венизелосомъ не стоитъ по нашему мнѣнію въ противорѣчіи со встрѣчею Премьеровъ трехъ Балканскихъ Государствъ.

(Подп.) *Сазоновъ.*

151.

Посланникъ въ Софіи.

13 апрѣля 1913 г.

(Телеграмма).

Ссылаюсь на Вашу телеграмму 9 апрѣля.

За послѣдніе дни я самымъ настойчивымъ образомъ преподалъ болгарамъ Ваши совѣты. Мысль о встрѣчѣ трехъ Премьеровъ не находитъ здѣсь никакого сочувствія. Г-нъ Гешовъ отвѣчаетъ на мои увѣщанія, что недоумѣваетъ, на какихъ основаніяхъ ему придется разговаривать съ Г-номъ Пашичемъ, если сербы отказываются отъ исполненія безспорныхъ условій союзнаго акта. Другіе Министры и Г-нъ Даневъ еще менѣе увѣрены въ своихъ отзывахъ. Тѣмъ временемъ здѣсь возбужденіе противъ сербовъ все растетъ и проникаетъ уже въ народъ.

(Подп.) *Неклюдовъ.*

152.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Посланнику въ Софіи.

С.-Петербургъ, 13 апрѣля 1913 г.

(Телеграмма).

По порученію своего Правительства, Греческій Посланникъ въ Петербургѣ сообщилъ, что Грецiя имѣетъ основаніе опасаться нападенія болгаръ на Солунь, и что Греческое Правительство, рѣшивъ не уступать Солуни безъ боя, принимаетъ мѣры къ его защитѣ.

Обратите вниманіе Болгарскаго Правительства на опасность этихъ взаимныхъ подозрѣній, которыя лучше всего могутъ быть устранены личнымъ свиданіемъ и непосредственными объясненіями Балканскихъ Премьеровъ.

(Подп.) *Сазоновъ.*

153.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Посланнику въ Софіи.

С.-Петербургъ, 15 апрѣля 1913 г.

(Телеграмма).

Отказъ болгаръ отъ непосредственныхъ объясненій со своими союзниками и личныхъ свиданій Премьеровъ не можетъ быть истолкованъ къ выгодѣ Болгаріи, ибо союзники въ правѣ упрекнуть ее въ систематическомъ уклоненіи отъ переговоровъ.

Въ объясненіяхъ съ нами сербы не отрицаютъ обязательности стоять на почвѣ договора, но вопросъ сводится къ толкованію этого договора, который, по ихъ словамъ, долженъ быть разсмотрѣнъ не только въ части, касающейся размежеванія, но и въ полномъ объемѣ, т.-е. и взаимныхъ обязательствъ обѣихъ сторонъ и того, въ какой мѣрѣ они были исполнены.

Имѣя въ виду настаивать передъ сербами на необходимости соблюденія принятыхъ ими на себя договорныхъ условій, мы однако не можемъ не обратить вниманія болгаръ на долю справедливости въ сербской аргументаціи. Сами болгары признаютъ повидимому это, ибо хотѣли сербамъ уплатить деньгами за

помощь, оказанную при осадѣ Адріанополя. Мы полагаемъ поэтому, что, сохраняя договорное размежеваніе какъ основную базу, болгарамъ слѣдуетъ считаться съ необходимостью внести нѣкоторый коррективъ. Разумная уступчивость съ ихъ стороны, не исключая принципіальной обязательности договора, поможетъ настоятельной задачѣ сохраненія крѣпости союза. Въ виду этихъ соображеній, личное свиданіе Премьеровъ представляется намъ весьма желательнымъ.

Благоволите объясниться въ этомъ смыслѣ съ Правительствомъ, при коемъ Вы аккредитованы.

(Подп.) *Сазоновъ.*

154.

Посланникъ въ Софіи.

15 апрѣля 1913 г.

(Телеграмма).

Вчера Г-нъ Гешовъ сказалъ мнѣ, что онъ поручилъ Болгарскому Посланнику въ Петербургѣ обратиться къ Вамъ съ убѣдительной просьбою высказаться окончательно по предмету о сербо-болгарскомъ размежеваніи и поддержать въ Бѣлградѣ нравственнымъ авторитетомъ Россіи права Болгаріи на часть Македоніи, расположенную на юго-востокъ отъ извѣстной Вамъ границы. Г-нъ Гешовъ добавилъ, что въ случаѣ неблагопріятнаго съ нашей стороны отвѣта, онъ и его друзья твердо рѣшили покинуть власть.

(Подп.) *Неклюдовъ.*

155.

Посланникъ въ Софіи.

15 апрѣля 1913 г.

(Донесеніе).

Имѣю честь увѣдомить Ваше Высокопревосходительство, что, въ подкрѣпленіе моихъ энергичныхъ и неоднократныхъ убѣжденій, я въ прошлую пятницу передалъ Предсѣдателю Совѣта Министровъ нижеслѣдующую письменную нотису подъ видомъ свода изъ полученныхъ мною отъ Васъ инструкцій.

„Императорское Правительство крайне озабочено доходящими до него отовсюду свѣдѣніями о чрезмѣрномъ обостреніи вопроса о размежеваніи между Болгаріей, Греціей и Сербіей. Оно не хотѣло бы допускать самой мысли о возможности братоубійственнаго столкновенія между нынѣшними союзниками. Напротивъ того, у насъ не теряютъ надежды на то, что эти государства останутся въ тѣсной связи другъ съ другомъ, что представляло бы для нихъ единственную гарантію независимаго и полнаго развитія и самосохраненія ихъ интересовъ, какъ политическихъ, такъ и экономическихъ отъ вражескаго натиска и отъ умаленія. Преподавая одновременно съ симъ самые настоятельные совѣты успокоенія въ Аѳинахъ и Бѣлградѣ, Императорское Правительство обращаетъ серьезное вниманіе Болгарскаго Правительства на неисчислимыя и бѣдственныя послѣдствія, къ которымъ могло бы привести Болгарію столкновеніе съ ея нынѣшними союзниками: Румынія можетъ снова поддаться искушенію новыхъ домогательствъ, и въ Букарестѣ въ такомъ случаѣ не исключено торжество самыхъ крайнихъ рѣшеній. Въ самой Турціи можетъ восторжествовать мысль о возобновленіи войны. Россія до сихъ поръ все сдѣлала для локализаціи событій и для огражденія Болгаріи отъ нападенія съ тыла. Но, въ случаѣ братоубійственнаго столкновенія болгаръ съ греками и сербами, само общественное мнѣніе наше отвернется отъ Болгаріи, и Императорскому Правительству останется лишь быть съ болью въ сердцѣ безучастнымъ зрителемъ гибели болгарскаго дѣла и ограничиться исключительно охраненіемъ русскихъ интересовъ. Болгаре отнюдь не должны упускать изъ виду и того обстоятельства, что въ случаѣ вооруженнаго столкновенія съ сербами рушится тѣмъ самымъ и весь договоръ 1912 года, на которомъ основаны болгарскія права по размежеванію въ Македоніи. Наконецъ, столкновеніе между союзниками несомнѣнно въ корнѣ повредило бы ихъ денежнымъ домогательствамъ предъ Великими Державами и закрыло бы для враждующихъ всякую возможность займа. Въ виду этихъ весьма реальныхъ опасностей, мы ожидаемъ, что Г-нъ Гешовъ усугубитъ усилія для мирнаго улаженія существующаго обостренія. Прежде всего необходимо наложить хотя какую-либо узду на печать, разжигающую вражду между союзниками; далѣе намъ казалось бы весьма важнымъ и полезнымъ, чтобы въ возможно скорѣйшемъ времени состоялось свиданіе между Г-омъ Гешовымъ и Г-омъ Венизелосомъ и между Г-онъ Гешовымъ и Г-омъ Пашичемъ. Мы этому придаемъ особенную

цѣну и просимъ Г-на Гешова отнестись къ нашей мысли съ доброжелательнымъ вниманіемъ и дать возможно скорѣйшій по сему предмету отвѣтъ“.

Это сообщеніе вызвало обращеніе Г-на Гешова къ Вамъ, чрезъ посредство Болгарскаго Посланника въ Петербургѣ, о каковомъ обращеніи я имѣлъ честь донести Вамъ въ телеграммѣ моей отъ сегодняшняго числа.

(Подп.) *Неклюдовъ.*

156.

Посланникъ въ Аѳинахъ.

13 апрѣля 1913 г.

(Телеграмма).

По порученію своего Правительства Болгарскій Посланникъ въ Аѳинахъ вручилъ Греческому Правительству оффиціальный протестъ противъ сосредоточенія греческихъ отрядовъ въ мѣстностяхъ, считаемыхъ спорными, какъ Гюмендже, Нигрита и Чай-Ази, при чемъ онъ оффиціально же заявилъ, что Болгарія не будетъ нападать на Грецію. Вчера вечеромъ Греческимъ Правительствомъ отправленъ въ Софію отвѣтъ, что названное сосредоточеніе войскъ вызвано было движеніемъ болгарскихъ войскъ изъ Пришты на Пангейонъ-Кушницу, точно также спорныя мѣстности. Греческое Правительство заявило при этомъ объ отсутствіи у него какихъ-либо агрессивныхъ намѣреній противъ Болгаріи. Такимъ образомъ состоялся обмѣнъ успокоительныхъ завѣреній. При первомъ свиданіи съ Г-омъ Венизелосомъ снова обращу его вниманіе на необходимость пріостановить усиленіе войскъ въ спорныхъ мѣстностяхъ, истолковываемое болгарами какъ угроза.

(Подп.) *Демидовъ.*

157.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Посланнику въ Аѳинахъ.

С.-Петербургъ, 16 апрѣля 1913 г.

(Телеграмма).

Ссылаюсь на Вашу телеграмму 15 апрѣля. По порученію своего Правительства здѣшній Болгарскій Посланникъ, указы-

вая на сосредоточеніе греками 7 дивизій въ Солуни, просилъ нашего воздѣйствія на Греческое Правительство въ видахъ прекращенія усиленія тамъ войскъ.

Болгарское Правительство проситъ насъ вмѣстѣ съ тѣмъ поручиться передъ Греціей въ отсутствіи у него всякихъ агрессивныхъ видовъ.

Поручаемъ Вамъ объясниться въ этомъ смыслѣ съ Правительствомъ, при коемъ Вы аккредитованы.

(Подп.) *Сазоновъ.*

158.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Посланникамъ въ Софіи и Бѣлградѣ.

С.-Петербургъ, 17 апрѣля 1913 г.

(Телеграмма).

Обостряющіяся съ каждымъ днемъ отношенія между Болгаріей и Сербіей внушаютъ намъ самыя серьезныя опасенія.

Россія, приложившая всѣ усилія къ примиренію Болгаріи и Сербіи, съ радостью слѣдившая за ихъ успѣхами, которые, она надѣялась, должны были послужить лишь къ болѣе тѣсному сплоченію Балканскаго союза, присутствуетъ съ болью въ сердцѣ при перемѣнѣ между ними отношеній, грозящей разгромомъ достигнутыхъ результатовъ руками самихъ союзниковъ, къ явному торжеству ихъ общихъ враговъ, которые доселѣ были безсильны въ стремленіи посѣять раздоръ между ними.

Разногласія, раздѣляющія Сербію и Болгарію, сосредоточиваются въ вопросѣ о томъ, какъ слѣдуетъ толковать договоръ между ними. Обѣ стороны признаютъ, однако, его обязательность.

Въ виду этого, не входя пока въ разборъ вопроса по существу и, съ своей стороны, стремясь сохранить въ немъ самое полное безпристрастіе къ обѣимъ сторонамъ, мы считаемъ долгомъ напомнить объ одномъ постановленіи, которое при всякомъ толкованіи договора не могло утратить силы, а именно, что всякій споръ по поводу толкованія или исполненія какъ договора, такъ и военной конвенціи, повергается на рѣшеніе Россіи, какъ только одна изъ сторонъ заявитъ о невозможности достигнуть соглашенія непосредственными переговорами.

Не дожидаясь обращенія къ намъ одной изъ сторонъ, которое свидѣтельствовало бы о наступленіи крайняго обостренія, Россія ставитъ обоимъ Правительствамъ вопросъ о своевременности подтвердить, что разногласія между ними будутъ рѣшаться способами, предусмотрѣнными договоромъ, а не силою оружія.

Поручаемъ Вамъ объясниться въ этомъ смыслѣ съ Правительствомъ, при коемъ Вы аккредитованы.

(Подп.) *Сазоновъ.*

159.

Посланникъ въ Аѳинахъ.

19 апрѣля 1913 г.

(Телеграмма).

Ссылаюсь на Вашу телеграмму 9 апрѣля.

Со стороны Греческаго Правительства не встрѣчается препятствій къ одновременной демобилизаціи въ моментъ установленія прелиминарій мира. Однако, въ виду увеличенія территоріи, каждый изъ союзниковъ долженъ, по мнѣнію Греческаго Правительства, оставить подъ оружіемъ извѣстное количество солдатъ пропорціонально численности его войскъ. Греція удержала бы 50.000 человѣкъ, Сербія, примѣрно, столько же, Болгарія 70.000.

(Подп.) *Демидовъ.*

160.

Посланникъ въ Софіи.

19 апрѣля 1913 г.

(Телеграмма).

Я объяснился съ Г-омъ Гешовымъ по содержанію Вашей телеграммы 17 апрѣля. Онъ просилъ меня передать Вамъ, что Болгарское Правительство сочувствуетъ предложенію Вашему, чтобы разногласіе между Сербіей и Болгаріей о размежеваніи въ Македоніи рѣшено было способомъ, предусмотрѣннымъ въ Сербо-Болгарскомъ союзномъ договорѣ. Г-нъ Гешовъ поручилъ

одновременно съ симъ Болгарскому Посланнику въ Петербургѣ заявить Вамъ о семъ устно и выразить заранѣе довѣріе Болгаріи къ справедливости и безпристрастію третейскаго рѣшенія Императорскаго Правительства.

(Подп.) *Неклюдовъ.*

161.

Посланникъ въ Бѣлградѣ.

19 апрѣля 1913 г.

(Телеграмма).

Г-нъ Пашичъ категорически заявилъ мнѣ, что Сербія не только не питаетъ затаенныхъ замысловъ противъ Болгаріи, но по-прежнему дорожитъ искренней дружбой съ нею, являющейся залогомъ прочности Балканскаго Союза. Признавать необходимость пересмотра договора, не предвидѣвшаго хода разыгравшихся событій, вовсе не обозначаетъ стремленія нарушить его. Г-нъ Пашичъ указалъ, что при добросовѣстномъ и безпристрастномъ отношеніи къ дѣлу союзники сумѣютъ придти къ примирительному результату, а на случай неудачи имѣется другой выходъ—верховный арбитражъ Россіи. Такъ же, по всѣмъ даннымъ, смотритъ на вопросъ и Греція. Сербія, по словамъ Г-на Пашича, не заключала сепаратнаго соглашенія съ Греціей, но таковое можетъ явиться на свѣтъ, какъ самозащита противъ непріязненныхъ дѣйствій Болгаріи. Г-нъ Пашичъ готовъ въ любое время отправиться въ нейтральный пунктъ для предварительнаго дружескаго совѣщанія съ Премьерами союзныхъ Государствъ.

(Подп.) *Гартвигъ.*

162.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Посланнику въ Бѣлградѣ.

С.-Петербургъ, 21 апрѣля 1913 г.

(Телеграмма).

Въ отвѣтъ на наше обращеніе мы получили вполнѣ опредѣленный отвѣтъ Софійскаго Кабинета, выражающій сочувствіе

разрѣшенію вопроса способомъ, предусмотрѣннымъ въ Болгаро-Сербскомъ договорѣ. Надѣемся на столь же опредѣленный отвѣтъ Сербскаго Правительства.

(Подп.) *Сазоновъ.*

163.

Посланникъ въ Бѣлградѣ.

20 апрѣля 1913 г.

(Телеграмма).

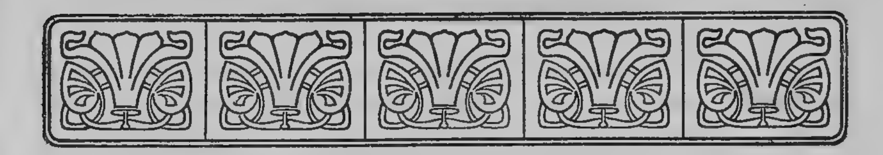
Я объяснился по-содержанію Вашей телеграммы 17 апрѣля съ Г-омъ Пашичемъ.

Сербія, сказалъ онъ, по-прежнему дорожитъ союзомъ съ Болгаріей и вовсе не покушалась разрушить его, а находитъ необходимымъ, въ виду происшедшихъ событій, подвергнуть состоявшійся договоръ дружественному пересмотру. Онъ не теряетъ надежды, что обѣ державы сумѣютъ прійти къ полюбовному соглашенію. Ежели бы, однако, это оказалось неосуществимымъ, Сербское Правительство всегда готово, въ силу договора, представить свои притязанія и толкованія на судъ Императорскаго Правительства.

(Подп.) *Гартвигъ.*

(Продолженіе слѣдуетъ).

Второе, историческое, засѣданіе Государственной Думы [1]).

Вторникъ, 27-го января 1915 г.

Засѣданіе открывается въ 2 ч. 11 м. пополудни подъ предсѣдательствомъ М. В. Родзянко.

Предсѣдатель. Приглашаю г.г. Членовъ Государственной Думы стоя выслушать Высочайшій указъ. *(Всѣ встаютъ).* Прошу его огласить.

Товарищъ Предсѣдателя Государственной Думы С. Т. Варунъ-Секретъ. „Указъ Правительствующему Сенату.

На основаніи статьи 99 Основныхъ Государственныхъ Законовъ и въ соотвѣтствіи съ Указомъ Нашимъ, 24 іюля 1914 г. Правительствующему Сенату даннымъ, Повелѣваемъ: занятія Государственной Думы возобновить 27 января 1915 г.

Правительствующій Сенатъ не оставитъ къ исполненію сего учинить надлежащее распоряженіе.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„НИКОЛАЙ“.

Въ Царскомъ Селѣ.
11 января 1915 г.“

Предсѣдатель. Государю Императору ура! *(Долго несмолкаемые клики:* ура; *голоса:* гимнъ. *Члены Государственной Думы стоя поютъ народный гимнъ; долго несмолкаемые клики:* ура). Предлагаю Государственной Думѣ въ эту тяжелую годину испытанія отечества послать телеграмму Его Императорскому Величеству съ выраженіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ. *(Голоса:* просимъ; *клики:* ура).

---

[1]) Стенографическій отчетъ.

Объявляю засѣданіе Государственной Думы открытымъ. Позвольте доложить, что въ составѣ Государственной Думы произошли нижеслѣдующія измѣненія: вновь избранъ Членъ Государственной Думы отъ Рязанской губ.—Петръ Сосипатровичъ Новиковъ 3; на основаніи ст. 28 Наказа, онъ включенъ, взамѣнъ выбывшаго Мансурова, въ VII отдѣлъ.—Отъ Члена Государственной Думы отъ г. Одессы епископа Анатолія поступило заявленіе объ отказѣ его отъ званія Члена Государственной Думы.—Въ теченіе перерыва между сессіями скончались Члены Государственной Думы: отъ Тамбовской губ.—от. Михаилъ Өедоровичъ Лачиновъ, отъ Тульской губ.—кн. Александръ Петровичъ Урусовъ, отъ Самарской губ.—Василій Семеновичъ Ободовскій, отъ Тверской губ.—Александръ Степановичъ Паскинъ, отъ Оренбургской губ.—Николай Дмитріевичъ Кудрявцевъ, отъ Саратовской губ.—Петръ Сергѣевичъ Иконниковъ-Галицкій и отъ Симбирской губ.—Павелъ Семеновичъ Петровъ 1. Предлагаю Государственной Думѣ отслужить по усопшимъ Членамъ Государственной Думы панихиду и почтить память ихъ вставаніемъ. *(Всѣ встаютъ).* Панихида будетъ отслужена завтра въ 1 ч. дня.

Гг. Члены Государственной Думы. Шесть мѣсяцевъ тому назадъ мы здѣсь благоговѣйно внимали Высочайшему призыву Государя Императора, признавшаго за благо, въ виду ниспосланныхъ Отечеству нашему тяжкихъ испытаній, и желая быть въ полномъ единеніи съ народомъ, созвать въ необычное время Государственную Думу. Чуткимъ сердцемъ своимъ предугадалъ Русскій Царь народныя чувства, и Онъ услышалъ здѣсь откликъ единой дружной русской семьи, которая, забывъ предъ грядущимъ великимъ испытаніемъ всѣ разногласія, грозно встала стальною щетиною штыковъ передъ дерзкимъ врагомъ за Вѣру, Царя и Отечество. И нынѣ, черезъ полгода небывалаго еще кровопролитія, непоколебимо стоитъ передъ врагомъ единая, нераздѣльная, крѣпкая волей и сильная духомъ Россія, и не сломить дерзостному врагу доблести ея сыновъ. *(Бурныя и продолжительныя рукоплесканія и клики:* ура). Шесть мѣсяцевъ нашъ сильный, упорный и коварный противникъ напрягаетъ всю силу энергіи и воли к задолго приготовленныя значительныя боевыя средства для того, чтобы расшатать и сокрушить могучую русскую рать. Но, какъ морскія волны безсильно разбиваются о скалы, такъ и усилія врага разбиваются о могучую грудь русскаго солдата. (*Бурныя рукоплесканія и клики:* ура). Твердымъ, незыблемымъ утесомъ стоитъ наша родная доблест-

ная армія, сильная вѣрой въ правоту своего дѣла, а безстрашный флотъ скромно и безъ шума вершитъ свое великое дѣло защиты родины, соперничая съ арміей въ доблести и отвагѣ. *(Бурныя рукоплесканія)*. Ведомая къ побѣдѣ искуснымъ, стойкимъ и отважнымъ Верховнымъ своимъ Главнокомандующимъ, стяжавшимъ себѣ безграничное народное довѣріе и народную любовь *(бурныя рукоплесканія)*, наша дружная военная семья, отъ генерала до солдата, выноситъ бодро и честно на своихъ могучихъ плечахъ всѣ тяжести войны, поражая міръ подвигами беззавѣтнаго мужества, терпѣнія и выносливости. *(Бурныя рукоплесканія)*. Честь и хвала вамъ, храбрые борцы за родину святую! Вы—наша гордость, вы стоите твердо за наше правое дѣло, и да сопутствуютъ вамъ вездѣ и всегда Божіе благословеніе, народная любовь и побѣда надъ врагомъ. *(Бурныя рукоплесканія)*. Тяжки и велики жертвы войны. Вѣдь нѣтъ семьи на Святой Руси, которая не послала бы въ бой своихъ сыновъ, и не одинъ изъ нихъ уже сложилъ голову во славу своего Отечества. Царская Семья и много русскихъ семей уже оплакиваютъ своихъ погибшихъ отцовъ, сыновъ и братьевъ, но черпаютъ мужество и утѣшеніе въ сознаніи, что кровь ихъ пролилась въ славномъ бою во имя исполненія долга и за честь Родины. *(Бурныя рукоплесканія)*. Почтимте же, гг. Члены Государственной Думы, память погибшихъ героевъ вставаніемъ. *(Всѣ встаютъ)*. Панихида по усопшимъ будетъ отслужена завтра въ 1 ч. дня.

Гг. Члены Государственной Думы. Текущая война не есть послѣдствіе какого-либо спора, разрѣшаемаго обыкновенно силой оружія лишь тогда, когда всякія иныя средства оказываются исчерпанными. Намъ суждено быть свидѣтелями и участниками величайшей міровой борьбы, борьбы двухъ взаимно исключающихъ другъ друга началъ—борьбы идей мира, свободы народовъ и права противъ идей всепоглощающаго милитаризма, безправія и грубаго насилія. (*Рукоплесканія и голоса:* браво). Стремленію къ мирной трудовой жизни и спокойному свободному сожительству народовъ на основахъ взаимнаго уваженія противопоставлена идея крови и желѣза, порабощенія себѣ всего міра, подчиненія его своеобразной германской культурѣ и бронированному кулаку. *(Рукоплесканія)*. Вотъ сущность, господа Члены Государственной Думы, разыгравшейся кровавой распри, вотъ та цѣль, которую поставили себѣ наши противники, когда они коварно разжигали нынѣ бурно запылавшій европейскій костеръ. Россія не хотѣла этой войны и никогда не искала

для нея поводовъ. Эту истину и должно и умѣстно постоянно повторять, дабы въ конецъ и безповоротно разсѣять всѣ взводимые на насъ навѣты. Но, разъ ужъ жребій брошенъ и начата борьба, да вѣдаютъ враги, что не бывать побѣдѣ зла надъ правдой, и нѣтъ тѣхъ жертвъ, которыя были бы намъ страшны и недоступны. (*Бурныя рукоплесканія и голоса:* браво). Съ этой твердой рѣшимостью, съ вѣрой въ себя и въ грядущій успѣхъ переживаетъ Святая Русь спокойно тяжелыя событія.

Мы не одни въ этой борьбѣ: мужественно и неутомимо борются братскія намъ Сербія и Черногорія, являя примѣръ торжества духа надъ грубой силой. (*Члены Государственной Думы встаютъ. Бурныя и продолжительныя рукоплесканія и голоса:* браво). Австро-германскія полчища изгнаны изъ ихъ предѣловъ, и не уступятъ наши братья врагамъ родной земли и отстоятъ свою честь и свободу. (*Бурныя рукоплесканія и голоса:* браво). Привѣтъ вамъ, братья по крови и вѣрѣ, привѣтъ вѣрнымъ и безкорыстнымъ соратникамъ въ дѣлѣ защиты великой славянской идеи. (*Члены Государственной Думы встаютъ. Бурныя и продолжительныя рукоплесканія*).

Безстрашно вступилъ въ борьбу однимъ изъ первыхъ геройскій и доблестный Бельгійскій народъ. (*Члены Государственной Думы встаютъ. Бурныя и продолжительныя рукоплесканія*). Стойко борется онъ, не дрогнувъ передъ неслыханными страданіями и презирая свое матеріальное разореніе. Не склонятъ предъ алчнымъ врагомъ свои гордыя головы его мужественные сыны, ведомые къ неувядаемой славѣ ихъ благороднымъ царственнымъ вождемъ. (*Бурныя и продолжительныя рукоплесканія*). Мы шлемъ привѣтъ героямъ и наше восхищеніе ихъ доблестью. (*Рукоплесканія*).

Съ нами нашъ вѣрный испытанный другъ—великая Франція. (*Члены Государственной Думы стоя привѣтствуютъ бурными и продолжительными рукоплесканіями находящагося въ ложѣ дипломатическаго корпуса Французскаго Посла Мориса Палеолога*). Ставъ снова лицомъ къ лицу съ исконнымъ своимъ врагомъ, она проявляетъ восхищающую всѣхъ величайшую доблесть. Слава ея героямъ, слава старымъ неизмѣннымъ нашимъ друзьямъ! (*Члены Государственной Думы вновь стоя привѣтствуютъ бурными и продолжительными рукоплесканіями находящагося въ ложѣ дипломатическаго корпуса Французскаго Посла Мориса Палеолога*).

Въ этой борьбѣ не могутъ не быть у насъ крѣпкіе и сильные союзники, и благородная могучая Англія всей своей мощью вступилась за правое дѣло. (*Члены Государственной Думы стоя*

привѣтствуютъ бурными и продолжительными рукоплесканіями находящагося въ ложѣ дипломатическаго корпуса Великобританскаго Посла сэра Джорджа Бьюкэнена). Велики ея услуги общему дѣлу, неоцѣнимо ихъ значеніе. Мы вѣримъ ей и восхищаемся ея стойкостью и отвагой! (*Бурныя и продолжительныя рукоплесканія голоса:* браво). Уже много разъ враги Россіи пытались сѣять смуту въ эти добрыя искреннія отношенія, но попытки эти были тщетны. Русская правдолюбивая народная душа, чуткая ко всякому проявленію неправды и неискренности, сумѣла отбросить плевелы отъ пшеницы, и вѣра въ нашихъ добрыхъ друзей ничѣмъ не поколеблена (*рукоплесканія и голоса:* вѣрно, браво), и нѣтъ ни одного облачка на ясномъ небосклонѣ нашего прочнаго союзническаго согласія. (*Члены Государственной Думы стоя привѣтствуютъ бурными и продолжительными рукоплесканіями находящихся въ ложѣ дипломатическаго корпуса Французскаго Посла Мориса Палеолога и Великобританскаго Посла сэра Джоржа Бьюкэнена).* Привѣтъ сердечный вамъ, вѣрные друзья, владыки морей и наши соратники, успѣхъ и слава да сопутствуютъ вамъ всюду!

Отважный стойкій Японскій народъ, нынѣ тоже нашъ другъ и союзникъ, примкнулъ къ великой борьбѣ. (*Члены Государственной Думы стоя привѣтствуютъ бурными и продолжительными рукоплесканіями находящагося въ ложѣ дипломатическаго корпуса совѣтника Японскаго Посольства Тацуке Сичита).* Одушевленный общимъ подъемомъ духа друзей справедливости и въ ихъ рядахъ вступая въ бой, онъ бодро сражается противъ насилія и неправды. (*Продолжительныя рукоплесканія).* И вамъ, далекіе, вѣрные данному слову друзья, мы шлемъ народный привѣтъ и уваженіе. (*Члены Государственной Думы вновь стоя привѣтствуютъ бурными и продолжительными рукоплесканіями находящагося въ ложѣ дипломатическаго корпуса совѣтника Японскаго Посольства Тацуке Сичита).*

Минуло шесть мѣсяцевъ, и съ памятнаго дня 26 іюля ничто не измѣнилось въ насъ; отрадно снова видѣть здѣсь нашу сплоченность и наше единеніе во имя одной высокой цѣли— любви къ Родинѣ и защиты ея отъ вражескихъ посягательствъ. (*Продолжительныя рукоплесканія и голоса:* браво). Мы явимъ вновь неостывающій патріотическій подъемъ народнаго духа и вновь провозглашаемъ здѣсь, что всѣ народности Россіи—одна семья. (*Рукоплесканія и голоса:* вѣрно). Нѣтъ разногласій и раздоровъ между нами, и я въ правѣ утверждать, что единымъ сердцемъ и единой мыслью вся Русь желаетъ пламенно лишь одного—

побѣды надъ врагомъ. (*Рукоплесканія*). И въ это знаменательное время устойчиваго братскаго единенія всѣхъ народностей русской земли нашъ долгъ, избранниковъ народа, свято оберегать это хранилище народной мощи. Нашъ долгъ, господа, освѣщать и раскрывать народныя чаянія, осуществленіе которыхъ, когда минетъ война, навѣкъ спаяетъ нашу великую Русь тѣмъ единствомъ, которымъ теперь она столь сильна и могуча. (*Рукоплесканія и голоса*: браво). Другой нашъ долгъ, народныхъ представителей — забота объ усиленіи нашей военной мощи — мы выполнили въ предѣлахъ времени и нашихъ полномочій. Я смѣло утверждаю здѣсь, что выполняли мы его всегда на почвѣ глубокаго патріотическаго чувства. (*Голоса*: правильно).

Гг. Члены Государственной Думы. Въ разгаръ нынѣшней войны русскій народъ переживаетъ небывалое еще въ міровой исторіи явленіе. Мудрымъ повелѣніемъ своимъ нашъ Вѣнценосный Вождь уврачевалъ злой недугъ своего народа, направилъ жизнь его на свѣтлый путь трезвости. Въ этомъ величайшемъ актѣ нашихъ дней, когда задача исцѣленія народа отъ отуманившаго его душу порока разрѣшена рѣшительно и твердо, вся русская земля съ горячимъ чувствомъ благоговѣйной благодарности обращается къ своему Царю: Прими, Великій Государь, земной поклонъ народа Твоего! (*Бурныя рукоплесканія и голоса*: гимнъ *и клики*: ура. *Члены Государственной Думы стоя поютъ народный гимнъ*). Народъ Твой твердо вѣритъ, что отнынѣ былому горю положенъ навѣки прочный конецъ. Оздоровленный народный духъ усилилъ мощь народнаго самосознанія и яснаго пониманія имъ своей исторической задачи, и въ простотѣ чистой вѣрующей души своей поднялся русскій людъ до величайшаго героизма и самозабвенія. Съ крестомъ на груди и въ сердцѣ, по призыву своего Царя, не дрогнувъ передъ врагомъ, сознательно выполнитъ онъ Царскій завѣтъ и откроетъ Россіи пути къ разрѣшенію завѣщанныхъ ей предками историческихъ задачъ на берегахъ Чернаго моря и устранитъ вѣчную угрозу германскихъ державъ общему миру и спокойствію. (*Рукоплесканія*). Эта страшная война не можетъ и не должна быть окончена иначе, какъ побѣдоносно для насъ (*рукоплесканія и голоса слѣва*: вѣрно, браво) и нашихъ союзниковъ. Мы будемъ биться до тѣхъ поръ, пока враги наши не подчинятся условіямъ и требованіямъ, которыя предпишутъ имъ ихъ побѣдители. (*Рукоплесканія и голоса*: браво). Намъ надоѣло назойливое бряцаніе оружіемъ (*голоса слѣва*: вѣрно), довольно съ насъ угрозъ славянству, довольно тормозовъ его естественному росту. Мы

будемъ биться до конца, пока не завоюемъ прочнаго мира, достойнаго принесенныхъ нашимъ Отечествомъ великихъ жертвъ. (*Рукоплесканія*). Отъ имени избравшихъ насъ мы заявляемъ это здѣсь. Такъ хочетъ вся Россія. (*Бурныя рукоплесканія и голоса*: браво).

И вы, наши храбрые чудо-богатыри, въ холодныхъ окопахъ высоко и гордо несущіе знамя русской государственности, внемлите этому народному порыву! Вамъ трудно, вы окружены лишеніями и испытаніями, но вѣдь вы—русскіе, и нѣтъ для васъ преградъ. (*Бурныя рукоплесканія и голоса*: браво). Мы знаемъ вашъ стойкій непоколебимый духъ, мы знаемъ, что ничто не остановитъ васъ и что съ молитвеннымъ кликомъ: Съ нами Богъ, разумѣйте языци и покоряйтеся,—вы приведете святую родину къ полной рѣшающей побѣдѣ надъ дерзкимъ, самонадѣяннымъ врагомъ. (*Рукоплесканія и голоса*: браво). Наградой вашей будетъ счастье видѣть цѣною вашей крови сіяющее радостью и довольствомъ Отечество, которое на свѣтлыхъ началахъ правды, права и законности и огражденное вами отъ иноземныхъ воздѣйствій, мирнымъ свободнымъ трудомъ и здравымъ русскимъ умомъ достигнетъ неслыханнаго расцвѣта своихъ духовныхъ и экономическихъ силъ на радость своего Царя и долгое свѣтлое счастье грядущихъ поколѣній. (*Рукоплесканія*). Побѣдоносному русскому воинству и его доблестному Вождю еще разъ слава, слава и слава! (*Бурныя и продолжительныя рукоплесканія и клики*: ура).

Я предлагаю Государственной Думѣ послать всепреданнѣйшую привѣтственную телеграмму Его Императорскому Высочеству Верховному Главнокомандующему. (*Голоса*: просимъ). Редакцію телеграммы угодно будетъ поручить Совѣщанію? (*Голоса*: просимъ).

Слово принадлежитъ г. Предсѣдателю Совѣта Министровъ.

Предсѣдатель Совѣта Министровъ Горемыкинъ. Ваше превосходительство. Гг. Члены Государственной Думы. Полгода тому назадъ здѣсь, въ стѣнахъ Таврическаго Дворца, Россіей былъ пережитъ день, который никогда не забудется, день всеобщаго восторженнаго подъема народнаго чувства. Всѣ разстались тогда, готовые къ самымъ тяжелымъ испытаніямъ, одушевленные одною мыслью о родинѣ, одною вѣрою въ побѣду, однимъ кличемъ: „Да здравствуетъ Государь Императоръ".

Прошло полгода, и правительство вновь привѣтствуетъ васъ здѣсь отъ Имени Его Величества (*Члены Государственной Думы встаютъ. Продолжительныя рукоплесканія и клики:* ура) въ

дни, когда все яснѣе и безповоротнѣе опредѣляется далекій еще, но несомнѣнно благопріятный для насъ исходъ великой войны. Тогдашняя глубокая вѣра русскихъ людей въ конечное торжество Россіи теперь уже переходитъ въ увѣренность. (*Рукоплесканія и клики:* ура; *голоса:* браво). Геройская армія наша—цвѣтъ и гордость Россіи—сильна, какъ никогда; боевая мощь ея, несмотря на всѣ потери, растетъ и крѣпнетъ. Вѣчная память, вѣчная благодарность павшимъ на полѣ брани. Но сильнѣе всѣхъ испытаній, сильнѣе смерти духъ нашей мужественной, несокрушимой, великой арміи. *(Рукоплесканія и клики* ура; *голоса:* браво). Подвиги войскъ нашихъ и неоцѣнимыя боевыя заслуги доблестныхъ нашихъ союзниковъ, наравнѣ съ нами прилагающихъ всѣ усилія къ сокрушенію безпощаднаго, но уже ослабѣвающаго врага, съ каждымъ днемъ приближаютъ насъ къ цѣли. Война еще далеко не закончена, но съ самаго начала ея правительство трезво смотрѣло въ глаза грозившей опасности. Оно открыто говорило вамъ и всей Россіи о предстоящихъ жертвахъ и испытаніяхъ. Шесть мѣсяцевъ войны показали, какъ упорна завязавшаяся борьба, какъ безмѣрно напряженіе силъ Германіи, но они показали также всему міру, какъ сильна пробудившаяся и повѣрившая себѣ самой Россія. *(Бурныя рукоплесканія)*.

Правительство счастливо передать вамъ, гг., и въ лицѣ вашемъ всему русскому народу благодарность Его Императорскаго Величества *(всѣ встаютъ: бурныя рукоплесканія)* за то, что слова и обѣты, торжественно прозвучавшіе здѣсь, въ этомъ залѣ, въ памятный день 26 іюля, нынѣ перешли въ жизнь и стали дѣлами. Россія вновь, какъ въ старые славные годы своей исторіи, увидѣла (говоря языкомъ нашихъ предковъ) „общій всѣхъ сословій въ государствѣ порывъ усердія, залогъ и предвѣстіе счастливѣйшихъ въ будущемъ событій“. Наша армія все время чувствовала за собой живую, неразрывную связь со всею родиною, находя въ этомъ источникъ горячаго одушевленія. Радость единенія всѣхъ русскихъ людей во время войны еще усилилась свершившимся на нашихъ глазахъ занятіемъ Червонной Руси. Въ живой вѣнецъ Государя всея Россіи вплетенъ нынѣ послѣдній, отсутствовавшій до сихъ поръ, листъ. (*Бурныя рукоплесканія*). Отрадно было и братское сближеніе русскаго и польскаго народа, такъ безропотно принесшаго выпавшія на его долю величайшія жертвы ради общаго дѣла. (*Голоса:* браво). Усилилось и взаимное, родственное тяготѣніе большинства славянскихъ племенъ. Съ того времени,

какъ мы съ вами разстались, гг., совершились событія чрезвычайной для насъ важности—на сторону враговъ нашихъ стала Турція; но военныя силы ея нынѣ уже надломлены славными кавказскими войсками, и все отчетливѣе обрисовывается предъ нами свѣтлое историческое будущее Россіи тамъ, на берегахъ Чернаго моря, у стѣнъ Царьграда. (*Рукоплесканія и голоса:* браво). Великое время выдвигаетъ великія, еще недавно казавшіяся неразрѣшимыми, задачи и вновь учитъ насъ тому, что возможности и силы Россіи неисчерпаемы. (*Рукоплесканія и голоса:* браво). Вы, всѣ, гг., явились сюда съ мѣстъ и можете, я думаю, засвидѣтельствовать, какъ мало, сравнительно, отразилась небывалая по своимъ размѣрамъ война на внутренней хозяйственной жизни Россіи. (*Голоса:* вѣрно). Конечно, я не говорю о непосредственномъ районѣ военныхъ дѣйствій—тамъ все разорено, и все будетъ, Богъ дастъ, дружными общими усиліями, съ помощью государства, возстановлено. (*Голоса:* правильно). Но въ общемъ, по всей Руси за крѣпкой гранитной стѣной нашей арміи идетъ прежняя мирная трудовая жизнь. Разумѣется, война даетъ себя чувствовать немалыми стѣсненіями, тягостями и убытками. Но, если бы намъ приходилось и во много разъ труднѣе, всѣ русскіе люди пережили бы неизбѣжныя лишенія военнаго времени съ спокойствіемъ и твердостью; тѣмъ упорнѣе была бы только наша рѣшимость довести эту войну, какихъ бы жертвъ она ни требовала, до конца. (*Рукоплесканія*). Теперь же Россіи еще очень далеко до полнаго напряженія своихъ силъ. Во многомъ русская жизнь даже окрѣпла за время войны, благодаря полному прекращенію съ самаго начала войны казенной продажи водки. Только время, гг., выяснитъ все значеніе этого великаго и благодѣтельнаго перелома въ русской жизни—освобожденія нашего народа отъ вѣкового, тяжкаго недуга. Это какъ бы древнее заклятіе, внезапно снятое съ русской жизни, второе „рабство, падшее по манію Царя". (*Рукоплесканія и голоса:* вѣрно). Пройдетъ немного лѣтъ трезваго настойчиваго труда, и мы не узнаемъ Россіи. (*Рукоплесканія и голоса:* вѣрно).

Отказъ отъ громаднаго питейнаго дохода, конечно, осложнилъ наше государственное хозяйство, особенно при тягостныхъ денежныхъ условіяхъ военнаго времени. Но, тѣмъ не менѣе, устойчивость нашихъ финансовъ оказалась вполнѣ прочной. Всѣ главнѣйшія неотложныя нужды народнаго хозяйства—и, въ частности, потребности семействъ нашихъ воиновъ—не только не были урѣзаны, но при помощи, оказанной правительству общественными организаціями, удовлетворялись и будутъ удовле-

творены въ полной мѣрѣ. (*Рукоплесканія и голоса:* браво). Министръ Иностранныхъ Дѣлъ съ Высочайшаго разрѣшенія представитъ очеркъ международнаго политическаго положенія; Государственный Контролеръ сообщитъ вамъ свѣдѣнія о состояніи нашего государственнаго хозяйства. Моей задачей было бы коснуться предстоящей правительству, въ дружномъ единеніи съ законодательными учрежденіями, созидательной дѣятельности въ области внутренней жизни страны. Здѣсь война раскрыла и выдвинула много вопросовъ: освобожденіе отъ нѣмецкаго засилія нашей промышленности (*рукоплесканія*), нашего сельскаго хозяйства, а въ пограничныхъ областяхъ и нашего землевладѣнія (*рукоплесканія*); созданіе на міровомъ рынкѣ благопріятныхъ условій для вывоза нашихъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ, общаго пересмотра условій, которыя отнынѣ могли бы обезпечить родинѣ здоровое развитіе на началахъ полной и твердо выраженной самобытности во всѣхъ областяхъ ея жизни. Въ этомъ направленіи частью уже разработанъ правительствомъ, частью назрѣваетъ рядъ крупныхъ и сложныхъ законопроектовъ. Но проведеніе ихъ въ жизнь, при вашей дѣятельной поддержкѣ, гг.,—дѣло будущаго, когда война окончится и настанетъ время творческой работы по внутреннему устроенію нашей родины. Касаться этихъ вопросовъ теперь, по моему убѣжденію, преждевременно. Теперь больше, чѣмъ когда-либо, Россія отъ каждаго изъ насъ ждетъ не рѣчей, а дѣла. (*Рукоплесканія*). Будемъ же всѣ исполнять свой долгъ съ беззавѣтною преданностью Государю, съ глубокою вѣрою въ торжество нашей родины, и ближайшее будущее развернетъ предъ нами лучшія, быть можетъ, страницы русской исторіи. (*Бурныя рукоплесканія*).

Предсѣдатель. Г. Министръ Иностранныхъ Дѣлъ желаетъ сдѣлать разъясненіе. (*Бурныя и продолжительныя рукоплесканія Министру Иностранныхъ Дѣлъ Сазонову*).

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Сазоновъ. Гг. Члены Государственной Думы. Въ виду важности переживаемой нами исторической минуты, я счелъ долгомъ испросить Высочайшее соизволеніе представить вамъ общую картину настоящаго политическаго положенія. Прошло шесть мѣсяцевъ съ тѣхъ поръ, какъ, обращаясь къ вамъ съ этой трибуны, я указалъ, почему Россія передъ грубымъ покушеніемъ Австріи и Германіи на независимость Сербіи и Бельгіи не могла принять иного рѣшенія, кромѣ того, которое она приняла, ставши на защиту попираемаго права. Призванная на этотъ единственно достойный ея путь великодушнымъ своимъ Государемъ, Россія безъ

всякаго колебанія поднялась, какъ одинъ человѣкъ, и съ вѣрой въ Провидѣніе ополчилась на врага, навязавшаго ей войну. Правительство и народъ, движимые однимъ чувствомъ и общимъ сознаніемъ великой отвѣтственности передъ родиной, дѣйствовали заодно, въ полномъ согласіи, и вы, представители народа, запечатлѣли эту историческую минуту рѣдкимъ единодушіемъ, съ которымъ вы въ горячихъ словахъ заявили здѣсь о своемъ единеніи съ правительствомъ. Тѣсно сплоченная Россія не осталась одинокой, и съ нею вмѣстѣ выступили единомышленныя съ нами Франція и Англія, къ которымъ скоро примкнула и Японія. За истекшіе шесть мѣсяцевъ наши доблестныя войска подъ водительствомъ своего Верховнаго Главнокомандующаго не переставали творить чудеса храбрости, вплетая новые лавры въ неувядаемый вѣнецъ славы русскаго оружія. Рука объ руку съ нашими союзниками воины наши идутъ твердымъ шагомъ къ своей цѣли, и мы, гордясь ихъ доблестью и стремясь облегчить имъ выполненіе ихъ задачи, покойно ждемъ свѣтлой минуты конечнаго торжества. Нашъ противникъ, обманувшись въ расчетѣ на легкую и скорую побѣду, продолжаетъ нести кровавыя жертвы на поляхъ сраженія и напрягаетъ всѣ усилія, чтобы бороться съ нами всѣми способами. Для этого онъ не брезгаетъ никакими средствами и не останавливается ни предъ намѣреннымъ искаженіемъ истины, ни предъ самыми недобросовѣстными происками. (*Рукоплесканія и голоса:* вѣрно). Прежде всего, чтобы оправдаться предъ собственными согражданами въ легкомысленно затѣянной имъ войнѣ, германское правительство прилагаетъ всѣ старанія, чтобы ввести въ заблужденіе общественное мнѣніе, и вопреки дѣйствительности утверждаетъ, будто эта война была навязана Германіи. Лишній разъ повторяется старая басня о грозившей будто бы Германіи со времени короля Эдуарда VII опасности окруженія врагами. Между тѣмъ, миролюбіе этого мудраго государя извѣстно всему свѣту. Безмѣрное властолюбіе берлинскихъ правящихъ круговъ давно стало для него очевиднымъ, и онъ понялъ, что только сближеніе державъ, связанныхъ общностью мирныхъ интересовъ, можетъ дать устойчивость политическому равновѣсію въ Европѣ. Соглашенія, имъ заключенныя или подготовленныя, преслѣдовали такимъ образомъ исключительно оборонительныя цѣли. Совсѣмъ иное направленіе имѣла работа, все настойчивѣе проводимая за послѣдніе годы Германіей. Я не коснусь здѣсь ея напряженныхъ стараній опередить Англію въ отношеніи морского могущества, для достиженія котораго Германія отвергала всѣ попытки Великобританіи дого-

вориться на этой почвѣ. Я не коснусь также постоянныхъ посягательствъ на интересы Франціи, какъ, напр., въ пресловутомъ Агадирскомъ дѣлѣ, ни плохо скрываемаго желанія Германіи подчинить своей волѣ сосѣднія нейтральныя государства, но я напомню вамъ рядъ признаковъ, обличающихъ съ достаточною ясностью отношеніе Германіи къ Россіи. Въ то время, какъ мы, оставаясь вѣрными вѣковымъ преданіямъ, честно поддерживали добрососѣдскія отношенія, намъ все чаще приходилось наталкиваться повсюду на противодѣйствія Германіи. Какъ бы въ силу общаго предписанія, нѣмецкая дипломатія стала орудовать противъ насъ во всѣхъ сосѣднихъ съ нами странахъ, особенно же въ тѣхъ, съ которыми мы связаны наиболѣе существенными интересами. Спачала эта работа велась довольно осторожно, затѣмъ она стала все болѣе откровенной. Въ Скандинавскихъ государствахъ нѣмцами и ихъ приспѣшниками систематически внѣдрялось недовѣріе къ Россіи въ надеждѣ подорвать хорошія отношенія между сосѣдними народами. Въ Галиціи на присылаемыя изъ Берлина деньги искусственно поддерживалось, такъ называемое, украинское движеніе съ цѣлью внести расколъ въ самое сердце единаго русскаго народа. Въ Румыніи нѣмецкое вліяніе годами затемняло у единовѣрнаго намъ народа созданіе общности нашихъ интересовъ какъ экономическихъ, обусловленныхъ сосѣдствомъ, такъ и политическихъ, вытекающихъ изъ факта нахожденія большого числа нашихъ соплеменниковъ подъ игомъ Австро-Венгріи. Даже связанную съ нами особыми историческими узами Болгарію Германія всячески старается подчинить своимъ видамъ, но ярче всего оказалась направленная противъ Россіи германская интрига въ Турціи. Едва-ли мнѣ нужно напомнить вамъ, какъ на другой день послѣ казавшихся довѣрчивыми объясненій со мною въ Берлинѣ германское правительство постаралось поставить насъ передъ совершившимся фактомъ захвата нѣмецкими офицерами военной власти въ оттоманской столицѣ. Съ этой минуты окончательное порабощеніе Турціи Германіей пошло ускореннымъ шагомъ. Объ этомъ, впрочемъ, я предоставляю себѣ сказать подробнѣе въ другомъ мѣстѣ, здѣсь же я хочу только подчеркнуть, съ какой настойчивостью Германія пыталась опутать насъ цѣпью своей политической интриги вдоль всей нашей европейской границы. То же было, гг., и въ Азіи. Въ Персіи, въ явное нарушеніе духа потсдамскаго соглашенія и данныхъ намъ, въ связи съ нимъ, торжественныхъ обѣщаній, нѣмецкіе агенты предавались усиленной дѣятельности, чтобы создать намъ всякія затрудненія въ это

области преимущественныхъ русскихъ и англійскихъ интересовъ. Тѣ же нѣмецкія интриги мы видимъ въ Китаѣ и въ Японіи, гдѣ Германія прилагала всѣ усилія, чтобы возбудить противъ Россіи эти государства, къ счастью, безуспѣшно. Сказаннаго достаточно, чтобы отвѣтить на вопросъ, не имѣется ли больше основаній говорить о попыткахъ окруженія Россіи Германіей, нежели жаловаться на мнимое окруженіе Германіи тройственнымъ согласіемъ. Ясно, что увѣренія Германіи въ томъ, что война начата не по ея волѣ, не имѣютъ никакой подъ собой почвы, такъ какъ подлинные документы, оглашенные за послѣднее время, съ полною очевидностью доказываютъ противное. Къ числу клеветническихъ слуховъ, злонамѣренно распространяемыхъ Германіей, относятся также слухи о произведенныхъ будто бы русскими войсками погромахъ еврейскихъ домовъ и массовомъ избіеніи еврейскаго населенія. Я пользуюсь думской трибуной, чтобы рѣшительно опровергнуть эту клевету. (*Голоса:* браво). Если еврейское населеніе пострадало въ районѣ военныхъ дѣйствій, то это, къ сожалѣнію, явленіе, неразрывно связанное съ войной, и отъ котораго въ равной мѣрѣ страдаетъ все населеніе затронутой военными дѣйствіями мѣстности. При этомъ очевидцы сходятся въ утвержденіи, что наибольшее опустошеніе, какъ у насъ въ Польшѣ, такъ въ Бельгіи и въ Сербіи, является дѣломъ австро-германскихъ рукъ. Особенно усердно распространяется упомянутая клевета германскими оффиціальными источниками съ несомнѣнною цѣлью вызвать непріязненное къ намъ настроеніе въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ. Но здравый смыслъ американцевъ не дозволитъ имъ поддаться такому грубому обману, и я надѣюсь, что дружелюбныя отношенія наши съ Америкой не потерпятъ отъ германскихъ происковъ никакого ущерба. Но есть еще одинъ способъ борьбы Германіи противъ насъ, о которомъ я считаю нелишнимъ сказать вамъ нѣсколько словъ. Это попытки внести рознь или хотя бы охлажденіе между союзниками. Для этого постоянно распускаются ложные слухи то о склонности, будто бы, того или другого союзника вступить въ переговоры объ отдѣльномъ мирѣ, то о неравномѣрности распредѣленія тяготъ войны между союзниками. Эти измышленія не нашли нигдѣ отклика. Въ Россіи всѣ хорошо знаютъ, что единеніе между нами и нашими союзниками незыблемо и становится съ каждымъ днемъ тѣснѣе. (*Бурныя и продолжительныя рукоплесканія и голоса:* браво). Связанные общими интересами, мы идемъ къ одной цѣли—къ сокрушенію военнаго могущества врага для

установленія такого порядка, который позволилъ бы Европѣ впредь пользоваться благами прочнаго мира. Союзники неразрывно сплочены между собою, и эта связь торжественно подтверждена лондонскимъ соглашеніемъ 23 августа минувшаго года. Въ общее наше дѣло каждый изъ насъ вкладываетъ полноту своихъ силъ. Наши союзники отдали дань удивленія усиліямъ Россіи, которая послала на поле брани свои несмѣтныя дружины и успѣшно борется съ тремя имперіями на фронтѣ громаднаго протяженія. Мы, съ своей стороны, цѣнимъ чрезвычайно высоко безпримѣрную доблесть, проявляемую нашими союзниками, и отдаемъ себѣ ясный отчетъ въ существенномъ значеніи для насъ ихъ содѣйствія какъ на сушѣ, такъ и на морѣ. (*Рукоплесканія и голоса:* браво). Не могу не упомянуть также объ услугѣ, оказанной общему дѣлу героическою Бельгіею, которая своими страданіями и подвигами стяжала себѣ безсмертную славу. (*Рукоплесканія и голоса:* браво). Гг., я радъ настоящему случаю выразить здѣсь, среди представителей русскаго народа, нашимъ союзникамъ сердечную признательность за ихъ искреннее и дѣятельное содѣйствіе. (*Члены Государственной Думы стоя привѣтствуютъ бурными и продолжительными рукоплесканіями находящихся въ ложѣ дипломатическаго корпуса представителей союзныхъ державъ*). Нынѣшнее наше тѣсное съ ними единеніе имѣетъ цѣну, выходящую далеко за предѣлы настоящаго времени. Наше взаимодѣйствіе на почвѣ политической и военной расширено на этихъ дняхъ новымъ соглашеніемъ финансово-экономическаго характера. Значеніе этого соглашенія для успѣшнаго завершенія предстоящихъ намъ сложныхъ задачъ не ускользнетъ, конечно, отъ вашего вниманія. Изъ него съ полною очевидностью вытекаетъ, что какъ Россія, такъ и ея союзники организовали дѣло борьбы своей съ Германіей соотвѣтственно съ безповоротно принятымъ ими рѣшеніемъ довести ее до конца. (*Бурныя рукоплесканія*). Изъ недавно опубликованной „Оранжевой книги“ вы имѣли возможность подробно ознакомиться съ событіями на Босфорѣ, предшествовавшими нашей войнѣ съ Турціей. Я долженъ и тутъ подчеркнуть ту предательскую роль, которую при этомъ сыграла Германія. Приглашая на свою службу германскихъ инструкторовъ, а затѣмъ и военную миссію генерала фонъ-Сандерса, турецкое правительство думало, конечно, только объ усиленіи боевой силы своей арміи и о лучшемъ обезпеченіи своей независимости противъ русской опасности, о которой ему усердно нашептывали изъ Берлина. Германія же воспользовалась своимъ

проникновеніемъ въ турецкую армію для того, чтобы постепенно обратить ее въ орудіе своихъ политическихъ замысловъ. Допущеніе „Гебена" и „Бреслау" въ турецкія воды окончательно отдало Турцію въ руки Германіи. Дѣйствія Турціи со дня появленія у Дарданеллъ „Гебена" должны быть разсматриваемы, какъ совершенныя подъ давленіемъ германскаго правительства. Стремленіе оттоманскаго правительства сложить съ себя отвѣтственность за произведенное нападеніе на наши берега не могли уже остановить Турцію на той роковой для нея наклонной плоскости, на которую ее толкнула Германія. Совершившіяся на русско-турецкой границѣ событія, надѣюсь, откроютъ глаза туркамъ и помогутъ имъ понять, что германская опека неудержимо ведетъ ихъ къ погибели. Событія эти не только увѣнчали новой славой наше оружіе, но и приблизятъ минуту разрѣшенія экономическихъ и политическихъ задачъ, связанныхъ съ выходомъ Россіи къ свободному морю. (*Бурныя и продолжительныя рукоплесканія; голоса:* браво). Какъ вы можете убѣдиться изъ предложеннаго вамъ сегодня сборника документовъ, касающихся проведенія реформъ въ Арменіи, Императорское правительство за послѣдніе годы неуклонно стремилось къ облегченію участи турецкихъ армянъ, руководствуясь при этомъ какъ безкорыстными завѣтами русской политики, такъ и государственными нашими интересами. Когда въ Берлинѣ убѣдились въ непреклонности нашихъ намѣреній добиться преобразованій въ Арменіи, германская дипломатія выразила готовность раздѣлить наши труды съ задней мыслью затормозить ихъ правильное проведеніе въ жизнь. Русско-турецкое соглашеніе 26 января 1914 г. является историческимъ актомъ, подписаніемъ котораго Порта признала наше исключительное положеніе въ армянскомъ вопросѣ. При окончаніи войны это исключительное положеніе будетъ использовано Императорскимъ правительствомъ въ благожелательномъ для армянскаго населенія направленіи. Обнаживъ свой мечъ на защиту Сербіи, Россія была вѣрна своимъ завѣтнымъ чувствамъ по отношенію къ братскимъ народамъ. Только настоящая война дала намъ истинное представленіе о величіи сербскаго духа и сковала русскій народъ съ сербскимъ тѣсными узами. (*Рукоплесканія и голоса:* браво). Съ чувствомъ удовлетворенія могу я упомянуть о Черногоріи, мужественно сражающейся вмѣстѣ съ нами за общеславянское дѣло. (*Рукоплесканія и голоса:* браво). Отношенія наши къ Греціи, испытанному другу нашей союзницы Сербіи, носятъ самый сердечный характеръ. (*Рукоплесканія и голоса:* браво). Стремленія эллинскаго народа

положить конецъ страданіямъ своихъ соплеменниковъ, находящихся еще подъ игомъ Турціи, не могутъ не вызвать сочувствія Императорскаго правительства. Отношенія съ Румынскимъ королевствомъ сохранили тотъ дружественный характеръ, который они пріобрѣли послѣ посѣщенія Государемъ Императоромъ въ минувшемъ іюнѣ Констанцы. Непрекращавшіяся въ теченіе всей осени сочувственныя по адресу Россіи манифестаціи, какъ въ самой столицѣ Румыніи, такъ и въ различныхъ частяхъ страны, подчеркиваютъ въ то же время враждебныя чувства румынскаго народа по отношенію къ Австро-Венгріи.

Гг., вы, вѣроятно, ждете отъ меня отвѣта на вопросъ, который теперь занимаетъ всѣхъ, а именно, каково отношеніе къ нынѣшней войнѣ тѣхъ изъ невоюющихъ государствъ, интересы коихъ, казалось бы, должны были давно подсказать имъ вмѣшательство въ борьбу на сторонѣ Россіи и ея союзницъ. Дѣйствительно, въ этихъ государствахъ общественное мнѣніе, чуткое ко всему, что воплощаетъ народный идеалъ, уже давно высказалось въ этомъ смыслѣ, но вы поймете, что мнѣ нельзя подробнѣе коснуться этого вопроса въ виду того, что правительства означенныхъ государствъ, съ которыми мы находимся въ дружественныхъ отношеніяхъ, повидимому, не пришли еще къ окончательному рѣшенію, а такое рѣшеніе принадлежитъ имъ, ибо они одни понесутъ отвѣтственность передъ своими соотечественниками, если бы случай осуществить давнишнія народныя вожделѣнія остался ими неиспользованнымъ. (*Рукоплесканія*). Заговоривъ о невоюющихъ государствахъ, я не могу не отмѣтить съ искренней признательностью услугъ, оказываемыхъ намъ Испаніей и Италіей, которыя приняли на себя нелегкую задачу покровительства нашимъ соотечественникамъ во враждебныхъ намъ странахъ. (*Рукоплесканія*). Не могу не сказать также о томъ, съ какой заботливостью относилась къ русскимъ путешественникамъ Швеція (*рукоплесканія*), черезъ которую лежалъ путь этихъ несчастныхъ жертвъ германскаго насилія. О такомъ сердечномъ обращеніи шведовъ свидѣтельствуютъ всѣ прибывающіе сюда русскіе, и я надѣюсь, что это послужитъ новымъ поводомъ къ закрѣпленію нашихъ добрососѣдскихъ отношеній, упроченія и развитія коихъ мы съ своей стороны искренно желаемъ. (*Рукоплесканія и голоса*: браво).

По поводу нашихъ соотечественниковъ, задержанныхъ въ Германіи и Австріи, считаю долгомъ увѣрить васъ, что Императорское правительство принимаетъ всѣ мѣры къ облегченію

ихъ участи и по возможности къ быстрому водворенію ихъ на родину.

Также и въ отношеніи нашихъ военноплѣнныхъ русское правительство предприняло шаги къ улучшенію ихъ положенія и одно изъ первыхъ откликнулось на человѣколюбивый починъ Папы Бенедикта XV съ цѣлью возвращенія на основаніи взаимности, по крайней мѣрѣ, тѣхъ изъ нашихъ воиновъ, которые утратили боеспособность и удержаніе коихъ въ плѣну для нихъ было бы лишь жестокимъ нравственнымъ мученіемъ. Остается только надѣяться, гг., что великодушныя предложенія Папы будутъ приняты всѣми воюющими державами. До начала войны съ Турціей намъ удалось, хотя и не безъ труда, завершить начатое осенью 1913 г. дѣло турецко-персидскаго разграниченія отъ Персидскаго залива до Арарата и положить тѣмъ конецъ вѣковому спору между Турціей и Персіей, постоянно грозившему серьезными осложненіями. Благодаря заботамъ державъ-посредницъ, Англіи и Россіи, сохранены были за Персіей около 20.000 кв. вер. Персидской территоріи, на которую турки безъ всякаго права претендовали и которая частью ими была захвачена.

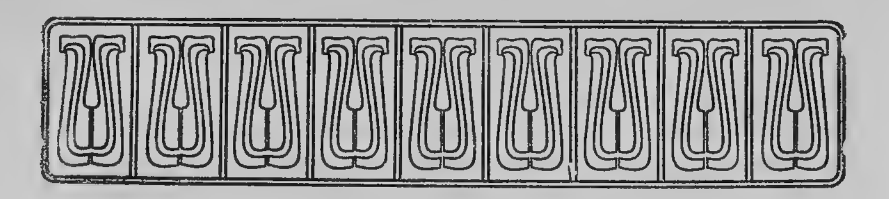
Съ началомъ военныхъ дѣйствій съ Турціей шахское правительство поспѣшило заявить о своемъ намѣреніи соблюдать строгій нейтралитетъ. Это не помѣшало, однако, представителямъ Германіи, Австріи и Турціи начать сильную агитацію въ Персіи, въ надеждѣ привлечь персовъ на свою сторону. Съ этой цѣлью распространялись воззванія, яко бы исходившія отъ высшаго шіитскаго духовенства въ Неджефѣ и Кербелѣ, призывавшія персовъ къ участію въ священной войнѣ противъ Россіи и Англіи; сообщались завѣдомо ложныя свѣдѣнія о побѣдахъ германскихъ, австрійскихъ и турецкихъ войскъ и внушалась персамъ мысль, что наступилъ удобный моментъ освободиться отъ англо-русскихъ притязаній на Персію. Интриги эти велись особенно настойчиво въ Азербейджанѣ, гдѣ туркамъ удалось этимъ путемъ привлечь на свою сторону часть мѣстныхъ курдскихъ племенъ. Еще до начала войны эти племена вмѣстѣ съ турецкими курдами, а также при участіи турецкихъ солдатъ, начали враждебныя намъ дѣйствія въ Урмійскомъ и Хойскомъ районахъ. Послѣ же начала военныхъ дѣйствій турецкія войска въ прямое нарушеніе персидскаго нейтралитета перешли границу Персіи и подкрѣпленныя многочисленными бандами курдовъ двинулись въ мѣстности, въ которыхъ расположены были наши отряды, превративъ такимъ образомъ Азер-

бейджанъ въ часть театра русско-турецкой войны. Слѣдуетъ тутъ же отмѣтить, что присутствіе нашихъ войскъ на Персидской территоріи отнюдь не является нарушеніемъ нейтралитета Персіи, наши отряды были двинуты въ эту страну уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ съ опредѣленной цѣлью возстановленія и поддержанія порядка въ смежныхъ съ нашими владѣніями мѣстностяхъ, имѣющихъ для насъ первостепенное экономическое значеніе, а равно для предотвращенія захвата нѣкоторыхъ изъ этихъ мѣстностей турками, явно стремившимися создать себѣ тамъ, въ особенности въ Урмійскомъ районѣ, удобную базу для военныхъ дѣйствій противъ Кавказа. Персидское правительство, не имѣющее возможности фактически отстаивать свой нейтралитетъ, отвѣтило на турецкое нарушеніе послѣдняго протестами, которые, однако, не имѣли никакихъ послѣдствій. Я долженъ съ удовольствіемъ отмѣтить, что наши отношенія съ Англіей на почвѣ персидскихъ дѣлъ болѣе чѣмъ когда-либо покоятся на полномъ обоюдномъ довѣріи и искреннемъ взаимодѣйствіи. (*Рукоплесканія*). Это обстоятельство служитъ наилучшимъ залогомъ къ успѣшному разрѣшенію всѣхъ даже самыхъ сложныхъ вопросовъ, которые могли бы въ будущемъ возникнуть на персидской почвѣ. (*Рукоплесканія и голоса*: браво). Политическія соглашенія, которыя мы заключили съ Японіей въ 1907 и 1910 гг., нынѣ особенно ярко доказали свою пользу и принесли обильные плоды. Въ настоящей войнѣ Японія оказалась на нашей сторонѣ, и наши отношенія фактически являются союзными. Война, которую Японія объявила Германіи, привела къ изгнанію германцевъ изъ водъ Тихаго океана и къ переходу въ японскія руки базы германской дѣятельности въ Китаѣ—территоріи Кіао-Чао. Хотя на соглашеніи 23 августа и нѣтъ подписи японскаго правительства, но такъ какъ въ союзномъ англо-японскомъ договорѣ содержится обязательство договорившихся сторонъ не заключать отдѣльно мира, то и въ настоящей войнѣ германское правительство не можетъ разсчитывать заключить миръ съ Японіей ранѣе заключенія его съ Англіей, а, слѣдовательно, съ Россіей и Франціей. (*Рукоплесканія и голоса*: браво). Установившіяся между нами и Японіей отношенія даютъ намъ увѣренность въ томъ, что и въ тѣхъ требованіяхъ, которыя нынѣ японское правительство сочло нужнымъ поставить китайскому, не содержится ничего противнаго нашимъ интересамъ. Что касается нашихъ отношеній къ Китаю, то за послѣднее время я могу съ удовольствіемъ отмѣтить ихъ дальнѣйшее улучшеніе. Переговоры, которые ведутся въ Кяхтѣ

нашими и китайскими делегатами относительно Монголіи, идутъ, правда, медленно, но миролюбиво, и я надѣюсь, что когда мнѣ представится случай вновь излагать передъ вами обзоръ нашихъ отношеній съ иностранными державами, я буду имѣть возможность сообщить вамъ о благополучномъ завершеніи этихъ переговоровъ и о состоявшемся подписаніи тройного русско-китайско-монгольскаго договора (*голоса слѣва*: браво), удовлетворяющаго желанію монголовъ внѣшней Монголіи быть вполнѣ самостоятельными въ своемъ внутреннемъ управленіи. Такой договоръ оградилъ бы русскіе интересы въ этой странѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ не оставилъ бы чувства обиды въ душѣ китайцевъ. Гг., въ заключеніе позвольте мнѣ высказать одно пожеланіе. Полгода тому назадъ, въ грозный часъ великихъ рѣшеній, правительство и народъ, котораго вы являетесь представителями, тѣсно сплотились вокругъ Престола и дружно стали на защиту общаго русскаго дѣла. Обнаруженное тогда единодушіе насъ всѣхъ окрылило и подвинуло на трудный подвигъ. Будемъ же и впредь дружно работать для довершенія начатаго, и когда настанетъ часъ подводить итоги достигнутому доблестью нашихъ славныхъ войскъ, пусть и тогда правительство найдетъ въ народномъ представительствѣ ту же дружную поддержку для разрѣшенія предстоящихъ ему сложныхъ политическихъ вопросовъ на благо и на славу Россіи. (*Члены Государственной Думы стоя привѣтствуютъ Министра Иностранныхъ Дѣлъ Сазонова бурными и продолжительными рукоплесканіями*).

Предсѣдатель. На основаніи ст. 134 Наказа, Государственной Думѣ надлежитъ разрѣшить, безъ преній, угодно ли ей перейти къ обсужденію заявленій, сдѣланныхъ представителями правительства, въ настоящемъ засѣданіи. Ставлю это предложеніе на голосованіе. (*Баллотировка*). Принято. Объявляю перерывъ.

На пути въ Святую землю.

По наблюденіямъ и замѣткамъ епископа Порфирія Успенскаго.

III[1]).

Въ Константинополѣ.

Наступилъ наконецъ для архимандрита Порфирія и день его отъѣзда на Востокъ, чего онъ такъ долго ждалъ и къ чему неудержимо стремился. Очень продолжительная и крайне напряженная жизнь въ Петербургѣ предъ полученіемъ этого новаго назначенія; тяжелый гнетъ нѣсколько неопредѣленнаго положенія, въ какомъ онъ такъ долго тогда находился; живыя ожиданія новаго и неизвѣстнаго, уносившія его мысли и чувства къ широкимъ задачамъ и цѣлямъ предстоящаго ему теперь пути—все это такъ отразилось на общемъ настроеніи архимандрита Порфирія въ первые дни и мѣсяцы его поѣздки на Востокъ, что теперь онъ не находилъ уже у себя ни времени, ни силъ для веденія своихъ путевыхъ замѣтокъ. Душа его нуждалась теперь въ полномъ отъ всего покоѣ. Мысли его какъ будто скользили лишь теперь по разнообразнымъ предметамъ его наблюденія и ни на чемъ не могли надолго остановиться. И вотъ, благодаря этому, довольно значительный въ теченіе 17 дней переѣздъ его отъ Петербурга до Одессы, четырехмѣсячное пребываніе въ этомъ пограничномъ городѣ для послѣднихъ уже подготовленій къ предстоящему ему пути, а также и чрезвычайно интересовавшій архимандрита Порфирія морской переѣздъ отъ Одессы до Константинополя остались почти совсѣмъ не затронутыми въ „Книгѣ

---

[1]) См. „Русская Старина“, іюнь 1915 г.

бытія его“. На все описаніе этого пути употреблено было имъ только 4—5 страницъ и то не особенно богатыхъ содержаніемъ. Видно, что въ это время онъ спокойно уже отдыхалъ отъ разныхъ петербургскихъ тревогъ и отъ своей общей за послѣднее время усталости.

За то какъ оживилось его общее настроеніе на живописныхъ берегахъ Босфора, на граціозно-изящныхъ возвышенностяхъ Константинополя, на мягкой въ ясные дни лазури Мраморнаго моря. Особенно чарующее впечатлѣніе производили на него теперь дивные берега Босфора и тотъ общій видъ, какой открывался отсюда на всѣ высоты Константинополя, на его дворцы, мечети, на роскошные султанскіе сады, на безпокойно скользящія повсюду морскія и рѣчныя суда, напоминающія собой цѣлые подвижные дома, палаты. Въ чисто художественномъ отношеніи очень много хорошихъ и свѣтлыхъ часовъ пережито было архимандритомъ Порфиріемъ еще на живописныхъ берегахъ Далмаціи, поразившихъ его въ іюнѣ 1842 года своимъ общимъ величіемъ и своей красотою. Но теперь, на прекрасныхъ берегахъ Босфора, у панорамы необъятно раскинувшагося по склонамъ горъ живописнаго города, онъ еще глубже проникся окружающей его красотой и открылъ въ ней какъ будто совершенно другіе уже цвѣта и краски. Соотвѣтственно съ самымъ характеромъ этой мѣстности, несомнѣнно, болѣе задумчиво граціозной, чѣмъ величественной, измѣнился нѣсколько и самый стиль его письма: онъ сдѣлался теперь какъ будто еще болѣе мягкимъ, воздушно легкимъ, выразительнымъ, отражающимъ на себѣ нѣжные краски и цвѣта той дивной природы, которая сдѣлалась теперь для архимандрита Порфирія живымъ предметомъ его непосредственнаго наблюденія, его восторга. Подъ вліяніемъ впечатлѣній слишкомъ разнообразныхъ и живыхъ онъ, казалось, какъ будто не отдавалъ себѣ въ это время даже и отчета въ томъ, на чемъ ему прежде всего нужно было теперь остановиться: на чудныхъ ли и ласкающихъ краскахъ пролива; на роскошной ли зелени его чарующихъ береговъ; на разбросанныхъ ли здѣсь повсюду дворцахъ, кіоскахъ, памятникахъ, живописныхъ иглахъ минаретовъ; на чудесной ли панорамѣ самого города, гдѣ такъ причудливо встрѣтились и переплелись между собой роскошный Востокъ и болѣе спокойный и сдержанный во всемъ Западъ; на зеркальной ли, наконецъ, лазури Мраморнаго моря, въ которомъ въ свѣтлые и ясные дни такъ живописно переливается всѣми своими красками и цвѣтами нѣжная синева южнаго неба. Это

глубокое очарованіе, какому подпалъ теперь нашъ ученый изслѣдователь, невольно чувствуется во всѣхъ зарисованныхъ имъ картинахъ этого чуднаго города и той ласкающей красоты, какая его окружаетъ. Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ прелестныхъ картинъ, взятыхъ нами изъ „Книги его бытія" большею частью слово въ слово, безъ всякаго измѣненія.

„22 сентября 1843 года въ $9^1/_2$ часовъ мы были въ Константинополѣ.

„Босфоръ очарователенъ. Мѣстоположеніе Царь-Града дивно.

„Весь этотъ день, 22 сентября, и ночь я рѣшился провести на пароходѣ, чтобы вполнѣ насладиться прекраснымъ видомъ города. Подлинно, это Царь-Городъ. Гористое мѣстоположеніе его придаетъ ему величіе по истинѣ царственное. Не удивляюсь, что Константинъ Великій избралъ и назначилъ древнюю Византію средоточіемъ древняго римскаго міра. Не удивляюсь, что османы, по взятіи Константинополя, возмечтали быть повелителями вселенной. Съ холмовъ этого города можно повелѣвать и Европою, и Азіей, и Африкой. Эти холмы застроены безчисленнымъ множествомъ зданій легкихъ, тяжелыхъ, малыхъ, огромныхъ, красивыхъ и безобразныхъ.

„Безчисленное множество минаретовъ и круглые куполы мечетей придаютъ сему городу особенный видъ, какого нельзя встрѣтить нигдѣ въ Европѣ. Въ заливѣ подъ названіемъ „Золотого Рога" виденъ непроходимый лѣсъ мачтъ. Взоръ запутывается, теряется между большими и малыми судами, повитыми вдали тонкою мглою.

„Въ половинѣ 7 часа начали зажигать масло въ стаканахъ на всѣхъ минаретахъ. Ночь мало-по-малу облегала городъ своимъ чернымъ покровомъ. Во мракѣ ночи скрылись изъ вида всѣ дома, мечети и минареты; казалось, только въ воздухѣ висѣли безчисленные огненные круглые вѣнки, какъ бы спущенные съ неба пророкомъ въ награду правовѣрнымъ за ихъ стойкость въ вѣрѣ. Въ 8 часовъ, при лунномъ сіяніи, мерцавшемъ сквозь дымчатыя облака, тихая ночь была очаровательна. Взоръ мой блуждалъ по холмамъ Царь-Града, озареннымъ огненными вѣнками, и встрѣчалъ прелестное освѣщеніе, особливо на двухъ мечетяхъ — Солимана и Топханы; на первой виднѣлись огненные шифры или какія-либо слова изъ Корана, на второй между двумя минаретами блистала огненная звѣзда.
„Долго, долго я любовался этимъ совершенно новымъ для меня зрѣлищемъ. Душа размышляла о сильномъ вліяніи религіи, какова бы она ни была, на извѣстный народъ...

„Утро было прелестное. Послѣ ночнаго дождя поднебіе было необыкновенно ясно, тонко, прозрачно. Лазурь неба была такъ пріятна, что глаза такъ и льнули къ ней.

„Вечеромъ заходящее солнце разрумянило и озолотило Скутари. Горы, казалось, облиты были очаровательнымъ розовымъ цвѣтомъ; зелень казалась ярче; въ окнахъ домовъ блистало золото.

„Слѣдующая ночь была также тиха. Луна катилась величаво по безоблачному голубому небу и, казалось, любовалась городомъ правовѣрныхъ, избравшихъ ее и символомъ своего вѣрованія. Спящія воды Босфора порой пробуждаемы были легкимъ движеніемъ каиковъ. Въ этихъ водахъ у береговъ ясно отражались огни съ минаретовъ и лучи ночного свѣтила. Прелестная ночь! Величественное молчаніе ея лишь изрѣдка нарушаемо было криками муэдзиновъ.

Когда же миновала, наконецъ, и эта очаровательная ночь, съ наступленіемъ утра нельзя было снова не залюбоваться роскошнымъ видомъ на Скутари и на его живописныя окрестности.

„Утренній бѣловатый туманъ, какъ дымъ, разстилался и поднимался на азіатской сторонѣ Босфора; казалось, противоположные холмы курились, какъ дымящіяся кадила. Воды Босфора какъ будто еще спали тонкимъ утреннимъ сномъ, и туманъ отдѣлялся отъ нихъ, какъ легкое кисейное покрывало, свертываясь, густѣя и взвиваясь складками къ небесамъ. Птицы-рыболовки вереницами неслись надъ самою водою въ разныхъ направленіяхъ. Я съ восхищеніемъ любовался очаровательными видами береговъ пролива... Древняя крѣпость Румеліи, Гиссаръ, въ которой истреблено было нѣсколько тысячъ янычаръ, заставила меня засмотрѣться на себя. Побѣленная, какъ бы одѣтая въ саванъ, казалось, она спускалась съ высокаго холма и хотѣла уйти на другую сторону, вслѣдъ за тѣнями янычаръ. Гробовое молчаніе царствовало въ этомъ живописномъ мѣстѣ: ни людей, ни животныхъ, ни тѣней, ничего не замѣтилъ я тутъ. На кладбищѣ, осѣненномъ вѣчно зелеными кипарисами, полными жизни, виднѣлось безчисленное множество надгробныхъ турецкихъ памятниковъ, не увѣнчанныхъ чалмами. Покойный султанъ приказалъ срубить ихъ, дабы и на самыхъ кладбищахъ истребить память янычаръ. Безумная ярость“! Т. I, стр. 159 и 160.

Очень вдохновенно описываетъ архимандритъ Порфирій и свою поѣздку на островъ Халки, принадлежащій къ группѣ

Принцевыхъ острововъ, лежащихъ вблизи Константинополя, у входа въ Мраморное море. Когда изъ Куру-Чесме онъ направился къ Принцевымъ островамъ, день былъ теплый и ясный. Море немного колыхалось. Зыблясь на синихъ волнахъ его, я смотрѣлъ внимательно на Сераль, на св. Софію, на Царь-Градъ. „Этотъ городъ, думалъ я, нѣсколько разъ принималъ участіе въ борьбѣ людской за разныя религіозныя идеи. Отсюда выходили воины для битвы съ эллинами на поляхъ Троянскихъ, дабы мечемъ рѣшить вопросъ: быть или не быть Сатурновой религіи, уступить или не уступить эллинскому многобожію? Здѣсь длились споры, кипѣли страсти, лилась кровь аріанъ, македоніанъ, иконоборцевъ и православныхъ. Здѣсь, въ этой св. Софіи, варвары паписты, закованные въ желѣзо и сталь, на время утверждали каѳедру папы и ругались надъ греками. Здѣсь воцарилось лжеученіе аравійскаго пророка и полумѣсяцъ смѣнилъ крестъ на храмахъ, обращенныхъ въ мечети. Что еще будетъ въ этомъ городѣ? Не знаю, пророчественный ли инстинктъ или гордость говорятъ мнѣ, что Царь-Градъ рано или поздно будетъ завоеванъ русскими и останется въ ихъ власти".

Высадившись на островъ Халки, пишетъ онъ далѣе, „съ трудомъ взобрались мы на гору у его пристани и остановились въ недалекомъ разстояніи отъ воротъ училищнаго монастыря, для кратковременнаго отдыха, подъ огромнымъ развѣсистымъ кленомъ. Чистый тонкій горный воздухъ, напитанный смолистыми испареніями здѣшнихъ сосенъ, впивалъ я въ себя съ жадностью. Грудь моя вздымалась высоко; я чувствовалъ въ самой основѣ моей жизни тихій приливъ новыхъ силъ и пріятное трепетаніе, нѣсколько похожее на сладкую потяготу послѣ спокойнаго и глубокаго сна. Я продолжалъ это наслажденіе, несмотря на безпрестанный зовъ о. Григорія [1]): „пойдемъ, насъ ожидаютъ". Душа моя была спокойна; ее безотчетно тѣшили очаровательные виды Царь-Града, Азіи и успокоеннаго моря между островами. Я былъ счастливъ въ эти минуты и теперь запишу для памяти, что счастье состоитъ иногда въ забытьи и въ безотчетномъ созерцаніи природы... „Насъ ждутъ, просятъ, приглашаютъ, кричалъ мнѣ мой спутникъ... Иду, отвѣчалъ я и съ недовольствомъ вступилъ въ ограду монастыря.

На обратномъ отсюда пути къ Константинополю, пишетъ

---

[1]) Спутника его по Константинополю и Востоку.

архимандритъ Порфирій далѣе, „когда мы втянулись въ середину залива, сильнѣйшій порывистый вѣтеръ дулъ съ сѣверныхъ береговъ Азіи и страшно волновалъ море... Рулевой направлялъ бѣгъ прямо противъ вѣтра, и каикъ, вздымаясь и опускаясь, разсѣкалъ сердитыя волны и едва-едва подвигался впередъ. Минулъ часъ, минули два, мы почти ни съ мѣста; каикчіи начали выбиваться изъ силъ, опускали весла, и брызги волнъ орошали насъ. Наконецъ, каикчіи совершенно выбились изъ силъ, бросили весла и стали упрашивать кормчаго поставить боковой парусъ... Какъ на бѣду, парусъ не былъ приготовленъ, какъ слѣдуетъ: вѣтромъ то развертывало, то свертывало его; волны били въ бокъ и окачивали насъ брызгами; рулевой поставилъ каикъ между волнами; парусъ натянуло; каикъ склонился на бокъ, а парусъ еще не былъ укрѣпленъ; его едва держали въ рукахъ лодочники. Это была самая страшная минута; мы были на волосокъ отъ смерти; я оцѣпенѣлъ отъ холода и страха. Я молился, ужасался, и опять молился, и опять робѣлъ. Парусъ былъ утвержденъ; каикъ быстро понесся бокомъ; всѣ мы на корточкахъ присѣли у другого бока на днѣ каика. Лишь только отлегло было у меня на сердцѣ, какъ вдругъ одинъ изъ лодочниковъ, стоявшій около паруса, закричалъ: tramontana, tramontana! Сердце мое обливалось кровью; я догадался, что мы попадаемъ подъ самый опасный вѣтеръ, вырывающійся изъ ущелій возвышенныхъ береговъ Азіи. Въ самомъ дѣлѣ, этотъ ужасный вѣтеръ набѣгалъ на насъ и порывомъ своимъ почти опрокидывалъ лодку, потомъ онъ скрывался и опять ужасалъ насъ. Признаюсь, эти минуты были еще страшнѣе. Чѣмъ неожиданнѣе порывъ вѣтра, тѣмъ сильнѣе испугъ. Такимъ образомъ, между страхомъ и надеждою мы плыли довольно долго, пока стали подъ вѣтромъ у самыхъ береговъ. Парусъ былъ опущенъ, и на веслахъ мы приплыли въ Карталими—турецкую деревню“.

Скоро послѣ этого архимандриту Порфирію пришлось проѣзжать чрезъ знаменитое въ Турціи Скутарійское кладбище, и вотъ что сообщаетъ о немъ въ своемъ дневникѣ нашъ ученый изслѣдователь.

„Солнце стало скрываться за холмами Новаго Рима. Вечерѣло; мы въѣхали въ Скутарійское кладбище, славное своимъ мѣстоположеніемъ и кипарисными рощами. И подлинно, едва-ли есть гдѣ на свѣтѣ подобное кладбище. Я видѣлъ въ Крыму, около Чуфутъ-Кале, Іосафову долину тамошнихъ караимовъ и любовался ею. Но эта долина ничто въ сравненіи съ Скутарій-

скимъ кладбищемъ. Прекрасное поле смерти и покоя. По обѣимъ сторонамъ весьма широкой дороги высятся и густятся прекраснѣйшіе кипарисы. Эти вѣчно зеленые кипарисы суть выразительныя эмблемы безсмертія и жизни вѣчной. Замѣтилъ я около нѣкоторыхъ могилъ по два почти сросшіеся кипариса; какъ живо напоминали они, что въ могилахъ покоятся два сердца, любившія другъ друга. Оба придорожья усѣяны были надгробными памятниками. Сколько счастливцевъ, сколько несчастныхъ, богатыхъ и бѣдняковъ, мужей и женъ, дѣтей и старцевъ покоятся на этомъ полѣ! И всѣ они ожидали воскресенія и жизни вѣчной"...

„На кладбищахъ турецкихъ бываютъ и гулянья; здѣсь же въ области смерти любовь назначаетъ свиданія любви. Казалось бы, при видѣ гробовъ надлежало плакать о суетѣ жизни и каяться; но такова сила чувственности, освященной закономъ лжепророка, что и поле смерти обращается турками въ мѣсто сладострастія".

Не менѣе интересны въ путевомъ дневникѣ архимандрита Порфирія и всѣ тѣ страницы, въ которыхъ онъ описываетъ свое первое представленіе къ святѣйшему Іерусалимскому патріарху, имѣвшему тогда Константинополь мѣстомъ своего жительства.

„Вошедши въ келію патріарха (Іерусалимскаго), я помолился по обычаю русскому. Маститый святитель сошелъ на полъ съ низменнаго дивана, на которомъ онъ сидѣлъ въ углу келіи. Я поклонился ему до лица земли и поцѣловалъ его десницу, благословившую меня во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Сердце мое билось сильно; опять овладѣла мною робость; я заплатилъ ею дань воспитанію въ страхѣ Божіемъ и въ притрепетномъ повиновеніи и послушаніи святительской власти. Не скрою и того, что меня смущала тайна моего посольства. Тяжело было для меня закрываться личиною предъ человѣкомъ Божіимъ и священнымъ старцемъ; при взглядѣ на него больно было думать, что я, малый отрокъ предъ нимъ, долженъ быть соглядатаемъ управленія его и судіею. Казалось мнѣ, что лицо его выражало нѣкую скорбь. Его блаженство просилъ меня сѣсть и сказалъ, что онъ давно ожидаетъ меня. Эти слова его уничтожили меня; но вдругъ я одушевился и началъ говорить по-гречески.

„Благодарю Бога моего (при этихъ словахъ я невольно поднялъ руку къ небу), что Онъ удостоилъ меня видѣть Ваше

блаженство и принять ваше архипастырское благословеніе. Митрополиты, архіепископы и епископы, которыхъ я видѣлъ въ Петербургѣ и на пути въ Одессу, поручили мнѣ сказать Вашему блаженству, что они просятъ вашихъ св. молитвъ предъ Богомъ и Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ".

Тутъ патріархъ и находившійся здѣсь епископъ Ѳаворскій (Іероѳей) прервали мою рѣчь и единогласно сказали, что они не перестаютъ вспоминать въ молитвахъ своихъ и пастырей церкви россійской, и Благочестиваго Государя нашего, и весь державный домъ Его.

Я продолжалъ вовсе неприготовленную рѣчь свою: „Всѣ іерархи россійской церкви и прочіе пастыри и учители твердо помнятъ, что свѣтъ истинной вѣры возсіялъ намъ изъ гроба Господня. Духовное, молитвенное общеніе нашей церкви съ четырьмя восточными православными церквами никогда не прерывалось. Вѣдомо вамъ, что всѣ святѣйшіе четверопрестольные патріархи, усопшіе и живые, воспоминаются нами въ молитвахъ".

Преосвященный Іероѳей опять прервалъ меня и сказалъ отъ лица патріарха и цѣлой Іерусалимской церкви:

„Его блаженство и всѣ мы радуемся, что Господь видимо благословляетъ церковь и Державу Россійскую и что православная вѣра распространяется".

Затѣмъ архимандритъ Порфирій говорилъ объ общемъ состояніи русской православной церкви, о числѣ православныхъ вѣрующихъ въ предѣлахъ русской державы, о пріобрѣтеніи русскою церковью многихъ новыхъ членовъ и о числѣ монаховъ и монахинь.

Посѣщеніе архимандритомъ Порфиріемъ вселенскаго Константинопольскаго патріарха не представляетъ ничего особеннаго. Тѣмъ не менѣе, содержаніе своего разговора съ патріархомъ по вопросу о желательномъ единеніи церквей онъ излагаетъ въ своемъ „Дневникѣ" вообще довольно подробно. Между прочимъ онъ упоминаетъ здѣсь о чрезвычайно простой обстановкѣ пріемныхъ комнатъ патріарха, убранныхъ турецкими циновками, простыми низенькими диванами и нѣсколькими стульями, повидимому, очень простой и неизысканной работы.

Гораздо полнѣе и интереснѣе описано архимандритомъ Порфиріемъ представленіе его къ бывшему патріарху Константинопольскому, Констанцію, жившему тогда близъ Константинополя, на одномъ изъ Принцевыхъ острововъ, именно на Антигонѣ.

Вотъ подлинныя объ этомъ посѣщеніи слова архимандрита Порфирія.

„Патріархъ Констанцій живетъ здѣсь (на островѣ Антигонѣ) въ собственномъ домѣ. Розы, жеоржини, туберозы и другіе цвѣты виднѣлись въ небольшомъ саду, прилегающемъ къ самому дому. Вотъ какъ поживаютъ здѣсь патріархи,—среди розъ! А сами? Ну ужъ такъ и быть, согрѣшу, сравню ихъ съ крапивою или съ терномъ и волчцами.

„Патріархъ встрѣтилъ и принялъ меня въ залѣ. Лицо его весьма благообразно, бѣло и проникнуто румянцемъ; борода у него окладистая, жемчужная. Онъ говоритъ по-русски довольно хорошо, потому что жилъ долго въ Россіи, въ Кіевѣ. Пріемы его обнаруживаютъ самоуваженіе, а можетъ быть и гордость. Но вотъ странность! Патріархъ почти непрестанно хохочетъ весьма громко и даже непристойно. Разговоръ нашъ касался состоянія православной церкви на Востокѣ... Когда я спросилъ его, есть ли надежда, что Синайская обитель можетъ разлить свѣтъ вѣры Христовой, по крайней мѣрѣ, между сосѣдними племенами; то онъ сперва захохоталъ и потомъ отвѣчалъ, что въ Турціи намъ запрещено и невозможно обращать подданныхъ султана въ христіанство, и прибавилъ, что даже приписанные къ монастырю арабы остаются въ магометанствѣ. Тонъ, какимъ говорилъ патріархъ со мною объ этомъ предметѣ, ужасно не понравился мнѣ, и я, чтобы смирить его, началъ говорить, что прозрѣніе въ будущность не обѣщаетъ ничего отраднаго; что едва-ли не постигнетъ церковь восточную та же трагическая судьба, какая постигла Византійскую имперію. Я хотѣлъ распространить эту мысль, порывался нѣсколько разъ говорить, что есть печальное сходство между церковью и имперіей, что имперія сперва гибла въ периферіи, потомъ въ центрѣ; не то же ли можетъ случиться и съ православною церковью? Но патріархъ не давалъ мнѣ говорить; непрестанно прерывалъ мою рѣчь то хохотомъ, то своими словами, которыхъ я не помню отъ досады. Замѣтивъ, что ему непріятно такое напоминаніе, я замолчалъ... Я хотѣлъ подолѣе посидѣть и поговорить съ патріархомъ, но онъ, подъ предлогомъ усиленнаго вѣтра, высылалъ меня изъ комнаты и спроваживалъ на Халки, гдѣ и переночевать совѣтовалъ. Это взбѣсило меня, и я простился съ нимъ недовольный".

Не болѣе благопріятенъ отзывъ и о всемъ греческомъ духовенствѣ, какой даетъ архимандритъ Порфирій за время своего пребыванія въ Константинополѣ, опираясь въ этомъ отношеніи

главнымъ образомъ на мнѣніе протоіерея Икономоса, высказанное имъ, повидимому, съ очень тяжелою болью въ сердцѣ, но и съ самой полной искренностію, столько свойственной его высокому сердцу и его необыкновенно широкому взгляду на все и пониманію.

„Сѣдой старецъ, пишетъ архимандритъ Порфирій, обрадовался моему посѣщенію. Мы усѣлись вдвоемъ и ровно четыре часа бесѣдовали съ уха на ухо на французскомъ языкѣ, дабы никто не могъ подслушать и понять насъ. Сначала я просилъ его дать мнѣ понятіе о настоящемъ состояніи греческой церкви. Ничего отраднаго не слышалось изъ устъ его. По словамъ его, духовенство невѣжественно и безсильно; въ Синодѣ нѣтъ постоянныхъ, пожизненныхъ членовъ, какъ въ Россіи; иновѣрное правительство по своимъ видамъ ежегодно назначаетъ разныхъ епископовъ для присутствованія въ семъ высшемъ духовномъ судилищѣ; эти епископы, по выраженію Икономоса, sont tous misérables; предъ правительствомъ они безгласны, какъ рыбы“.

„Греческій народъ, говорилъ съ прискорбіемъ и воздыханіемъ мудрый старецъ, я называю: θεοποίμαντος Богоправимымъ“.

На своемъ продолжительномъ пути къ Св. Землѣ архимандритъ Порфирій не оставлялъ безъ своего посѣщенія и осмотра ни одного, кажется, православнаго храма, ни одной святыни, чѣмъ-либо достопримѣчательной въ историческомъ отношеніи, спеціально археологическомъ или обще-научномъ. Усердно посѣщалъ онъ всѣ болѣе значительные православные храмы и въ самомъ Константинополѣ, съ особеннымъ вниманіемъ останавливаясь въ это время главнымъ образомъ на томъ, что представлялось ему въ этихъ храмахъ болѣе новымъ, своеобразнымъ, не принятымъ пока къ примѣненію въ нашихъ русскихъ храмахъ. Посѣтилъ онъ въ это время и патріаршую Константинопольскую церковь во имя Святаго Георгія. И вотъ то немногое, что онъ записалъ потомъ въ „Книгѣ своего бытія“ по поводу того, что онъ здѣсь слышалъ и видѣлъ.

Во всѣхъ трехъ отдѣленіяхъ патріаршей церкви во имя Святаго Георгія устроены по сторонамъ простыя сѣдалища для богомольцевъ и хоры съ густыми рѣшетками для женскаго пола. При видѣ этихъ сѣдалищъ и хоръ мнѣ стало досадно, что въ Россіи вывели ихъ изъ употребленія въ храмахъ. Богослуженіе христіанское требуетъ извѣстной чистоты сердца и

цѣломудрія, посему необходимо должно скрывать въ церквахъ женскій полъ отъ похотливыхъ взоровъ мущинъ, особенно въ наше время, когда по слабости или недостатку вѣры и страха Божія люди готовы грѣшить и въ самомъ святилищѣ Господнемъ. Во храмѣ мы таинственно изображаемъ собою херувимовъ, слѣдовательно, должны устремлять всѣ свои мысли и чувствованія къ единому Богу и Господу нашему Іисусу Христу. Но наша плоть такъ немощна; не надобно же подавать ей случая къ поползновенію и искушеніямъ отъ близкой наглядности на женскую прелесть. Надобно предохранять и слабый полъ отъ подобныхъ искушеній. Богослуженіе наше приспособлено къ сидѣнью: зачѣмъ же стоять въ церкви? И не спокойнѣе ли слушать проповѣдь сидя, нежели стоя?

Въ Константинополѣ архимандритъ Порфирій пробылъ около трехъ съ половиною недѣль, съ 22 сентября по 15 октября 1843 года. Здѣсь, помимо чудныхъ красотъ южной природы и чарующе прелестнаго вида самаго города, расположившагося по мягкимъ отлогостямъ граціозныхъ горъ, живо привлекало къ себѣ архимандрита Порфирія и то совершенно новое для него общество, въ кругу котораго онъ теперь обращался и отъ котораго имѣлъ въ виду получить всѣ болѣе важныя и болѣе необходимыя ему въ предстоящемъ пути свѣдѣнія. Очень большое значеніе придавалъ онъ также и своему представленію къ мѣстнымъ восточнымъ патріархамъ, Константинопольскому и Іерусалимскому. Архимандриту Порфирію очень хотѣлось непосредственно услышать мнѣніе ихъ святѣйшествъ по нѣкоторымъ вопросамъ церковной жизни и церковнаго благочинія, а вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ истинному члену церкви, хотѣлось получить и ихъ святительское благословеніе. Не могли, конечно, не интересовать архимандрита Порфирія и многія православныя святыни этого города, столько помраченнаго теперь исламомъ, но когда-то проливавшаго истинный свѣтъ Христова ученія па самыя отдаленныя страны свѣта и народности. Здѣсь же, въ Константинополѣ, сличая свое близкое и родное съ чужимъ, онъ неожиданно натолкнулся, какъ мы это уже и видѣли, и на совершенно новую для него мысль о желательности нѣкоторыхъ измѣненій въ устройствѣ русскихъ православныхъ храмовъ и въ томъ положеніи, какое, по установившемуся обычаю, занимаютъ въ нихъ теперь молящіеся.

IV.

Отъ Константинополя до Іерусалима.

Около 15 числа октября архимандритъ Порфирій считалъ свою миссію въ Константинополѣ уже достаточно выполненной. Поэтому утромъ 15 октября, не теряя ни одного уже лишняго дня, онъ выѣхалъ изъ Константинополя въ Бейрутъ, въ главный городъ азіатско-турецкаго вилайета, лежавшій на пути его слѣдованія въ Святую землю. Затѣмъ изъ Бейрута онъ отправился прежде всего въ Дамаскъ, гдѣ ему предстояло ознакомиться съ положеніемъ православія въ одной изъ болѣе древнихъ его колыбелей. Пробывъ здѣсь и въ нѣкоторыхъ ближайшихъ къ Дамаску монастыряхъ около шестнадцати дней, онъ направился, наконецъ, и къ главной цѣли своего пути, къ Іерусалиму, куда давно уже влекли его всѣ лучшія его чувства и настроенности.

Путь, по которому приходилось теперь слѣдовать архимандриту Порфирію, былъ во многихъ отношеніяхъ очень тяжелъ и даже очень не безопасенъ. Нашему ученому изслѣдователю и его ближайшему спутнику, іеродіакону Григорію, приходилось двигаться отъ Бейрута до Дамаска и обратно отъ Дамаска, чрезъ Бальбекъ и Триполи, до Бейрута большею частію но недостаточно устроенному еще пути, по склонамъ и отлогостямъ покрытыхъ дикими зарослями горъ, по узкимъ и очень дикимъ иногда между горами ущельямъ, слабо освѣщаемымъ даже въ ясные дни, при полномъ блескѣ теплаго южнаго солнца. Притомъ же, ни одинъ на этомъ пути переѣздъ, хотя бы и самый незначительный, не могъ считаться для нашихъ путниковъ вполнѣ и во всѣхъ отношеніяхъ безопаснымъ. На каждомъ шагу можно было ожидать здѣсь неожиданныхъ встрѣчъ и столкновеній съ самыми подозрительными и ненадежными людьми, готовыми на всякое недоброе дѣло. Безъ двухъ, трехъ, и иногда даже и безъ четырехъ проводниковъ нельзя было сдѣлать здѣсь, безъ большого для всѣхъ риска, даже и нѣсколькихъ верстъ пути,—такъ все было неустроено здѣсь и ненадежно. Не всегда удобны были для нашихъ путешественниковъ и мѣста ихъ остановокъ для отдыха въ пути и особенно для спокойнаго и укрѣпляющаго сна, столько необходимаго для всѣхъ послѣ длинныхъ и очень утомительныхъ иногда переѣздовъ. Совершенно полное для себя на этотъ предметъ удовлетвореніе находилъ архимандритъ Порфирій только въ нѣкото-

рыхъ попутныхъ монастыряхъ, съ хорошо устроенными въ нихъ кельями для проѣзжающихъ болѣе или менѣе извѣстныхъ лицъ, а также и въ болѣе значительныхъ попутныхъ городахъ, гдѣ всегда почти удавалось устраиваться нашимъ путешественникамъ вообще довольно удобно.

Тѣмъ не менѣе, полная почти на Востокѣ неустроенность и отсутствіе достаточно удобныхъ помѣщеній для отдыха въ пути сдѣлали то, что архимандритъ Порфирій не могъ уже съ должною обстоятельностію и полнотой излагать въ своемъ „Дневникѣ“ о томъ, что приходилось ему теперь видѣть и слышать. Тяжелый и тревожный путь въ продолженіе цѣлаго дня требовалъ полнаго для всѣхъ съ наступленіемъ ночи покоя, и потому какъ бы ни были разнообразны и цѣнны впечатлѣнія каждаго проведеннаго дня, ихъ приходилось касаться архимандриту Порфирію уже только вскользь, какъ бы мимоходомъ.

Очень можетъ быть, что и суровые Ливанъ и Антиливанъ, со всѣми лежащими по ихъ возвышенностямъ и склонамъ монастырями и селеніями, не производили уже на архимандрита Порфирія такого сильнаго и живого впечатлѣнія, какое производили на него когда-то живописное побережье Далмаціи или какъ только-что оставленные имъ пышный Константинополь и живописный Босфоръ съ его утопающими въ роскошныхъ садахъ берегами. Горы Ливана и Антиливана въ той своей части, гдѣ ихъ пересѣкалъ съ своимъ спутникомъ архимандритъ Порфирій, не были широко оживлены, какъ горы Далмаціи, живописно окаймляющей ихъ полосой моря, и потому, естественно, не могли и вызывать въ немъ настроеній и чувствъ, пережитыхъ когда-то архимандритомъ Порфиріемъ на болѣе живописномъ побережьи Далмаціи или, немного послѣ, на еще болѣе очаровательныхъ берегахъ Босфора.

Получаемыя теперь архимандритомъ Порфиріемъ впечатлѣнія отъ картинъ мѣстной горной природы и отъ перваго соприкосновенія съ своеобразными нравами и обычаями совершенно чуждыхъ ему народностей могли быть ослаблены нѣсколько и разнообразіемъ впечатлѣній, полученныхъ имъ отъ предметовъ совершенно другого характера, относившихся уже къ главной цѣли его настоящаго пути, къ кругу предметовъ его непосредственнаго изученія. Сюда главнымъ образомъ перенесены были теперь его всегда живыя въ отношеніи ко всему наблюденія и его глубокая и дѣятельная мысль, необыкновенно отзывчивая на все новое и живое. На этихъ предметахъ его непосредствен-

наго изученія по преимуществу сосредоточенъ былъ теперь и счастливый даръ его живого слова. Христіанскіе православные храмы, восточные мужскіе и женскіе монастыри, выдающагося типа дѣятели восточной церкви, болѣе вліятельные и болѣе значительные представители мѣстной церковной іерархіи, памятники древней христіанской святыни и старины, иногда совершенно заброшенные мѣстнымъ населеніемъ, — все это, какъ соприкасавшееся съ основными задачами и цѣлями его настоящаго пути, а въ извѣстной мѣрѣ и съ основнымъ призваніемъ всей его жизни,—все это по преимуществу интересовало теперь архимандрита Порфирія и составляло главный и живой предметъ его изученія. Поэтому, обо всемъ остальномъ, хотя бы также не лишенномъ извѣстнаго значенія и интереса, но не входящемъ ближайшимъ образомъ въ кругъ его обслѣдованія и изученія, онъ упоминаетъ теперь въ своемъ „дневникѣ" часто уже въ двухъ-трехъ словахъ, а иногда ограничивается и простымъ только названіемъ предметовъ, останавливавшихъ на себѣ почему-либо его вниманіе. Все это прекрасно можно видѣть уже и въ тѣхъ немногихъ словахъ, въ какихъ описанъ былъ архимандритомъ Порфиріемъ первый день его пути по азіатскому материку, отъ Бейрута до перваго отдыха на этомъ пути, до хана Хсейна. Вотъ подлинныя объ этомъ слова архимандрита Порфирія, внесенныя имъ въ его путевой дневникъ подъ 26 октября 1843 года.

„Вторникъ. Départ pour Damas. Выѣздъ изъ Бейрута въ 1 часъ пополудни. Cortège: Мострасъ, албанецъ, да насъ четверо. Прощаніе. Столѣтники. Песокъ. Ручеекъ горный. Шелковицы и фиги. Подымаемся на горы. Почта. Встрѣча съ нашею Хассаномъ бейрутскимъ и дамасскимъ. Его свита — арабчикъ на креслахъ съ чайникомъ или водоносомъ. Каменный дождь. Козья дорога; взглядъ на Бейрутъ, подобно Лотовой женѣ. Море подымается за нами. Monts croissants sans cesse. (Постепенно возвышающіяся горы). Маронитскія деревни. Дома безъ оконъ. Сады масличные и фиговые. Террасы. Плугъ Адама. Отдыхъ въ 4 часа и т. д. Т. 1, стр. 215.

Очень кратко и большею частію въ нѣсколькихъ лишь словахъ описаны въ этой части дневника и всѣ турецкіе города, какіе лежали на пути слѣдованія архимандрита Порфирія въ Святую землю. Вотъ, напримѣръ, то немногое, что онъ призналъ необходимымъ отмѣтить въ 1 томѣ своего дневника на 294 страницѣ объ одномъ изъ такихъ городовъ, лежащемъ на самомъ берегу моря.

„Триполи издали казался полосою или, лучше, косою, далеко выдавшеюся въ море. Но по приближеніи оказалось, что выдалась въ море только такъ называемая Скала, подлѣ которой и корабли становятся, а самый городъ прислоненъ къ горѣ и отдѣляется отъ моря садомъ. Предмѣстіе города. Сады. Въѣздъ въ городъ. Глинистый потокъ такъ и реветъ среди города. Въ 4 часа пополудни мы въ метрополіи.

Свиданіе съ преосвященнымъ Іоанникіемъ. Ужинъ рыбный. Ночлегъ. Дождь ночью. Каплетъ въ комнатѣ“.

Столько же кратко описанъ былъ епископомъ Порфиріемъ, подъ 4 декабря 1843 года, и главный городъ азіатско-турецкаго вилайета Сиріи, Бейрутъ, съ его живописными окрестностями, отрогами Ливанскихъ горъ. Вотъ подлинныя слова архимандрита Порфирія объ этомъ городѣ и окружающихъ его горныхъ высотахъ.

„За скалою море вливалось въ горный берегъ почти полукружіемъ. Бейрутъ съ своими зелеными садами красовался на возвышенности, далеко вдвинутый въ море, такъ что она заслоняла собою воды его. Подлѣ самаго берега морского мы поспѣшили въ городъ, въ желанное мѣсто покоя послѣ столькихъ трудовъ, лишеній и даже умственныхъ, душевныхъ наслажденій. Видъ Ливанскихъ горъ здѣсь пріятенъ. Почти на каждой вершинѣ стоитъ или деревня, или церковь, или монастырь; холмы обработаны; тамъ распаханы террасы; тамъ зеленѣютъ масличія. На одномъ изъ послѣднихъ холмовъ мнѣ указывали монастырь, въ которомъ жила знаменитая богомольемъ и распутствомъ Гендіе“. Объ этой знаменитой настоятельницѣ одного изъ католическихъ женскихъ монастырей будетъ еще сказано здѣсь нѣсколько ниже.

Съ нѣсколько большимъ вниманіемъ остановился архимандритъ Порфирій въ своемъ путевомъ „дневникѣ“ на протекающей около Бейрута необыкновенно бурной рѣкѣ Наръ-елъ-Кельбъ, а также и на развалинахъ стараго водопровода, устроеннаго когда-то на одномъ изъ скалистыхъ береговъ этой рѣки и теперь пришедшаго уже въ полную ветхость. Но и здѣсь многое изложено только въ общихъ чертахъ и какъ бы даже нѣсколько не договорено, не закончено.

„Направляясь къ Бейруту, пишетъ архимандритъ Порфирій подъ 4 декабря 1843 года, мы приблизились къ рѣкѣ Наръ-елъ-Кельбъ (Σκυλοπόταμος = собачья рѣка). Подлинно соотвѣтствуетъ она своему названію: рвется, какъ цѣпная собака, кружится, бѣжитъ впередъ и назадъ и въ стороны, мечется, кидается, шумитъ, урчитъ. Невозможно было переправиться чрезъ нее

ни при впаденіи ея въ море, ни повыше. Надлежало слѣзть съ лошадей и переправиться черезъ мостъ. Тутъ я увидѣлъ величественную картину природы. По обѣимъ сторонамъ рѣки двѣ огромнѣйшія, высокія каменныя обнаженныя горы, какъ отвѣсныя стѣны, стоятъ и смотрятъ другъ на друга. По лѣвой горѣ, на извѣстномъ возвышеніи, за мостомъ, устроены водопроводы. Изъ этой горы каскадами выливается вода. Древле она протекала по водопроводу, вѣроятно, къ мельницѣ, а теперь, по ветхости его, просачивается повсюду и льется по стѣнѣ горной, но льется съ шумомъ. За мостомъ видны каменные, кажется, кирпичные столбы или пилястры съ арками, и надъ ними-то струится вода и по нимъ стекаетъ въ рѣку. Усталость и нетерпѣливое желаніе пріѣхать засвѣтло въ Бейрутъ отняли у меня охоту заняться разсмотрѣніемъ этого водопровода.

Съ нѣсколько большими подробностями и въ болѣе соотвѣтствующихъ краскахъ и тонахъ описана архимандритомъ Порфиріемъ очень гордая и величественная мѣстность у Сайданайскаго женскаго монастыря, близъ Дамаска. Это объясняется, можетъ быть, исключительно живописной красотой этой мѣстности, по преимуществу приковавшей къ себѣ вниманіе такого отзывчиваго любителя природы, какимъ всегда былъ нашъ ученый изслѣдователь. Но можетъ быть болѣе подробное описаніе этой мѣстности и лежащаго на одной изъ ея горныхъ возвышенностей женскаго монастыря явилось естественнымъ слѣдствіемъ и тѣхъ болѣе спокойныхъ сравнительно и пріятныхъ дней, какіе во время этого безпокойнаго пути именно здѣсь проведены были архимандритомъ Порфиріемъ, столько нуждавшимся въ это время въ полномъ и тихомъ покоѣ.

„Обитель сія, пишетъ онъ на 251—254 страницахъ своего „дневника“, построена на дикой, высокой, уединенной цѣльной скалѣ, какъ бы вынырнувшей изъ бездны. Скала эта не ровна въ бокахъ, ноздревата и образована въ видѣ наплывовъ, какъ будто каменная жидкость кипѣла бѣлымъ ключемъ и вдругъ огустѣла. По краямъ этой скалы построены высокія каменныя стѣны изъ мѣстныхъ бѣлыхъ твердо хрящеватыхъ камней тесаныхъ, большихъ внизу и меньшихъ кверху. Большіе камни имѣютъ видъ параллелепипедовъ, а меньшіе квадратовъ. Всѣ эти камни складены безъ извести и цемента въ стѣнахъ, а внутри въ келіяхъ на извести. Въ стѣнахъ южной и сѣверной устроены ворота очень малыя и узкія.

Окрестное мѣстоположеніе монастыря очень живописно... Поднимите здѣсь вашъ взоръ къ горизонту, вамъ представится

огромнѣйшая покрытая снѣгомъ гора. Величавъ ея видъ. Это настоящій символъ убѣленнаго сѣдинами старца, но сохраняющаго крѣпость силъ и свидѣтеля многихъ событій, бурь, бѣдствій, дней ясныхъ и радостей. Второй и третій холмы поражаютъ одной дикостью своею. Четвертый сливается съ массою огромнѣйшей полукруглой горы, которая, какъ вѣнецъ, огибаетъ монастырь съ сѣвера на востокъ и, спускаясь въ поле тремя отпрысками, оканчивается дикимъ, плѣшивымъ, каменнымъ холмомъ, въ которомъ есть отверстіе, ведущее въ пещеру, вмѣщающую въ себѣ до 400 овецъ или козъ въ зимнее время".

Неособенно обширными оказываются также и всѣ характеристики духовныхъ лицъ, съ которыми приходилось встрѣчаться на этомъ пути и долго говорить архимандриту Порфирію. Вотъ что пишетъ онъ, между прочимъ, о селевкійскомъ митрополитѣ Іоаковѣ, личности во многихъ отношеніяхъ очень интересной, занимательной и, нѣтъ сомнѣнія, очень типичной для представителей на Востокѣ высшей церковной іерархіи.

„Послѣ завтрака посѣтилъ меня селевкійскій митрополитъ Іаковъ. Узнавъ, что я изъ Россіи, онъ спросилъ меня, умѣю ли я говорить по-русски? Оказалось, что у него нѣтъ монастырей и имѣній. Онъ не знаетъ числа домовъ и душъ православныхъ христіанъ въ своей епархіи. Равнодушно говорилъ, что христіане православные его епархіи принимаютъ турецкую вѣру; что недавно изъ деревни, находящейся подлѣ женской обители, одна крестьянка доброликая, разссорившись съ своимъ мужемъ, потурчилась и скрылась въ Дамаскѣ и что лишь стараніями патріарха она возвращена была въ вѣру православную и въ деревню".

„Митрополитъ Іаковъ изъ туземныхъ арабовъ — черной крови. Мало говоритъ по-гречески. Совершенный невѣжда — бедуинъ; отъ него пахнетъ тиною; руки его необычайно черны. Съ нимъ были у меня два священника-араба. Въ деревнѣ митрополичьей есть уніаты. Унія вторглась сюда лѣтъ за 80, и церковь отнята у православныхъ лѣтъ за 50. Такимъ образомъ митрополитъ остается безъ церкви. Онъ даже не умѣлъ разсказать о началѣ уніи. Старый священникъ, служившій сегодня обѣдню, помогъ ему. Патріархъ виноватъ, — есть люди... да невѣждъ дѣлаютъ епископами... При такихъ безпорядкахъ погибаетъ православіе [1]).

---

[1]) Преосвященный селевкійскій Іаковъ былъ игуменомъ монастыря пророка Иліи и дурнымъ. Чтобы избавиться отъ него, сдѣлали его архіереемъ.

Къ этимъ грустнымъ словамъ архимандрита Порфирія, въ которыхъ слышится какъ бы опасеніе его за дальнѣйшее положеніе православія въ Святой землѣ, нельзя не отнестись иначе, какъ только съ самымъ полнымъ и живымъ вниманіемъ и съ такимъ же именно чувствомъ грусти, съ какимъ они выражены были и самимъ архимандритомъ Порфиріемъ въ „Книгѣ его бытія".

Очень интересно сообщеніе архимандрита Порфирія и о томъ, какъ и при какой обстановкѣ совершалось этимъ митрополитомъ церковное богослуженіе.

„8 ноября 1843 года, въ понедѣльникъ, въ 7 часовъ утра, митрополитъ селевкійскій служилъ литургію въ церкви Сайданайскаго женскаго монастыря съ 4 священниками безъ діакона, безъ митры, въ обыкновенной камилавкѣ, въ которой онъ ходитъ на вѣтеръ. На немъ была панагія. Мужикъ въ саккосѣ! Босые, полунагіе мальчики прислуживали ему; о. архимандритъ Агафангелъ въ буркѣ дорожной и въ епитрахили читалъ евангеліе. Послѣ литургіи, пишетъ далѣе архимандритъ Порфирій, я принялъ благословеніе митрополита въ алтарѣ, потомъ помолился въ часовенкѣ предъ таинственнымъ окномъ, предъ которымъ на полу, на мраморѣ, замѣтилъ арабскую надпись. Не при мнѣ писана!

Не заключается также ничего особенно благопріятнаго и въ отзывахъ архимандрита Порфирія о томъ, какъ относятся на Востокѣ высшія духовныя власти къ низшимъ чинамъ духовенства и монашествующей братіи. Вотъ что пишетъ онъ, между прочимъ, объ отношеніи Дамасскаго (Антіохійскаго) патріарха къ находящемуся въ его патріархатѣ Белемендскому мужскому монастырю, не располагавшему большими матеріальными средствами.

„2 декабря, утромъ, монахи Белемендскаго монастыря, лежащаго на склонѣ послѣдняго хребта Ливана, просили, подъ проклятіемъ, о. Григорія сказать мнѣ, что они чрезвычайно обижены патріархомъ и что они всѣ убѣгутъ въ маронитскую главную обитель Св. Антонія (католическую), если не будетъ улучшено ихъ состояніе. Патріархъ забираетъ изъ монастыря полотенца, салфетки и деньги будто на сохраненіе. Монастырь имѣетъ дохода до 120—130 тысячъ піястровъ (до 12.000—13.000 руб.); но на монаховъ и прочія нужды расходуется отъ 20 до 30 тысячъ піастровъ (2.000—3.000 рублей). Епитропъ, бывшій съ нами, упрашивалъ ихъ потерпѣть и обѣщался самъ ѣхать въ Дамаскъ ходатайствовать за нихъ, чтобы опять воз-

становлено было ученіе ихъ (?), улучшена трапеза и проч.; иначе онъ откажется отъ епитропства по расчетѣ съ патріархомъ. Патріархъ смѣлыхъ монаховъ вызываетъ въ Дамаскъ и болѣе не возвращаетъ ихъ, а разсылаетъ въ разные монастыри.

Не лучше своихъ владыкъ были здѣсь очень многіе и изъ рядовыхъ членовъ церковнаго клира—священники, діаконы, а также и сами міряне. Особенную склонность обнаруживали духовныя лица къ любостяжанію, къ деньгамъ и всякаго рода матеріальнымъ пріобрѣтеніямъ. За большее или меньшее матеріальное вознагражденіе они готовы были совершать нерѣдко совершенно противозаконныя надъ разными лицами требы, какъ напримѣръ елеосвященіе надъ совершенно здоровыми людьми и т. п.

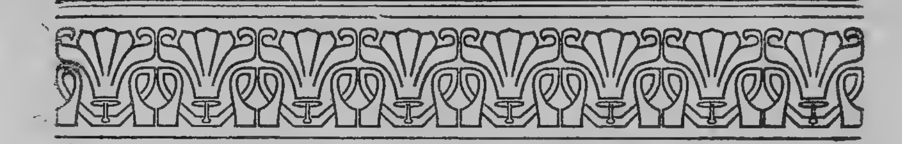
„По разсказу о. Григорія, ближайшаго спутника архимандрита Порфирія на отдаленномъ его пути въ Святую землю, въ воскресенье, 19 декабря 1843 года, послѣ утрени предъ обѣдней совершено было въ Яффѣ, въ церкви Іерусалимскаго мужского монастыря, елеосвященіе для народа. „Попы громогласно приглашали предстоящихъ къ участію въ таинствѣ. По совершеніи онаго началась литургія среди церкви, а игуменъ во всю обѣдню мазалъ православныхъ и собиралъ деньги. Тутъ происходилъ въ церкви шумъ, крикъ, толкотня. Несносно корыстолюбіе греческихъ монаховъ. По этой страсти они совершаютъ елеосвященіе для здоровыхъ, несмотря на то, что оно установлено для больныхъ“.

Очень своеобразна и во многихъ отношеніяхъ далеко не лестна для восточныхъ христіанъ вообще и та краткая характеристика, какую даетъ архимандритъ Порфирій въ своемъ „Дневникѣ“ триполійскимъ христіанамъ, пришедшимъ посмотрѣть на русскаго ученаго археолога, когда онъ находился въ Триполи, и получить его благословеніе.

А. Красевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ записокъ 1877—78 г.г. [1]).

Днемъ 7-го февраля мы вышли берегомъ Буюкъ-Дере и направились въ открытое море, которое всѣ $2^1/_2$ сутокъ нашего путешествія почти безъ устали бушевало;—въ февралѣ и въ мартѣ иначе и не бываетъ, пояснилъ намъ капитанъ.

Послѣ дорогого вниманія, которымъ мы были окружены въ пути, послѣ прекраснаго довольствія и полной чаши во всемъ,—наступилъ полдень 10-го числа, когда мы, приставши къ пристани въ Трепизондѣ, должны были разстаться съ достойнѣйшимъ капитаномъ.

Чтобы дополнить картину его безконечнаго вниманія къ намъ, нужно упомянуть о томъ, что, встрѣтившій насъ на Трепизондской пристани среди многотысячной толпы народа итальянскій консулъ Рива, давая разныя поясненія, сказалъ: съ послѣдней вашей остановки на берегу Чернаго моря изъ Херасунда капитанъ, посылая намъ телеграмму, просилъ между прочимъ непремѣнно пригласить съ собой доктора для встрѣчи, такъ какъ старшій представитель великокняжеской миссіи сильно заболѣлъ. Сильно заболѣлъ, нельзя было сказать, но дѣйствительно въ послѣднюю ночь, послѣ выхода изъ каюты на палубу, въ разбушевавшуюся погоду, я нѣсколько простудился,—меня сильно знобило и лихорадило, такъ какъ при сильной зубной боли развился очень болѣзненный флюсъ. Такое вниманіе капитана рѣшительно поразило насъ всѣхъ.

На пристани въ Трепизондѣ капитанъ собралъ массу извѣстныхъ ему рабочихъ; благодаря этому намъ, до наступленія

---

[1]) См. „Русская Старина", іюнь 1915 г.

сумерекъ, удалось извлечь коней изъ трюмовъ, достать вьюки, багажъ, и мы во-время добрались пѣшкомъ до дома русскаго консульства, въ которомъ Рива отвелъ намъ квартиру.

Докторъ итальянскаго консульства Атанасіу приложилъ большое стараніе къ тому, чтобы уходъ за моимъ флюсомъ возможно скорѣе привелъ къ облегченію болѣзни; благодаря его заботамъ, къ вечеру другого дня громадный нарывъ, надутый разными специями восточной аптечной кухни, лопнулъ, и такимъ образомъ я получилъ возможность представиться 12-го числа днемъ мѣстному вали (губернатору)—Юсуфу-пашѣ, который, по словамъ консула, очень много и видимо съ большимъ интересомъ разспрашивалъ его въ мельчайшихъ подробностяхъ объ насъ, о цѣли нашей командировки и проч., и проч.

По виду своему Юсуфъ представлялъ собою нѣчто похожее на грубое животное, хотя и старался казаться инымъ и не былъ такимъ; онъ сидѣлъ все время на низкомъ диванѣ, поджавши подъ себя ноги, не переставая густо дымить кальянъ; однако насъ усиленно угощалъ турецкимъ кофе и папиросами; это онъ дѣлалъ очень старательно, благодаря тому, что, какъ объяснилъ Рива, на него чрезвычайное впечатлѣніе произвелъ князь Уцміевъ, владѣвшій въ совершенствѣ „ученымъ“ турецкимъ языкомъ.

— Вотъ, сказалъ Юсуфъ, случается же такъ, что мусульманинъ, владѣтельный князь,—ханъ Карабахскій, „магометански образованный“; чудно говоритъ, вѣроятно, также чудно думаетъ, а служитъ гяурамъ, служитъ русскому Царю.

Узнавъ, что Уцміевъ ѣдетъ по назначенію великаго князя отдѣльно отъ насъ дальше въ Батумъ, Юсуфъ-паша сказалъ:

— Ну, пусть, пусть онъ ѣдетъ туда, это хорошо, тамъ его займетъ Дервишъ-паша, онъ у насъ самъ ученый, найдетъ о чемъ поговорить съ юнымъ карабахскимъ князькомъ.

При первомъ же нашемъ визитѣ Юсуфъ-паша намъ сообщилъ, что отъ принца Рейса имѣется предупредительное увѣдомленіе—не выпускать насъ изъ Трепизонда до тѣхъ поръ, пока отъ сераскиріата не получатся на насъ всѣ документы; а затѣмъ, когда онъ, принцъ Рейсъ, дастъ телеграмму объ отправленіи, тогда назначить намъ хорошій конвой изъ 12-ти человѣкъ заптіевъ подъ начальствомъ хорошаго, надежнаго штабъ-офицера и оказать во всемъ полное содѣйствіе къ обезпеченію намъ совершенной безопасности въ походѣ на Эрзерумъ.

Затѣмъ при насъ же Юсуфъ-паша обратился къ какому-то чину въ фескѣ и видимо постарался сказать такъ, чтобы князю

Уцміеву было все ясно слышно: какъ лицу, которое, понимая турецкій языкъ, могло намъ все сказанное передать въ переводѣ:—сейчасъ же надо вызвать въ Трепизондъ Гассана, сказалъ онъ, сообщите ему мое требованіе,—явиться ко мнѣ, я самъ передамъ ему приказаніе съ наставленіями о томъ, что онъ будетъ обязанъ сопровождать урусовъ (русскихъ); дѣло это требуетъ особаго вниманія и ему совершенно особо ввѣряется.—Все это насъ немало мирило съ личностью принца Рейса.

На другой день мы еще спали, когда явилась къ намъ феска съ увѣдомленіемъ о прибытіи Гассана и о желаніи его представиться намъ.

Гассанъ занималъ мѣсто начальника заптіевъ Трепизондскаго вилаета и имѣлъ чинъ маіора, при чемъ его въ служебномъ обиходѣ именовали Гассанъ-бей; онъ былъ въ непосредственномъ подчиненіи вали (губернатора) Юсуфъ-паши и каждый разъ, когда являлась надобность командированія куда-либо по болѣе выдающемуся случаю, жандармскаго штабъ-офицера, обыкновенно губернаторы, т. е. и Юсуфъ - паша и его предмѣстники пользовались для этого Гассаномъ, какъ человѣкомъ развитымъ, энергичнымъ, а главное вѣрнымъ служакой, на котораго можно было вполнѣ положиться рѣшительно во всемъ, требующемъ правды, силы, настойчивости и добросовѣстности.

Его положеніе вообще оказалось около насъ съ первыхъ шаговъ крайне нелегкимъ, такъ какъ то, что вызывается первымъ впечатлѣніемъ вообще, было далеко не на его сторонѣ и, если бы консулъ Рива не взялся, отъ себя и отъ имени Юсуфапаши, его энергично передъ нами поддержать, неизвѣстно, что изъ этого вышло бы; правда, и явившійся къ намъ, съ желаніемъ стать Гассану поперекъ дороги, проситель невольно возвысилъ его положеніе.

Прибывъ въ Трепизондъ и помѣстившись на житье, согласно распоряженія вѣдавшаго дѣла русскихъ подданныхъ, итальянскаго консула Рива, въ пустовавшемъ домѣ русскаго консульства, мы оказались переданными французомъ капитаномъ парохода „Илисусъ“ какъ бы изъ рукъ въ руки на заботливое попеченіе этого консула.—Молодой, энергичный итальянецъ, оставивъ на другомъ концѣ города въ домѣ итальянскаго консульства свою семью, состоявшую изъ жены и шестерыхъ, родившихся въ теченіе трехъ лѣтъ по двойнѣ, дѣтей,—самъ занялъ у насъ въ нижнемъ этажѣ одну тѣсную комнату и остался проживать при насъ для того, чтобы быть всегда на

чеку и наготовѣ оказать намъ въ чемъ понадобится помощь, содѣйствіе и показать на каждомъ шагу заботливость и вниманіе, а также имѣть возможность во-время предупредить наши желанія и нашу въ чемъ бы то ни было нужду.

Восемь дней всего провели мы въ Трепизондѣ и прожили возлѣ заботливости этого, дотолѣ невѣдомаго намъ, человѣка; покидая же этотъ городъ, мы оставляли въ немъ что-то дорогое, съ чѣмъ не только свыклись, но какъ будто бы сроднились.

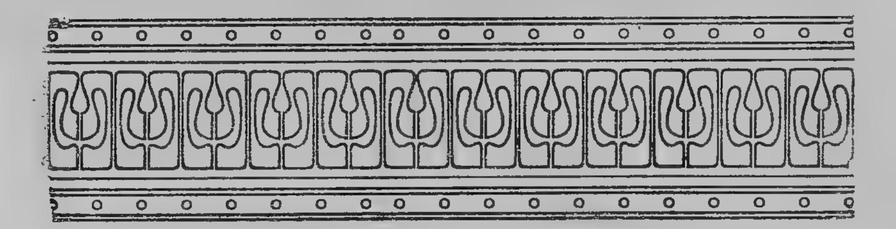
Всѣ приготовленія къ предстоявшему намъ путешествію на Эрзерумъ, а также хлопоты и ходатайства по нашимъ дѣламъ онъ умудрился взять до мельчайшихъ подробностей на себя, и надо было поражаться, какъ могъ онъ во всемъ поспѣвать, ничего не упуская и во всемъ тонко показывая ту заботливость, которая прямо изобличала,—на сколько этому, чужому для насъ человѣку, мы сразу стали своими и насколько все, касавшееся насъ, онъ принималъ близко къ сердцу, какъ будто что-то свое, родное.

Маленькая завѣса секрета этой всей привязанности открывалась въ томъ, что онъ былъ женатъ на русской: года за три до этого времени, онъ высмотрѣлъ себѣ невѣсту въ лицѣ дочери русскаго консула одного изъ городовъ юга Италіи; увлеченный пыломъ любви и привязанности къ молодой, въ высокой степени образованной женщинѣ-красавицѣ, ставшей подругой его жизни, этотъ сынъ юга всецѣло, по его словамъ, проникъ чувствами своими къ ея далекой сѣверной родинѣ, а также беззавѣтно полюбилъ все, что касалось этой холодной страны, и рѣшительно все, что только могло ему представлять ее, напоминать объ ней.

Е. К. Андреевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Воспоминанія генералъ-лейтенанта Николая Константиновича Языкова о кампаніи 1877-го года [1].

Записки, найденныя послѣ смерти Н. К. Языкова.

---

30 ноября изъ Магалы на тройкѣ въ тарантасѣ поѣхалъ я опять въ Плевну. Въ Дольнемъ Дубнякѣ устроенъ былъ лазаретъ, наполненный ранеными. Изъ Плевны навстрѣчу часто попадались лазаретныя линейки и подводы съ турецкими ранеными. У моста собраны были плѣнные турки, пѣхота и кавалерія, охраняемая цѣпью солдатъ. Многіе изъ нихъ дрожали и жались отъ холода, разговаривали на непонятномъ языкѣ съ конвойными, когда желаетъ перебѣжать изъ одной группы въ другую. Между плѣнными были и мертвые, которыхъ отталкивали въ сторону. Далѣе проѣхать не было возможности; я остановился пріискать и купить себѣ турецкую лошадь. Офицерамъ дозволено было продавать лошадей, лучшія ужъ были раскуплены, равно какъ и оружіе все было отобрано. Удалось мнѣ купить маленькую лошадку кругленькую за 3 золотыхъ и названа была „Плевною“. Алексѣевъ тоже купилъ недурного жеребчика за 6 золотыхъ у турецкаго капитана,

Со слезами на глазахъ прощался плѣнный со своимъ конемъ, лошадь оказалась, дѣйствительно, очень хорошею, только мала ростомъ, какъ всѣ турецкія лошади.

Плѣннымъ дѣлали перекличку, сортировали ихъ, подъ наблюденіемъ генералъ-лейтенанта Скобелева I, присланнаго главнокомандующимъ. Продовольствіе плѣнныхъ возложено было на интенданта гренадерскаго корпуса полковника Миллера, съ ко-

---

[1]) См. „Русская Старина“, апрѣль 1915 г.

торымъ познакомился я еще въ Кишеневѣ. Въ городъ Плевну я не поѣхалъ, было уже поздно, а по дорогѣ заѣхалъ въ Дольній-Дубнякъ на квартиру къ полковнику Миллеру погрѣться и напиться чаю. Хозяина не было дома, денщикъ его насъ угостилъ чаемъ и бѣлымъ хлѣбомъ, что для насъ составляло рѣдкость и лакомство. Въ Магалѣ съ большимъ трудомъ можно было и то не всегда достать десятокъ бѣлыхъ сухарей за 1 р. сер. Съ 1-го числа декабря сталъ выпадать снѣгъ, но таялъ и увеличивалъ распутицу. 3-го декабря получено было приказаніе Дохтурова однимъ переходомъ бригады перейти въ Пелишатъ и состоять въ распоряженіи главнокомандующаго. Этимъ кончилось участіе сводной бригады въ обложеніи Плевны въ 6-мъ участкѣ. Быть можетъ, при болѣе энергичномъ и рѣшительномъ начальникѣ 2-я бригада могла принять большее участіе въ сдачѣ Плевны. 4-го дек. рано утромъ съ большими затрудненіями начали вытаскивать обозъ и батареи по дорогѣ къ Дольнему-Дубняку. Не доходя Плевны на шоссе встрѣтили корпуснаго командира генерала Ганецкаго, который пропустилъ мимо себя полкъ, здороваясь по-эскадронно, благодарилъ за службу и подбадривалъ солдатъ. Онъ остался очень доволенъ видомъ полка и благодарилъ меня. Съ генераломъ Ганецкимъ выросъ какъ изъ земли и генералъ Дохтуровъ, который встрѣтилъ полкъ не ласково, а бранью и рѣзкими замѣчаніями, за то, что полкъ шелъ на мундштукахъ, въ киткахъ везли сѣно и ячмень на лошадяхъ, столько, сколько можно было везти, не обременяя лошадь.

Командира бригады генерала Лошкарева засыпалъ выговорами. На бѣду подъѣхалъ къ Дохтурову командиръ бригады 9-й дивизіи генералъ Макаровъ, бывшій командиръ Московскаго драгунскаго полка; приложившись, снялъ перчатку и протянулъ руку Дохтурову, который свою руку отдернулъ назадъ. Сконфуженный Макаровъ отъѣхалъ, и я осѣдлалъ свою лошадь, чтобы не быть свидѣтелемъ послѣдствій, которыя могли бы произойти, не будь Макаровъ человѣкомъ мягкимъ. Множество пѣхоты и артиллеріи пришлось обгонять. Начальникъ дивизіи приказалъ идти не въ Пелишатъ, а въ Порадимъ, мундштуки приказалъ снять, лошадей поить, кормить дорогою и ускакалъ, оставивъ по себѣ самое невыгодное впечатлѣніе. Черезъ мостъ у Плевны, на который вышелъ Османъ-паша, съ трудомъ по одному можно было пробраться, такъ запруженъ былъ повозками, жителями и ихъ скарбомъ домашнимъ. Весь этотъ людъ вышелъ изъ Плевны, желая послѣдовать за войсками Османа, а назадъ

въ городъ изъ боязни не возвращались. Женщины, дѣти, домашній скотъ имѣли видъ дикаго табора. Черезъ городъ Плевну, полкъ пришелъ въ порядкѣ, разспрашивая у болгаръ дорогу въ Порадимъ. Ужъ вечерѣло, останавливаться кормить и быть застигнутымъ ночью, не зная дорогъ, было не резонно, надо было поспѣшить добраться до Порадима.

Часто приходилось спѣшиваться, чтобы людямъ дать согрѣться и лошадей облегчить, мосты по дорогѣ попадались разрушенные, приходилось объѣзжать по топкой мѣстности, лошадей переводить въ поводу, на все это шло время, а на дворѣ совершенно стемнѣло, только въ 8 ч. вечера добрались до Порадима. На звуки трубачей, квартирьеры вышли навстрѣчу, эскадроны развели по участкамъ.

Морозъ былъ порядочный. Мнѣ отведена была квартира, бывшая военнаго министра, рядомъ съ домикомъ, гдѣ помѣщался Государь. Безумный и безцѣльный переходъ въ 60 верстъ чуть не пагубно отразился на ввѣренную мнѣ часть. Фуража въ Порадимѣ не оказалось, расположенный здѣсь конвой Государ посылалъ за фуражемъ въ Магалу. Главная квартира князя Румынскаго тоже бѣдствовала фуражемъ. Запасъ, привезенный изъ Магалы, оживлялъ лошадей, скоро его не стало, и пришлось кормить лошадей консервами, принятыми отъ интендантства. Нѣкоторыя лошади упорно отказывались ѣсть консервы, предпочитая глодать крыши и выбивать остатки соломы. Погода тоже не благопріятствовала, выпалъ снѣгъ, съ сильнымъ вѣтромъ подымалась вьюга, и морозъ доходилъ до 12°. Былъ случай, что одну лошадь въ № 3 эскад. у костра отогрѣвали. Насъ чрезвычайно обрадовало извѣстіе, что Афанасьевъ этими днями долженъ доставить полушубки.

5-го декабря поѣхалъ въ Боготъ являться Великому Князю. Съ трудомъ дотащился на тройкѣ, встрѣчая по дорогѣ раздирающія душу сцены, бѣдствіе и транспорты съ ранеными. Множество издыхающихъ и павшихъ лошадей валяется на пути и у самаго Богота.

У Великаго Князя былъ докладъ генерала Тотлебена, пришлось довольно долго ожидать. Боготъ имѣлъ самый непривлекательный видъ. Штабные чины были всѣ скучены, или разбросаны, такъ что никто мнѣ не могъ указать, гдѣ кто помѣщается. Наконецъ изъ юрты Великаго Князя вышелъ генералъ Тотлебенъ съ Левицкимъ, а Великимъ Княземъ были приняты я, полковникъ Балкъ и начальникъ штаба дивизіи Черепановъ.

Главнокомандующій привѣтливо насъ принялъ, спросилъ, по сколько рядовъ, и пожелалъ всякаго благополучія въ будущихъ дѣлахъ, прибавивъ, что Сумцы имѣли хорошее дѣло у Калараша. Съ большимъ трудомъ, скорѣе случайно нашелъ я бывшаго своего сослуживца ординарца Великаго Князя Вонлярлярскаго, который напоилъ меня чаемъ. Въ Порадимъ къ вечеру ужъ дотащился.

На другой день 6-го декабря надо мнѣ было явиться принцу Карлу Румынскому. Обозъ еще не прибылъ въ Порадимъ, въ походномъ платьѣ, такъ и пошли являться принцу, который меня и генерала Лошкарева любезно принялъ, пригласивъ въ этотъ день черезъ своего адъютанта къ завтраку. Въ Порадимѣ нашлось у меня много знакомыхъ изъ ординарцевъ, состоящихъ при Румынскомъ Князѣ и конвоѣ Государя. Пріятно мнѣ было встрѣтить кавалергардовъ унтеръ-офицера Карпова, поступавшихъ изъ дворянъ по набору и унтеръ-офицера Марченко, какъ лучшіе люди назначены были въ конвой Государя. Командиръ конвоя князь Васильчиковъ часто меня посѣщалъ, и не думаю, чтобы изъ лести, но отзывался весьма пріятно для меня о наружномъ видѣ лошадей полка и людей. Къ назначенному часу завтрака, пріѣхалъ я съ Лошкаревымъ къ князю Карлу. Штабъ и свита толпились въ палаткѣ, раскинутой у самой квартиры. Обстановка самая походная, свита щегольски одѣта. Вся публика переминалась отъ холода съ ноги на ногу, явился и князь Карлъ, потирая руки. Лошкаревъ сѣлъ рядомъ съ княземъ, а я напротивъ; разговоръ шелъ о событіи дня — о Плевнѣ. Начальникъ румынскихъ госпиталей французъ въ яркихъ краскахъ описывалъ положеніе турецкихъ раненыхъ и больныхъ въ Плевнѣ. Съ другого конца сталъ до меня доноситься разсказъ румынскаго кавалериста о разныхъ лихихъ реквизиціяхъ, сдѣланныхъ въ наказаніе жителямъ за содѣйствіе туркамъ. При чемъ князь Карлъ выразилъ, что за порчу телеграфовъ въ особенности слѣдуетъ предавать смертной казни.

Погода этими днями все ухудшалась, сильные морозы и метели губительно дѣйствовали на несчастныхъ погонцевъ, которые выпрягали оставшихся въ живыхъ лошадей среди поля и бросали на произволъ судьбы, телѣги же рубили на костры, чтобы отогрѣться. Несчастныя эти лошади инстинктивно тащились до деревни, ища крова и пищи у землянокъ и тутъ же отъ голода и холода дохли. Объ отсутствіи продовольствія для лошадей мною поданъ былъ рапортъ начальнику дивизіи, который расположился съ Петербургскимъ

Уланскимъ полкомъ въ деревнѣ Пелишатъ. На рапортъ мой распоряженія не послѣдовало.

9-го числа приказано готовиться къ выступленію. Чемоданы приказано оставить въ Порадимѣ съ мундирами и прочими солдатскими вещами. Солдатамъ велѣно взять одну смѣну бѣлья, пару запасныхъ сапогъ. Заботами эскадронныхъ командировъ куплены были у маркитантовъ сапоги для солдатъ, износившихъ свою обувь—по очень дорогой цѣны, 4 и 5 золотыхъ платили; за свои сапоги я заплатилъ 7 золотыхъ. Изъ офицерскихъ повозокъ приказано взять одну на дивизіонъ и одну артельную повозку на эскадронъ, одинъ зарядный ящикъ съ патронами, прочія части обоза, не исключая лазаретной линейки, оставить въ Порадимѣ. Оставшихся обозныхъ лошадей приказано взять подъ вьюки. Въ одну изъ ночей передъ выступленіемъ изъ Порадима я былъ разбуженъ съ просьбою послать людей на помощь транспорту раненыхъ. Лошади не везли, выбились изъ силъ и повозки начало заносить снѣгомъ.

Полковой врачъ старикъ Сперанскій принялъ живое участіе — сдѣланы были перевязки раненымъ, 9 человѣкъ самыхъ слабыхъ помѣстили въ полковой лазаретъ, а прочихъ развели и разнесли по землянкамъ и домамъ. Что съ ними стало съ нашимъ выступленіемъ, не извѣстно. Начальникъ дивизіи генералъ Дохтуровъ какъ-то таинственно злобно на всѣхъ насъ смотрѣлъ, что сильно къ нему не располагало. Въ особенности когда стало извѣстно, что начальникъ штаба, полковникъ Черепановъ, встрѣтилъ Государя отъѣзжающаго изъ Порадима, и Государь милостиво спросилъ: „гдѣ мои драгуны; передай имъ поклонъ отъ меня, сожалѣю, что ихъ не видѣлъ, надѣюсь, что они будутъ молодцами дѣйствовать“. Столь милостивое вниманіе Государя и Августѣйшаго шефа полка было доложено начальникомъ штаба. Когда начальникъ дивизіи обратился къ Дохтурову съ вопросомъ, когда отдать въ приказѣ Монаршую милость, его отвѣтъ былъ: „можете частнымъ образомъ передать Языкову“.

Я просилъ начальника дивизіи дозволить довести обозъ до г. Ловчи, какъ лежащаго на пути сообщеній, и тамъ сложить чемоданы, что значительно облегчило бы впослѣдствіи доставку обоза, но получилъ отказъ.

11-го декабря выступили изъ Порадима по зимнему пути въ д. Слатино 20 верстъ и на другой день, сдѣлавъ 18 верстъ, пришли въ г. Ловчу. Люди хотя и были въ полушубкахъ, холода не ощущали, но ноги стыли, часто спѣшивались, чтобы

дать ногамъ согрѣться. Дорогою обгоняли пѣхотныя части 16-й дивизіи и артиллерію, мѣстами шоссе было испорчено и вся дорога въ крутыхъ подъемахъ была. Въ г. Ловчѣ полкъ расположился по дворамъ, правѣе турецкаго кладбища, дома почти что были разрушены, на улицахъ встрѣчалось много болгаръ, должно быть, бѣженцы, т.-е. переселенцы изъ другихъ городовъ и деревень. На главной улицѣ построено было нѣсколько тріумфальныхъ воротъ, украшенныхъ зеленью, приготовленныхъ для встрѣчи Великаго Князя. Было предположеніе, что главная квартира изъ Богота переѣдетъ. Не доѣзжая Ловчи, встрѣтилъ я бывшаго своего сослуживца, полковника Желтухина, который 11 лѣтъ былъ въ отставкѣ, жилъ въ Парижѣ и снова поступилъ на службу. Желтухинъ мнѣ сообщилъ, что Скобелевъ 2-й находится въ Ловчѣ. Извѣстіе это мнѣ было пріятно, такъ какъ служилъ прежде со Скобелевымъ 2 въ одномъ полку; я былъ поручикомъ, а онъ юнкеромъ и съ его возвращенія изъ Ташкента его не видалъ. Слыша же въ послѣднее время объ изумительной храбрости генерала на „бѣломъ конѣ", по прибытіи въ Ловчу, я тотчасъ отправился его отыскивать. Скобелевъ встрѣтилъ меня какъ стараго товарища и просилъ прійти обѣдать къ нему.

Въ ожиданіи обѣда я отправился отыскивать какого-нибудь трактира или маркитанта, съ утра ничего не ѣлъ, а обѣдъ предстоялъ въ 5 часовъ. Съ трудомъ удалось мнѣ отыскать какой-то трактиръ, содержанный евреемъ, тутъ была и гостиница съ номерами. Офицеры всѣхъ частей осаждали кухню, желая что-нибудь получить изъ ѣды. Добился и я ужаснаго борща, грязнаго, но горячаго, заплатилъ 1 р. за хлѣбъ и купилъ еще про запасъ. Узнавъ, что въ этой гостиницѣ остановился начальникъ дивизіи, я пошелъ явиться и узнать, какое будетъ распоряженіе. Генералъ Дохтуровъ встрѣтилъ меня въ яростномъ настроеніи и съ пѣной у рта спрашиваетъ меня:

– Почему у его квартиры нѣтъ конвоя и часовыхъ. Я отвѣтилъ очень хладнокровно, потому что распоряженія не было, полку неизвѣстно даже было, гдѣ онъ находится.—Посмотрѣли бы вы, отвѣтилъ мнѣ генералъ, какъ генералъ Скобелевъ помѣщается, лучшая квартира, всюду часовые, а я въ конурѣ, да и ту нанимаю.

Градъ неудовольствій посыпался на начальника штаба, который тутъ подвернулся, и я получилъ приказаніе назначить въ конвой и для караула эскадронъ къ квартирѣ его превосходительства. Тутъ же сообщено мнѣ было, что завтра высту-

пить полку въ дер. Микра, гдѣ предполагалось найти продовольствіе для лошадей, такъ какъ въ Ловчѣ съ трудомъ можно было достать. Посмотрѣвъ свое помѣщеніе, состоящее изъ мазанки съ двумя вдовами и человѣкъ шесть дѣтей, отцы которыхъ зарѣзаны были турками, пошелъ я обѣдать къ Скобелеву, котораго засталъ, разсматривающаго карту. Еще часъ прошелъ до обѣда въ разговорахъ, вспоминали прошлую службу, про семейныя дѣла говорили; про предстоящее движеніе онъ мнѣ прямо сказалъ, что ничего не можетъ сообщить. Къ обѣду собралось много народу, ординарцы, члены штаба, бригадный генералъ Торчиловскій, полковникъ Панютинъ и корреспондентъ Немировичъ-Данченко. Обѣдать вышли въ другую комнату, и разговоръ былъ самый оживленный. Вспоминали Ташкентъ и эпизоды нынѣшней войны. Скобелевъ отдалъ за обѣдомъ нѣсколько приказаній дивизіонному своему интенданту, о заготовленіи во что бы то ни стало продовольствія для 16-й дивизіи, которая эшелонами уже выступила въ г. Сельви. Крутые подъемы затрудняли артиллерію; крики солдатъ артиллеристовъ раздавались весь день съ высотъ, окружавшихъ Ловчу.

Распростившись со Скобелевымъ, я едва могъ отыскать свою квартиру, и только-что заснулъ, какъ разбуженъ былъ адъютантомъ, пришедшимъ мнѣ доложить, что домъ обрушился, двухъ обозныхъ лошадей убило, четверыхъ трубачей ушибло и трубаческій инструментъ сплюснуло, такъ что полкъ къ общему горю остается безъ хора трубачей на всю кампанію. Впослѣдствіи уже оружейный мастеръ кой-какъ выпрямилъ и спаялъ трубы, и хоръ трубачей составился. Ушибленные трубачи отправлены были въ госпиталь, а про происшедшій случай донесено было начальнику дивизіи.

Изъ Порадима выступилъ каждый полкъ отдѣльно по высланнымъ маршрутамъ: 13-го декабря изъ г. Ловча Московскій драгунскій полкъ выступилъ въ дер. Микра. По маршруту значилось 25 вер., оказавшихся на дѣлѣ 35 вер. Отойдя не далеко отъ г. Ловчи, спускъ съ горы сдѣлался невозможенъ по крутизнѣ, по крутымъ поворотамъ по самой горѣ и узкому проходу, для небольшого числа повозокъ, слѣдовавшихъ за полкомъ. Дивизіонъ драгунъ былъ спѣшенъ, эскадронъ съ лопатами пошелъ обрыть и расширить сколько возможно спускъ. Другой эскадронъ на веревкахъ сталъ спускать повозки съ кручи и поддерживать съ боку, чтобы не свалилась повозка въ пропасть. Люди скоро изловчились, и повозки скоро и благополучно были спущены съ крутизны. Предстоялъ еще боль-

шій трудъ, подыматься по гористо-лѣсистой мѣстности, мѣстами вязкой дорогѣ. Лошади совершенно выбивались изъ силъ, нѣсколько обозныхъ лошадей оставлено было на пути, люди на рукахъ втаскивали повозки. Эскадроны шли, хотя и мѣшкотно, но безъ затрудненій. Насъ ободряло то, что навстрѣчу попадались возы съ сѣномъ на полозьяхъ; сѣно везли для главной квартиры, какъ передавали казаки. Къ полдню снѣгъ почти растаялъ и нагруженные возы съ сѣномъ и обезсиленными волами стали на дорогѣ. До дер. Микра прошли черезъ три турецкія селенія совершенно разрушенныя. Большая часть домовъ и садовъ были сожжены, мечети и то обгорѣли. Однѣ голодныя собаки выли и шныряли по селеньямъ. Дорога шла все лѣсомъ, спустившись съ горы въ лощину съ ручьемъ, на противоположномъ склонѣ увидали большую болгарскую деревню Микра. Болгары сначала попрятались, а потомъ выползли, фуражъ почти весь былъ выбранъ изъ дер. Микра до нашего прихода.

За деньги достали небольшое количество сѣна и ячменя для эскадроновъ. Ночевавъ въ дер. Микра, по маршруту слѣдовало идти въ дер. Сапотъ и дер. Гулема-Желѣзна, куда, какъ слышно было, направленъ былъ и казачій № 1 полкъ. Въ дер. Сапотъ полкъ пришелъ 14-го декабря отъ дер. Микра въ 10 вер. Съ помощью старостъ фуражъ доставался. Вечеромъ получено было приказаніе изъ гор. Ловчи: „драгунскому полку выступить 16-го числа изъ дер. Сапотъ, не стѣсняясь переходами и ночлегами, слѣдовать по направленію Гулема-Желѣзна, Добродапъ, Рабію, Демянова въ дер. Харва, куда прибудетъ и штабъ дивизіи“.

Объ продовольствіи людей распоряженія не послѣдовало, хотя извѣстно было, что провіанта у меня осталось на два дня. О недостачѣ провіанта послалъ донесеніе и получилъ приказаніе выдавать деньги на руки нижнимъ чинамъ, вмѣсто сухарей. Полкъ таялъ отъ больныхъ людей, цифра по госпиталямъ дошла до 115 челов., лошади еще были сохранены. Въ Сапотѣ по 15-е декабря остался на дневку, людямъ приказано беречь сухари, а печь лепешки изъ кукурузы. 16-го декабря полкъ перешелъ въ дер. Долбогданъ 25 вер., по весьма трудной гористой дорогѣ. Обозъ отсталъ, въ деревнѣ застали казачій полкъ № 1. Чтобы не слѣдовать однимъ путемъ и не имѣть однихъ ночлеговъ съ казачьимъ полкомъ, я рѣшился остаться дневать въ дер. Долбогданѣ, тѣмъ болѣе, что болгарская деревня съ жителями; фуражъ достали, лошади стояли въ закры-

тыхъ мѣстахъ. На дворѣ шелъ снѣгъ, а 17-го декабря была сильная метель. Снѣгу навалило много, думалъ даже полозья поддѣлать подъ повозки, но длинныхъ полозьевъ не нашлось въ деревнѣ.

18-го декабря полкъ пришелъ въ дер. Рабію 15 вер. Деревня турецкая, но заселена болгарами. Фуражъ нельзя было купить, хотя большіе склады были ячменя и сѣна, отданные подъ сохрану жителямъ, распоряженіемъ нашихъ гражданскихъ властей. Фуражъ пришлось взять реквизиціоннымъ способомъ у сторожей и выдать полку квитанцію.

(Тутъ записки Н. К. Языкова прерываются, но черезъ нѣсколько времени найдены еще другія, составляя, какъ бы продолженіе начатаго).

Г. Четагдера.

Чтобъ дать себѣ отчетъ всего испытаннаго, на свѣжихъ слѣдахъ сѣлъ я записать лично для своей памяти. Начну съ 25-го декабря 1877 года, съ періода начала сильныхъ ощущеній.

Стояли мы въ дер. Харва, въ 9 вер. отъ Сельви, почти безъ всякаго продовольствія для людей и лошадей. Деревня Харва раззорена турками и докончена войсками, которыя до насъ еще проходили. Начальству нашему извѣстно было наше незавидное положеніе, но помочь оно не могло, такъ какъ на нѣтъ и суда нѣтъ.

Хлопотами дивизіоннаго интенданта подполковника Рейнбота, удалось заполучить кой-какой печеный хлѣбъ для людей, который на измученныхъ лошадяхъ привозили изъ Сельви, для лошадей же всѣми неправдами доставали изъ реквизиціонныхъ складовъ, а большею частью захватывали чужую собственность; жалобамъ не было конца, весьма трудно было удержать людей не брать того, что составляло насущное существованіе человѣка или лошади. Слухи доносились до насъ, что 16 дивизія генерала Скобелева снаряжается вьючными лошадьми, громадными запасами патроновъ и готовится въ экспедицію за Балканы по тропинкамъ. Нашъ принципалъ передавалъ намъ это съ необыкновенною таинственностью, предупреждая, что и намъ надо быть ежеминутно готовыми къ движенію впередъ, что и было подтверждено депешею Непокойчицкаго. Наканунѣ Рождества по общему желанію отслужена была всенощная, подъ навѣсомъ, устланнымъ соломою; никогда не забуду я этого вечера, съ какимъ благоговѣніемъ каждый стоялъ, кре-

стился, самые возгласы священника казались мнѣ проникнуты какою-то дрожью, происходящей отъ внутренняго волненія, солдаты на отмашь крестились, и блюда, съ которыми церковникъ обходилъ ряды, моментально наполнялись деньгами. Хоръ пѣвчихъ состоялъ изъ офицеровъ.

Наконецъ, 25 декабря въ 4 часа веч. принесъ мнѣ извѣстіе начальникъ штаба, что завтра приказано двинуться къ Габрову. 26 декабря при ясной, но морозной погодѣ, выступили изъ Харвы, по гористой мѣстности. Не доходя г. Сельви, казаки и уланы нашей дивизіи потянулись по тому же направленію.

Подходя къ Габрову, нашли пригородную часть, запруженною пѣхотою и линейками дивизіонныхъ лазаретовъ. Встрѣченъ былъ я своими квартирьерами, которые мнѣ доложили, что полку приказано идти черезъ городъ и на шестой верстѣ у шоссе расположиться бивуакомъ въ саперныхъ землянкахъ. Сорокъ верстъ мы уже прошли, предстояло еще 6 верстъ идти, начинало темнѣть, а главное морозить, лошади скользили, люди мерзли, эти 6-ть верстъ были тяжелымъ переходомъ. Темнота такая настала, что если бы не остановилъ меня на шоссе прапорщикъ Веревкинъ, посланный съ квартирьерами, я бы проѣхалъ землянки. Привели меня въ какое-то холодное подземелье, увѣряя, что это лучшее помѣщеніе и что здѣсь есть печь. За темнотою надо было повѣрить на-слово и позаботиться растопить печь, которая, несмотря на всѣ усилія Макара моего, дымила нещадно. Сожителями моими былъ братъ и Алексѣевъ, которые тутъ же принялись за рябиновую водку и жареную курицу, привезенную изъ Харвы, поданный чай закончилъ нашу трапезу. Алексѣевъ отправился ночевать въ другое мѣсто, такъ какъ здѣсь не было, гдѣ помѣститься, я и братъ расположились кое-какъ на стрекозахъ. Рано вставъ утромъ 27 декабря, я занялся укладкою своихъ вьюковъ; едва успѣлъ уложить, какъ получилъ приказаніе быть готовымъ къ выступленію; изъ обоза имѣть однѣхъ вьючныхъ лошадей. Было 11 час. утра. Отдавъ нужныя распоряженія, не безъ волненія простился я съ Петромъ, который слезно разливался; подходя къ полку, встрѣченъ я былъ капитаномъ генеральнаго штаба Андріановымъ, присланнымъ генераломъ Радецкимъ въ распоряженіе нашего начальника дивизіи.

Приказано мнѣ слѣдовать за Уланскимъ полкомъ, который бивуакировалъ у г. Габрово. Не только уланы, но и казаки, которые должны слѣдовать въ головѣ, еще не трогались. Андріановъ предложилъ мнѣ сѣсть на разостланную его бурку, и закуривъ си-

гары, я спросилъ его: куда и какимъ путемъ намъ предстоитъ идти? Отвѣтъ его былъ слѣдующій: такъ какъ намъ предстоитъ слѣдовать вмѣстѣ, то, не дѣлая болѣе секрета, скажу вамъ, идемъ по Скобелевской тропѣ черезъ Балканы къ дер. Иметли, часть пути придется идти подъ выстрѣлами и къ разсвѣту попадемъ въ бой, вѣроятно, весьма, весьма серьезный, такъ какъ Радецкому приказано атаковать во что бы то ни стало, хотя отвѣтъ его главнокомандующему былъ таковъ: какъ солдатъ повинуюсь приказанію Вашего Императорскаго Высочества, но долгъ совѣсти заставляетъ меня сказать, что вести атаку болѣе, чѣмъ не благоразумно.

Признаюсь откровенно, выслушавъ все отъ Андріанова, сердце у меня сильно забилось, при мысли, что завтра утромъ надо будетъ въ первый разъ вступить въ бой, мысленно сотворилъ молитву, прося одного у Бога—укрѣпить меня духомъ, сохранить доброе имя. Молитва дѣйствительно успокоила меня внутренно, такъ что я могъ совершенно спокойно дать нужныя распоряженія. Сообщилъ, что перевязочный пунктъ въ деревнѣ Топлище, и приказалъ трубить сборъ полку. Уланскій полкъ что-то замѣшкалъ, мнѣ приказано было слѣдовать за казаками. Перекрестясь, въ 12¼ час. тронулись съ мѣста, свернувъ отъ моста, лежащаго на шоссе къ Шипкинскому проходу вправо по ущелью.

Погода была весенняя, теплая, солнце грѣло и ясно свѣтило, внутреннее мое состояніе было какое-то покойно сосредоточенное. Близость предстоящаго дня наводила на меня различныя размышленія, хотѣлось разомъ какъ-то обо всемъ вспомнить изъ прошлой жизни, внутренно и чистосердечно покаяться во всемъ. Твердо вѣря въ предопредѣленіе Божіе и что все дѣлается къ лучшему, успокоило мои напряженные нервы, и явилась забота какъ бы лучше выбирать дорогу черезъ множество ручьевъ и горныхъ рѣчекъ, которые приходилось проходить въ бродъ, шли мы почти что по руслу рѣки, имѣя съ двухъ сторонъ горы. Къ 2 час. дня пришли мы къ деревнѣ Топлище, гдѣ встрѣтили окровавленныя лазаретныя носилки, и вѣсть разнеслась, что начальникъ штаба Скобелева, полковникъ Куропаткинъ раненъ. Весь отрядъ остановился, и генералъ Дохтуровъ приказалъ мнѣ какъ можно ближе стянуть полкъ, развести эскадроны по сторонамъ, чтобы дорога не была загорожена, людей спѣшить, лошадей кормить и людямъ варить пищу. Остановка нашего движенія объяснялась тѣмъ, что раненый полковникъ Куропаткинъ заявилъ

Андріанову, что путь, по которому намъ предстояло идти, немыслимъ для спуска кавалеріи по своей крутизнѣ. Уланская сотня казаковъ, слѣдовавшая со Скобелевымъ, на лямкахъ спускала лошадей съ кручи; подъемъ загороженъ артиллеріею, которая пятыя сутки идетъ пять верстъ и несется на рукахъ Суздальскимъ пѣхотнымъ полкомъ. Андріановъ счелъ долгомъ доложить полученное свѣдѣніе генералу Дохтурову, который остановилъ отрядъ у самаго подъема, послалъ казачьяго офицера Каргольскаго на рысяхъ на Шипку къ генералу Радецкому съ объясненіемъ полученнаго свѣдѣнія и ждать отвѣта. Драгунскому офицеру приказано было вернуться къ землянкамъ и служить подставою казачьему офицеру для скорѣйшаго полученія отвѣта отъ Радецкаго. Начало смеркаться, мысль, что можетъ быть вернутъ насъ обратно, невольно закрадывалась въ голову, надо было подумать о пріютѣ и голодъ сталъ о себѣ напоминать. Сюда же подъѣхалъ интендантъ болгарскаго ополченія и адъютантъ стрѣлковой бригады, Апухтинъ, вернувшійся съ подъема съ разсказами, что дѣйствительно артиллерія не двигается и едва-ли тутъ кавалерія пройдетъ. Съ этими-то господами я помѣстился въ хатѣ на курьихъ ножкахъ; кто чѣмъ былъ богатъ, начали дѣлиться съѣстнымъ; у Апухтина оказались пирожки очень вкусные изъ Габрова съ капустою, интенданта денщикъ сварилъ какой-то супъ, я предложилъ компаніи чай. Началась оживленная бесѣда о военныхъ событіяхъ, о трудности перехода черезъ Балканы. Интендантъ и Апухтинъ, чтобы не стѣснять меня съ моими сожителями, которые тутъ же дѣлали трапезу, рѣшились перейти на ночлегъ къ какому-то знакомому доктору, который насъ извѣстилъ, что прибылъ на перевязочный пунктъ адъютантъ Великаго Князя, полковникъ Ласковскій, раненый въ руку; онъ находился въ отрядѣ генерала Скобелева. Готовились уже расположиться на отдыхъ, какъ мнѣ доложено было, что штабсъ-капитанъ Семеновскій привезъ отвѣтъ отъ генерала Радецкаго, который писалъ на лоскуткѣ бумаги: „предписываю немедленно двигаться впередъ на соединеніе съ отрядомъ генерала Скобелева, идти во что бы то ни стало, завтра ожидается бой, кавалерія будетъ необходима“. Записка заканчивалась вторичнымъ подтвержденіемъ немедленно идти впередъ. Было 8 час. веч., приказавъ Семеновскому передать донесеніе генерала Дохтурова съ минуты на минуту ожидалъ приказанія сѣдлать и выступать. Скоро дѣйствительно въ ночной тиши раздался сигналъ генералъ-марша, и адъютантъ

принесъ приказаніе двинуться за казачьимъ полкомъ въ 9½ час. веч.

Не хватаетъ у меня умѣнія и живости въ описаніи изобразить все, что представилось моимъ глазамъ, когда я вышелъ изъ хаты, ожидая, пока полкъ осѣдлаетъ и казачій полкъ начнетъ подниматься. Зарево зажженныхъ костровъ отражалось въ ручьѣ, который намъ предстояло перейти въ бродъ, суетливый говоръ и перебранка людей, возящихся около только-что убитыхъ воловъ на мясныя порціи, все вмѣстѣ взятое имѣло видъ чего-то адскаго. Перейдя ручей по кой-какимъ жердямъ, не безъ того, чтобы не попасть въ воду, я поднялся пѣшкомъ на первый подъемъ и сталъ ожидать, пока казачій полкъ вытянется. Казаки, держась за хвостъ своихъ лошадей, вытягивались нескончаемой для меня вереницей. За 6-й сотнею, въ 10 час. веч. тронулся и я съ полкомъ, пѣшкомъ, для чего одѣлся легко и съ помощью палки началъ выбираться. Но скоро изъ силъ выбился, сѣлъ верхомъ на своего Грабежа, который дѣйствительно мнѣ службу сослужилъ въ этомъ переходѣ.

Подъемъ все время шелъ зигзагами по каменистой тропѣ. Лошадь мою велъ все время подъ уздцы унт.-оф. Ермаковъ, который оказывалъ мнѣ необходимую заботливость. Чувствуя, какъ у лошади отъ сильнаго напряженія и карабканія въ гору дѣлалось сильное сердцебіеніе, я слѣзалъ и шелъ пѣшкомъ, поддерживаемый мощною рукою Ермакова, пока силы мнѣ опять не измѣняли, снова садился на своего бѣленькаго коня, который съ удивительною осторожностью ступалъ по каменьямъ, которые скользили и сыпались изъ-подъ его ногъ. Дорога всего подъема, по приказанію ли или отсталыми пѣхотными солдатиками, освѣщаема была кострами, цѣлыя деревья въ иныхъ мѣстахъ горѣли, освѣщая снѣжные подъемы и спуски, придавая всей движущейся массѣ фантастическій видъ. Въ полномъ безмолвіи и тишинѣ отрядъ поднимался, сначала по голымъ утесамъ, а потомъ по лѣсу. Ночь была лунная, безъ вѣтра, что было нашимъ спасеніемъ. Не доходя самаго перевала, настигли мы батарею 16-й дивизіи, которая четвертыя сутки уже поднималась. Тропинки такъ съузились, что только одна лошадь могла идти, по бокамъ снѣжные заносы выше роста человѣка и лошади. По этой-то тропѣ пришлось намъ обходить артиллерію, лошади по грудь вязли въ снѣгу. Суздальскій полкъ тащилъ на рукахъ артиллерію, разбирая по частямъ все, что только подъ силу тащить, снаряды и про-

чія принадлежности, лошади орудійныя, быки и буйволы, служившіе въ подмогу, имѣли самый жалкій видъ отъ утомленія и безкормицы. Пѣхотные солдатики, выбившись изъ силъ, спали мертвымъ сномъ у костровъ. Ни одинъ изъ нихъ, вѣроятно, и вѣчнымъ сномъ заснулъ. Чтобы дать своему коню вздохнуть и подтянуться эскадронамъ, которые растянулись, я часто останавливался, на нѣсколько минутъ, садился на снѣгъ, закутавшись въ бурку; чѣмъ выше поднимались, тѣмъ свѣжѣе становился вѣтеръ, на самой же вышкѣ пришлось идти по льду какъ по зеркалу, такъ все обледенѣло, и холодъ сталъ невыносимъ. Къ несчастью тутъ-то полку и пришлось остановиться, такъ какъ казачій полкъ началъ спускаться, а спускъ предстоялъ втрое труднѣе подъема. Здѣсь-то болѣе 4-хъ час. времени пришлось стоять на мѣстѣ, укрываясь кто чѣмъ могъ и грѣясь въ повалку съ солдатами у костра. Тутъ я первый разъ увидалъ генер. Лошкарева, подсѣвшаго къ костру съ какимъ-то уныніемъ. Многіе офицеры мнѣ передавали впослѣдствіи, что стоянка на мѣстѣ въ ожиданіи возможности начать спускаться была самымъ тяжелымъ переходомъ черезъ Балканы. Выбившись изъ силъ, впадали въ изнеможеніе, ко сну клонило, а боязнь замерзнуть дѣлала борьбу невыносимой. Въ 3 час. началъ брезжить свѣтъ и заниматься утренняя заря, показались огоньки на турецкихъ батареяхъ, которыя открыли пальбу гранатами, когда 4-й эскадр. началъ спускаться. Спускъ съ Балканъ былъ хуже подъема, по крайней мѣрѣ для меня. Несмотря на все изнеможеніе, надо было идти пѣшкомъ. Тутъ же спускались пѣхотные полки, тропинка же такъ узка, что двумъ на лошадяхъ нельзя ѣхать рядомъ, того и гляди задѣнутъ штыкомъ; я не шелъ, а почти на себѣ меня тащилъ Ермаковъ; такъ скользко было, что многіе солдатики пѣхотные подставляли мнѣ свои ружья, какъ опору. Жажда меня мучила невыносимо, воды же нѣтъ, снѣгъ запачканъ, затоптанъ, а солдатики оттаивали его въ котелкахъ и варили какую-то пищу. Съ перевала я началъ спускаться съ 3-й сотнею казаковъ, которые поодиночкѣ меня обгоняли, десятка два шаговъ сдѣлаю, и Ермаковъ усадитъ меня для отдыха. Безъ счету разъ я падалъ и съ Ермаковымъ и одинъ, и собою сшибалъ впереди идущаго пѣхотнаго солдатика, который на-лету, желая меня поддержать, самъ летѣлъ. Уже былъ 8-й часъ утра, когда я добрался до самаго крутого спуска и гдѣ былъ бивуакомъ расположенъ саперный баталіонъ. Офицеры по два и по три человѣка сидѣли въ какихъ-то ямкахъ и пили чай, возбуждали

во мнѣ сильный аппетитъ къ чаю, нѣсколько разъ я порывался подойти и попросить стаканъ чаю, но совѣстно было. На самой дорогѣ въ вырытой какой-то траншейкѣ сидѣлъ команд. саперскаго баталіона полковникъ Свищевскій, со стаканомъ чаю въ рукахъ на разостланномъ фланелевомъ одѣялѣ; такъ мнѣ показалось заманчивымъ, что не выдержалъ, подошелъ, познакомился и началъ разспрашивать, далеко ли до д. Иметли и что новаго вообще. Полковникъ очень любезно отвѣчалъ мнѣ на мои вопросы, допилъ свой стаканъ чаю и приказалъ своему денщику убирать чай, но мнѣ не предложилъ, что положительно меня сердило, въ особенности, когда денщикъ тутъ же, усѣвшись, началъ опоражнивать стаканъ за стаканомъ; не слушая разсказы словоохотливаго полковника, я, обратясь къ денщику, спросилъ, нѣтъ ли воды напиться, отвѣтъ послѣдовалъ, что воды нѣтъ, а если хотите чаю только безъ сахару, и подалъ мнѣ желтоватой теплой водицы, которой я радъ былъ горло промочить. Не успѣлъ я еще допить свой стаканъ, какъ Свищевскій крикнулъ: „саперы въ ружья!“ Движеніе саперъ въ перемѣшку съ казаками, вьючными обозами пѣхоты еще больше задерживали спускъ полка. Многіе смѣльчаки или шутники, не знаю ужъ какъ ихъ назвать, не обходною дорожкою спускались, продѣланною саперами, по которой кавалерія спускалась, а съ самой страшной крутизны, такимъ путемъ и ношу свою спускали. Первый эскадронъ спустился съ самой высокой крутизны, я посмотрѣлъ на часы—было 11 час. 35 м., пушечная и ружейная стрѣльба давно ужъ раздавались; до деревни Имелетли оставалось еще пять верстъ. Солдатики, идущіе намъ навстрѣчу, сказывали, что сраженіе началось, сначала у самой деревни, что турокъ выбили и пошли наступленіемъ. Опредѣленнаго понятія по крайней мѣрѣ я не могъ себѣ составить о томъ, гдѣ и какой бой идетъ. Такъ какъ на спускъ еще трехъ эскадроновъ надо было положить по крайней мѣрѣ 3 или 4 часа времени, а мысль и желаніе на чай меня не покидала, я и приказалъ свой вьюкъ, слѣдовавшій за № 1 эскадр., развьючить и приготовить чай, ко мнѣ и Лошкаревъ присоединился. Между тѣмъ лошадь вьючную провели дальше, пока послалъ я ординарца своего догнать и вернуть ее, казакъ привезъ приказаніе мнѣ и Лошкареву за подписью Нач. Шт. Черепанова, что какъ только полкъ спустится съ горы, то слѣдовать къ д. Шейнова и стать во 2-й линіи за № 1 казачьимъ полкомъ, охраняя его правый флангъ. Объ чаѣ некогда уже было думать, я отправился вслѣдъ за

№ 1 эскадрономъ, частью пѣшкомъ, а гдѣ можно и верхомъ; спускъ уже былъ тутъ отлогій; по дорогѣ попадались тѣла убитыхъ офицеровъ и русскихъ солдатъ, убитыхъ при занятіи Скобелевымъ Иметли. Къ довершенію всего, я забылъ сказать, что только-что подошли къ спуску, повалилъ хлопьями снѣгъ, который залѣпливалъ совершенно глаза. Продолжая спускаться, въ сторонѣ, гдѣ раздавались выстрѣлы, услышалъ я нѣсколько взрывовъ дружнаго „ура", что и было концомъ Шейновскаго дѣла, какъ я узналъ впослѣдствіи. У подножья Балканъ, гдѣ приказано было собираться полку, встрѣтилъ меня кап. Кастирскій и доложилъ, что два ординарца отъ генерала Скобелева пріѣзжали съ приказаніемъ немедленно идти къ Шейнову и отъ генерала Дохтурова тутъ же находился ординарецъ съ приказаніемъ какъ только части Драгунскаго полка соберутся, то направить ихъ къ Казанлыкской дорогѣ. Первый дивизіонъ былъ почти въ сборѣ, я и направилъ его съ ординарцемъ г. Дохтурова, юнкеромъ, гр. Келлеромъ въ его распоряженіе. Отдалъ приказъ, что какъ только второй дивизіонъ соберется, то поведу его къ дер. Шейново. Этимъ временемъ генералъ Лошкаревъ былъ въ большомъ раздумьѣ, съ какою частію ему идти въ бой, по моей настоятельной просьбѣ напоилъ меня чаемъ и далъ что-то закусить. Вообще генералъ этотъ поражалъ всѣхъ за все время похода не только скупостію своею, но скаредностью въ самыхъ обыденныхъ вещахъ. Пока мы закусывали подъ громаднымъ вѣтвистымъ деревомъ, множество раненыхъ несли отъ Шейнова, казаки сновали взадъ и впередъ; подстрекаемый любопытствомъ, я послалъ узнать отъ идущихъ казаковъ, въ какомъ положеніи дѣло. Получилъ отвѣтъ, что подъ Шейновымъ дѣло уже кончено, вскорѣ показались отходящія пѣхотныя части. Къ этому времени второй дивизіонъ спустился съ горъ и готовился къ выступленію, какъ увидѣлъ я командира казачьяго полка полковника флигель-адъютанта Кутейникова, возвращающагося отъ Шейнова, а за нимъ до 5-ти тыс. плѣнныхъ турокъ, конвоируемыхъ казаками.

Казачій полкъ, спустившись съ Балканъ прежде всѣхъ, имѣлъ возможность участвовать въ огнѣ подъ Шейновымъ, не полнымъ составомъ полка, сначала подоспѣли только три сотни, а потомъ уже, къ концу дѣла, прибѣжали и остальные. Если слушать казаковъ объ этомъ дѣлѣ, то чудеса творили. Казаки, увлекшись вѣроятно, начали почти въ упоръ стрѣлять, тогда турецкая кавалерія, не долго думая, рванулась и дала тягу къ г. Казанлыку.

Потеря казаковъ въ этомъ дѣлѣ была отъ 16—18 человѣкъ.

Съ первымъ моимъ дивизіономъ случился слѣдующій казусъ: Юнкеръ гр. Келлеръ сбился съ дороги и хотя бы сказалъ командиру дивизіона, а то, водивши болѣе двухъ часовъ, заявилъ только о своей ошибкѣ. Дѣлать было нечего, измученный дивизіонъ вернулся одновременно съ приходомъ Казачьяго полка изъ подъ Шейнова.

Дохтуровъ, съ пѣною у рта, встрѣтилъ Драгунскій полкъ и уланъ въ особенности, которые только въ 10 час. вечера могли спуститься съ Балканъ. Все его негодованіе происходило отъ того, что прочіе полки не могли принять участіе въ Шейновскомъ дѣлѣ.

Но каждый изъ насъ внутренно убѣжденъ, что сдѣлано было все по совѣсти, съ отвращеніемъ смотрѣли на своего принципала, который не далъ себѣ труда даже сказать: спасибо людямъ за гигантскіе трудъ при переходѣ черезъ Балканы въ 16-ти час. времени. Мѣстность, которую турки считали положительно непроходимою, въ особенности въ зимнее время, такъ что ограничились сдѣлать однѣ засѣки, какъ препятствіе, которыя разобрали саперы.

На ночлегъ отвели полкъ въ деревню Иметли, брошенную совершенно жителями. Долго, шлепая по грязи, не могъ я найти себѣ помѣщеніе, и, найдя какой-то разрушенный турецкій домъ, долженъ былъ послать человѣкъ пять солдатъ очистить отъ всякаго скарба и нечистотъ.

Всякій изъ насъ радъ былъ напиться чаю и отдохнуть послѣ безсонной ночи и перевала черезъ Балканы. Только-что вода въ мѣдномъ чайникѣ стала закипать, какъ получаю приказаніе отъ Дохтурова: полку сѣдлать, черезъ 1/2 часа быть готовымъ, безъ сбора не выѣзжать, за приказаніемъ прислать адъютанта. Чайникъ съ водою былъ вылитъ, вьюки опять уложены, сталъ дожидаться прихода Востросаблина, который принесъ приказаніе, что 1-ому див. выступить подъ нач. подполковника Алексѣева къ Шипкѣ и въ Шейново заѣхать за приказаніемъ къ генералу Скобелеву. № 3 эскадр. идти на аванпосты, № 4 эскадр. разсѣдлывать и оставаться дома. И такъ три эскадрона третьи сутки не разсѣдлываютъ и на службѣ находились безъ всякаго отдыха.

Результатъ отъ 28-го декабря было: атака генер. Радецкаго съ горъ св. Николая, со стороны д. Шейнова атака ген. Скобелева и наконецъ атака кн. Святополкъ-Мирскаго. Все въ совокупности, очищеніе Балканъ отъ турокъ, со множествомъ

плѣнныхъ и захватъ турецкихъ орудій. Всякій былъ герой въ своемъ родѣ, исторія рѣшитъ, кому отдать пальму первенства изъ трехъ начальниковъ отряда.

Первый дивизіонъ мой былъ вызванъ держать охранительную цѣпь у Шипки, чтобы не прорывались въ горы одиночные люди изъ плѣнныхъ.

Ужъ поздно вечеромъ 28-го ч. могъ я наконецъ разсчитывать на покой, пріютивъ къ себѣ Сперанскаго и Вастросаблина, которые расположились на грязномъ, холодномъ полу.

Изъ Иметли пошли мы въ г. Казанлыкъ, куда Великій Князь пріѣхалъ наканунѣ Новаго года; сдѣлана была ему встрѣча войсками. При объѣздѣ полка Великій Князь спросилъ меня: „Тебѣ не удалось подраться, ну такъ удастся еще"! Это было 31-го декабря, и тутъ же получилъ я приказаніе быть готовымъ къ выступленію на другой день.

Новый годъ встрѣтили мы самымъ скромнымъ образомъ, безъ стакана вина, такъ какъ его не было.

1-го января 1878 года, въ 10 часовъ утра, выступили изъ г. Казанлыка въ г. Ески-Загру. Передъ самымъ выступленіемъ узнали мы, что начальство надъ первою бригадою принимаетъ генералъ-маіоръ Струковъ, а Лошкаревъ (политично) назначенъ начальникомъ Шипкинскаго прохода; ему предоставили выбрать двухъ помощниковъ изъ дивизіи, и выборъ его остановился на подполковникѣ Афанасьевѣ и шт.-кап. Сорохтинѣ, которыхъ и отправилъ въ его распоряженіе безъ особаго сожалѣнія. Переходъ малыхъ Балканъ у Ески-Загры былъ для насъ игрушкой, если можно такъ выразиться. У самаго города нагналъ полкъ генералъ Струковъ, очень привѣтливо поздоровался, и я вступилъ въ городъ, совершенно сожженный и раззоренный турками, отыскавъ себѣ помѣщеніе въ табачной фабрикѣ — казачій офицеръ, сотникъ Кирѣловъ, прислалъ мнѣ двухъ куръ и индѣйку на ужинъ, тотчасъ же принялись за стряпню, такъ какъ цѣлый день ничего не ѣли. Солдаты начали шнырять по погребамъ и разрушеннымъ лавкамъ, вывolакивая оттуда разныя разности, горшки съ медомъ, съ вареньемъ, громадные мѣшки орѣховъ, и такъ какъ такія сласти имъ въ диковинку, то все это съѣдалось съ поразительною жадностью.

Вернувшись отъ генерала Дохтурова, гдѣ были собраны начальники частей, что-то въ родѣ военнаго совѣта, о предполагаемомъ движеніи на завтра, я былъ въ раздумьѣ, пить чай или дождаться приготовляемыхъ куръ и индѣйку, какъ вдругъ уда-

рили тревогу. Куръ и индѣйку выкинули изъ кастрюли, живо начали укладываться, собираться, на дворѣ темь такая, что глазъ выколешь, съ трудомъ добрался я на выѣздѣ города, куда уже выскочили части и, при разборѣ, оказалось—фальшивая тревога. По казачьему разъѣзду данъ былъ залпъ, вѣроятно, турецкимъ же разъѣздомъ, казаки прискакали въ городъ и подняли тревогу, за что слѣдовало имъ по меньшей мѣрѣ отодрать ихъ нагайками. Ночь прошла спокойно, и 2-го января ввѣренный мнѣ полкъ, имѣя руководителемъ генерала Струкова, выступилъ изъ Эски-Загры, имѣя задачею своею броситься на станцію желѣзной дороги Трново, у селенія Семенли, захватить желѣзнодорожный мостъ громадный и телеграфную станцію. Пунктъ этотъ важенъ въ томъ отношеніи, что станція Трново составляетъ узелъ желѣзнодорожный Ямбольской и Филиппопольской линіи.

Отъ Эски-Загры до Трново 55 верстъ; предполагалось переходъ этотъ сдѣлать съ ночлегомъ въ селеніи Акъ-Бунаръ.

Передъ выступленіемъ генералъ Струковъ, собравъ всѣхъ офицеровъ, въ весьма привѣтливыхъ выраженіяхъ познакомился съ ними, объяснилъ цѣль и важность возложенныхъ на насъ порученій. Перекрестясь, тронулись мы съ мѣста, со всѣми военными предосторожностями.

Такъ какъ это было первое наше движеніе въ центрѣ непріятельской стороны, шли мы чрезвычайно бодро, спокойно. Селеніе Акъ-Бунаръ, гдѣ предполагался ночлегъ, прошли мимо, селеніе оказалось опустошеннымъ, осталась въ немъ одна слѣпая турчанка, которая выла неистово, скотъ бродилъ по дорогѣ, мѣстами видны были слѣды пожара. При дальнѣйшемъ нашемъ слѣдованіи, авангардъ началъ захватывать одиночныхъ людей башибузуковъ и поселянъ, которые, при допросѣ, показывали, что турецкія войска прошли передъ нами, деревни грабили и что теперь сосредоточены у деревни Семенли для охраны желѣзнодорожнаго моста, что тамъ есть укрѣпленіе, мостъ самый защищенъ, можетъ быть, изъ казенной казармы и обстрѣливается орудіями, батарея построена на горѣ, о числѣ орудій говорили различно: отъ 10 до 8. Время клонилось къ вечеру, начало холодѣть, число людей, которыхъ слѣдовало опросить, увеличивалось, что затрудняло, т.-е. замѣшкивало наше движеніе. Около 7 час. вечера подошли къ селенію Ахадагъ, въ 5 верстахъ отъ Семенли. Здѣсь также было захвачено 3 солдата, которые дали болѣе точныя свѣдѣнія, опредѣливъ пѣхоту въ Семенли отъ 300 до 500 человѣкъ, орудій 8 и

что мостъ начали разбирать и готовы сжечь при наступленіи русскихъ. Для полка вопросомъ великой важности становилось, идти ли тотчасъ въ Семенли или ждать свѣта. Личное мое мнѣніе было за то, чтобы теперь же посредствомъ рекогносцировки одного эскадрона опредѣлить точно непріятельскія силы при деревнѣ Семенли. Будучи удалены отъ пѣхоты до 50 вер., не имѣя артиллеріи, отрядъ нашъ летучій не могъ бы противостоять укрѣпленной непріятельской позиціи.

Генералъ Струковъ такъ и рѣшилъ. Одинъ эскадронъ № 4 выставилъ цѣпь кругомъ, чтобы никто изъ селенія не могъ выйти и дать знать въ Семенли. А № 2 эскадронъ, подъ командою капитана Амосова, получилъ приказаніе произвести разводку, не ввязываясь въ бой, отойти въ Ахадаѣ и постараться испортить желѣзную дорогу и телеграфъ. Въ $9^1/_4$ час. вечера № 2 эскадронъ отправился. Прочіе два эскадрона не разсѣдлывали, стоя на мѣстѣ, держали въ рукахъ лошадей. Насталъ порядочный морозъ; позволено было разсѣдлать. Я съ генераломъ Струковымъ и нѣсколькими офицерами взошли въ ближайшую хату, гдѣ находились три турчанки, бѣжавшія изъ Казанлыка, одна изъ нихъ очень миловидная, молодая обратила общее вниманіе. По восточному обычаю у женщинъ лица должны быть закрыты, но здѣсь покрывала свои открыли, служили намъ, какъ могли, принесли молока, хлѣба, а главное таскали дрова въ очагъ, холодъ насъ насквозь пронизывалъ, размѣстились мы всѣ по полу, принялись за чай. У Струкова оказалось какое-то не то жареное, не то вареное мясо. Не проходило пяти минутъ, чтобы не привели кого-нибудь къ допросу изъ мѣстныхъ или захваченныхъ личностей. Поразилъ насъ, въ особенности, громаднаго роста башибузукъ, безъ носа арабъ, съ страшно звѣрскимъ лицомъ, одѣтый въ женское болгарское платье.

Показаніе этихъ личностей почти было одно и то же, что невольно ихъ заставляютъ стать въ ряды турецкой арміи. Лично я былъ въ страшно напряженномъ состояніи, поджидая извѣстія изъ № 2 эскадрона. При малѣйшемъ шорохѣ, всѣ поднимались, думая, что пришло донесеніе отъ Амосова, эта ночь была самая тяжелая для меня изъ всей кампаніи. Въ 3-мъ часу утра пріѣхалъ вольноопредѣляющійся Щепкинъ отъ Амосова съ весьма обстоятельнымъ донесеніемъ слѣдующаго рода: „Подходя къ деревнѣ Семенли, эскадронъ настигъ нѣсколько сотъ повозокъ турецкихъ жителей, стремящихся къ Трново, дорога, ведущая въ деревню, вся запружена повозками.

Не зная, занята ли деревня непріятельскою пѣхотою, капитанъ Амосовъ послалъ разъѣзды, которымъ приказано было обойти деревню и испробовать бродъ рѣки Марицы. Разъѣзды донесли, что пѣхоты нѣтъ, р. Марица настолько широка, а главное обледенѣла, чтобы идти въ бродъ, надо прорубливать. Середина желѣзнодорожнаго моста разобрана. Въ 6-мъ часу пріѣхалъ графъ Капнистъ съ донесеніемъ, что капитанъ Амосовъ, получивъ свѣдѣнія отъ разъѣздовъ, спѣшилъ эскадронъ и навелъ его на мостъ, турки открыли сильную стрѣльбу съ той стороны моста. Прапорщикъ Веревкинъ съ охотниками перешелъ мостъ, снялъ нѣсколько рельсовъ и испортилъ телеграфъ. Прапорщикъ Камсаракамъ, засѣвъ за оставленными каруцами на мосту, началъ стрѣльбу. Редутъ съ 6-ю орудіями расположенъ лѣвѣе моста, который обстрѣливаютъ турки и изъ орудій открыли стрѣльбу гранатами. Пѣхотныя же части все болѣе стали насѣдать на мостъ; раненъ у насъ одинъ рядовой, капитанъ Амосовъ контуженъ въ руку гранатою. Дорогою за графомъ Капнистомъ гнались конные башибузуки.

Выслушавъ всѣ эти донесенія, генералъ Струковъ приказалъ готовиться идти впередъ, какъ подъѣхалъ капитанъ Амосовъ, который исполнилъ возложенное на него порученіе, отошелъ отъ Семенли на присоединеніе къ полку. Генералъ Струковъ пожелалъ лично осмотрѣть Семенли, для чего съ эскадрономъ Его Величества и одного взвода № 4 эскадрона для личнаго конвоя отправился въ Семенли, отдавъ мнѣ приказаніе быть готовымъ по первому требованію, а генерала Дохтурова увѣдомить въ Ески-Загру, что считаетъ рискованнымъ безъ пѣхоты атаковать Семенли, такъ какъ тамъ 8 орудій, а путь отступленія—разобранный мостъ.

Деревня Алидагъ лежитъ у подножья возвышенности, съ которой съ утра масса болгаръ шла и бѣжала со всѣмъ своимъ имуществомъ. Сцены здѣсь поразительныя были; многія женщины падали въ изнеможеніи, неся на рукахъ дѣтей. Одна изъ таковыхъ на нашихъ глазахъ упала и умерла, много труповъ попадалось по дорогѣ. Прибѣжавшіе же болгары неистово начинали грабить турецкіе дома, такъ что я долженъ былъ принять мѣры къ охраненію отъ раззоренія селенія. Первый эскадронъ, между тѣмъ, подвигался къ Семенли, въ авангардѣ шелъ мой братъ. Чѣмъ ближе подходили къ деревнѣ Семенли, тѣмъ масса бѣгущихъ навстрѣчу болгаръ увеличивалась и авангарду стало видно, что отъ турецкаго редута вытягивалась пѣхота. Разъѣзды были усилены, а эскадронъ остановился

выждать, будетъ ли пѣхота наступать противъ нашего эскадрона или, бросая укрѣпленіе, отходить. Вышедшій навстрѣчу болгарскій священникъ, зная хорошо мѣстность, вглядѣвшись, сталъ увѣрять, что турки отступаютъ.

Тогда эскадронъ ринулся къ мосту, который, облитый керосиномъ, горѣлъ. Спѣшенная часть съ участіемъ желѣзнодорожныхъ служителей и болгаръ принялись тушить мостъ, подстилка быстро была сдѣлана изъ досокъ отъ каруцъ и люди бросились на редутъ, откуда свезены были 6 стальныхъ орудій съ ящиками со снарядами; но затворы орудій были сняты и несмотря на всѣ поиски не найдены. Я подоспѣлъ съ тремя эскадронами, когда свозилось четвертое орудіе. Общее настроеніе было самое восторженное. Генералъ Струковъ немедленно отправился на телеграфную станцію, гдѣ захватилъ депеши, по которымъ видно было, что 14 декабря Сулейманъ-паша съ 41 поѣздами проѣхалъ изъ Царь-Града въ Софію. По опредѣленію служащихъ на желѣзной дорогѣ, каждый поѣздъ вмѣщалъ 1 тысячу человѣкъ. Сулейманъ въ весьма энергичныхъ выраженіяхъ требовалъ себѣ еще подвижного состава для отступленія, вѣроятно, къ Адріанополю, но дирекція желѣзнодорожная, узнавъ о приближеніи русскихъ войскъ и оттого, что башибузуки сожгли станцію въ Ески-Загрѣ, весь подвижной сборъ увезла въ Константинополь.

Занятіе моста у деревни Семенли и желѣзнодорожной станціи Трново принесло громадную пользу въ военномъ дѣлѣ. Это дало возможность войскамъ перейти рѣку Марицу и идти на Адріанополь. Неожиданное появленіе драгунскаго полка такъ поразило турокъ, что болѣе 5 тыс. вооруженныхъ жителей бросилось бѣжать по направленію къ Адріанополю и Константинополю, бросая всѣ свои пожитки, и увлекали за собою и остальное мусульманское населеніе, производя по дорогѣ страшныя жестокости и раззоренія надъ болгарами. Селенія грабились, жглись, женщины и почти дѣти 8 и 10 лѣтняго возраста насиловались; всѣхъ звѣрствъ нѣтъ возможности передать.

Когда всѣ орудія были свезены съ редута, водворенъ общій порядокъ, по бокамъ желѣзнодорожнаго моста, который стоитъ на восьми каменныхъ быкахъ, замѣтили мы двѣ висѣлицы, на которыя турки заставляли болгарскаго священника вѣшать болгаръ же изъ подозрѣнія къ преданности русскимъ. За неимѣніемъ артиллеріи при полку и не желая имѣть потерю въ людяхъ, генералъ Струковъ не приказалъ преслѣдовать отсту-

пающую пѣхоту. На ночлегъ расположились мы въ домѣ желѣзнодорожнаго инженера Крамера, который оказалъ намъ полное гостепріимство, а для меня какъ-то странно было взойти въ домъ европейскаго устройства и обстановки, послѣ двухмѣсячнаго, если не больше походнаго странствованія. На другой день 4-го января, я еще оставался въ деревнѣ Семенли. Генералъ Скобелевъ къ вечеру только прибылъ съ пѣхотою, спѣшилъ онъ, сколько было физическихъ силъ, чтобы удержать этотъ же мостъ, столь важный для дальнѣйшаго наступленія. Полки его дивизіи дѣлали по 70 верстъ переходъ, не говорю уже объ множествѣ отставшихъ людей, многіе шли и мертвыми падали на дорогѣ.

Надо было видѣть его радость, когда онъ, въѣхавши въ Семенли, узналъ, что мостъ сохраненъ и въ нашихъ рукахъ. Въ этотъ же день съ утра съ 6 час. приказано было драгунскому № 3 эскадрону, подъ командою маіора Чулкова, выступить и занять слѣдующую станцію Германли въ 15 верстахъ отъ Трнова. Маіоръ Чулковъ исполнилъ свою задачу блестящимъ образомъ.

Выступивъ утромъ, не доходя Германли, № 3 эскадронъ нагналъ обозъ въ нѣсколько десятковъ тысячъ повозокъ, обозъ этотъ отступалъ отъ Филиппополя къ Адріанополю и долженъ былъ пройти д. Германли; обозъ конвоированъ былъ турецкою пѣхотою, да и сами жители, идущіе въ повозкахъ, вооружены были съ ногъ до головы. Чулковъ, увлекшись, завязалъ перестрѣлку, турки засѣли за телѣги, начали отстрѣливаться. Прапорщикъ Протасьевъ со взводомъ бросился наперерѣзъ обозу, лошадь подъ нимъ была убита, самъ онъ раненъ въ руку и контуженъ въ грудь. Пуля скользнула по записной книжкѣ, пробила ее и этимъ только онъ спасся отъ смертельной раны. Одиннадцать человѣкъ было ужъ ранено и трое убито, Чулковъ долженъ былъ отступать, пославъ мнѣ донесеніе съ прапорщикомъ Загоскинымъ, до пріѣзда еще котораго я получилъ приказаніе изъ главной квартиры выслать на ст. Германли взводъ драгунъ, для встрѣчи, ѣдущихъ изъ Константинополя двухъ пашей: Серверъ-пашу, министра юностранныхъ дѣлъ и Намыкъ-пашу, направляющихся къ великому князю въ Казанлыкъ для переговоровъ, и оказать этимъ лицамъ военный почетъ, какъ высокопоставленнымъ. Посылали того же Загоскина къ маіору Чулкову занять во что бы то ни стало д. Германли и сдѣлать встрѣчу пашамъ на станціи. Въ 10 ч. вечера получаю третье донесеніе отъ Чулкова, что Германли занялъ, паши

проѣхали на поѣздѣ съ парламентерскимъ флагомъ, но что турки опять насѣдаютъ; патроны всѣ разстрѣлялъ, проситъ прислать подкрѣпленіе. Немедленно былъ посланъ взводъ № 1 эскадрона съ братомъ моимъ, шт.-кап. Стрильманомъ и прапорщикомъ Раусманъ съ наѣздниками подъ общимъ начальствомъ подполковника Алексѣева, который, прибывъ къ Германли, выручилъ Чулкова, имѣлъ перестрѣлку, слава Богу, безъ потерь, а проѣхавшимъ пашамъ объявилъ, чтобы ждали до утра, къ нимъ будетъ присланъ генералъ отъ Скобелева. Къ свѣту Алексѣевъ вернулся обратно въ д. Семенли.

На другой день въ 11 ч. утра выступилъ я съ полкомъ въ д. Германли. Переходъ былъ не очень большой. Подошли къ станціи желѣзной дороги, въ вагонѣ сидѣли Серверъ и Намыкъ-паши, встревоженные вчерашнею перестрѣлкою. Генералъ Струковъ объявилъ имъ, что конвой готовъ для сопровожденія ихъ въ главную квартиру; они отправились въ путь, везли ихъ нарочно мимо бивуаковъ, гдѣ расположена была пѣхота, слѣдовавшая за нами, войска встрѣчали ихъ съ музыкой и пѣснями. Я съ полкомъ расположился въ самомъ городѣ, который весь былъ разоренъ и ограбленъ. На другой день 6-го января № 4 эскадронъ посланъ былъ съ Ригеромъ занять г. Мустафа-паша и два взвода № 3 эскадрона подъ командою прапор. Загоскина посланы были по направленію къ Хасъ-Кіой сдѣлать развѣдку, такъ какъ оттуда все ожидали наступленія остатковъ арміи Сулеймана-паши, разбитаго подъ Филиппополемъ генер. Гурко. Часамъ къ 3-мъ пріѣхалъ въ Германли и генер. Скобелевъ, который, въ ожиданіи, что ему приготовятъ квартиру, остановился у меня. Въ его присутствіи получилъ донесеніе отъ Ригера, что его атакуютъ въ Мустафѣ, также отъ Загоскина, что по направленію Германли отъ Хасъ-Кіоя идутъ пѣхотныя турецкія части, такъ что онъ можетъ быть атакованъ съ двухъ сторонъ.

На подкрѣпленіе Ригера приказано мнѣ было послать № 2 эскадронъ, а къ Загоскину послалъ Скобелевъ № 9 казачій полкъ, только-что прибывшій съ нимъ изъ Семенли. Не прошло часу времени, какъ командиръ № 9 казачьяго полка полковникъ Нагибинъ присылаетъ донесеніе, что его и 1/2 эскадрона драгунъ сильно атакуютъ, много уже убито и ранено. Казачій сотникъ одинъ смертельно раненъ, а подъ полковникомъ Нагибинымъ убита лошадь.

На это донесеніе генер. Скобелевъ очень энергично отвѣтилъ „что тогда будетъ послано подкрѣпленіе, когда всѣ сот-

ники будутъ перебиты, а теперь пусть усиленно завязываетъ бой, чтобы непріятель могъ обнаружить, сколько у него войска". Самъ же приказалъ себѣ подать лошадь и отправился на позицію. Углицкому пѣхотному полку приказано было идти въ дѣло и артиллеріи выѣзжать на позицію. Погода была адская, снѣгъ валилъ мокрыми хлопьями. Скоро пришло приказаніе и мнѣ съ остальными эскадронами сѣдлать и ждать приказанія. До темной ночи пришлось мнѣ ждать приказанія, котораго и не послѣдовало, такъ какъ турки отступали. Въ полуэскадронѣ у меня было трое ранено и нѣсколько лошадей убито. Всю ночь были настороже. Въ этотъ вечеръ изъ Ени-Загры прошли въ Германли наши уланы и изъ Чирпана казаки нашей же дивизіи. Ночью къ общему удовольствію получено было донесеніе отъ Ригера, что г. Мустафа-паша занятъ имъ, раненъ у него одинъ, лучшій кузнецъ Петровъ, который едва-ли живъ теперь, раненъ былъ въ легкое на вылетъ. 7-го января, генералъ Струковъ рѣшилъ продолжать наступленіе къ Адріанополю на г. Мустафа-паша. А генер. Скобелевъ, взявъ часть пѣхоты изъ Германли, лично направился къ г. Хасъ-Кіой, все еще расчитывая имѣть дѣло съ остаткомъ арміи Сулеймана-паши.

Но таковой не оказалось, вся она перешла горами къ Константинополю, хотя имѣлъ стычку съ турецкою пѣхотою, конвоирующею обозы. Струковъ же, съ драгунскимъ и уланскимъ полкомъ и четвертою сотнею казаковъ, пошелъ въ Мустафупаша. Не доходя верстъ 10 до города встрѣчены были делегатами, ѣхавшими изъ Адріанополя, навстрѣчу авангарду русскихъ войскъ, съ письмомъ отъ жителей, въ которомъ просятъ русскихъ занять какъ можно скорѣе Адріанополь и этимъ сохранить его отъ разгрома и грабежа черкесовъ и башибузуковъ, нахлынувшихъ въ городъ. Турецкія власти всѣ удалились, войска выведены, укрѣпленія обнаружены, хотя орудія не всѣ увезены. Я шелъ въ авангардѣ и первый принялъ эту депутацію. Переночевавъ въ Мустафѣ-паша, 8-го января рано утромъ выступили мы къ Адріанополю, куда съ самаго начала кампаніи всѣ такъ стремились. Намъ не вѣрилось, что насъ допускаютъ до города, шли со всѣми военными предосторожностями. Насъ была такая незначительная горсть людей, безъ всякой опоры сзади, что батальонъ, а много полкъ турецкой пѣхоты, могъ легко остановить наше движеніе, къ тому же по свѣдѣніямъ, которыя мы имѣли, слѣва могли быть атакованы арміею Гасана, который отступалъ къ Константинополю, а

справа, остатками арміи Сулеймана-паши. Такого смѣлаго, или, лучше сказать, Бого-хранимаго движенія кавалеріи едва-ли когда было. Прибавлю еще, что отъ каждаго полка было только по одному дивизіону, что все составляло одинъ кавалерійскій полкъ, а прочіе два дивизіона оставлены были пока въ г. Мустафа-паша подъ командою уланскаго полка подполковника Корнушенко, такъ какъ мы опасались и за свой тылъ. Шли совершенно наудалую, пѣсельникамъ приказано пѣть всю дорогу, музыкѣ играть, а въ рядахъ порастянуться, чтобы колонна длиннѣе казалась. Делегатовъ вчерашнихъ ведемъ подъ сильнымъ конвоемъ изъ предосторожности, что если на насъ откроютъ огонь, то первыя пули полетятъ въ эту компанію.

Городъ Адріанополь имѣлъ сильныя земляныя укрѣпленія, которыя работались нѣсколько мѣсяцевъ, русскія войска встрѣтили бы огромныя преграды. Чтобы защищать городъ, потребно было бы отъ 100 до 150 тыс. войска, котораго уже не было въ турецкой арміи. По собраннымъ нами свѣдѣніямъ войска, оставившія городъ, не превосходили численностію 5 или 6 тысячъ.

Въ 12-омъ часу дня отрядъ ужъ подходилъ къ городу. На склонѣ горы увидали мы массу народа, вышедшую навстрѣчу. Все 60 тысячное населеніе вышло изъ домовъ и бросилось бѣжать къ подходящему войску. Народъ крестился, цѣловалъ руки и колѣни не только у офицеровъ, но и у солдатъ. Духовенство съ образами и хоругвями, имѣя въ головѣ архимандрита въ полномъ облаченіи, привѣтствовало насъ съ крестомъ, то былъ греческій архимандритъ, за нимъ духовенство болгарское, армянское, еврейское и даже мусульманское, съ вѣтвями зеленыхъ миртъ, оглашали воздухъ криками ура! да здравствуетъ Императоръ Александръ! Шагъ за шагомъ подвигались мы среди громадной толпы къ Болгарскому кварталу, который стоитъ совершенно отдѣльно отъ турецкаго. Откуда ни возьмись, среди толпы проталкивается грекъ, держа въ одной рукѣ блюдо съ хлѣбомъ, а въ другой связку огромныхъ ключей, и говоритъ на французскомъ языкѣ слѣдующаго рода привѣтствіе: „когда турецкія власти удалились изъ города, то для водворенія порядка, султанъ турецкій назначилъ его губернаторомъ, поручивъ ему управленіе города. Со вступленіемъ же русскихъ войскъ, онъ передаетъ ключи отъ города и проситъ принять хлѣбъ-соль". Господинъ этотъ по фамиліи Г. Фасъ, имѣлъ въ петлицѣ турецкій орденъ Меджиджія. Генералъ Струковъ отвѣтилъ ему: что за хлѣбъ-соль благодаритъ, принялъ ключи, которые мнѣ тутъ же передалъ, и продолжалъ, что съ вступле-

ніемъ русскихъ императорскихъ войскъ въ г. Адріанополь никакихъ управителей отъ султана не можетъ быть. Управленіе города учреждается имъ отъ представителей каждой народности, которые сейчасъ же приступили бы къ выбору своихъ уполномоченныхъ и къ вечеру выборная комиссія явилась бы къ нему за приказаніями, а теперь чтобы граждане позаботились о продовольствіи войскамъ и немедленно его принести, войскъ же въ городъ онъ не вводитъ, а располагаетъ на бивуакѣ. Все сказанное г. Струковымъ было переведено народу переводчикомъ. Воздухъ снова огласился криками ура, и насъ просили ѣхать въ Болгарскую церковь, гдѣ отслужено было краткое молебствіе, закончившееся многолѣтіемъ Государю и криками живіо! и ура!

Нахожу, что г. Струковъ весьма резонно распорядился не вводить войска въ городъ, такъ какъ очень трудно избѣжать было бы, чтобы войска вели себя порядочно, люди не пьянствовали бы и подчасъ не грабили бы. Война портитъ солдата, коль скоро добыча достается ему кровію. Самыя строгія мѣры не всегда удерживаетъ солдата отъ грабежа. Чтобы подать примѣръ, Струковъ просилъ офицеровъ въ городъ не ѣздить, а расположиться по окраинамъ Болгарскаго квартала, противъ котораго драгуны и уланы расположились бивуакомъ. Людямъ и лошадямъ жители принесли сейчасъ же различнаго рода пищу, вареную и сырую, табакъ и вино, лошадямъ доставленъ былъ фуражъ. Я со Струковымъ, братомъ и Востросаблинымъ расположились тоже въ окраинѣ города въ мизерномъ домикѣ. Изъ Семенли слѣдовалъ за нашимъ отрядомъ извѣстный художникъ Василій Васильевичъ Верещагинъ, прославившійся картинами Хивинскаго похода. Всю кампанію дѣлаетъ туристомъ, зачерчивая все, что только достойно его художественному вкусу, для того, чтобы впослѣдствіи воспроизвести все на полотнѣ. Человѣкъ онъ очень общежительный, не любилъ только, когда въ разговорахъ касаются его таланта, съ нимъ я очень сошелся и онъ, кажется, располагаетъ написать картину: занятіе Трновскаго моста Московскимъ драгунскимъ полкомъ; взялъ у меня всѣ предметы солдатскаго вооруженія, какъ модель. Не успѣли мы очнуться отъ шумной встрѣчи, какъ начали являться различныя депутаціи, явились съ визитами иностранные консулы, памятна мнѣ фамилія только одного австрійскаго консула Mr. Саксъ. Депеши были посланы г. Скобелеву, главнокомандующему о занятіи Адріанополя, второй столицы Турціи. И странное стеченіе обстоятельствъ двумя полками,

носящими имена г. Москвы—московскимъ драгунскимъ и Петербурга—петербургскимъ уланскимъ; можно сказать, что Москва и Петербургъ заняли Адріанополь.

Самаго города Адріанополя, со всѣми его мечетами и замѣчательными базарами, я и не видалъ, такъ какъ съ бивуака не отлучался, вообще въ отрядѣ дисциплина поддерживалась самая строгая. Городъ былъ сохраненъ въ цѣлости со всѣми его запасами, которыхъ впослѣдствіи оказалось въ громадномъ количествѣ. Подоспѣвшая къ намъ по желѣзной дорогѣ изъ Мустафа-паши пѣхота тоже не была введена въ городъ, а расположена бивуакомъ. Изъ окрестныхъ деревень являлись безпрестанно испуганные, а нѣкоторые и пораненные болгары съ просьбою защитить ихъ отъ черкесовъ и башибузуковъ, которые шайками бродили кругомъ города, грабили и уничтожали деревни, уводили съ собою женщинъ, за нашей малочисленностію помощь всѣмъ нуждающимся не могла быть оказана; слышны были даже выстрѣлы и раненыхъ къ намъ приводили, помню одного мальчика-болгарина съ порѣзаннымъ горломъ и проломленною головою. Врачъ уланскаго полка дѣлалъ перевязку.

Генералъ Скобелевъ 9-го января прибылъ въ Адріанополь по желѣзной дорогѣ. Встрѣча тоже была ему сдѣлана, но не столь многочисленная. Рѣшено было усиленно двигать войска впередъ. 10-го января въ 6 час. вечера я вышелъ съ полкомъ, идя опять въ авангардѣ. Генералъ Скобелевъ пропустилъ мимо себя полки, здороваясь и благодаря людей за молодецкую службу. Войска его любятъ за дѣйствительную безукоризненную храбрость, за умѣнье говорить съ солдатомъ и за заботливость о немъ. Но за то ужъ если надо достигнуть какую-нибудь военную цѣль, то, ложатся-ли подъ пули сотни или тысячи, онъ остается непреклоненъ въ своемъ рѣшеніи, увлекая всѣхъ своею личною храбростію. Прошли мы весь городъ съ музыкою и пѣснями, шли всю ночь и пришли въ 8-омъ час. утра въ деревню Хавса, оставленную только-что черкесами и зажженную въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Пожаръ мы потушили и остались до слѣдующаго дня.

Въ тотъ вечеръ со мною случился слѣдующій казусъ: когда Скобелевъ пропустилъ мимо себя полкъ, я отсталъ немного отъ полка по той причинѣ, что подъѣхалъ ко мнѣ одинъ офицеръ полка прапорщикъ Степанцовъ, оставленный за болѣзнію въ г. Бобровѣ, а теперь догнавшій полкъ, сталъ мнѣ передавать нѣкоторыя порученія и сообщилъ мнѣ великую радость, что везетъ мнѣ 16-ть писемъ изъ Казанлыка. Въ разговорѣ съ

нимъ я остановилъ лошадь и не замѣтилъ, какъ полкъ скрылся изъ моихъ глазъ, повернувъ въ одну изъ улицъ, которыя какъ и всѣ улицы восточныхъ городовъ, узки, грязны. По нѣкоторымъ можно только верхомъ проѣхать и то одному, а не двумъ рядомъ. При наступившей же темнотѣ, полкъ просто сгинулъ у меня на глазахъ. Какъ нарочно въ томъ мѣстѣ ни души не было. Болѣе $1^1/_2$ часу кружилъ я по городу, возвращаясь все къ тому же мосту, гдѣ отсталъ я отъ полка; наконецъ рѣшился поѣхать къ Скобелеву во дворецъ, гдѣ онъ помѣщался, объяснить ему и просить разрѣшенія остаться до свѣта. Засталъ его за ужиномъ, и онъ мнѣ разсказалъ, что съ нимъ такой же случай былъ въ Хивинскомъ походѣ. Мы съ нимъ поужинали, а въ 3 час., какъ только начало свѣтать, я уже съ проводникомъ отправился въ путь, не безъ опасенія быть захваченнымъ дорогою башибузуками или черкесами, которые такъ и шныряли по дорогамъ. Я нагналъ полкъ у самаго селенія Хавса, въ полку тоже произошелъ переполохъ по случаю моего исчезновенія.

Изъ дер. Хавса, направились на г. Эски-Баба, г. Люле-Бургасъ, встрѣчая всюду опустошенія и разореніе отступающихъ турецкихъ войскъ. Черкесы же творили страшныя звѣрства. Въ г. Эски-Баба нашли болгарскаго священника только - что зарѣзаннаго. По всей дорогѣ валялись трупы болгаръ, турокъ, а объ массѣ падали, валявшейся по дорогѣ, представить себѣ нельзя. Шли мы, ежеминутно ожидая нападенія. На ночлегахъ конечно не раздѣвались, ночуя Богъ знаетъ иногда въ какихъ грязныхъ помѣщеніяхъ, а другой разъ и въ роскошныхъ палатахъ, покинутыхъ зажиточными турками. По дорогѣ нагоняли обозы турецкихъ жителей, отъ 10 до 15 тысячъ повозокъ, удирающія всѣ въ Константинополь. Можно смѣло сосчитать на всѣхъ этихъ повозкахъ со всѣми вооруженными людьми, со стариками, женщинами и дѣтьми отъ 150 до 180 тысячъ народу. Съ помощью нагаекъ обезоруживали эти обозы. Многимъ изъ этой орды предложено было вернуться обратно въ мѣсто ихъ жительства, нѣкоторые послѣдовали доброму совѣту и имъ данъ былъ конвой, для охраненія ихъ отъ братушекъ (болгаръ), которые, гдѣ только имѣютъ возможность, немилосердно душатъ турокъ. Многіе же не пожелали вернуться, то ихъ направляли на г. Родосто, откуда турецкое правительство моремъ перевозило ихъ въ Азію. Къ Константинополю же старались ихъ не допускать, дабы не могли они обнаружить силы нашего авангарда.

Выше упомянутые города и селенія занимались казаками. При нашемъ наступленіи № 3 эскадронъ Уланскаго полка сдѣлалъ лихой набѣгъ на Демотику, въ сторону отъ пути нашего слѣдованія, разрушилъ Салоникскую желѣзную дорогу, отрѣзавъ на ст. Павлово 180 вагоновъ и 5-ть паровозовъ, которые служили потомъ тылу нашего отряда подвижнымъ составомъ желѣзнодорожнымъ. Набѣгъ былъ совершенъ ротмистромъ Свитомъ. Въ Люле-Бургасѣ генер. Струковъ получилъ собственноручную записку отъ великаго князя Николая Николаевича, въ которой написано было: „Спасибо тебѣ и молодецкой первой дивизіи!"

17-го января подходили мы къ г. Чорлу, для занятія котораго посланъ былъ № 1 эскадронъ Уланскаго полка, который имѣлъ встрѣчу съ турецкою кавалеріею, отборною, составляющею конвой султана. Уланы заняли было станцію желѣзной дороги, но вдругъ были атакованы тремя эскадронами черкесъ, имѣли жаркую схватку и должны были отступить.

Дорогою мы получили извѣстіе, что уланы отходятъ, посланы были двѣ сотни казаковъ и эскадронъ Драгунскаго полка на поддержку уланъ. Прибывшее подкрѣпленіе заставило черкесовъ отступить отъ г. Чорлу. У уланъ было 5 убито и 3 человѣкъ ранено. Тѣла убитыхъ были изрублены, въ особенности одного санитара. Когда городъ былъ очищенъ отъ черкесовъ, прибывшимъ подкрѣпленіемъ и уланами, народъ вышелъ навстрѣчу съ духовенствомъ, образами и радостными привѣтствіями. Не успѣлъ отрядъ вступить въ городъ, какъ изъ Адріанополя пріѣхалъ флигель-адъютантъ князь Васильчиковъ и передалъ отряду, что отъ Государя получена депеша, въ которой Его Величество поименно благодаритъ полки авангарда за службу и успѣхи съ 1-го января. Полки дружнымъ и неумолкаемымъ ура выразили свою признательность монаршему вниманію. Съ 17-го по 23 января простояли мы въ г. Чорлу, устраивая управленіе города, какъ дѣлали и въ прочихъ занимаемыхъ нами городахъ. Ожидалась встрѣча здѣсь и въ окрестностяхъ съ большими непріятельскими отрядами, для чего посылаемы были эскадроны и дивизіоны по разнымъ направленіямъ, къ Мусселиму, встрѣчались лишь однѣ партіи черкесовъ, главная же масса турецкихъ войскъ отошла къ г. Селиври у Мраморнаго моря, г. Чаталджу и къ укрѣпленной позиціи Хадымъ-Кіой. Января 19-го изъ главной квартиры полученъ былъ конвертъ за печатями Серверъ-паши, съ приказаніемъ немедленно доставить присланный конвертъ на турецкіе аван-

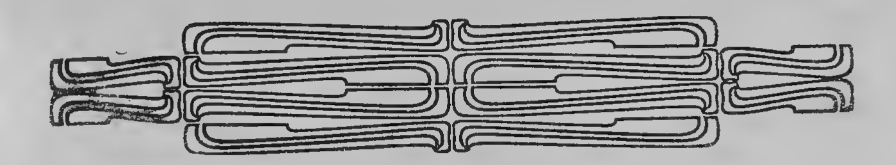
посты; не имѣя положительныхъ данныхъ, гдѣ находится непріятельская цѣпь, генералъ Струковъ командировалъ моего брата со взводомъ казаковъ съ парламентерскимъ флагомъ, отвезти конвертъ въ раіонъ непріятельскаго расположенія на ст. Черкаской, что братомъ и было исполнено. Пакетъ былъ переданъ начальнику станціи подъ расписку. Не скрою, что душа у меня очень была непокойна до возвращенія брата, зная, что турки не всегда уважаютъ парламентерскій знакъ, бывали не разъ примѣры, что открывали огонь по парламентерамъ. Выступленіе полка изъ Чорлу то назначилось, то отлагалось. Наконецъ 20-го января въ 2 часа дня получена была депеша о перемиріи; на меня это извѣстіе произвело какое-то оцѣпенѣніе, какъ-то не вѣрилось, что предстоитъ конецъ этой ужасной войны. Въ этотъ же день пріѣхалъ въ Чорлу турецкій маіоръ Сиверъ-бей (полякъ по фамиліи Кучковскій) и Кламей-бей, съ письмомъ отъ военнаго министра изъ Константинополя, опять съ извѣщеніемъ, что перемиріе заключено между обѣими сторонами 19-го января въ 7 часовъ вечера. Назначены были границы демаркаціонной линіи, по которой турецкія войска должны были очистить Селиври, Чаталджу, оставить свою укрѣпленную позицію у Хадынъ-Кіой и отойти назадъ. Радость у всѣхъ засіяла на лицѣ, вопросомъ дня стало: когда и какимъ путемъ доберемся мы до Россіи. Въ тотъ же день вечеромъ, всѣ офицеры отряда поѣхали съ музыкой встрѣчать генерала Скобелева, пріѣхавшаго на дрезинѣ изъ Люле-Бургаса. Встрѣча ему была самая горячая. Января 22-го начальникъ штаба графъ Келлеръ поѣхалъ въ турецкій лагерь къ Мухтаръ-пашѣ для личныхъ переговоровъ и опредѣленія демаркаціонной линіи, взявъ себѣ въ конвой ½ эскадрона драгунъ и уланъ, щегольски подобранныхъ, такъ что всѣ любовались. А на другой день полкъ выступилъ за 40 верстъ въ г. Селиври, лежащій на самомъ берегу Мраморнаго моря. Погода была адская, проходомъ къ Селиври, находимъ, что городъ занятъ еще турецкими войсками. Генералъ Струковъ энергично настоялъ, чтобы турецкія войска немедленно бы очистили городъ. Паша отговаривался: что о заключенномъ перемиріи ему извѣстно, но объ очищеніи Селиври онъ не получилъ приказанія. Отвѣтъ Струкова былъ тотъ, что если городъ не будетъ очищенъ тотчасъ же, имъ приняты будутъ мѣры самыя рѣшительныя, и въ нашихъ глазахъ турецкая пѣхота и кавалерія выступали изъ Селиври. Паша просился ночевать въ городѣ, такъ какъ былъ уже 9-ый часъ вечера. Разрѣшенія ему не было дано. По мѣстоположенію своему

Селиври очень красивый городъ, видъ моря и растительность великолѣпные, кипарисы и лавровыя деревья довершаютъ прелести города. Въ конакѣ (казенный домъ), гдѣ мы остановились, съѣли ужинъ, приготовленный для турецкаго паши. Въ г. Чаталджи прошелъ съ полкомъ я 24-го января. Встрѣчали тоже затрудненія при вступленіи въ городъ. Войска турецкія не хотѣли оставлять, но не получили будто бы приказанія изъ Константинополя. Но доводы генерала Струкова были такъ сильны, что турецкія войска очистили городъ. Г. Чаталджи въ 40 верстахъ отъ Царьграда, армянскій городишко между двухъ морей, Мраморнымъ и Чернымъ моремъ, отъ турецкихъ позицій, верстахъ въ 10-ти, которые по условію перемирія, они должны очистить. Стоимъ здѣсь пятнадцать дней, въ полномъ невѣдѣніи: конецъ войны или нѣтъ? Вопросъ этотъ конечно сильно интересуетъ всѣхъ, слухи же самые неблагопріятные доносятся; говорятъ, турки отказываются подписать условія мира, на томъ основаніи, что не считаютъ въ силахъ выполнить требованія; сражаться тоже будто не желаютъ, а предоставляютъ русскимъ войскамъ занять Константинополь, будучи увѣрены, что послѣдуетъ вмѣшательство иностранныхъ державъ, и тогда возгорится Европейская война. Не дай-то Богъ, чтобъ до этого дожила Россія. Обѣщаютъ, что 19-го февраля все должно рѣшиться.

Объ возвращеніи нашемъ также толкуютъ румыны, на случай если миръ будетъ заключенъ. Предполагаютъ моремъ довезти до Одессы, что мало вѣроятія, болѣе же раціональное положеніе, что пойдемъ на Галацъ походомъ.

М. Д. Языкова.

По поводу одной старой рукописи.

Просматривая, недавно, семейныя бумаги, я нашла, между ними, довольно объемистую рукопись, написанную старинным почерком моего покойнаго отца — Игнатія Ивановича Гозадинова, скончавшагося въ 1865 году.

Заинтересовавшись находкой, я поспѣшила познакомиться съ содержаніемъ рукописи и нашла ее далеко не лишенной занимательности. Это безхитростный разсказъ, — если не очевидца, — то, во всякомъ случаѣ, человѣка, близко стоявшаго къ главнымъ дѣятелямъ одного quasi историческаго событія, именно: переселенія 50 тыс. христіанъ (грековъ и армянъ) изъ Крыма въ такъ называвшуюся тогда Азовскую губернію (теперь Екатеринославскую). Переселеніе это происходило въ 1777 и 1778 годахъ.

Эмиграція такого значительнаго числа жителей, изъ небольшого Крымскаго полуострова, не могла не подорвать матеріальнаго благосостоянія тогдашнихъ властителей Крыма и тѣмъ ускорила паденіе крымскаго ханства. Вотъ, что пишетъ объ этомъ событіи графъ Румянцевъ-Задунайскій, бывшій тогда генералъ-губернаторомъ Малороссіи, въ своемъ донесеніи Императрицѣ Екатеринѣ: „Выходъ христіанъ изъ Крыма можетъ почестьси окончательнымъ присоединеніемъ сей знатной провинціи“.

Иниціаторомъ этого переселенія былъ митрополитъ Игнатій Гозадино, который, по назначенію константинопольскаго патріарха, управлялъ, въ то время, крымской епархіей, носившей названіе Готѳейско-Кефайской. Это былъ человѣкъ высокаго ума, замѣчательный по энергіи и по способности къ самопожертвованію, ради служенія своей идеѣ. А идея, вдохновляв-

шая его, въ его дѣятельности, состояла въ томъ, чтобъ возродить отатарившихся крымскихъ грековъ, подавленныхъ господствующимъ, но мало культурнымъ азіатскимъ народомъ, и сдѣлать ихъ опять достойными сынами Эллады. Съ этой цѣлью, онъ предпринялъ вывести ихъ изъ Крыма и перейти, вмѣстѣ съ ними, въ подданство Россіи.

Исполнителями этого смѣлаго и рискованнаго предпріятія были—онъ самъ и племянникъ его—Иванъ Антоновичъ Гозадиновъ—отецъ автора рукописи.

Рукопись эта носитъ заглавіе: „Еще нѣсколько словъ объ Игнатіѣ, митрополитѣ Готѳейско-Кефайскомъ и его паствѣ". Она дѣлится на двѣ части, изъ которыхъ я предлагаю вниманію читателей только первую. Говорить о „его паствѣ", т.-е. о грекахъ, населившихъ г. Маріуполь и окружающія его селенія, я нахожу теперь уже несвоевременнымъ, такъ какъ теперешніе маріупольскіе греки, изъ того полу-азіатскаго народа, какимъ зналъ ихъ авторъ рукописи, уже гораздо позднѣе ихъ переселенія въ Россію, сдѣлались просвѣщенными европейцами, но болѣе русскими, чѣмъ греками. Воспитывая своихъ дѣтей въ русскихъ гимназіяхъ и университетахъ, они, понемногу, утрачиваютъ свою греческую національность, и гордая патріотическая мечта моего прадѣда не осуществилась. Мы видимъ, что даже родной внукъ его—авторъ рукописи,—сынъ горячо любимаго имъ племянника Ивана Антоновича,—былъ гораздо болѣе русскимъ, чѣмъ грекомъ. Онъ былъ горячимъ *русскимъ* патріотомъ и владѣлъ русскимъ языкомъ, какъ природнымъ.

Рукопись написана, впрочемъ, немного устарѣлымъ языкомъ, какимъ писали въ первой половинѣ минувшаго столѣтія. Я оставляю неприкосновеннымъ слогъ подлинника, исключая, только, тѣ случаи, когда приходилось сокращать его, а приходилось довольно часто, такъ какъ это скорѣе матеріалъ, который предстояло еще обработать. Повидимому, авторъ не успѣлъ этого сдѣлать: она была написана въ послѣдній годъ его жизни.

Мнѣ кажется, я не ошибаюсь, думая, что главная цѣль его труда была „воздать,—какъ онъ говоритъ,—должную дань хвалы своему дѣду", о которомъ онъ, всю жизнь, сохранялъ благоговѣйную память, и заслуги котораго не были — по его словамъ—оцѣнены ни правительствомъ, ни соплеменниками.

Е. Г—ва.

Нѣсколько словъ о митрополитѣ Игнатіѣ Гозадино, послѣднемъ носившемъ титулъ — митрополита Готѳейскаго и Кефайскаго. † 1786 году.

Когда-то—около полувѣка тому назадъ—я собирался написать исторію переселенія христіанъ изъ Крыма въ Азовскую (нынѣ Екатеринославскую) губернію. Тогда мнѣ было легко это сдѣлать: я обладалъ многими письменными документами, относящимися къ этому событію, и сохранялъ, въ молодой еще памяти, множество преданій, слышанныхъ мною отъ очевидцевъ и, особенно, много разсказовъ покойнаго отца моего, главнаго сподвижника митрополита въ дѣлѣ вывода христіанъ изъ крымскаго ханства. Но, подумавъ, что мнѣ придется говорить о многихъ самоотверженныхъ подвигахъ отца моего и дѣда, я отказался отъ своего намѣренія, боясь, что меня обвинятъ въ пристрастіи. Лжи такъ много на свѣтѣ, что и истину могли бы принять за ложь.

Раздумавши самъ писать, я молилъ Бога, чтобы кто-нибудь, хорошо освѣдомленный, взялъ на себя трудъ изложить въ печати исторію этого переселенія, и чтобы, такимъ образомъ, сохранилась, въ отечественныхъ бытописаніяхъ, память о достославномъ подвигѣ дѣда моего — Игнатія, митрополита Готѳейскаго и Кефайскаго.

Желаніе мое осуществилось, и я имѣлъ удовлетвореніе прочитать слѣдующія о немъ статьи: 1) Гавріила — архіепископа херсонскаго и таврическаго, въ Запискахъ одесскаго общества исторіи и древностей, томъ 1-й 1861 года; 2) статскаго совѣтника Скальковскаго — Опытъ статистическаго описанія Новороссійскаго края; 3) г. Ѳ. Х.—Иллюстрація 1861 года № 170; 4) Протоіерея С. Серафимова—въ Херсонскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ 1862 года № 3.

Очень можетъ быть, что были и другія статьи, о которыхъ я не имѣю свѣдѣній [1]).

---

[1]) Въ позднѣйшее уже время (въ 1892 году) было издано въ г. Маріуполѣ книга, озаглавленная „Маріуполь и его окрестности". Это отчетъ объ одной ученической экскурсіи, предпринятой по иниціативѣ бывшаго директора маріупольской гимназіи — Григорія Ивановича Тимошевскаго для ознакомленія учащихся съ роднымъ имъ городомъ и его древностями. Экскурсія эта продолжалась нѣсколько дней, и каждый день начинался лекціей, прочитанной однимъ изъ членовъ Педагогическаго Совѣта. Въ 1-й лекціи говорится довольно подробно о переселеніи крымскихъ грековъ въ приазовскія степи и о виновникѣ этого переселенія митрополитѣ Игнатіѣ. Къ статьѣ приложенъ и портретъ митрополита—„Основа-

Послѣ статей этихъ достойныхъ всякаго довѣрія авторовъ, казалось бы, мнѣ ничего не остается, какъ чувствовать къ нимъ искреннюю признательность за должную дань хвалы, воздаваемой ими моему дѣду; но, какъ о. Серафимовъ, такъ и г. Ѳ. Х. выражаютъ сожалѣніе, что имъ ничего неизвѣстно о родѣ и происхожденіи митрополита, о мѣстѣ его родины, о его дѣтствѣ и воспитаніи и т. д. Въ этомъ я прочиталъ вопросъ, на который не считаю себя въ правѣ не отвѣтить. Кромѣ того, эти авторы указываютъ на то, что, хотя онъ (митрополитъ) не малую пользу принесъ какъ крымскимъ грекамъ, такъ и Россійскому государству, но не былъ, не только, вполнѣ оцѣненъ, но еще претерпѣлъ много непріятностей и огорченій. Чтобъ разъяснить этотъ фактъ и отвѣтить на вопросы, я рѣшаюсь, теперь, приступить къ повѣствованію, присовокупивъ къ изложенному, въ выше поименованныхъ статьяхъ, нѣкоторыя подробности, основанныя на воспоминаніяхъ моего отца и другихъ, извѣстныхъ мнѣ лицъ. (Къ сожалѣнію, письменные документы, относящіеся къ описываемому событію, затеряны. Я передалъ ихъ высокопреосвященному архіепископу херсонскому и таврическому — Иннокентію, по личной его просьбѣ, такъ какъ онъ собиралъ тогда матеріалы, чтобы написать что-нибудь „дѣльное“, какъ онъ говорилъ. Но намѣренія своего, онъ, повидимому, не могъ или не успѣлъ осуществить).

Начну съ того, что фамилія наша не Хозадино, какъ пишетъ Скальковскій, о. Гозадино. Въ доказательство, я приведу разсказъ, который, не разъ, слышалъ я отъ своего отца. На одномъ изъ острововъ Архипелага, небольшомъ островѣ Ѳермія (отъ слова θερμά—теплота, названіе, данное ему отъ имѣющихся тамъ теплыхъ источниковъ), въ рощѣ, а можетъ быть, въ лѣсу, существовала, во время жительства тамъ моего отца,—а можетъ быть и теперь существуетъ, — церковь св. Саввы, построенная въ древнія времена. Надъ входной дверью этой церкви на мраморной плитѣ, между различными эмблемами, находится слѣдующее начертаніе: „υἱὸς τοῦ Γοζαδίνου“, непереводимое на русскій языкъ, такъ какъ иностранныя фамиліи множественнаго числа не могутъ имѣть. Очень можетъ

теля г. Маріуполя“. Кажется, это копія портрета, находящагося въ актовомъ залѣ гимназіи. Жаль, что въ статью вкрались нѣкоторыя неточности. Напримѣръ, въ родословной митрополита, упоминается о какомъ-то дядѣ его—капитанѣ Иванѣ Антоновичѣ. Лицо, носившее это имя и званіе, былъ не дядя, а племянникъ митрополита и его сподвижникъ; и другого лица этого имени не было. *Примѣчаніе Е. Г—вой.*

быть, что эта фамилія происходитъ отъ какого-нибудь слова, имѣющаго значеніе на одномъ изъ европейскихъ нарѣчій, но мнѣ такое слово неизвѣстно [1]).

На этотъ островъ — въ глубокой древности — переселились наши предки изъ „Европы", какъ говаривалъ мой отецъ. Конечно, онъ очень хорошо зналъ, что и Архипелагъ, и Крымъ находятся въ Европѣ; тѣмъ не менѣе, если онъ хотѣлъ сказать что-нибудь о Венеціи, Флоренціи или иномъ какомъ итальянскомъ городѣ, то всегда говорилъ: „Когда я былъ въ Европѣ"... или „Я видѣлъ въ Европѣ"... и т. д.

На этомъ-то островѣ и родились какъ дѣдъ мой—митрополитъ Игнатій Гозадино, такъ и племянникъ его—мой отецъ—Иванъ Антоновичъ Гозадиновъ.

Прирощеніе „въ" было сдѣлано въ патентѣ отца на первый чинъ—поручика, по переселенію его въ Россію и по поступленію на русскую службу.

Въ бумагахъ моихъ сохраняется родословная нашей семьи; она начинается очень изъ далека, но я для краткости — начну съ дѣда моего дѣда. Онъ назывался также Игнатіемъ; у него былъ сынъ Константинъ, а у этого три сына: Антонъ, Іаковъ (впослѣдствіи митрополитъ Игнатій) и другой Антонъ.

Старшій Антонъ имѣлъ двухъ сыновей: Ивана—моего отца и Александра, у котораго былъ сынъ, названный, также какъ и я, Игнатіемъ, въ память дѣда — святителя. Такъ какъ и у меня, и у моего двоюроднаго брата — Игнатія Александровича нѣтъ сыновей, то нами кончается нашъ древній родъ [2]).

Іаковъ, въ дѣтствѣ, былъ отвезенъ на Аѳонскую гору и оставленъ тамъ у одного дальняго родственника — инока, для

---

[1]) Если фамилія наша происходитъ отъ какого-нибудь слова, то развѣ только итальянскаго; во всякомъ случаѣ, она, несомнѣнно, итальянскаго происхожденія. Многія старинныя итальянскія фамиліи оканчиваются на „ino", и во множественномъ числѣ, „ini" (напр., въ Римѣ — извѣстный дворецъ-музей Palazzo Barberini). Несомнѣнно, также, что наши предки были выходцы изъ Италіи. Въ Болоньѣ и теперь есть лица, носящія фамилію Gozadini; одинъ изъ нихъ—графъ Гозадини—былъ директоромъ музея въ этомъ городѣ.

Переводъ греческой надписи на русскій языкъ, дѣйствительно, неудобенъ; но она такъ и просится на итальянскій: „figlio dei Gozadini".

Примѣчаніе Е. Г—вой.

[2]) Повидимому, покойный отецъ мой не зналъ, что Игнатій Александровичъ имѣлъ, отъ поздняго второго брака, сына Александра, которому и суждено быть продолжителемъ нашего рода.

Примѣчаніе Е. Г—вой.

воспитанія. Тамъ, проникшись святостью христіанской религіи, онъ поступилъ, въ молодыхъ еще лѣтахъ, въ монашество, подъ именемъ Игнатія. Тамъ же онъ прошелъ всѣ степени духовной іерархіи, до епископскаго сана. Потомъ, онъ былъ вызванъ въ Константинополь, въ члены вселенскаго патріаршаго синклита и удостоенъ сана архіепископа; когда же открылась въ Крыму ваканція, былъ назначенъ на нее епархіальнымъ митрополитомъ, въ 1771 году. Крымская епархія, составившаяся изъ нѣсколькихъ первоначальныхъ епископій (Фулльской, Сагдайской и другихъ), носила тогда наименованіе Готѳейской (т.-е. Готской) и Кефайской, и каѳедра ея была сперва въ Кафѣ (нынѣшней Ѳеодосіи), а потомъ въ Бахчисараѣ.

Теперь, мнѣ кажется, я удовлетворилъ любопытство лицъ, изъявлявшихъ желаніе знать что-нибудь о происхожденіи и юношескихъ годахъ митрополита, а потому я возвращаюсь къ продолженію повѣствованія.

Проводя, до назначенія въ Крымъ, свою жизнь сперва на Аѳонѣ, а потомъ въ Константинополѣ, въ уединенной монашеской кельѣ, святитель зналъ только по слухамъ о притѣсненіяхъ, вездѣ претерпѣваемыхъ христіанами отъ всегдашнихъ враговъ христіанства — мусульманъ. Когда же, переселившись въ Крымъ, онъ увидѣлъ собственными глазами, каково было положеніе его несчастныхъ соплеменниковъ,—онъ пришелъ въ ужасъ и далъ себѣ обѣтъ—освободить свою паству отъ варварскаго ига, не щадя для этого, — если будетъ нужно,—даже самой жизни своей. Прежніе гордые сыны Эллады, поселившіеся, уже давно, въ этомъ благословенномъ уголкѣ (первыя греческія колоніи, на берегу Чернаго моря, были основаны за нѣсколько столѣтій до Р. Хр.), были теперь народцемъ подавленнымъ, униженнымъ, усвоившимъ нравы, обычаи, одежду и языкъ новыхъ властителей Крыма — сперва татаръ, овладѣвшихъ еще въ XIII вѣкѣ сѣверною частью полуострова, а затѣмъ и турокъ, занявшихъ, послѣ покоренія Византіи, въ XV вѣкѣ, южную часть его.

Какова же была жизнь бѣдныхъ грековъ, совершенно порабощенныхъ азіатскими народностями?

Дабы всякій могъ судить объ этомъ, я приведу одинъ — другой примѣръ, переданный мнѣ старичкомъ — очевидцемъ, бывшимъ во время оно — мальчикомъ при митрополитѣ. Приходитъ одинъ грекъ къ его преосвященству и, со слезами, говоритъ: „Эфенди! (такъ величаютъ турки и татары знатныхъ особъ) Эфенди! мой четырехлѣтній сынъ, услышавъ, какъ му-

эдзинъ кричитъ на минаретѣ: Магомедъ ирресуль алла, самъ закричалъ тоже; татары схватили ребенка и, сказавъ, что онъ перешелъ въ исламъ, омусульманили его". „Эфенди! взываетъ другой, татаринъ выбилъ, на улицѣ, изъ своей трубки, остатокъ еще горѣвшаго табаку, чтобъ закурить, отъ него, вновь набитую трубку. Мой старый и почти слѣпой отецъ, не замѣтивъ этого, наступилъ на огонь. Увидя въ этомъ оскорбленіе для себя, татаринъ, не долго думая и не говоря ни слова, застрѣлилъ его, какъ собаку".

Не буду приводить другихъ случаевъ, въ такомъ же родѣ: ихъ было, безъ конца, много. „Сынъ мой, говоритъ владыко каждому, приходившему къ нему, ваши жалобы сокрушаютъ меня; но что я могу сдѣлать съ этими извергами—исконными врагами христіанъ? Если хотите, я готовъ пойти пѣшкомъ въ Петербургъ и, на колѣнахъ, умолять всемилостивѣйшую Монархиню Россіи взять васъ въ свое царство. Тамъ вы не будете претерпѣвать подобныхъ притѣсненій". Тогда, всѣ, приходившіе съ жалобами, падали къ ногамъ владыки, умоляя его привести этотъ планъ въ исполненіе и увѣряя, что они оставятъ безъ сожалѣнія все свое имущество, „лишь бы, говорили они, жизнь наша и вѣра уцѣлѣли, а остальное можно пріобрѣсти".

Святитель, конечно, не совсѣмъ вѣрилъ ихъ словамъ; онъ зналъ, что такъ говорить заставляетъ ихъ только-что пережитое горе, и что, когда оно немного забудется, они забудутъ также свои рѣчи. Тѣмъ не менѣе, онъ завелъ переписку съ Суворовымъ,—защищавшимъ тогда перекопскія укрѣпленія отъ турокъ—и съ его начальникомъ—Румянцевымъ, наконецъ, самъ поѣхалъ въ Петербургъ, для личныхъ переговоровъ съ Потемкинымъ [1]).

---

[1]) Митрополитъ уѣхалъ тайкомъ; кажется, его вывезли въ бочкѣ. Въ библіотекѣ Одесскаго общества исторіи и древностей, сохраняется любопытный дневникъ протоіерея Трифиллія, бывшаго главнымъ помощникомъ митрополита въ дѣлахъ управленія епархіей. Дневникъ написанъ на татарскомъ языкѣ (на которомъ говорили крымскіе греки), но греческими буквами. „Мы, пишетъ Трифиллій, натерпѣлись, тогда, великихъ страховъ отъ татаръ; прятались, гдѣ могли: въ потаенныхъ комнатахъ и даже шкафахъ. Чтобъ перевезти митрополита изъ Кафы въ Бахчисарай (въ 1772 году), я выпросилъ у визиря стражу изъ донскихъ казаковъ. Когда мы проѣзжали Карасу-Базаръ, нѣкто по имени Ширинъ-мурза, производившій въ тѣхъ мѣстахъ разбои, покушался умертвить насъ. Мы бѣжали и спаслись въ домѣ другого мирнаго мурзы. Потомъ, убили стражу и сдѣлали набѣгъ на мой домъ. Но Господь насъ спасъ и

Совпало ли это начинаніе святителя съ политикой императорскаго кабинета или оно подало мысль, что эмиграція христіанъ облегчитъ возможность завладѣть Крымомъ—не знаю, а знаю только, что ходатайство моего дѣда увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. Крымскимъ христіанамъ было разрѣшено переселиться въ Россію; имъ было обѣщано покровительство могущественной, единовѣрной державы и всевозможныя льготы.

Хотя, съ этой стороны, святитель былъ уже успокоенъ и обнадеженъ, но, съ другой — какъ осуществить этотъ планъ—онъ былъ въ большомъ затрудненіи. Въ кругу своихъ приближенныхъ, онъ не видѣлъ никого, кто могъ бы раздѣлить съ нимъ труды и опасности его смѣлаго предпріятія. Подумавъ, онъ рѣшился вызвать изъ отечества сына своего брата—моего родителя—Ивана Антоновича.

Отецъ мой—тогда 20-ти-лѣтній юноша—сочувствуя благимъ предначинаніямъ своего дяди и, кромѣ того, льстя себя надеждою отличиться, оставилъ свою родину и, взявъ изъ своего имущества, что было возможно, прибылъ въ Крымъ и принялся за дѣло, со всею горячностью, свойственной столь юному возрасту (святитель звалъ его тогда Янаки-Ванюша, и это ласкательное имя, данное дядей племяннику — почти ребенку — осталось за нимъ на всю жизнь; греки и татары звали его — до самой смерти — не иначе, какъ Янаки-ага, и даже меня — впослѣдствіи — Янаки-ага оглу — сынъ господина Янаки. Объ этомъ незначительномъ фактѣ можно было бы не упоминать, но онъ указываетъ на одну черту въ характерѣ святителя: подъ суровымъ видомъ аскета, онъ сохранялъ нѣжное сердце, доступное теплымъ родственнымъ чувствамъ).

Какъ предвидѣлъ святитель, такъ и случилось.

Когда дѣло дошло до развязки, то христіане, особенно тѣ, которые были богаче, а слѣдовательно, и вліятельнѣе—преимущественно армяне, — стали упорствовать. Они не хотѣли разставаться съ своими домами, садами и другимъ имуществомъ. Къ обидамъ и всякаго рода несправедливостямъ они были

не предалъ въ руки враговъ. Ханъ Дивлетъ-Гирей заперъ насъ во дворѣ хануджіевъ (дворцовая стража). Продержалъ два мѣсяца; затѣмъ взялъ 500 червонцевъ и выпустилъ".

Этотъ наивный разсказъ прекрасно обрисовываетъ положеніе христіанъ въ Крыму, во время послѣднихъ Гиреевъ. Положеніе какъ ихъ, такъ и тѣмъ болѣе — ихъ духовнаго вождя, было невыносимо и совершенно объясняетъ ихъ выходъ изъ Крыма.

Примѣчаніе Е. Г—вой.

привычны; а предполагать, чтобы, гдѣ-либо, порядокъ вещей былъ лучше — они, по неразвитію своему, не могли. Они вѣрили своей пословицѣ, что „вездѣ, гдѣ водятся рыбы, большая рыба глотаетъ маленькихъ".

Но дѣло было начато, и нужно было довести его до конца и спасти несчастныхъ христіанъ отъ претерпѣваемыхъ ими бѣдствій, хотя бы, даже, противъ ихъ желанія. Нужно было, только, выждать благопріятнаго момента для начала дѣйствій; и, наконецъ, этотъ моментъ наступилъ [1]).

Въ это время, татары взбунтовались противъ своего хана— Шалинъ-Гирея, за приверженность его къ Россіи и, назвавъ его гяуромъ, рѣшили извести его сперва, а потомъ и всѣхъ другихъ гяуровъ, т.-е. невѣрныхъ.

Вотъ тутъ, впервые, выступаетъ на сцену племянникъ митрополита—юный Янаки.

Дядя возлагаетъ на него очень трудную миссію: онъ долженъ обойти—тайкомъ, конечно — города и тѣ села Крымскаго полуострова, въ которыхъ жили—разбросано между татарами— христіане. Такихъ было 7 городовъ и 25 деревень. Онъ снабжаетъ племянника воззваніемъ отъ своего лица, къ своей духовной паствѣ, приглашая перейти въ подданство Россіи. Въ этомъ воззваніи, онъ, самымъ наглядным для нихъ образомъ, объяснялъ, какое было ихъ тогдашнее положеніе: постоянная опасность жизни, сомнительность состоянія, невозможность открыто исповѣдовать свою вѣру. Въ параллель съ этимъ, онъ указываетъ на ожидающую ихъ въ Россіи благодать: неприкосновенность собственности, полная безопасность жизни и добраго имени, совершеннѣйшая свобода въ отправленіи религіозныхъ обрядовъ — процессій, крестныхъ ходовъ, благовѣста для призыва вѣрующихъ въ церковь.

Отецъ мой, конечно, не могъ собирать людей въ церквахъ, чтобъ тамъ познакомить ихъ съ воззваніемъ ихъ духовнаго пастыря: это было бы слишкомъ рискованно. Онъ собиралъ ихъ

---

[1]) Вслѣдствіе войнъ Россіи съ Турціей, отношенія между греками и татарами еще болѣе обострились.

По Кучукъ-Кайнарджинскому миру, заключенному въ 1774 г., Крымъ былъ объявленъ независимымъ отъ Турціи и пользующимся покровительствомъ Россіи. Отрядъ русскихъ войскъ, подъ предводительствомъ Суворова, занялъ перекопскія укрѣпленія. Россія надвигалась на Крымъ. Крымскіе христіане, конечно, сочувственно относились къ единовѣрной державѣ; много было перебѣжчиковъ и лазутчиковъ изъ грековъ и армянъ, и это — тѣмъ болѣе усиливало ненависть къ нимъ чтителей пророка. *Примѣчаніе Е. Г—вой.*

небольшими группами, въ какихъ-нибудь уединенныхъ мѣстахъ, читалъ имъ воззваніе и отъ себя уже дополнялъ его и разъяснялъ, смотря по степени пониманія слушателей. Вѣроятно, краснорѣчіе его было убѣдительно, такъ какъ всѣ вручали ему письменныя соглашенія на переходъ въ подданство Россіи.

Разсуждая о положеніи христіанъ въ тогдашнемъ крымскомъ ханствѣ, нельзя не придти къ заключенію, что они тамъ были только терпимы, потому что ихъ трудъ и руки были необходимы лѣнивымъ татарамъ. Но если бы обнаружилось, что они хотятъ предаться враждебному государству, они были бы всѣ, поголовно, истреблены. Тутъ возникаетъ, предо мною, цѣлый рядъ вопросовъ. Какъ могло оставаться тайною, что многотысячное населеніе собирается эмигрировать? Какъ ни одинъ христіанинъ не выдалъ тайны, ни одинъ мусульманинъ не заподозрилъ, что подготовляется такое событіе? И какъ могъ одинъ, прибывшій изъ-за моря, юноша, не знавшій ни мѣстныхъ условій, ни людей, ни языка ихъ (такъ какъ они говорили по-татарски)—какъ могъ онъ объѣхать, кромѣ городовъ, еще нѣсколько десятковъ деревень, расположенныхъ въ горахъ и лѣсахъ, да еще во время мятежа среди татаръ, въ такой странѣ, гдѣ, и въ обыкновенное время, жизнь каждаго христіанина зависѣла отъ произвола любого магометанина? Вѣрующіе въ промыслъ Божій, на всѣ эти вопросы, отвѣтятъ: „отъ Господа бысть сіе [1])“...

Всѣ эти письменныя соглашенія, вмѣстѣ съ прошеніемъ митрополита на Высочайшее имя, были переданы командовавшему тогда крымскимъ отрядомъ, впослѣдствіи столь знаменитому, Суворову. Тогда же, отецъ мой, учинивъ присягу на вѣрность подданства Россіи, поступилъ подъ начальство Суворова, въ чинѣ поручика, и отправленъ, съ небольшой командою, защищать, гдѣ возможно, христіанъ и наблюдать за мятежническими дѣйствіями татаръ.

---

[1]) Здѣсь авторъ повѣствованія дѣлаетъ отъ него значительное уклоненіе, которое я, для краткости, пропустила. Какъ человѣкъ глубоко вѣрующій, онъ убѣжденъ, что всѣмъ на свѣтѣ управляетъ „всемогущая и всеустрояющая Воля“; и опровергаетъ мнѣніе „атеистовъ и матеріалистовъ“, приписывающихъ все слѣпому случаю. Повидимому, онъ былъ хорошо ознакомленъ съ теоріями философовъ конца XVIII вѣка, но оставался вѣренъ ученію, на стражѣ котораго стоялъ его дѣдъ-святитель.

Примѣч. Е. Г—вой.

Будучи отрѣзанъ мятежниками отъ сообщенія съ россійскимъ войскомъ, онъ долгое время скрывался въ ущельяхъ горъ и скитался въ лѣсахъ, претерпѣвая жестокій голодъ. Чтобъ дать понятіе о претерпѣнныхъ имъ тогда бѣдствіяхъ, я разскажу одинъ эпизодъ, не разъ слышанный мною изъ устъ его. Ѣхалъ онъ, въ сумерки, въ извилинахъ густого лѣса, и, вдругъ, услышалъ топотъ коней скакавшихъ, въ томъ же направленіи, всадниковъ. Сообразивъ, что всадники гонятся за нимъ, онъ спрыгнулъ съ лошади, и, хлестнувъ плетью, повернулъ ее головою, направо, а самъ кинулся налѣво и залегъ въ кустарникахъ. Это, дѣйствительно, была погоня, но всадники, обманутые топотомъ бѣжавшей направо лошади, помчались въ въ томъ же направленіи. А онъ, переждавъ нѣкоторое время, побрелъ, побуждаемый сильнымъ голодомъ, до ближайшей деревушки, населенной отчасти татарами и отчасти греками. Здѣсь онъ вошелъ въ домъ знакомаго ему грека—Тодора; но не успѣлъ онъ войти въ комнату и увидѣть тамъ, на столѣ, блюдо свѣже-испеченныхъ пирожковъ (съ какимъ удовольствіемъ онъ съѣлъ бы ихъ!), какъ хозяинъ, схвативъ гостя за руку, а другою рукой длинную веревку съ ведромъ, въ которое положилъ всѣ апетитные пирожки, повлекъ его окольнымъ путемъ садами къ колодцу, отстоявшему довольно далеко отъ дома. Здѣсь только, онъ заговорилъ: „сейчасъ пріѣхалъ въ деревню бей (князь), со своею свитой и закричалъ: „собаки! я знаю, что у васъ скрывается родственникъ кара-баша (черноголоваго—такъ татары называли монаховъ); но онъ не уйдетъ никуда изъ моихъ рукъ. Я поставилъ вездѣ караульщиковъ; и если вы не приведете его ко мнѣ завтра утромъ, то я самъ—иншъ-Аллахъ (съ помощью Божіею) найду его и раздѣлаюсь, и съ нимъ, и съ вами, по-своему“. Передавъ эту угрозу татарскаго бея, добрый грекъ сказалъ отцу: спустись въ колодецъ; тамъ—выше воды—есть пещера; ты можешь въ ней скрываться, пока бей уѣдетъ. При помощи веревки, онъ спустилъ отца въ колодецъ, а потомъ и ведро съ пирожками. Пещера—или, лучше сказать ниша—была, въ вышину, ниже человѣческаго роста, а въ ширину и въ длину—полтора квадратныхъ аршина. Здѣсь отецъ долженъ былъ сидѣть, не шевелясь, потому что, при малѣйшемъ движеніи, или въ дремотѣ, онъ могъ бы упасть въ глубину колодца и, конечно, погибнуть. Четверо сутокъ искали его татары, не оставивъ неосмотрѣнными ни шкафовъ, ни сундуковъ въ греческихъ домахъ, и все это время, добрый Тодоръ приносилъ ему пищу въ ведрѣ. Почерпнувъ изъ колодца, тѣмъ

же ведромъ, воды, онъ возвращался, какъ ни въ чемъ не бывало, на глазахъ всѣхъ сосѣдей-татаръ.

И дѣдъ мой также, въ это время, спасся, отъ лютой смерти, при помощи одного грека-отшельника. Въ 5 верстахъ отъ Бахчисарая, въ урочищѣ Качи-Кальонъ, были развалины старинной церкви св. Анастасіи (впослѣдствіи возстановленной). Старый монахъ, жившій въ этихъ развалинахъ, укрылъ преосвященнаго въ одной изъ многихъ находящихся тамъ, пещеръ, и, собирая подаянія, кормилъ его въ теченіе 6 недѣль. Татары, уже освѣдомленные обо всемъ, не найдя, скрывавшихся такимъ образомъ, главныхъ руководителей предполагавшагося выселенія и не могши насытиться ихъ кровью, должны были удовлетвориться тѣмъ, что сожгли ихъ домъ, со всѣмъ, что въ немъ было; при этомъ погибъ архіерейскій келейникъ. Домъ этотъ находился на сѣверной окраинѣ Бахчисарая, у подошвы одной изъ скалъ, окружающихъ этотъ городъ. При немъ была церковь св. Николая. Послѣ выхода грековъ, часть скалы упала и раздавила какъ церковь, такъ и домъ, или—лучше сказать—что оставалось отъ дома послѣ пожара.

23 апрѣля 1777 года, въ день великомученника Георгія, который, въ этомъ году, совпадалъ съ днемъ св. Пасхи, послѣ совершеніи литургіи, въ пещерной церкви Успенія Богородицы (гдѣ нынѣ Успенскій скитъ), преосвященный говоритъ своей паствѣ о состоявшемся уже соглашеніи между нимъ и русскимъ правительствомъ и убѣждаетъ, немедленно, заняться подготовленіемъ къ выходу изъ Крыма. Впрочемъ, прошеніе на Высочайшее имя было послано—при посредствѣ Суворова—только въ іюлѣ. Теперь уже неутомимый Суворовъ, о которомъ его біографъ—Петрушевскій говоритъ, что онъ „всю душу свою вложилъ въ это дѣло“,—побуждаетъ переселенцевъ къ выступленію. Тогдашній ханъ Шагинъ-Гирей, узнавъ обо всемъ, на первый разъ пришелъ въ ярость, но потомъ примирился съ этимъ фактомъ, сообразивши, что оставленное греками, недвижимое имущество должно попасть въ его руки. Къ тому же Суворовъ выхлопоталъ для него 50 т. рублей вознагражденія и 50 т. для его приближенныхъ. Для переселенцевъ—Суворовъ выхлопоталъ значительное пространство земли (въ Азовской губ.) для ихъ поселенія, продовольствіе отъ казны во время ихъ пути и пока устроятся на новыхъ мѣстахъ, и 6.000 воловьихъ подводъ для перевозки ихъ имущества. Когда все уже было подготовлено, преосвященный служитъ, въ той же Успен-

ской церкви, напутственный молебенъ, и здѣсь происходитъ трогательное разставанье крымчаковъ съ ихъ родиной. Вслѣдъ за тѣмъ, большая партія грековъ оставляетъ Крымскій полуостровъ. Это были, вѣроятно, болѣе состоятельные люди или болѣе недовольные своимъ положеніемъ. Но главная масса переселенцевъ выступила только въ 1778 году [1]).

Очень возможно, что митрополитъ былъ въ первой партіи, но, въ точности, я этого не знаю. Отецъ мой отправился вмѣстѣ со второю. Получивъ отъ Суворова аттестатъ (отъ 10 апр. 1778 г.), въ которомъ было сказано, что, при выходѣ христіанъ изъ Крыма, онъ состоялъ при Суворовѣ и, съ успѣхомъ, исполнялъ различныя его порученія, теперь, онъ поступилъ подъ начальство азовскаго губернатора—Черткова и, подъ руководствомъ митрополита, управлялъ переселенцами во время пути, во время болѣе или менѣе продолжительныхъ стоянокъ и при водвореніи на пожалованной имъ землѣ. Но здѣсь надобно остановиться и разсказать, какъ происходило это переселеніе. Много неудовольствій претерпѣли мой дѣдъ и отецъ за это время. Преосвященный Гавріилъ—одинъ изъ бытописателей переселенія христіанъ изъ Крыма,—очень справедливо сравниваетъ его съ переселеніемъ израильтянъ изъ Египта и называетъ Игнатія—вторымъ Моисеемъ. Какъ тотъ протерпѣвалъ, въ пути, различныя оскорбленія, такъ и этотъ—новый Моисей постоянно былъ оскорбляемъ неповиновеніемъ и ропотомъ, освобожденнаго имъ изъ рабства, народа. Былъ и еще одинъ сходственный фактъ, о которомъ преосв. Гавріилъ не зналъ.

Израильтяне, во время странствованія, стали поклоняться золотому тельцу, какъ богу; а наши греки придумали себѣ святую, которую назвали παναιγα—т. е. пресвятая (такъ греки называютъ Бородицу) и стали поклоняться ей. Одна полуумная (или, какъ русскіе называютъ, юродивая) дѣвица стала пророчествовать, вѣроятно, по внушенію нѣкоторыхъ лицъ, недовольныхъ переселеніемъ;—она говорила, что если греки, до дня св. Ильи, не отправятся обратно въ Крымъ, то, въ этотъ день,

---

[1]) По имѣющимся у меня свѣдѣніямъ (за достовѣрность которыхъ, впрочемъ, не ручаюсь), всѣхъ христіанъ въ крымскомъ ханствѣ (во время переселенія) было 50 тысячъ. Изъ нихъ грековъ—30 т. и 20 т. армяно-григоріанъ и армяно-католиковъ. Первые имѣли своего архимандрита—Бедроса. Армяне поселились въ Нахичевани и другихъ городахъ. Какъ происходило ихъ переселеніе—мнѣ не извѣстно.

Примѣч. автора.

сойдетъ съ неба огонь и обратитъ ихъ всѣхъ въ пепелъ. Невѣжественные люди повѣрили идіоткѣ, и многіе уже собирались въ обратный путь. Отецъ мой съ большимъ трудомъ могъ привести ихъ къ повиновенію.

Изъ этого разсказа видно, что бѣдные наши переселенцы сильно тосковали по родинѣ. Это, конечно, вполнѣ понятно: по неразвитію своему, они уже забыли, какъ плохо имъ жилось на ихъ прекрасной родинѣ, и какъ они сами умоляли своего духовнаго пастыря освободить ихъ — какою бы то ни было цѣною—отъ варварскаго ига мусульманъ.

Но вотъ, странствованіе ихъ окончено, и они достигли предположенной цѣли. Впрочемъ, надобно сказать, что не всѣ выходцы изъ Крыму пришли благополучно въ незнакомый имъ край. Были такіе, которые, съ дороги еще, возвратились въ Крымъ, нѣкоторые,—вѣроятно, болѣе состоятельные,—предпочли поселиться на избранныхъ ими самими мѣстахъ. Наконецъ, какая-то болѣзнь свирѣпствовала между ними и унесла много жертвъ. Остальнымъ предстояло устраиваться на новой родинѣ.

21 мая 1779 г. получается высочайшій указъ, которымъ опредѣляются права переселенцевъ.

Грамата эта, называемая ими на ихъ греческо-татарскомъ языкѣ „привилегъ“ (привилегіи), и сохраняемая, до настоящаго времени, какъ святыня, начинается слѣдующими, высокомилостивыми словами: „вѣрнолюбезному намъ преосвященному Игнатію, митрополиту Готѳейскому и Кефайскому, и всему обществу крымскихъ грековъ, всѣмъ вообще и каждому особо, наше императорское милостивое слово“... Далѣе, въ граматѣ излагались всѣ права и льготы, дарованныя переселенцамъ, какъ-то: избавленіе, навсегда, отъ рекрутчины и на 10 лѣтъ отъ всякихъ податей; право имѣть свой собственный греческій судъ и пр.; имъ отводится значительное пространство земли, центромъ котораго были города: Екатеринославъ 1-ый (въ отличіе отъ 2-го—теперяшняго Екатеринослава) и Маріанополь—теперешній Павлоградъ. Митрополитъ получаетъ царскую грамату, по которой ему назначается на содержаніе по 3.000 руб. въ годъ, право, до смерти, управлять, выведенной имъ изъ Крыма, паствой и носить титулъ митрополита Готѳейскаго и Кефайскаго.

Напрасно преосвященный Гавріилъ полагаетъ, что дѣдъ мой, „за сей подвигъ“ (выводъ христіанъ изъ Крыма) возведенъ въ санъ митрополита. Онъ посланъ былъ въ Крымъ на митрополитскую каѳедру, такъ какъ, еще въ XIV вѣкѣ, эта каѳедра

была возвышена въ митрополитскую византійскимъ императоромъ—Андроникомъ Палеологомъ [1]).

Казалось бы, теперь должны прекратиться всѣ волненія. Но тутъ возникаетъ новое затрудненіе, при распредѣленіи мѣстъ для селеній. Иная мѣстность не нравится никому, другую желали бы многія общины. Удовлетворить всѣхъ—нѣтъ никакой возможности. Митрополитъ самъ тоже недоволенъ, отведеннымъ для грековъ, мѣстомъ. Вѣдь онъ мечталъ создать чисто греческую колонію, состоящую изъ города и, вокругъ него, расположенныхъ селъ, совершенно обособленную отъ другихъ національностей; но приходилось селиться разбросанно, между другими городами и селеніями Азовской губерніи. Это было бы совсѣмъ не то, чего онъ желалъ; и вотъ, осенью 1779 года, онъ опять предпринимаетъ продолжительное и трудное путешествіе въ сѣверную столицу, но, на этотъ разъ, уже съ племянникомъ [2]).

Не знаю, какими путями, но ему удалось достичь своей цѣли: первоначальный планъ отведенной земли совершенно измѣненъ, такъ какъ въ него не входятъ уже ни Екатеринославъ 1-ый, ни Маріанополь. По новому плану, грекамъ предоставлено селиться на берегу Азовскаго моря. Этотъ новый планъ хранится въ Маріупольской городской управѣ; на немъ надпись: „Быть по сему Екатерина“. По срединѣ: „конфирмованъ 2 октября 1779 г.“ А совсѣмъ внизу подпись: Князь Потемкинъ.

Теперь уже греки стали окончательно устраиваться на новыхъ мѣстахъ. Они основали, на берегу Азовскаго моря, городъ Маріуполь, названный такъ въ честь Великой Княжны (позднѣе императрицы) Маріи Ѳеодоровны, и 23 села. Такимъ образомъ закончилось переселеніе грековъ.

Въ награду за понесенные имъ труды, митрополитъ получилъ, осыпанную драгоцѣнными каменьями, звѣзду, при слѣдующемъ письмѣ отъ Суворова [3]):

---

[1]) Въ біографіи этого императора, между прочими событіями его царствованія, упоминается—ἡ Γοθθιά т.-е. Готѳія, бывшая архіепископіей, сдѣлалась митрополіей.

Примѣчаніе автора.

[2]) „Продолжительное и трудное“, говоритъ авторъ повѣствованія. Теперь это кажется смѣшно, но надобно принимать въ соображеніе, что, не только, во время переселенія грековъ, но и позднѣе, когда писалась эта статья, и не было еще желѣзно-дорожныхъ сообщеній, поѣздка съ юга на сѣверъ или съ сѣвера на югъ Россіи, была настоящимъ событіемъ.

Примѣчанія Е. Г—вой.

[3]) Подлинное письмо сохранялось между семейными бумагами покойнаго отца, также и подробное описаніе *Енголпіона*, которое я сообщу

Преосвященный митрополитъ Игнатій.

Милостивый Государь мой!

Препровождая при семъ Всемилостивѣйше Вамъ пожалованный, отъ ея Императорскаго Величества, *Енголпіонъ* бриліантовый, изъ кавалерской звѣзды, въ воздаяніе за отличную Вашу, къ ней, вѣрность и усердіе, особливою поставляю для себя честью изъявить Вашему Преосвященству мое искреннее поздравленіе, что удостоились получить сей существительный опытъ Высочайшаго Ея Величества къ Вамъ благоволенія. Позвольте при томъ, Ваше Преосвященство, испросить Вашего архипастырскаго благословенія и пребыть съ отмѣннымъ высокопочитаніемъ и преданностью.

Милостивый Государь мой,

Вашего Преосвященство

Покорнѣйшій слуга

(Собственоручная подпись) Александръ Суворовъ.

Что касается моего отца, то онъ получилъ повышеніе въ чинѣ. Благодаря Всевышняго за то, что онъ сподобился участвовать въ столь богоугодномъ дѣлѣ (избавленіи христіанъ отъ мусульманскаго ига), онъ все-таки тосковалъ по оставленной родинѣ и подумывалъ туда возвратиться, но не могъ рѣшиться оставить престарѣлаго дядю одного, среди людей, оскорблявшихъ его своею неблагодарностью. Дядя же, со свойственной ему прозорливостью, замѣтивъ его колебанья, чтобъ привязать его къ этому краю, уговорилъ его жениться на дочери одного изъ знатнѣйшихъ тамошнихъ грековъ.

Въ молодой семьѣ любимаго племянника онъ находилъ утѣшеніе во всѣхъ возникавшихъ, постоянно, непріятностяхъ, между нимъ и его паствой, не умѣвшей оцѣнить его. Но онъ не жилъ со своими,—какъ онъ называлъ ихъ,—дѣтьми. „Устраивая свое словесное стадо (говоритъ пресвященный Гавріилъ, на котораго я столько разъ ссылался), самъ онъ жилъ въ ветхой сырой землянкѣ, какъ самый бѣдный изъ его паствы. Позднѣе, онъ купилъ на свои собственныя средства, у одного частнаго лица, дачу, въ 6 верстахъ отъ Маріуполя и тамъ поселился. Желая

далѣе въ прибавленіи къ статьѣ. Письмо же передано мною въ мѣстный (Херсонскій) археологическій музей, гдѣ оно сохраняется за стекломъ и въ рамкѣ. *Примѣчанія Е. Г—вой.*

обезпечить будущую семью своего племянника, онъ испросилъ въ свое собственное владѣніе, изъ земель, отведенныхъ грекамъ 1.500 десятинъ. Вѣдь имъ пожаловано несравненно болѣе земли, чѣмъ сколько было нужно, и она оставалось незанятой, а позднѣе, на ней селили, кого случалось. Здѣсь, онъ построилъ домъ и развелъ прекрасный садъ, который напоминалъ ему крымскіе сады и который стоилъ ему не мало трудовъ и денежныхъ затратъ. Конечно, не о себѣ онъ заботился; онъ велъ суровый, монашескій образъ жизни и не нуждался въ земныхъ благахъ, но онъ считалъ себя обязаннымъ вознаградить племянника,—оставившаго, по его желанію, родину за понесенные имъ, нелегкіе труды, и думалъ оставить ему, въ наслѣдство, благоустроенное имѣніе.

Но неблагодарные греки разорили его прекрасный садъ и тѣмъ омрачили послѣдніе дни его земного существованія. Не долго онъ жилъ послѣ этого прискорбнаго эпизода. Едва лишь успѣлъ онъ совершить таинство св. крещенія надъ моей старшей сестрой--Еленой, какъ тихо и безболѣзненно перешелъ въ вѣчность.

Прибавленіе 1-ое.

Здѣсь, я прерываю нить повѣствованія, хотя она еще далеко не окончена, не окончена даже и первая часть его; но то, что слѣдуетъ далѣе, не представляетъ интереса для посторонняго читателя: главное дѣйствующее лицо всей этой эпопеи—митрополитъ Игнатій—сошелъ со сцены; на сценѣ еще остается его племянникъ—Иванъ Антоновичъ, тоже не мало потрудившійся; но и онъ уже окончилъ свое общественное служеніе и, далѣе, ему предстоитъ жить, какъ частному лицу. Каково же ему жилось, послѣ смерти дяди?

Къ сожалѣнію, отношенія между нимъ и маріупольцами еще болѣе обострились. Они обвинили его и митрополита въ томъ, что ими были утаены 78 тысячъ, выданныхъ имъ, будто бы, Суворовымъ, въ вознагражденіе за оставленное ими въ Крыму имущество. Возникла, по этому поводу, переписка. Суворовъ, конечно, отвѣтилъ, что это сущая ложь и что никакихъ денегъ онъ не выдавалъ. Тогда, они придумали другое. Они возбудили противъ Ивана Антоновича процессъ за землю, которую митрополитъ исходатайствовалъ въ свое личное владѣніе, разсчитывая оставить ее въ наслѣдство племяннику. Но греческій судъ, которымъ, въ числѣ другихъ привилегій, данныхъ греческимъ переселенцамъ, пользовались маріупольцы, рѣшилъ, что земля

принадлежитъ греческому обществу, а митрополитъ могъ пользоваться ею только временно.

Возмущенный ихъ несправедливостью, Иванъ Антоновичъ бросилъ все и, собравъ остатки своего личнаго имущества, переѣхалъ въ Крымъ. Въ окрестностяхъ Бахчисарая, онъ купулъ небольшое имѣніе, гдѣ и поселился съ своей семьей.

Обо всемъ этомъ авторъ повѣствованія говоритъ подробно и не безъ горечи, вполнѣ понятной, такъ какъ потерпѣвшій былъ его отецъ. Но къ чему вспоминать о томъ, что было, прошло и должно быть забыто?

Враждебныя отношенія маріупольцевъ къ его отцу, а отчасти къ митрополиту, онъ объясняетъ тѣмъ, что они были, среди крымскихъ грековъ (по нравамъ, обычаямъ языку—татаръ) совсѣмъ чужими. Къ тому же, не всѣ маріупольцы были настроены такъ враждебно, а только немногіе изъ городскихъ заправилъ, которые и руководили всѣмъ дѣломъ.

Во второй части рукописи, говоря о „нравахъ и обычаяхъ" тогдашнихъ маріупольскихъ грековъ, авторъ уже относится къ нимъ вполнѣ безпристрастно. Онъ находитъ у нихъ много симпатичныхъ ему чертъ, свойственныхъ вообще патріархальнымъ народамъ, честность, цѣломудріе, почтительность къ старшимъ, искреннее благочестіе, хотя и соединенное съ суевѣріемъ. Въ то же время, онъ смѣется надъ ихъ татарскими обычаями и понятіями, такъ какъ въ теченіе мнолѣтняго рабства, они совершенно ассимилировались съ поработившимъ ихъ, малокультурнымъ, азіатскимъ племенемъ. Такими они были, не только, во время переселенія, но и позднѣе, въ 1-ой четверти минувшаго столѣтія.

Но время дѣлаетъ свое, и теперешніе маріупольскіе греки совсѣмъ не то, чѣмъ были ихъ отцы и дѣды. Маріуполь тоже измѣнился. Въ началѣ минувшаго столѣтія, когда отецъ мой посѣтилъ его, это былъ маленькій чисто греческій городокъ, котораго жители говорили, все еще, по-татарски. Теперь же это торговый городъ, вполнѣ интернаціональный, такъ какъ въ немъ живутъ, кромѣ грековъ, люди различныхъ національностей: итальянцы, юго-славяне, поляки и другіе, не говоря уже о русскихъ, евреяхъ, армянахъ. Самый городъ красиво обстроился: прежнія маленькія, большею частью, деревянныя церкви замѣнились красивыми, новыми храмами. Городъ пользуется пароходнымъ сообщеніемъ (по Азовскому морю) съ другими портами и желѣзнодорожнымъ съ центромъ Россіи. Онъ имѣетъ электрическое освѣщеніе, хорошія мостовыя; однимъ словомъ—пользуется всѣми благами цивилизаціи, относящи-

мися къ городскому благоустройству. Но этого новаго Маріуполя покойный отецъ не зналъ.

Онъ былъ тамъ, впервые, въ 1820 г., на другой годъ, послѣ смерти своего отца. „Маріупольцы,—пишетъ онъ,—приняли меня съ большимъ почетомъ; они, какъ будто, хотѣли, въ лицѣ живого, примириться съ памятью умершихъ".

Конечно, онъ пожелалъ поклониться могилѣ дѣда. Его привели въ Харлампіевскій соборъ, построенный еще митрополитомъ, вскорости послѣ водворенія грековъ на новыхъ мѣстахъ, и гдѣ, по его завѣщанію, покоились его останки. Онъ нашелъ эту церковь маленькой, бѣдной и совершенно уже обветшавшей. На мѣстѣ, гдѣ похороненъ святитель, никакого даже самаго скромнаго памятника, а только икона св. великомученика Георгія, вывезенная греками изъ Крыму и, особенно, ими чтимая. Когда онъ сталъ укорять сопровождавшихъ его грековъ и уговаривать реставрировать старую церковь, они дали ему „торжественное обѣщанье" это сдѣлать. Такъ какъ они говорили, что собираютъ уже деньги, для построенія новаго храма, „то и я,—прибавляетъ онъ,—далъ имъ свою лепту".

Въ другой разъ, отецъ мой посѣтилъ Маріуполь въ 1849 г. и нашелъ его очень мало измѣнившимся, за протекшія почти 30 лѣтъ. (Современнаго Маріуполя отецъ уже не видѣлъ). Но здѣсь я приведу слова самого повѣствованія.

„Въѣхавши въ городъ и проѣжая по главной улицѣ, я вдругъ увидѣлъ возвышающійся передо мною, великолѣпный, новый храмъ, недалеко отъ старой Харламовской церкви. Сердце мое болѣзненно сжалось; я догадался, что могила дѣда-святителя осиротѣла. На другой день, отслуживъ обѣдню въ новомъ благолѣпномъ соборѣ, я просилъ священника отслужить панихиду на мѣстѣ, гдѣ покоятся останки дѣда. Засуетились объ отысканіи ключа отъ упраздненной церкви и съ большимъ трудомъ гдѣ-то нашли его. Мы вошли въ церковь и что же увидѣли? Церковь совсѣмъ опустошенная, а на могилѣ святителя, какъ будто нарочно, навалено всякаго мусора, выше человѣческаго роста. Больно мнѣ было смотрѣть на это, и мы,—я съ дьякономъ и сторожемъ,—принялись было расчищать мѣсто могилы, но, видя, что наши труды ни къ чему не приведутъ, принуждены были стать въ сторонкѣ и молиться".

Заканчивая этими трогательными строками повѣствованіе моего отца, я считаю долгомъ прибавить, что греки исполнили свое „торжественное обѣщаніе", данное ими отцу, но это было сдѣлано уже послѣ его смерти. Старая церковь реставрирована

на мѣстѣ, гдѣ покоятся останки митрополита, поставленъ скромный памятникъ, на мраморной плитѣ котораго начертана слѣдующая надпись, которую я приведу дословно:

„Здѣсь покоится приснопамятный святитель Игнатій
24 митрополитъ Готѳейскій и Кефайскій
мѣстоблюститель Константинопольскаго
Патріарха въ Крыму
Оттуда увелъ грековъ въ 1777 году
И водворилъ въ Маріупольскомъ округѣ
Испросивъ для нихъ Высочайше
Привилегированную грамоту
Скончался 16 февраля 1786 года
И уцѣлѣвшій до нынѣ“.

По праздникамъ, въ церкви совершается литургія на греческомъ языкѣ. Благочестивые старики и старушки приходятъ молиться у могилы; ставятъ свѣчи и украшаютъ ее цвѣтами.

Прибавленіе 2-ое.

Извлеченіе изъ расписки, выданной духовенствомъ племяннику митрополита, о полученіи отъ него брилліантами осыпанной звѣзды, названной ими (неправильно) панагіей.

„Панагія, на подобіе кавалерійской звѣзды, сдѣлана съ 8 променами (?); въ нихъ 64 луча съ алмазными каменьями, числомъ всѣхъ каменьевъ—большихъ и меньшихъ—500.

По срединѣ финифтяное изображеніе распятія, вокругъ котораго алмазныхъ же камней 31; сверху корона съ 3 большими и 3 малыми алмазами и небольшимъ золотымъ крестомъ. При ней, золотая цѣпка, вѣсомъ въ 28 золотниковъ и, для храненія, футляръ деревянный, обтянутый красною кожею“.

Такъ какъ предметы, служащіе для архіерейскаго служенія или облаченія, не переходятъ къ наслѣдникамъ архіереевъ, то духовенство нашло справедливымъ отобрать эту роскошную звѣзду у наслѣдника митрополита, назвавши ее „панагія“ (Небольшой образъ Богородицы или распятія, который архіереи носятъ на груди). Но понятно, что ни одинъ изъ послѣдующихъ архіереевъ не имѣлъ бы права носить эту звѣзду, данную митрополиту, въ награду за его личныя заслуги. Утрата этого щедраго дара русской Монархини особенно сокрушала Ивана Антоновича.

Еще нѣсколько заключительныхъ словъ.

Появленіе въ печати этой статьи опоздало на цѣлые полъвѣка. Она была написана въ 1864 г. (такъ какъ авторъ ея скончался въ 1865 г.). Къ сожалѣнію, онъ не успѣлъ окончательно выработать ее и, тогда же, напечатать. То были иныя времена. Авторитеты церкви и власти не были еще достаточны, и лучшіе люди того времени,—къ которымъ, несомнѣнно, принадлежалъ и авторъ разсказа,—руководились въ жизни принципомъ: „бойся Бога и царя чти". Какъ далеки они были отъ современнаго стремленія къ свободѣ. Но нельзя имъ поставить въ вину, что они были люди своего времени. Новое время выдвинуло и новые идеалы. Особеннымъ почетомъ пользуются такія личности, какъ Герценъ, Бакунинъ, Чернышевскій и другіе—dii minores дѣятели революціоннаго движенія. Наша прогрессивная пресса неутомимо сообщаетъ и комментируетъ малѣйшіе факты изъ жизни этихъ героевъ современной дѣйствительности. Кого же можетъ занимать жизнь и дѣятельность монаха-аскета, хотя бы онъ былъ и выдающейся личностью? Но если есть еще, среди нашей интеллигенціи, любители родной старины, что они оцѣнятъ желаніе автора сохранить отъ забвенія эту интересную страничку изъ временъ царствованія Екатерины II-ой—переселеніе христіанъ изъ Крыма и память о виновникѣ этого переселенія—глубоко чтимаго авторомъ—дѣда—послѣдняго митрополита, носившаго титулъ Готѳейскаго и Кефайскаго.

Имъ—этимъ любителямъ родной старины—я посвящаю этотъ разсказъ.

Игн. Ив. Г—овъ.

Памятникъ А. И. Кушелеву.

„Приходите всѣ смотрѣть, какъ Ермолай Лопахинъ хватитъ топоромъ по вишневому саду, какъ упадутъ на землю деревья! Настроимъ мы дачъ, и наши внуки и правнуки увидятъ тутъ новую жизнь... Музыка, играй! (Лопахинъ. „Вишневый садъ“. Чехова. Дѣйствіе 3-е).

Подъ Петроградомъ, въ Лѣсномъ, по Малой Спасской улицѣ еще не такъ давно былъ доступенъ для публики обширный паркъ съ причудливо разбросанными прудами.

Паркъ охотно посѣщался посадскимъ людомъ, его аллеи были усѣяны шелухой отъ подсолнечныхъ сѣмянъ, а подъ тѣнью березъ часто происходили шумные пикники съ выпивкой, бранью и потасовкой.

Этотъ паркъ и эти пруды представляли остатки былого величія, памятники блестящей Екатерининской эпохи. Они принадлежали умершему въ 1816 году сенатору Ивану Ивановичу Кушелеву.

По серединѣ большого пруда расположены два островка. На одномъ изъ нихъ бѣлѣется осѣненная старыми березами, невысокая, аршина въ полтора, восьмигранная мраморная колонна—видимо, служившая пьедесталомъ для какого-либо, нынѣ уже не существующаго, памятника.

На граняхъ колонны имѣется слѣдующая надпись [1]):

[1]) Орѳографія подлинника сохранена.

Дѣйствительному Камеръ-геру Кавказскаго
гренадерскаго полку капитану и
кавалеру Александру Ивановичу
Кушелеву,
скончавшему жизнь на войнѣ въ Грузіи
Тифлисъ его гробница. Родился онъ
въ 1783 году 18-го іюня великая
ЕКАТЕРИНА и АЛЕКСАНДРЪ ПЕРВЫЙ
были ему воспріемники.
Скончался въ 1804-мъ году
30-го сентября на 22-мъ году
отъ рожденія.

„Онъ былъ уменъ, и честенъ, и любимъ,
„Но злобною судьбой отъ юныхъ лѣтъ гонимъ.
„Родители по немъ вѣкъ плакать не престанутъ.
„И тѣ прольютъ слезу, на памятникъ что взглянутъ.
„О, безчеловѣчные и злобные сердца,
„Всю семью въ немъ убили—несчастнаго отца,
„Который безъ наградъ отечеству служилъ
„Послѣднюю въ сынѣ жертву ему посвятилъ.

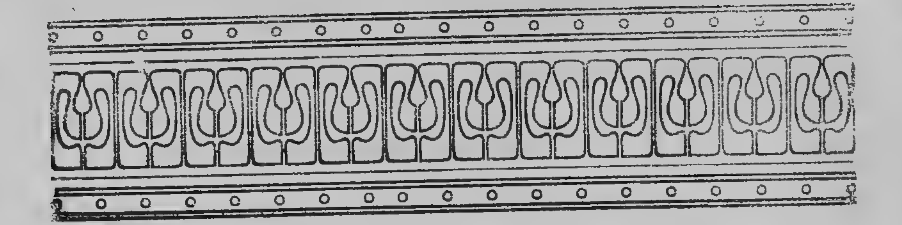
Для поясненія этой надписи надо сказать, что гвардіи поручикъ и камеръ-юнкеръ Александръ Ивановичъ Кушелевъ 15-го сентября 1801 года, по собственному желанію, перевелся въ Кавказскій гренадерскій полкъ (нынѣ Грузинскій) штабсъ-капитаномъ. Передъ отъѣздомъ въ армію онъ дрался на дуэли съ генералъ-маіоромъ Бахметевымъ. За дуэль А. И. былъ „выключенъ изъ придворнаго стата". Въ 1804 году, участвуя съ полкомъ въ походѣ на Эривань, А. И. своею выдающейся храбростью обратилъ на себя вниманіе главнокомандующаго князя П. Д. Циціанова, который испросилъ храбрецу Высочайшее прощеніе, возвращеніе на придворную службу и пожалованіе въ дѣйствительные камергеры. Въ сраженіи 15-го іюля 1804 года подъ Эриванью капитанъ Кушелевъ, командуя охотникам и сбилъ персіанъ съ занятой ими высоты и овладѣлъ значкомъ и двумя фальконетами, за что и былъ награжденъ орденомъ св. Анны 3-го класса. Послѣ этого сраженія Кушелевъ заболѣлъ лихорадкой и кровавымъ поносомъ. Въ ночь съ 30-го сентября на 1-е октября онъ скончался въ Тифлисѣ и былъ погребенъ тамъ же въ Кашветской св. Георгія церкви. Въ этой церкви мѣсто его погребенія отмѣчено сооруженной тогдашнимъ

правителемъ Грузіи кн. Д. М. Волконскимъ мраморною доскою съ соотвѣтствующей надписью на русскомъ и грузинскомъ языкахъ.

Въ настоящее время Кушелевскій паркъ представляетъ мерзость запустѣнія. Его теперешніе собственники разбиваютъ его на участки для постройки дачъ и, желая поднять цѣнность земли, засыпаютъ пруды, вырытые въ XVIII вѣкѣ руками крѣпостныхъ. Гибнутъ пруды, гибнутъ подъ ударами топора вѣковыя березы, погибнетъ скоро и памятникъ Кушелеву, просуществовавъ всего 110 лѣтъ.

В. Бернацкій.

Объ упорядоченіи монастырской жизни.

(1670 г.)

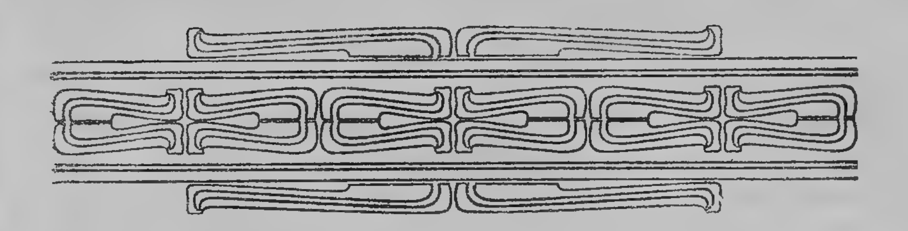
Сімонъ, преосвященный архіепископъ Вологодцкій и Бѣлоэерскій, Всемилостиваго Спаса Прилуцкаго монастыря архімандриту Іонѣ во Христѣ з—братьею. Вѣдомость до насъ архіепископа дойде, что-де въ нашей архіепископіи въ монастырѣхъ иеромонахи и еродіаконы, забывъ страхъ Божій и святыхъ апостолъ правила и нашего благословения иеромонашескіе свои грамоты, переходятъ изъ монастыря въ монастырь безъ нашего благословения, не явясь намъ архіепископу. А вы въ монастырѣхъ архимандриты и ігумены, тожъ не досматривая у нихъ во иеромонашескихъ ихъ грамотахъ, изъ монастырей в—ыные монастыри отпущаете и къ себѣ въ монастыри по томужъ пріимаете, иеромонашеская дѣйствовать имъ повелѣваете мимо правила святыхъ апостолъ и нашего благословения. И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и тебѣ-бъ, которые иеромонахи и іеродиаконы у васъ въ Прилуцкомъ монастырѣ есть, а иеромонашеская они дѣйствуютъ по нашему благословенію, досмотрѣть у нихъ благословенья у нихъ иеромонашескіе грамоты, въ нихъ же написано, а отъ монастыря, въ онь же нами кто благословенъ есть, безъ нашего благословения во инный монастырь прейти никакожъ власть да имать, аще же прейдетъ, намъ не явясь, и той во святыхъ Божіихъ храмѣхъ иеромонашеская ничтожъ да не дѣйствуетъ; тѣхъ изъ монастыря своего во иные монастыри не отпускать. А кто къ тебѣ въ монастырь из—ынныхъ монастырей того освященного іеромонашескаго іеродіаконского

чина безъ нашего благословенія придутъ, и тебѣ бъ такихъ въ монастырь къ себѣ не пріимать и служенія имъ однѣмъ и съ собою творить не велѣть по правиломъ святыхъ апостолъ и отецъ. Пїсанъ въ нашемъ архіепископлѣ дому. Лѣта 7178-го апрѣля въ день.

Примѣчаніе. Прилуцкій монастырь въ пяти верстахъ отъ архіерейскаго дома.

Сообщ. **Ив. Суворовъ.**

Изъ записной книжки „Русской Старины“.

Просматривая газеты и журналы за шестидесятые годы, мы обратили, между прочимъ, вниманіе на слѣдующую небольшую выдержку въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ 1862 года (7 сентября, № 196), въ отдѣлѣ „Германія“; выдержка эта можетъ представить нѣкоторый интересъ для характеристики нѣмцевъ той эпохи, бывшихъ нѣсколько поскромнѣе современныхъ и съ большею осмотрительностью относившихся къ своимъ недостаткамъ.

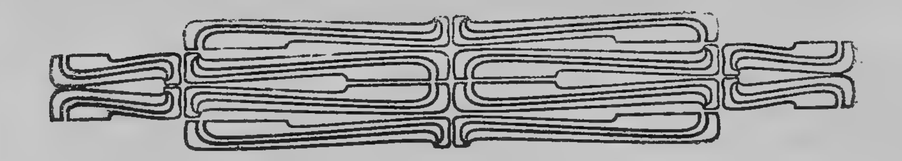
Въ „Journal de Francfort“ напечатана слѣдующая замѣтка о многочисленныхъ съѣздахъ, конференціяхъ, собраніяхъ и проч., которыя происходятъ въ Германіи: „Публика начинаетъ утомляться нескончаемыми конгрессами, банкетами, тостами, провозглашеніями братства и т. д., столь часто повторявшимися въ Германіи и, особенно, въ Австріи. Послѣ большого празднества стрѣлковъ во Франкфуртѣ, мы видѣли большой съѣздъ юристовъ въ Вѣнѣ, праздникъ артистовъ въ Зальцбургѣ, а теперь приготовляется собраніе натуралистовъ въ Карлсбадѣ. Въ Веймарѣ будетъ не менѣе трехъ съѣздовъ, конгрессъ рабочихъ, распространяющій движеніе въ пользу промышленной свободы; съѣздъ экономистовъ въ пользу свободной торговли, и, наконецъ, такъ называемый *приготовительный парламентъ* (Vorparlement). Въ Мюнхенѣ будетъ, сверхъ того, торговый конгрессъ, который съ одной стороны будетъ дѣйствовать въ пользу таможеннаго союза съ Австріей, а съ другой — въ пользу торговаго трактата. И всѣ эти съѣзды будутъ въ продолженіе лишь нѣсколькихъ недѣль. Мы не намѣрены отрицать пользу и важность этихъ

кочевыхъ парламентовъ; но нельзя не сознаться, что въ совокупности эти съѣзды, за изъятіемъ нѣкоторыхъ прекрасныхъ частностей, свидѣтельствуютъ о большомъ замѣшательствѣ умовъ въ Германіи. Особенно же они доказываютъ, что въ настоящее время нѣмецкая нація терпитъ недостатокъ въ вождяхъ, способныхъ къ иниціативѣ и одаренныхъ достаточною силою характера. Очевидно, что въ совѣщаніяхъ въ большомъ размѣрѣ нація старается осуществить то, чего недостаетъ ей отъ отсутствія человѣка съ творческимъ геніемъ.

„Не подлежитъ спору, что при этихъ совѣщаніяхъ произнесено почти безъ всякой пользы очень много рѣчей. Главная страсть нѣмцевъ, страсть къ банкетамъ, выпивкамъ и тостамъ, особенно къ послѣднимъ безпрестанно усиливается. Самый разговорчивый народъ въ мірѣ — французскій, приписываетъ теперь нѣмцамъ свой собственный недостатокъ, и у него уже вошла въ силу пословица: болтливъ, какъ нѣмецъ. Но, говоря искренно, если страсть переходить отъ попойки къ попойкѣ, подъ предлогомъ политики, искусствъ и наукъ, приметъ тревожные размѣры, какіе она уже и приняла въ послѣднее время, то сосѣдственные намъ народы будутъ имѣть право смѣяться надъ нѣмцами, надъ ихъ прожорливостью, склонностью пить и болтать.

„Мы думаемъ, что не худо бы положить конецъ этому порядку вещей, иначе конгрессы превратятся въ каррикатуры. Серьезное вниманіе націи къ этимъ съѣздамъ, отъ которыхъ она ждетъ своего обновленія, скоро замѣнится равнодушіемъ, вслѣдствіе котораго нѣмецкая публика будетъ отворачиваться даже отъ самыхъ важныхъ и полезныхъ обществъ“.

Замѣтки петроградскаго обывателя во время русско-нѣмецкой войны [1]).

1 апрѣля. Вчера Государь Императоръ изволилъ посѣтить Путиловскій механическій и судовой заводы [2]).

Его Величество изволилъ обходить мастерскія, гдѣ выдѣлываются снаряды, шрапнели, пушечную, миносборную, паровозомеханическую, башенную, турбинную, котельное отдѣленіе, посѣтилъ верфи, кузницы и мартеновскій цехъ. Обходъ завода продолжался три съ половиною часа. Вездѣ рабочіе съ энтузіазмомъ встрѣчали Государя Императора кликами „ура". Работы шли полнымъ ходомъ на заводѣ.

Передъ отбытіемъ Государь Императоръ, обратившись къ рабочимъ верфи и прессовой мастерской, благодарилъ ихъ за работы по срочнымъ казеннымъ заказамъ, произведенныя ими въ праздники Благовѣщенія и Св. Пасхи. При громкихъ кли кахъ „ура" Императорскій поѣздъ отошелъ отъ завода.

Въ разговорѣ одной высокопоставленной дамы съ офицеромъ, послѣднимъ былъ затронутъ вопросъ: какъ могли нѣмцы изъ среды которыхъ вышли Гёте и Шиллеръ, совершать ужасныя звѣрства въ эту войну, на что дама рѣзко сказала: „она это вполнѣ понимаетъ, такъ какъ ужъ сорокъ лѣтъ отлично знаетъ, что нѣмецъ это не человѣкъ, а чортъ".

---

[1]) См. „Русская Старина", іюнь 1915 г.

[2]) „Нов. Вр.", 1 апрѣля с. г.

Приведемъ изъ корреспонденціи талантливѣйшаго В. И. Немировича-Данченко [1]) два мѣста, одно касается доблестнаго духа нашей арміи, а другое неистовствъ нѣмцевъ въ Польшѣ:

„Вообще что это за солдаты и офицеры у насъ! Я думаю, наша армія еще никогда не стояла на такой высотѣ. Мало пишутъ о личныхъ подвигахъ потому, что они растворяются въ подвигѣ массовомъ, какъ каждый палецъ участвуетъ въ ударѣ всего кулака. Нельзя ничего выхватить отдѣльнаго, эпизодическаго. Героизмъ сталъ общимъ мѣстомъ. Имъ уже здѣсь не удивишь никого. Я помню, какъ въ одну часть у насъ было прислано нѣсколько Георгіевскихъ крестовъ. Собрали солдатъ. Кто болѣе другихъ достоинъ этого боевого отличія? И оказалось, всѣ достойны. На подборъ богатыри, и некому передъ другими кичиться особенною доблестью. Хоть бросай жребій!

— Я знаю своихъ солдатъ,—говорилъ мнѣ еще вчера ротный командиръ.—У меня они всѣ на счету; но спросите у меня, кто изъ нихъ доблестнѣе, достойнѣе серебрянаго креста,—затрудняюсь отвѣтить. Всѣ доблестные, всѣ достойные".

„Никогда варварство полудикаго хищника не доходило до такого ужаса. Пьяный разгулъ тевтонскихъ ордъ ничего не щадитъ передъ собою. Тамъ, гдѣ прошли они, только почернѣвшія трубы свидѣтельствуютъ среди мерзости запустѣнія, что здѣсь нѣкогда жило густое населеніе, и на вытоптанныхъ поляхъ кипѣлъ благородный трудъ. Въ польскихъ имѣніяхъ—нѣчто невообразимое. Все, что можно было выкрасть и увезти, увезено. Остальное изрѣзано, изрублено, спалено, загажено. Слушаешь бѣдняковъ и порою думаешь: неужели все это—правда? Невольно сомнѣваешься, но свидѣтельства со всѣхъ сторонъ подтверждаютъ ихъ безхитростные разсказы. Небеса въ заревахъ пожаровъ, вспыхивающія повсюду смиренныя халупы польскаго крестьянства, вопли избиваемаго населенія. Именно избиваемаго, потому что достаточно было доноса нѣмецкаго колониста, чтобы неистовствующіе германцы не только сжигали деревню, но и убивали всѣхъ ея жителей отъ мала до велика. Когда впослѣдствіи я слышалъ разсказы объ этихъ „драгонадамъ" войскъ Вильгельма II, мнѣ вспоминалось то, что тридцать лѣтъ назадъ я видѣлъ въ долинахъ Марицы и Тунджи, гдѣ сулеймановскіе таборы истребляли города и села

[1]) „Нов. Вр." 1 апрѣля с. г.

забалканской Болгаріи. Только тамъ неистовствовала мстительная злоба азіатскихъ ордъ, а тутъ спокойно, методически, не волнуясь, продѣлывали то же самое офицеры и солдаты „страны школьнаго учителя“.

Окружали деревню цѣпью. Отъ краевъ къ серединѣ гнали людей, — стариковъ, женщинъ, дѣтей, — всѣхъ, кто попадался подъ-руку. Зажигали хаты и сбившихся къ костелу несчастныхъ безъ злобы, безъ торопливости, безъ ослѣпляющаго гнѣва разстрѣливали, кололи, глушили прикладами и, полуживыхъ, бросали въ бушующее пламя. Съ отвратительнымъ юморомъ сообщали: „Мы украсили сѣверные уѣзды Ломжинской губерніи виноградными гроздьями“. Это значило, что они цѣлыми кистями вѣшали на деревьяхъ людей, не только „заподозрѣнныхъ“ въ шпіонствѣ, но и тѣхъ, у кого не оказывалось съѣстныхъ припасовъ, „которые можно было бы реквизировать“. Всего вѣроятнѣе, что тѣ, кто не добѣжалъ до Ломжи и Островскаго, Остроленкскаго и Пултускаго уѣздовъ, погибли отъ голода.

Подъ грохотъ орудій и свистъ огня, пожиравшаго халупы, разыгрывались сцены, передъ которыми съ ужасомъ и омерзѣніемъ отступили бы средневѣковые ландскнехты. Крестьянъ сгоняли рыть братскія могилы, сваливали туда своихъ убитыхъ и подъ хохотъ озвѣрѣвшихъ солдатъ, кстати, въ видѣ шутки, толкали туда и рывшихъ... Такимъ образомъ, подъ желтыми насыпями здѣсь есть и заживо схороненные. Не было никакого уваженія и къ своимъ товарищамъ. Вмѣстѣ съ мертвыми складывали и людей въ агоніи. Засыпали часто едва-едва. Какъ только стали таять снѣга, и вешнія воды снесли легкій верхній слой, изъ-подъ земли показались руки и ноги... Какъ видите, „край школьнаго учителя“ недалеко ушелъ хотя бы отъ китайцевъ въ ихъ сѣверныхъ провинціяхъ. И сейчасъ, когда начинается весна, отъ нѣмецкихъ позицій вѣетъ на насъ отвратительнымъ запахомъ цѣлыхъ горъ искалѣченнаго, изорваннаго, гніющаго тѣла. Есть мѣста, гдѣ непріятель не только самъ не хоронитъ своихъ мертвыхъ, пользуясь ихъ грудами, какъ готовымъ брустверомъ, но и намъ не даетъ возможности исполнить эту работу. Нѣмцы доходили до такой мерзости, что устраивали засады за мѣстами скопленія труповъ. Только-что туда подходили наши зарыть ихъ, непріятель бросался на нашихъ. Они до такой степени небрежно относятся къ этому, что кое-гдѣ воды, текущія отъ ихъ позицій къ нашимъ, мутны и вонючи отъ трупнаго гноя. Два раза, согласившись допустить

нашихъ солдатъ зарыть останки товарищей и унести раненыхъ между своими и нашими позиціями, эти потомки рыцарей къ серединѣ работы открывали огонь по русскимъ санитарамъ. Какъ видите, ни чести, ни совѣсти, ни малѣйшаго уваженія къ обычаямъ войны, освященнымъ цѣлыми вѣками боевого дѣла"!

Разсказываютъ, что командиръ германскаго крейсера, потопившаго англійскій пароходъ „Флориду", предложилъ командиру парохода подписать бумагу не поднимать противъ германцевъ оружія; на это предложеніе англичанинъ отвѣтилъ:

— Я готовъ подписать любой лоскутокъ бумаги, который вы предложите. Я готовъ подписать даже договоръ, гарантирующій Бельгіи нейтралитетъ.

Одинъ изъ поляковъ, взятыхъ въ плѣнъ изъ нѣмецкой арміи, разсказывалъ объ обращеніи съ солдатами изъ Познанской провинціи:

„Другого не было обращенія, какъ „польская свинья". Въ грязь насъ топтали. Униженіе повсюду, на каждомъ шагу. Въ душу плевали! О побояхъ и говорить нечего. Битье въ кровь—обычное дѣло. Всѣ, кому не лѣнь. Всѣ!.. Капитаны, лейтенанты, унтеръ-офицеры. Это еще ничего бы. А вотъ глумленіе... Этого никакъ нельзя было перенести. Полъ вылизывать языкомъ заставляли въ казармѣ. Особый родъ взысканія. Откажешься, — револьверъ къ виску: „неповиновеніе" начальству при исполненіи служебныхъ обязанностей, нарушеніе дисциплины. Мы, поляки, да вотъ еще французы-эльзасцы,—мы были паріями германской арміи. И съ какимъ злорадствомъ посылали насъ впередъ, именно здѣсь, въ Царствѣ Польскомъ. Своихъ же братьевъ по крови и по вѣрѣ заставляли разстрѣливать. И сколько злорадства, когда зажгутъ польскую деревню...

Передаютъ про позорныя дѣянія нѣкоторыхъ россійскихъ нѣмцелюбовъ о томъ, какъ они соблюдаютъ интересы родины при сдѣлкахъ съ германскими и австрійскими торговыми и акціонерными предпріятіями. При ознакомленіи въ министерствѣ торговли и промышленности съ данными отчетовъ этихъ предпріятій выяснилось, что лица, исключительно подданныя враждующихъ государствъ, владѣвшія раньше, скажемъ 2.000

акцій, нынѣ владѣютъ только нѣсколькими десятками таковыхъ и, наоборотъ, нѣкоторые русскіе подданные, раньше владѣвшіе чрезвычайно малымъ количествомъ, неожиданно представили весьма значительное количество.

2-го апрѣля. Немудрено, что намъ такъ трудно теперь бороться съ нѣмецкимъ засильемъ, когда у насъ на высшихъ при германскихъ постахъ ютились изумительные россійскіе нѣмцелюбы.

Въ одной изъ газетъ [1]) передается разсказъ одного комиссара по крестьянскимъ дѣламъ, служившаго 25 лѣтъ на разныхъ должностяхъ въ Царствѣ Польскомъ. Онъ былъ назначенъ въ 1890 году комиссаромъ по крестьянскимъ дѣламъ въ Липновскій уѣздъ Плоцкой губерніи, расположенный въ 7 верстахъ отъ германской крѣпости Торна.

Комиссаръ былъ пораженъ, что вся пограничная полоса уѣзда была сплошь заселена нѣмцами и всѣ должностныя лица въ деревняхъ были нѣмцы, которые не говорили ни по-русски, ни по-польски. Когда же послѣдовало отъ комиссара приказаніе смѣнить солтысовъ изъ нѣмцевъ, то нѣмецкія газеты потребовали удаленія комиссара какъ человѣка не культурнаго и неразвитаго, а торнскій оффиціозъ даже потребовалъ преданія его суду. Къ счастію предержащія власти тогда не были нѣмцелюбами.

Приводимъ далѣе разсказъ въ подлинникѣ: ужъ очень онъ характеренъ:

„Начатая мною борьба съ нѣмецкимъ засиліемъ была горячо поддержана тогдашнимъ плоцкимъ губернаторомъ Яновичемъ и генералъ - губернаторомъ края І. В. Гурко. По докладу губернатора послѣдній немедленно вызвалъ меня въ Варшаву и долго и обстоятельно разспрашивалъ о положеніи дѣлъ на границѣ. На прощанье, горячо пожимая мою руку, Г. губернаторъ сказалъ:

— Сердечно благодарю васъ за добрый починъ и прошу докончить начатое дѣло—составить картограмму нѣмецкаго разселенія въ вашемъ уѣздѣ.

Закончивъ картограмму, я получилъ весьма печальные результаты. У самой границы нѣмцы составляли въ деревняхъ

---

[1]) „Нов. Вр.“ 2 апрѣля.

90—95 проц. жителей, а ближе къ Варшавѣ 80, 70, 65 проц. Ширина пояса захвата доходила до 30 верстъ вглубь страны. Кромѣ того, по всему уѣзду, въ каждой изъ его гминъ, были вкраплены гнѣзда нѣмцевъ по 5—6 семей. Получивъ картограмму, губернаторъ Яновичъ поѣхалъ съ ней въ Варшаву къ новому генералъ-губернатору графу Шувалову, но черезъ нѣсколько дней вернулся оттуда грустный и смущенный. На мой деликатный вопросъ—въ чемъ дѣло, онъ кратко отвѣтилъ:

— Скоро узнаете...

Мѣсяца черезъ два-три состоялся объѣздъ Плоцкой губерніи новымъ генералъ-губернаторомъ. При представленіи ему, когда губернаторъ назвалъ мою фамилію, онъ какъ будто что-то вспомнилъ и, подумавъ немного, спросилъ:

— Это вы составляли картограмму нѣмецкаго разселенія въ Липновскомъ уѣздѣ?

— Я, ваше сіятельство.

— Картограмма составлена прекрасно. Вы, видимо, немало труда положили на нее, но въ ущербъ вашихъ прямыхъ обязанностей...

И, обращаясь къ губернатору, продолжалъ:

— Недавно я былъ въ гостяхъ у германскаго императора и показалъ ему липновскую картограмму. Онъ лишь разсмѣялся и сказалъ: „Бѣдные мои нѣмцы, вездѣ-то ихъ жмутъ“.

Такъ закончилась неудачно бывшая 25 лѣтъ назадъ попытка варшавскаго генералъ-губернатора Гурко бороться съ нѣмецкой колонизаціей Царства Польскаго.

„Бѣдныхъ нѣмцевъ“ дѣйствительно пожалѣли.

---

3 апрѣля. По указанію смильтенскихъ прихожанъ составленъ протоколъ на гауенскаго пастора А. за пропускъ на богослуженіяхъ молитвы за Государя Императора. До этого на пастора А. составлялись протоколы за демонстративные разговоры на нѣмецкомъ языкѣ. („Латвія“).

Разсказывали о двухъ интересныхъ фактахъ. Одинъ русскій чиновникъ, пострадавшій отъ своего начальника, прибалтійскаго барона въ Прибалтійскомъ краѣ, задумалъ получить какое-либо мѣсто въ Витебской губерніи. Намѣреніе его не осуществилось, такъ какъ лица, у которыхъ онъ предполагалъ получить мѣсто, оказались со слѣдующими именованіями: Бух-

гольцъ, Губеръ, фонъ Кнаутъ, Кортъ, Мартенсъ, Минусъ, Мирбахъ, Пфейферъ, Фитингофъ.

Другой фактъ не менѣе поучительный: въ Кіевской губерніи въ Липовецкомъ уѣздѣ земскій воротила Фридрихъ Фридриховичъ Енни, имѣющій два сахарныхъ завода, гдѣ всѣ служащіе нѣмцы, остался при особомъ мнѣніи о необходимости выдачи пособій призваннымъ на войну въ такой формѣ [1]):

„По докладу № 28 гласный Ф. Ф. Енни находитъ необходимымъ придерживаться возможной экономіи при назначеніи пособій. При началѣ войны вслѣдствіе патріотическаго подъема земское собраніе пошло очень широко на помощь призваннымъ на войну. Теперь же выясняется, что война принимаетъ затяжной характеръ и поэтому ассигнованія на пособія ложатся тяжелымъ бременемъ на земскій бюджетъ“...

Одинъ американецъ, занимающій привилегированное положеніе, подѣлился съ корреспондентомъ „Daily News“ впечатлѣніями, вынесенными имъ изъ посѣщенія главной германской квартиры, въ которой онъ пробылъ три дня въ началѣ войны, а также изъ посѣщенія главной англійской квартиры, гдѣ ему также пришлось быть.

Контрастъ, по словамъ этого американца, необычайный.

— Въ германской квартирѣ атмосфера принужденія безъ всякаго послабленія. Слышно только бряцаніе шпоръ и сабель. Чувствуешь себя постоянно и во всемъ ограниченнымъ, словно находишься въ ящикѣ съ льдомъ, и тебя хотятъ заморозить до мозга костей.

Послѣ нѣсколькихъ часовъ пребыванія среди нѣмецкихъ штабныхъ, несмотря на ихъ утонченную вѣжливость, я былъ счастливъ,—разсказываетъ американецъ,—выбраться изъ этой тяжелой атмосферы прусской оффиціальщины и подышать свѣжимъ воздухомъ.

Наоборотъ, въ англійской квартирѣ нѣтъ даже никакихъ слѣдовъ этой холодильной машины. Не слышно нигдѣ бряцанія шпоръ и другихъ проявленій оффиціальщины. Фельдмаршалъ Френчъ показалъ себя человѣкомъ, которому человѣчность не чужда, и даже болѣе—веселымъ, дружелюбнымъ. Онъ крѣпко жметъ вамъ руку, и эта привѣтливость охватываетъ васъ. Послѣ пяти минутъ разговора съ нимъ, чувствуешь себя уже

[1]) „Нов. Вр.“, 3 апрѣля с. г.

какъ со старымъ другомъ. Офицеры штаба Френча, которые называютъ себя фамильярно его дѣтьми, охотно пойдутъ за него въ адъ, какъ на танцы. Они разныхъ чиновъ, характера и возраста, но у всѣхъ у нихъ та же благородная черта добродушія, добраго товарищества и братства.

—

Корреспондентъ „Новаго Времени“ Рогозинниковъ, поднявшійся, вмѣстѣ съ наблюдателемъ-офицеромъ на змѣйковомъ аэростатѣ, приносящемъ такую пользу въ развѣдкѣ, такимъ образомъ описываетъ свое пребываніе на воздухѣ, послѣ поднятія аэростата.

Въ маленькой корзинкѣ могло помѣститься всего два человѣка. Подъ ногами въ холщевыхъ мѣшкахъ лежалъ играющій роль баласта мѣшокъ. Въ кожаныхъ карманахъ, придѣланныхъ къ стѣнамъ корзины, были карты, бинокли, хронометры... Въ одномъ углу стоялъ карабинъ, а въ противоположномъ, въ деревянномъ ящикѣ, телефонный аппаратъ, соединенный съ землею длиннымъ гутаперчевымъ шнуромъ. Вотъ и все. Сѣсть въ гондолѣ было негдѣ. Поворачиваться приходилось съ большой осторожностью и, крѣпко держась за систему веревокъ, опутывавшихъ корзину. Вверху, какъ я уже упоминалъ, раздувалась толстой надутой колбасой свѣтло-желтая ткань аэростата, а къ клапанамъ протягивались изъ корзины толстые цвѣтные шнуры...

Мы стояли, крѣпко ухватившись за веревки, и смотрѣли впередъ. Трудно было оторваться отъ восхитительнаго зрѣлища. Съ каждой минутой привыкавшій къ обстановкѣ глазъ открывалъ все новыя и новыя подробности.

— Вотъ видите тамъ, вдали, направо рядъ домиковъ, съ церковью по серединѣ, — объяснялъ мнѣ офицеръ-наблюдатель, мой спутникъ, — это мѣстечко Е., занятое на-половину нами, на-половину нѣмцами.

Трудно было слѣдить за всѣми указаніями моего хозяина, повидимому, прекрасно освоившагося съ характеромъ района. Узенькой лентой, вѣрнѣе чертой, тянулась зигзагами линія нашихъ окоповъ. Даже въ самый сильный бинокль немыслимо было разглядѣть присутствіе чего-нибудь живого въ этихъ длинныхъ земляныхъ канавахъ. Ходы сообщенія неправильными зигзагами разрѣзали луга, сплетаясь въ причудливую систему такихъ же канавъ.

— Вся эта линія,—продолжалъ офицеръ, — такъ и осталась здѣсь безъ движенія въ одну или въ другую сторону. Февральскія атаки оставили послѣ себя громадныя воспоминанія въ видѣ массы труповъ, усѣявшихъ все пространство между нашими окопами и нѣмецкими.

Теперь они, вотъ видите, тамъ, на опушкѣ этого лѣса... Линія ихъ расположенія протягивается приблизительно параллельно нашей, только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сходясь на очень близкое разстояніе. Видите ихъ окопы: вотъ особенно хорошо замѣтенъ ихъ фронтъ на этой полянѣ между лѣсками... Ровное пространство это обстрѣливается нами почти съ фланговъ. И на этомъ участкѣ германцы скопили порядочныя силы, боясь прорыва...

Съ громаднымъ интересомъ разглядываю мѣстность въ указываемыхъ мнѣ наблюдателемъ направленіяхъ. Теперь начинаю уже оріентироваться. Совсѣмъ оригинальное чувство испытываешь, видя все пространство, занятое врагомъ, далеко тянущееся въ туманную дымку горизонта къ самой прусской границѣ. Понемногу неясныя черточки окоповъ становятся привычными для глазъ, и весь фронтъ, протягивающійся черезъ поля, чаще всего располагающійся по опушкамъ лѣса, иногда разрѣзающій деревни и селенія, становится необычайно яснымъ.

Только теперь отсюда видишь, насколько скудны были всѣ прежнія представленія о взаимномъ расположеніи сторонъ... Только отсюда можно дѣйствительно составить себѣ полную картину мѣстности и фронтовъ. Тамъ, далеко, далеко, въ германскомъ тылу уже довольно трудно различить какія-либо подробности. Видны дороги, чувствуется на нихъ движеніе, вѣроятно можно было бы ясно увидѣть войсковую колонну, но на первый взглядъ все сливается въ однообразную панораму далекихъ, далекихъ лѣсовъ, деревень и безконечныхъ полей.

Спрашиваю моего спутника, какая собственно цѣль его пребыванія здѣсь на шарѣ. Вѣдь какихъ-либо детальныхъ наблюденій, судя по всему, дѣлать нельзя. Картина, передаваемая биноклемъ, по крайней мѣрѣ, для неопытнаго взгляда, слишкомъ схематична...

— Я думаю, что вы ошибаетесь, — слышу въ отвѣтъ. Даже сегодня, въ день, подернутый легкой дымкой надвигающагося тумана, я могу сдѣлать достаточно цѣнныя наблюденія. Вы вотъ не видите подробностей, а я замѣчаю германскія батареи. Достаточно замѣтить хоть одинъ блескъ отъ выстрѣла орудія, чтобы совершенно точно засѣчь на картѣ расположеніе артил-

леріи. Въ этомъ смыслѣ наблюдательные аэростаты играютъ незамѣнимую роль. И къ какимъ только ухищреніямъ не прибѣгаютъ нѣмцы, чтобы надуть насъ! Вчера, напримѣръ, была оригинальная игра. Поднялся, смотрю и глазамъ не вѣрю—на открытомъ мѣстѣ и довольно близко отъ передовыхъ линій нѣмцы вдругъ выдвинули батарею. Только-что хотѣлъ засѣчь ее на картѣ, какъ вдругъ думаю — нѣтъ, подождемъ, не надуешь! Стою и жду, что будетъ дальше. Нѣмцы какъ только замѣтили, что аэростатъ поднялся, начали стрѣлять именно съ этой батареи. Какъ только они это сдѣлали, я расхохотался. Представьте себѣ—огонь вижу, выстрѣловъ не слышу, жду десять секундъ, двадцать, жду полминуты, минуту, оглядываюсь вокругъ, ищу дымковъ — ничего, никакихъ снарядовъ. Разъ выстрѣлили, другой разъ выстрѣлили, все огонь есть, — а грохота и снарядовъ нѣтъ. Ну, думаю, конечно, мерзавцы, надуть хотѣли. Одна изъ обычныхъ хитростей — ложная батарея, но сработанная съ исключительной нѣмецкой тупостью. Хитрость весьма дубоваго характера. И вѣдь что же—часа два надрывались у своихъ картонныхъ пушекъ, все хотѣли убѣдить въ угрожающемъ положеніи якобы настоящей батареи... А мнѣ оставалось только хохотать...

И вотъ, несмотря на разныя ухищренія, все-таки удается добывать отсюда цѣнныя свѣдѣнія. Сегодня, напримѣръ, я ясно вижу, что у нихъ на фронтѣ все спокойно, никакихъ крупныхъ передвиженій... Если бы только появились колонны, скопленія войскъ, мы немедленно бы замѣтили.

Скоро наблюдать будетъ нельзя — съ запада надвигается сильный туманъ...

Дѣйствительно, широкая молочно-мутная пелена шла слѣва.

Въ это время тучка, бросавшая тѣнь на весь дальній тылъ германскаго расположенія, отошла въ сторону. Яркіе лучи солнца освѣтили мѣстность далеко на горизонтѣ...

— Вотъ смотрите,—схватилъ меня мой спутникъ за руку,—видите тамъ, вдали, пространство какъ бы нѣсколько изрѣзано и видны скопленія черныхъ точекъ. Это уже желѣзныя дороги на прусской территоріи. Въ хорошую погоду въ подзорную трубу я легко вижу бѣлые дымки и малюсенькіе составы германскихъ поѣздовъ...

---

4 апрѣля. Передаютъ, что въ Рущукѣ, у болгарской границы едва не произошла встрѣча генерала По съ фонъ-деръ-

Гольцемъ. Предержащія власти Болгаріи растерялись. Только случай устранилъ непріятную встрѣчу—когда генералъ По вошелъ въ одну дверь салонъ-вагона, Гольцъ-паша вышелъ въ другую.

Какая идетъ вакханалія передачи нѣмецкихъ предпріятій въ русскія руки. Какимъ позоромъ покрыли себя наши нѣмцелюбы и карманолюбы. Необходимы для печати имена этихъ негодяевъ.

Недавно встрѣтилъ на улицѣ бывшаго помощника военнаго министра генерала Поливанова, занимающагося по дѣламъ Краснаго Креста и по военно-санитарной части. Малыя дѣла для такой крупной личности.

Какъ грустно сознавать, что такой крупный дѣятель комитета обороны третьей Думы, А. И. Гучковъ не попалъ въ четвертую Думу. Не касаясь распоряженій военнаго министерства, надо сознаться, что Россія въ усиленіи настоящей боевой готовности очень многимъ обязана А. И. Гучкову, а также третьей и четвертой Думѣ.

На одной колбасной читаю вывѣску „Ганъ и Чесноковъ“. Невольно возникаетъ при чтеніи вопросъ, при чемъ тутъ Чесноковъ. Съ недовѣріемъ также читаю записки на картонѣ въ цвѣточныхъ магазинахъ, что хозяева ихъ русскіе. Когда же у насъ пройдетъ въ жизнь законопроектъ Бріана?

---

4 апрѣля. Его Величество Государь Императоръ 4-го сего апрѣля изволилъ отбыть изъ Царскаго Села въ дѣйствующую армію [1]).

Голландскія газеты сообщаютъ, что командиръ седьмого германскаго корпуса обратился съ призывомъ къ германскимъ женщинамъ, проживающимъ въ раіонѣ этого корпуса, не жаловаться въ письмахъ къ мужьямъ, находящимся на фронтѣ, на переживаемую нужду, такъ какъ такія жалобы вызываютъ безпокойство среди войскъ.

---

[1]) „Рус. Инв.“ 5 апрѣля.

Въ № 82 „Русскаго Инвалида" гр. А. Д. передаетъ интересныя данныя о развѣдкахъ нашихъ славныхъ донскихъ казаковъ:

На войнѣ есть кто-то, кто каждый день подходитъ къ противнику совсѣмъ близко, чуть не вплотную, не бьетъ его, не стрѣляетъ, а только смотритъ на него и считаетъ его. Это—развѣдчики. Развѣдчикъ, отойдя отъ своего отряда, вдругъ вступаетъ въ полосу, гдѣ ничего неизвѣстно. Есть непріятель, или нѣтъ его, занятъ вотъ этотъ густой, огромный лѣсъ „его" людьми, или свободенъ, будутъ стрѣлять вонъ изъ тѣхъ домовъ, или нѣтъ—всюду можетъ быть непріятель и силы и намѣренія его неизвѣстны. Развѣдчикъ попадаетъ часто въ самыя исключительныя и невѣроятныя положенія, кочуетъ среди непріятельскаго стана, слышитъ его разговоры, видитъ его домашнюю жизнь, варку пищи, раздачу обѣда, людей, ходящихъ безъ оружія, въ разстегнутыхъ мундирахъ, онъ работаетъ очень часто въ одиночку, или въ маленькой партіи, онъ рискуетъ жизнью, раненіемъ и, что хуже всего плѣномъ, что у нашего варвара-врага равносильно мученической смерти. Вся его жизнь на войнѣ—романъ, полный приключеній, онъ первый приподнимаетъ завѣсу, за которою скрывается тотъ, кого называютъ общимъ, страшнымъ на войнѣ и вмѣстѣ таинственнымъ именемъ „онъ". Казалось бы, нервы должны напрягаться чрезвычайно и развѣдчики могли бы разсказывать длинныя невѣроятныя исторіи, гдѣ истина мѣшается съ фантазіей и гдѣ не знаешь, гдѣ кончается то, что было, и начинается то, что казалось. Къ счастью, нервы у нашихъ казаковъ и солдатъ совершенно иной конструкціи, чѣмъ у насъ. Безтрепетно переступаетъ онъ грань, раздѣляющую „его" отъ „насъ", а дальше онъ чисто механически выполняетъ то, чему его учили въ мирное время, то, въ чемъ практиковался онъ на маневрахъ и, чѣмъ лучше его учили, тѣмъ лучше будетъ произведена и развѣдка. Свистъ летящихъ по немъ пуль его мало смущаетъ, чувствуя себя открытымъ, онъ иногда и самъ берется за винтовку и открываетъ огонь по противнику, поражая уже его воображеніе, производитъ панику тремя, четырьмя выстрѣлами въ цѣлой ротѣ, беретъ плѣнныхъ, отхватываетъ обозы. Тутъ въ немъ вдругъ просыпается инстинктъ охотника, онъ забываетъ цѣль развѣдки увидѣть и донести, и спѣшитъ подкрѣпить свое донесеніе охотничьей добычей. Такой развѣдчикъ охотникъ—уже незамѣнимый въ эскадронѣ, или сотнѣ человѣкъ, онъ выслѣживаетъ и наблюдаетъ непріятеля, какъ охотникъ выслѣживаетъ звѣря, онъ изучаетъ его обычаи, его нравы

и онъ умѣетъ дать ему характеристику совершенно точную и подробную. Но какъ разсказчикъ онъ васъ не удовлетворитъ. Вся эта страшная, потрясающая нервы картина развѣдки для него проста и обыденна, какъ подсиживаніе утокъ на озерѣ, или стрѣльба по зайцу, болѣе того: въ охотѣ у него при разсказѣ больше поэзіи, больше красокъ, нежели въ этой охотѣ за человѣкомъ.

Вотъ, они передо мною лихіе развѣдчики 3-й сотни Д—го полка со своимъ кроткимъ, простымъ и безыскусственнымъ разсказомъ. Они разсказываютъ вамъ о томъ, какъ на разсвѣтѣ они съ 30 шаговъ разстоянія разглядывали непріятельскій станъ.

...„Поѣхали верхомъ по Обводному шоссе, видимъ, лошади его на коновязяхъ нашихъ подъ сѣдлами, кругомъ народъ „въ разбросанномъ“ видѣ, подводы распряжены на площадкѣ за „шоссой“. Драгуны и его пѣхота насъ замѣтили. Начали обстрѣливать. Я отошелъ“... и все или и такъ—„мы вчетверомъ подъѣхали къ Лабунькѣ, остановились за круглой батареей. Видимъ, его роты двѣ стоятъ у нашего караульнаго помѣщенія. Купріяновъ, Никитченковъ и Изваринъ спѣшились и пошли подъ надъ рѣчкой. Подошли шаговъ на тридцать и открыли огонь изъ винтовокъ. Пѣхота засуетилась, открыли огонь, стали собирать палатки и ушли въ городъ. Мы долго смотрѣли за ними“...

Трое потревожили цѣлый отрядъ и, пользуясь укрытіемъ, остались на своемъ мѣстѣ, пока отрядъ не ушелъ.

Итакъ во всѣхъ разсказахъ васъ поражаетъ эпическая простота повѣствованія, чисто протокольная, отсутствіе сердца, отсутствіе настроеній, наслоеній, душевныхъ эмоцій. Вы чувствуете, что у этихъ людей сердце билось все время ровно, что они не волновались ни тогда, когда съ тридцати шаговъ брали врага на мушку, ни тогда, когда врагъ наобумъ стрѣлялъ по нимъ. И это драгоцѣнное качество нашего казака и солдата. Нужно самому побывать на развѣдкѣ, со своею уже испорченною нервною системою, съ издерганными нервами и мыслью, безпокойно бѣгающею въ мозгу, какъ бѣлки въ колесѣ.

Та развѣдка, о которой такъ просто повѣствовали эти люди съ красивыми широкими лицами, съ густыми кудрями, была далеко не такъ проста и являлась для нашихъ войскъ весьма важной и отвѣтственной“...

Личное состояніе Вильгельма оцѣнивается въ 500.000.000 марокъ, а ежегодный доходъ—въ 25.000.000 марокъ.

Кайзеръ владѣетъ акціями всѣхъ большихъ германскихъ мореходныхъ компаній, акціями брильянтовыхъ копей въ германскихъ западно-африканскихъ колоніяхъ, владѣетъ лѣсами и землями, состоитъ пайщикомъ промышленныхъ и торговыхъ предпріятій, является собственникомъ большого ресторана подъ французской вывѣской „Sans Souci", занимается коннозаводствомъ, получаетъ хорошій доходъ отъ интенсивной культуры картофеля въ своихъ 74-хъ имѣніяхъ, разбросанныхъ въ семи провинціяхъ, владѣетъ пивоваренным заводомъ и большимъ гончарнымъ дѣломъ.

Кромѣ того, кайзеръ является собственникомъ 40 замковъ и многочисленныхъ доходныхъ домовъ въ Берлинѣ.

Время отъ времени кайзеръ не брезгаетъ „счастливыми" операціями на биржѣ.

Какъ говорятъ, передъ войной Вильгельмъ, при посредствѣ своихъ тайныхъ агентовъ, принялъ нѣкоторыя мѣры предосторожности. Онъ размѣстилъ большіе капиталы въ заграничные банки на подставныхъ лицъ, купилъ большіе земельные участки въ Канадѣ, Бразиліи и Мексикѣ.

Кронпринцъ тоже принялъ мѣры предосторожности такого же рода, равно какъ и остальные члены императорской германской фамиліи.

Роттердамскій корреспондентъ „Daily News" бесѣдовалъ съ лицомъ, находящимся въ сношеніяхъ съ нѣмецкими дипломатами.

Лицо это разсказываетъ, что пиратскія нападенія нѣмецкихъ подводныхъ лодокъ на мирныя торговыя суда не встрѣчаютъ единодушнаго одобренія въ германскихъ правительственныхъ кругахъ. Число сторонниковъ и противниковъ морского разбоя почти одинаково.

Нападать на торговыя суда предложилъ морской министръ адмиралъ фонъ-Тирпицъ, а возражалъ ему, и очень серьезно, канцлеръ Бетманнъ-Гольвегъ, который увѣрялъ, что такой образъ дѣйствій германскаго флота произведетъ самое скверное впечатлѣніе на нейтральныя страны. Бетманнъ-Гольвегъ указывалъ также, что серьезнаго вреда англійской морской торговлѣ нѣмецкія подводныя лодки нанести не смогутъ.

Тѣмъ не менѣе, фонъ-Тирпицъ настаивалъ на выполненіи своего плана и указывалъ, что, въ виду того, что германскій военный флотъ стоитъ на якорѣ и не можетъ выйти въ море,

чтобы принять сраженіе, а также въ виду того, что германская морская торговля совершенно прекратилась, нужно безусловно сдѣлать что-нибудь, чтобы поддержать престижъ германскаго флага на морѣ.

Рѣшительное слово въ этомъ спорѣ сказалъ кайзеръ,—и, по его приказу, начался разбой на большихъ дорогахъ.

Канцлеръ Бетманнъ-Гольвегъ и до сихъ поръ возражаетъ противъ этого пиратства.

— Читая разсказы и донесенія о нападеніяхъ германскихъ лодокъ на торговыя суда, можно замѣтить,—продолжалъ собесѣдникъ англійскаго журналиста,—что эта двойственная политика германскихъ правителей отражается и на образѣ дѣйствій германскихъ лодокъ. Нападенія свои совершаютъ онѣ двояко; съ примѣненіемъ самыхъ разбойныхъ пріемовъ и болѣе культурныхъ. Представлены, такимъ образомъ, политика кайзера и политика канцлера.

Въ Берлинѣ, несмотря на горячія статьи послушной приказамъ свыше печати о подвигахъ подводныхъ лодокъ, общественное мнѣніе также раздѣлилось на два лагеря въ своихъ взглядахъ на способы веденія войны. Во всякомъ случаѣ, одно всѣмъ понятно: это—банкротство германскаго правительства. Всѣ его обѣщанія прекратить перевозку англійскихъ войскъ на континентъ остались только обѣщаніями. Правда, берлинскіе листки разсказываютъ, что нѣмецкимъ лодкамъ удалось потопить много англійскихъ транспортовъ, но мало теперь наивныхъ нѣмцевъ, которые этому вѣрятъ.

---

5 апрѣля. Въ англійской печати, въ статьѣ „Россія, Англія и Константинополь“, принадлежащей перу Firth, приводится рядъ доказательствъ въ пользу „русскаго“ Константинополя. Въ началѣ авторъ даетъ историческій очеркъ англо-русскихъ отношеній за послѣднія сто лѣтъ и перечисляетъ причины долгаго отчужденія и недовѣрія, раздѣлявшихъ эти двѣ державы.

— Теперь,—говоритъ авторъ,—этому отчужденію положенъ конецъ. Англія узнала Россію, и война съ Германіей привела Англію къ тѣсному союзу съ русскими. Когда война окончится, прочный миръ въ Европѣ будетъ зависѣть только отъ продолженія дружбы и добрыхъ отношеній между Англіей и Россіей.

— Теперь въ Англіи, — продолжаетъ авторъ, — уже никого не пугаетъ перспектива утвержденія Россіи на Босфорѣ. Нашъ флотъ, который всегда отстаивалъ неприкосновенность турец-

кой территоріи отъ русскихъ посягательствъ, теперь подготовляетъ русскимъ своей бомбардировкой путь къ ихъ завѣтной цѣли.

Времена измѣнились, и Англія навсегда отказалась отъ своей прежней политики на Ближнемъ Востокѣ. Англійскіе интересы въ этой части свѣта чисто-коммерческіе; политическіе интересы Англіи здѣсь ничтожны, тогда какъ у Россіи они чрезвычайно значительны и нисколько не противорѣчатъ интересамъ Англіи. Эдуардъ Грей заявилъ недавно, что англійское правительство „вполнѣ сочувствуетъ русскимъ стремленіямъ". Это укрѣпляетъ надежду на то, что уже теперь союзники, съ общаго согласія, рѣшили будущую судьбу Константинополя. Возможно, что мы теперь наканунѣ исполненія древняго пророчества, которое было начертано на конной статуѣ, воздвигнутой въ „новомъ Римѣ" при Антіохѣ и разрушенной латинянами въ 1204 г.,—что „придутъ люди съ сѣвера и возьмутъ Константинополь"...[1]).

Голландскій журналистъ, проведшій нѣсколько дней въ Бельгіи, разсказываетъ о впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ имъ изъ разговоровъ съ нѣмецкими солдатами.

Солдаты арміи кайзера начинаютъ, несмотря на всѣ принятыя мѣры, познавать истину. Они говорятъ, что послѣ войны со всѣми будутъ сведены счеты, подчеркивая слова „всѣми".

Солдаты особенно возмущены дѣйствіями своихъ офицеровъ въ ноябрѣ и декабрѣ.

— Тысячи труповъ нашихъ воиновъ,—говорятъ они,—были оставлены на правомъ берегу Изера. Мы хотѣли хоть снять съ погибшихъ металлическія дощечки съ ихъ именами, чтобы отослать роднымъ. Но офицеры не разрѣшили намъ этого, грубо заявивъ, что не стоитъ возиться съ этими „швейнкопфъ".

Солдаты были возмущены этимъ наглымъ издѣвательствомъ.

— Наши офицеры увидятъ,—говорятъ они—послѣ войны, кто „швейнкопфъ" [2]).

Въ сберегательныя кассы въ Москвѣ было внесено народныхъ сбереженій $9^1/_2$ милліоновъ рублей, за 1914 г. въ пер-

[1]) „Русск. Сл.", 5 апрѣля с. г.

[2]) Тамъ же.

вую половину поступило $3^1/_2$ милліона рублей, а за вторую, когда была прекращена продажа водки и пива, 14 милліоновъ рублей.

Кажется, послѣднее доказательство послѣдствій трезвости.

Министерство путей сообщенія огласило возмутительныя дѣянія донецкихъ углепромышленниковъ. Въ рудникахъ лежатъ огромные запасы угля, а углепромышленники провожаютъ на сѣверъ пустующіе товарные вагоны.

Внѣ всякаго сомнѣнія, это дѣлается для угольнаго голода.

Приказъ здѣшняго главнокомандующаго устанавливаетъ прикосновенность къ нечистой спекуляціи нѣкоторыхъ кредитныхъ учрежденій.

Неужели нельзя обнародовать фамиліи этихъ отчаянныхъ негодяевъ?

Вотъ какія жертвы приносятъ современные Минины на алтарь отечества.

---

6 апрѣля. Въ Петроградѣ сильно поднимается цѣна на мясо. Одно лицо, пріѣхавшее изъ Москвы, сообщаетъ, что въ настоящее время ст. Любань запружена вагонами съ живымъ скотомъ, слѣдовавшими въ Петроградъ, но кѣмъ-то остановленными. Крайне желательно знать, кѣмъ задержаны эти вагоны и какому скоту принадлежали эти убойные быки.

Статистическое бюро полтавскаго губернскаго земства издало изслѣдованіе о томъ, какъ повліяло на населеніе губерніи прекращеніе продажи водки. Интересны мнѣнія мѣстныхъ обывателей о великомъ событіи народной жизни: „это чудо изъ чудесъ, это воскресеніе изъ мертвыхъ“, „самые горькіе пьяницы, самые умные люди въ отсутствіи водки“, „горькіе пьяницы годятся теперь въ старшины. Стали они такъ работать, что смотрѣть удивительно“. „Всѣ радуются, исполнились завѣтныя мечты“.

Особенно довольны женщины. „Онѣ единогласно свидѣтельствуютъ, что онѣ теперь только свѣтъ увидали, и чтобы водки ввѣкъ не было“. „Мужья наши не будутъ пить и не будутъ насъ бить“.

Одинъ изъ отъявленныхъ пьяницъ передаетъ:

„Не узнаю я себя. Будто новый свѣтъ сталъ“. „Сдѣлался я какъ новорожденный“. „Мнѣ водки не надо, только не показывайте“. „Я готовъ Царю ноги цѣловать“.

Сообщаютъ, что нѣкоторые банки въ Москвѣ наживаютъ громадныя деньги на спекуляціяхъ по продажѣ и закупкѣ яицъ, соленаго мяса и овса.

---

7 апрѣля. На „Меджидіе“ было найдено письмо германскаго солдата Виттига матросу этого судна. Въ письмѣ этомъ, между прочимъ, было сказано: „тетка Ганъ прислала мнѣ банку отличнаго меду. Я отплатилъ ей посылкой части моей добычи изъ Восточной Франціи,—какъ дѣлали въ свое время крестоносцы, посылавшіе своимъ благороднымъ дамамъ частичку награбленнаго“.

Дѣлали ли это крестоносцы, мы не знаемъ, но что каждый германскій солдатъ имѣетъ право пересылать на родину награбленное имущество, то изъ письма явствуетъ, что это фактъ несомнѣнный.

Если таковы порядки для солдатъ, то сколько награбленнаго на войнѣ могутъ пересылать германскіе офицеры, генералы, германскіе принцы, германскій кронпринцъ и наконецъ самъ кайзеръ.

Недавно одна дама, у которой мужъ и два сына ранены на войнѣ разрывными пулями (у мужа развороченъ мозгъ, у одного изъ сыновей разворочено сердце, у другого — печень) разсказывала нашему извѣстному военному писателю Н. Бутовскому:

— Вы знаете, говорила несчастная жена и мать,—я теперь не могу видѣть не только нѣмцевъ, но и тѣхъ, кто защищаетъ ихъ... Недавно въ обществѣ какой-то либеральный маніакъ говорилъ, что онъ не вѣритъ газетамъ, распускающимъ слухи о нѣмецкихъ звѣрствахъ:—„Нѣмцы культурны, замѣтилъ онъ,— во всякомъ случаѣ культурнѣе насъ, русскихъ“...

— Со мной сдѣлалась истерика.

---

8 апрѣля. Служащіе въ конторахъ оптовыхъ торговцевъ мясомъ пишутъ въ „Вечернее Время“ отъ 7 апрѣля:

„Такса свернула жирныя физіономіи нашихъ хозяевъ въ скверную гримасу, и они призадумались. Но былъ ли когда-нибудь случай, чтобы русскій купецъ, воспитанный на девизѣ „не обманешь — не продашь“, не съумѣлъ выйти изъ самаго затруднительнаго положенія? Поломали наши хозяева немножко головы, пошептались между собой, и вновь улыбка засіяла на ихъ губахъ.

— Такса?!—говорятъ они:—ну, и пусть себѣ! А вотъ какъ всѣ запляшутъ, какъ не будетъ въ Питерѣ мяса. Кто-то станетъ продавать по такимъ цѣнамъ?! Въ холодильникахъ годъ продержимъ, а по таксѣ не уступимъ.

И дѣйствительно холодильники работаютъ, какъ никогда. Вспомните, какъ городъ попробовалъ поискать холодильныхъ помѣщеній для своихъ запасовъ. Ему отвѣчали: „Мѣстъ нѣтъ“. Да скажите, пожалуйста, чѣмъ же холодильники заняты, разъ по увѣреніямъ купцовъ ни мяса, ни масла, ни яицъ въ Петроградѣ нѣтъ? Вѣдь шерсти, льна и пеньки въ холодильникахъ не держатъ.

Но этого мало. Забрались наши хозяева въ разныя продовольственныя комиссіи и такъ путаютъ членовъ, что насъ при чтеніи отчетовъ о засѣданіяхъ даже злость разбираетъ.

Увѣряютъ, напримѣръ, что нагульнаго скота въ Россіи мало, что народъ вслѣдствіе прекращенія продажи водки разбогатѣлъ и не хочетъ дешево продавать быковъ и т. п.

Да развѣ мужицкая коровенка для столицы годится? Если бы мужикъ и даромъ ее отдавалъ, такъ наши хозяева не возьмутъ. Мы покупаемъ скотъ у сельскихъ хозяевъ, выращивающихъ его либо въ степяхъ, либо на отбросахъ винокуренія и сахарнаго производства. А такого скота не то что на годъ, а на пять лѣтъ войны хватитъ.

Вотъ и сейчасъ намъ пишутъ и телеграфируютъ изъ Черниговской губерніи, что скота дѣвать некуда. А возьмите-ка Сибирь да юго-восточныя губерніи! Оттуда-то скотъ еще только-только двигаться началъ.

Чтобы сгладить немножко то тяжелое впечатлѣніе, которое производятъ ихъ продѣлки на населеніе, наши хозяева крупно жертвуютъ на лазареты, на раненыхъ, на подарки воинамъ. Но знаютъ ли обыватели, что всѣ эти суммы мы проводимъ по книгамъ и раскладываемъ на товаръ, т.-е. на самихъ же покупателей“.

В. И. Немировичъ-Данченко посвящаетъ слѣдующее захватывающее описаніе дѣятельности студенческой молодежи на войнѣ [1]).

„Сегодня — о студентѣ-санитарѣ. Вотъ уже полгода, какъ я его вижу, и чѣмъ далѣе, тѣмъ выше мое уваженіе къ нему.

Подъ Лодзью, между окопами.

Самыя опасныя мѣста. Солдаты зарылись въ землю съ обѣихъ сторонъ. Ни одинъ изъ нихъ не приподнимаетъ головы, потому что вровень съ краями этой траншеи воздухъ нижутъ пули. Кажется, во всякомъ атомѣ его таится смерть. Отъ нашихъ до нѣмецкихъ окоповъ шаговъ пятьсотъ-шестьсотъ. Иногда гораздо больше, иногда меньше. Тамъ все — какъ на ладони, на этомъ роковомъ промежуткѣ, и оттуда несутся вопли и стоны. Раненые умоляютъ подобрать ихъ, вынести. Въ страшной мукѣ они и не сообразятъ, что къ нимъ добраться можно, только рискуя головой. Развѣ еще ночью. Да и ночью по всей этой „долинѣ смерти“ работаютъ прожекторы. Подъ ихъ синеватымъ свѣтомъ выступаютъ и уже недвижимыя, мертвыя лица, и люди, еще переживающіе агонію... Кто пойдетъ туда до общей атаки, когда или непріятель, или мы рѣшаются на штыковой ударъ? Никто, кромѣ студента-санитара. Съ чарующей и воодушевляющей всѣхъ смѣлой улыбкой молодости, часто въ порывахъ безумія храбрыхъ, а то спокойно, какъ на самое обыкновенное дѣло, они идутъ за эти пороги смерти и на носилкахъ выносятъ оттуда раненыхъ. О, сколько уже сраженныхъ бойцовъ обязаны имъ своимъ спасеніемъ! Нѣтъ носилокъ,—на шинеляхъ, на рукахъ. Въ самомъ кипяткѣ штыкового боя ихъ видятъ за тѣмъ же святымъ, великимъ дѣломъ. И теперь, когда я пишу это, спазмы схватываютъ мое горло, слезы, непрошенныя, даже досадныя, туманятъ глаза... Какая это молодежь, что за чудесныя сердца! Къ перевязочнымъ передовымъ пунктамъ и днемъ, и ночью, подъ обстрѣломъ, подъ осыпями шрапнели, подъ пулеметами, идутъ они съ своей ношей... Откуда они берутъ силы? Я былъ свидѣтелемъ такихъ случаевъ, когда студенты-санитары всю ночь дѣлали это, не отдыхая ни на минуту... А если и можно отдохнуть, — падаютъ вповалку на грязную, затоптанную, гніющую, пропитанную кровью солому. Отказываютъ себѣ въ стаканѣ чая, потому что онъ нуженъ раненому рядомъ. Только развѣ

[1]) „Русск. Слово“ 8 апрѣля с. г.

когда они напоены и накормлены, уложены и успокоены, студентъ-санитаръ позаботится, наконецъ, и о себѣ.

Въ тифозномъ царствѣ оставленныхъ нѣмцами зараженныхъ мѣстъ, среди гніющихъ, изорванныхъ труповъ, впроголодь, безъ-устали работаетъ студентъ-санитаръ. Были и такіе между ними, которые, узнавъ, что въ чертѣ, занятой непріятелемъ, остались наши раненые, ночью шли туда, ползали отъ тѣла къ тѣлу, чутко прислушивались: не дышитъ ли, не стонетъ ли кто-нибудь на этихъ Голгоѳахъ? Озвѣрѣвшіе нѣмцы отдаютъ имъ должную справедливость. Плѣнный офицеръ ихъ говорилъ: „Это — настоящіе герои. Имъ нужно мужества больше, чѣмъ солдату, который чувствуетъ локтемъ товарища"... А сколько такихъ осталось въ постыдномъ плѣну! Не хотѣли бросить нашихъ. Иногда свертывались и уходили санитарные отряды, — студенты шли назадъ за еще не подобранными! Да, эти могутъ вернуться домой съ гордо поднятой головой. Они поработали на общей страдѣ. Георгіевскія ленточки на ихъ груди не даромъ достались этой молодой благородной Россіи... Много изъ нихъ легло въ братскія могилы истинными и послѣ смерти товарищами такихъ солдатъ и офицеровъ, какихъ до этой войны еще не видѣла наша родина, а, вѣдь, ея не удивишь ими!

И въ спокойную пору, въ лазаретахъ, въ санитарныхъ поѣздахъ, студентъ-санитаръ не отходитъ отъ постели раненаго. Служитъ ему, чѣмъ можетъ. Читаетъ, пишетъ ему письма, отводитъ его муку смѣхомъ, сказомъ и лаской... Да!.. Вся Россія, отъ мала до велика, здѣсь, на боевыхъ поляхъ, въ боевомъ огнѣ, въ боевой истомѣ, въ неизбытной устали, на святомъ подвигѣ...

И послѣ этого есть жалкія и мелкія душонки, смѣющія сомнѣваться въ нашей побѣдѣ! Въ торжествѣ свѣта надъ тьмою, доблести и великодушія надъ варварствомъ, свободы и права надъ рабствомъ и насиліемъ... Нужно быть здѣсь и видѣть все, чтобы гнилая накипь, какъ подлая плѣсень, сползла съ воскресшаго сердца"...

Ограничительныя мѣры, принятыя для борьбы съ нѣмецкимъ торговымъ засильемъ, какъ выяснилось на практикѣ, недостаточны. Неотложно необходимо для дѣлъ акціонерныхъ предпріятій постановленіе, которое лишало бы права участія въ разрѣшеніи дѣлъ такихъ обществъ не только подданныхъ воющихъ державъ, но и всѣхъ лицъ, не бывшихъ до дня объявленія войны собственниками предъявляемыхъ ими акцій.

9 апрѣля. Какими сильными строками описываетъ В. И. Немировичъ-Данченко на боевыхъ позиціяхъ [1]) современное состояніе духа доблестной, русской, арміи:

„Вся эта новь, моремъ мужицкой чудесной мощи навалившая сюда, ничѣмъ, рѣшительно ничѣмъ не отличается отъ нашихъ павшихъ славныхъ героевъ первыхъ битвъ съ исконными врагами. Рядомъ съ ней наши культурные слои выслали сюда такихъ же, какъ и богатыри земской глуби, бойцовъ. Та же непоколебимая вѣра въ побѣду, во что бы то ни стало, чего бы это ни стоило,—въ побѣду, которая должна быть, безъ которой нельзя ни дышать, ни думать, ни жить. Та же готовность на усталь, на голодъ, на смерть. Скажу больше: даже на ошибку, неизбѣжную въ каждомъ громадномъ, многогранномъ дѣлѣ, гдѣ порою успѣхъ въ одномъ мѣстѣ омрачается частичною неудачей въ другомъ... Тутъ, на боевыхъ позиціяхъ, въ боевомъ районѣ, никто не приходитъ въ отчаяніе отъ того, что гдѣ-нибудь случится промахъ. Знаютъ, что такіе неизбѣжны, и впередъ мирятся съ нимъ. Онъ никого не пугаетъ. Не опускаются головы, не слабѣютъ сердца. Изъ-подъ молота огненными брызгами разлетаются во всѣ стороны ненужные шлаки, и отъ его ударовъ смыкается и крѣпнетъ доброе желѣзо. Я видѣлъ здѣсь нашихъ бойцовъ и въ лазаретахъ, и въ окопахъ, и на походѣ, и на бивуакѣ... За нихъ бояться нечего. Это—настоящій народъ, въ высочайшемъ смыслѣ этого слова. И мужество его сознательно, осмысленно. Подлое слово „пушечное мясо“ надо сдать въ архивъ. Это—сила разумная, знающая, за что и на что она идетъ. Ей не только ясны, но и святы и подвигъ, и смерть, и мучительный путь къ вѣчному торжеству права и правды. Она не только повинуется потому, что ее ведутъ на поля битвъ,—она хочетъ этихъ битвъ, заранѣе подготовилась къ ней, и въ этомъ ея поразительное различіе съ тѣмъ, что я наблюдалъ въ прошлыя войны, свидѣтелемъ которыхъ меня сдѣлала моя долгая жизнь. О, Господи! Чего нельзя сдѣлать съ такими солдатомъ и офицеромъ! Вѣдь у насъ еще никогда не было такихъ. Значитъ, не одно войско оздоровѣло, окрѣпло. Вѣдь, оно сейчасъ—только окраина, оборона народа. Если таковы и солдатъ, и офицеръ,—каждому ясно, что за ними такъ же сильна, такъ же здорова, такъ же неодолима вся земская родная глубь. На больной почвѣ не растетъ крѣпкое дерево. Я бы хотѣлъ передать, перелить въ самое сердце чита-

---

[1]) „Рус. Слово“ 9 апрѣля с. г.

телю ту радость, которая наполняетъ меня въ эту минуту, ту стремительную, не уклоняющуюся ни въ какую сторону вѣру въ нашу побѣду, въ святую побѣду, которая не намъ однимъ, но и всѣмъ обиженнымъ, ограбленнымъ и слабымъ дастъ счастье и покой. Съ этой вѣрой легко встрѣтить и ненастье. Пусть несутся грозовыя тучи, и гремятъ небесные громы. Въ нихъ рождается весна, воскрешающая жизнь. За ними—солнце, съ его тепломъ и свѣтомъ. Я прожилъ долгую жизнь. На моей памяти раскрѣпостилась Россія. Наканунѣ моего конца раскрѣпощается подъ ея мощной рукой вся Европа. Хищническіе кошмары германскаго засилья, какъ ночной туманъ, сползаютъ прочь. Я счастливъ, безконечно счастливъ тѣмъ, что моя великая родина является теперь тѣмъ мѣднымъ змѣемъ Моисея, отъ одного взгляда на который спасались всѣ обреченные гибели, смерти, страданію. И, оглядываясь назадъ, я вижу, что такой ослѣпительной всемірной цѣли служило все,—и наши пораженія въ прошломъ, потому что мы на нихъ учились, и наши несчастья, ибо они были спасительными ударами молота, сбивавшими насъ въ одну несравненную мощь".

---

10 апрѣля. Въ печати не былъ надлежащимъ образомъ отмѣченъ разговоръ Вильгельма съ директоромъ Американско-Гамбургской пораходной компаніи:

— Разъясните американцамъ, сказалъ кайзеръ,—что я не виновенъ въ этой войнѣ; во все свое царствованіе я былъ самымъ горячимъ сторонникомъ мира; благодаря мнѣ, Европа наслаждалась спокойствіемъ. Во всемъ виноватъ Грей, который скрылъ отъ насъ, что Англія присоединится къ коалиціи, и подтолкнулъ Бельгію оказать намъ сопротивленіе. Если бы мы это знали, развѣ мы рѣшились бы на войну? Все дѣло можно было бы закончить международной конференціей.

Въ нашихъ замѣткахъ за прошлый мѣсяцъ было указано, съ какой головокружительной быстротой происходитъ въ воюющихъ арміяхъ смѣна военноначальниковъ.

Повидимому, эта смѣна происходитъ при неуравновѣшенномъ, порывистомъ, состояніи духа.

Насколько можно судить изъ газетъ, чтенія дневниковъ, попадающихъ отъ плѣнныхъ разныхъ армій, еще не создался надлежащій противовѣсъ смѣны боевыхъ дѣятелей. Я гово-

рилъ о томъ, что на все нужна опредѣленная система. Если надо быстро смѣнить недостойныхъ, то еще быстрѣе надо выдвигать достойныхъ.

Тщательно стараясь изучить записки, дневники плѣнныхъ, корреспонденціи разныхъино странныхъ газетъ, я не нашелъ ни малѣйшаго намека на это намѣреніе. Очевидно, эта система дѣйствуетъ односторонне.

---

11 апрѣля. Слышалъ отъ очевидца выступленія австрійскаго гарнизона изъ Перемышля. Гарнизонъ рѣзко отличался двумя своими частями. Въ венгерскихъ и австрійскихъ частяхъ офицеры и солдаты слѣдовали веселые и сытые. За офицерами шли повозки съ офицерскимъ имуществомъ, при чемъ въ числѣ ихъ вещей преобладали принадлежности туалета и роскоши. Другая часть, изможденная и худая, плелась безъ повозокъ. Это были славянскія части.

Возвратившіяся изъ германскаго плѣна наши сестры милосердія разсказывали, что русскіе плѣнные получаютъ вмѣсто пищи картофельную шелуху, при чемъ, когда они идутъ получать эту пищу, нѣмцы по пути подгоняютъ ихъ длиннымъ бичемъ, а во время работы колютъ штыками. Ежедневно десятки плѣнныхъ умираютъ отъ лишеній, тяжелаго труда и жестокаго обращенія. Нѣмцы читаютъ и переводятъ нашимъ бѣднымъ солдатамъ сообщенія о своихъ воображаемыхъ побѣдахъ, но русскіе знаютъ, что это ложь, и надѣются на лучшее. Русскіе офицеры умоляли сестеръ сообщить въ Россіи обо всемъ этомъ и подчеркнуть, что нѣмецкій плѣнъ хуже ада.

Въ одной изъ корреспонденцій [1]) приводится такая сценка изъ жизни въ окопахъ:

— Ребята!—говорили офицеры дозорнымъ.—Смотри въ оба за нѣмцемъ. Остальные будь наготовѣ.

А пули нѣмецкія такъ и жалили, такъ и жалили. Съ насыпи земля летѣла въ окопы, какъ-будто кто изъ-за окоповъ

[1]) „Русское Слово“, 11 апрѣля сего года.

кидалъ пригоршнями. Попадали пули и близъ бойницъ, засыпали ихъ,—приходилось то-и-дѣло расчищать ихъ. Одну бойницу особенно засыпало.

— Мѣткій сидитъ тамъ,—сердился нашъ сторожевой.—Норовитъ, знать, попасть въ бойницу. Надо будетъ придѣлать какой щитокъ: изъ лопаты или осколка снаряда.

Сталъ-было расчищать въ десятый разъ; только очистилъ просвѣтъ,—вдругъ „бѣлая животина" какъ хватитъ солдата за шею; тотъ даже вскрикнулъ:

— Проклятая! Хуже нѣмца!

И подался въ сторону, отогнулъ голову, чтобы удобнѣе было изловить „животину". Нѣмецкая пуля въ это время угодила въ бойницу и прямо солдату въ открытый ротъ, пронизала ему щеку и сзади впилась въ землю, откуда посыпался песокъ. Солдатъ, тѣмъ временемъ изловившій звѣря у себя на шеѣ, понялъ, что, не отшатнись онъ на мгновеніе отъ бойницы, пуля положила бы его на мѣстѣ. Поэтому онъ поднесъ между пальцами добычу ближе къ глазамъ и сказалъ:

— Ну, звѣрюга, ты мнѣ спасла жизнь, — не буду же и я казнить тебя. Живи!

И солдатъ сунулъ свою добычу обратно за шиворотъ:

— Гуляй до слѣдующаго раза... Какъ, можетъ-быть, и я до слѣдующей пули.

Сегодня въ петроградской судебной палатѣ [1]) разсматривалось въ апелляціонномъ порядкѣ дѣло завѣдующаго четвертымъ военно-конскимъ участкомъ въ Везенбергскомъ уѣздѣ, Эстляндской губерніи, барона Деллингсгаузена, приговореннаго ревельскимъ окружнымъ судомъ за злоупотребленія во время военноконской мобилизаціи въ исправительныя арестантскія отдѣленія на $2^1/_2$ года съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ. Въ палатѣ были передопрошены, по ходатайству подсудимаго, свидѣтели обвиненія, а также были допрошены свидѣтели защиты. Палата оправдала барона Деллингсгаузена въ превышеніи власти, имѣвшемъ особо важныя послѣдствія, признала виновнымъ въ подлогѣ и приговорила къ заключенію въ крѣпости на 1 годъ 4 мѣсяца съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ.

---

[1]) „Нов. Вр.", 11 апрѣля сего года.

Недавно видѣлъ на Благовѣщенской ул. мальчика лѣтъ 12, украшеннаго георгіевскимъ крестомъ за развѣдку и теперь причисленнаго къ оставшейся части л.-гв. коннаго полка. Мальчуганъ выглядываетъ настоящимъ молодцомъ-развѣдчикомъ и собирается опять на войну.

Одинъ русскій ученый лѣсоводъ имѣлъ очень интересную бесѣду съ главнымъ лѣсничимъ имѣнія князя Горчакова Коростышевъ, въ 20 верстахъ отъ Житоміра. Этотъ лѣсничій, по фамиліи Гейманъ, конечно, нѣмецъ, съ откровеннымъ цинизмомъ заявилъ русскому ученому на его вопросъ, почему въ огромномъ краѣ нѣтъ ни одного русскаго лѣсничаго:

— А вы думаете, мы пустимъ сюда русскаго? Здѣсь все нѣмцы, и всѣ изъ саксонской лѣсной академіи. Мы намѣчаемъ къ себѣ помощниковъ лѣсничихъ уже тамъ, среди студентовъ, такъ что они пріѣзжаютъ сюда уже на готовыя мѣста. Здѣсь— саксонская академія!

И эта „академія" составляла передовой нѣмецкій отрядъ, оказавшій, по всѣмъ вѣроятностямъ, немаловажныя услуги германской арміи.

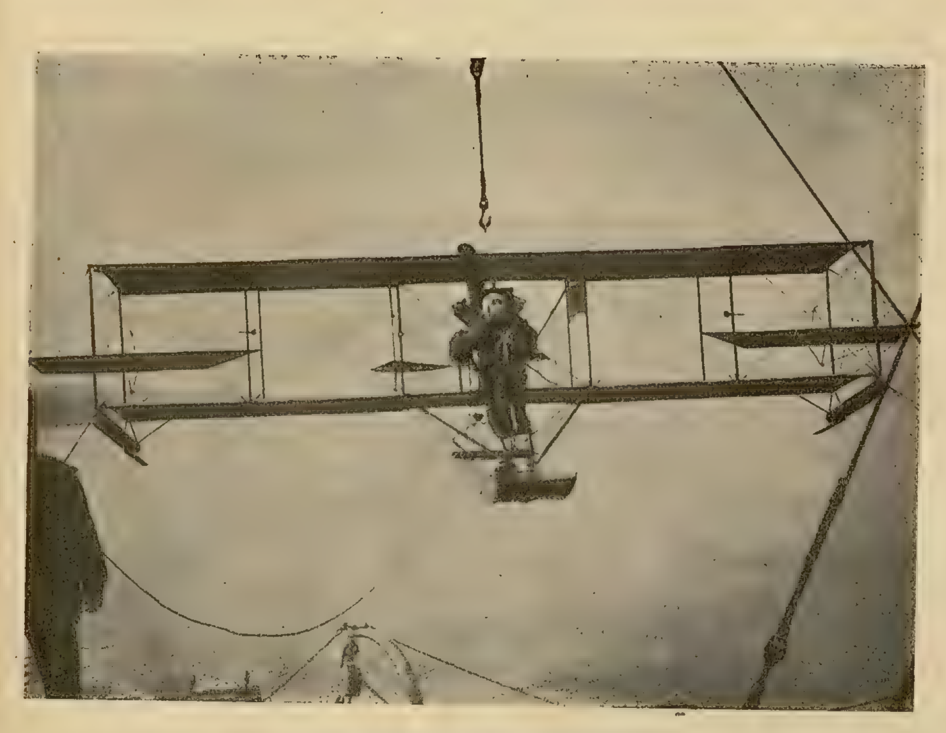
---

12 апрѣля. Наши артиллерійскіе офицеры выдѣлываютъ чудеса а на наблюдательныхъ пунктахъ, а потому, согласно георгіевскому статуту, зачастую удостоиваются, высокихъ, боевыхъ наградъ.

Недавно намъ пришлось слышать, какъ одинъ офицеръ для своихъ наблюденій пристроился у самаго конца высокой фабричной трубы и оттуда по телефону сообщалъ дивныя свѣдѣнія о расположеніяхъ и движеніи германцевъ. Наконецъ таки германцы направили сильный артиллерійскій огонь противъ фабричной трубы. Несмотря на указанія слѣзть, офицеръ не покидалъ своего поста. Наконецъ таки съ большимъ трудомъ нѣсколькимъ смѣльчакамъ удалось его снять съ совершенно отекшими ногами и въ обморочномъ состояніи; лишь только онъ слѣзъ, труба рухнула, подбитая нѣмецкими снарядами.

Въ настоящее время вышла книга „Кайзеръ безъ маски". Она принадлежитъ перу графа Акселя фонъ-Шверинга, друга дѣтства и близкаго совѣтника кайзера. Недавно „Записки" фонъ-Шверинга были опубликованы въ англійскомъ журналѣ „Cassels

Гидропланъ передъ развѣдкой.

Magazine". Онѣ составлены въ формѣ дневника, въ которомъ сообщаются бесѣды автора съ кайзеромъ, имѣвшія мѣсто непосредственно передъ войной. Графъ фонъ-Шверингъ, какъ говорится въ предисловіи, покончилъ жизнь самоубійствомъ. Онъ не могъ примириться съ надвинувшейся кровавой войной и смертью выразилъ свой протестъ.

28-го іюля 1914 года фонъ-Шверингъ записалъ въ своемъ дневникѣ: „Я пишу подъ впечатлѣніемъ рѣчи, произнесенной Вильгельмомъ II толпившемуся у дворца народу. Иногда мнѣ кажется, что все это не болѣе, какъ отвратительный кошмаръ, который долженъ исчезнуть безвозвратно и пробужденіе отъ котораго вернетъ меня къ дѣйствительности и прежнему душевному спокойствію. Такъ вотъ онъ, монархъ, которому я служилъ, котораго я обожалъ и которому безконечно довѣрялъ. Я видѣлъ въ немъ чистаго, добросовѣстнаго человѣка, работавшаго на благо и процвѣтаніе своей страны, и вдругъ этотъ самый человѣкъ такъ внезапно превратился въ коварнаго, лицемѣрнаго и хитраго обманщика, въ теченіе многихъ лѣтъ втихомолку работавшаго надъ этимъ чернымъ дѣломъ"...

При слѣдующей встрѣчѣ съ кайзеромъ послѣдній старался пояснить фонъ-Шверингу перемѣну своей позиціи. „Я былъ миролюбивъ только потому,—говорилъ онъ,—что мы не были готовы. Я считалъ преступленіемъ начинать войну даже съ 99 проц. шансовъ на побѣду. Германія, которую ненавидятъ всѣ и которой завидуютъ, не должна проигрывать въ чемъ бы то ни было, а тѣмъ болѣе въ войнѣ. Я старательно взвѣшивалъ всѣ возможности и случайности, и пока являлся хоть одинъ шансъ на пораженіе, я откладывалъ выполненіе своего плана, зародившагося еще въ дѣтствѣ, когда мы съ вами мечтали о Германской имперіи, болѣе великой, чѣмъ нынѣ существующая. Мнѣ стоило 25 лѣтъ работы для созиданія прочнаго основанія для того шага, который я, наконецъ, рѣшился предпринять нынѣ. Въ теченіе всѣхъ этихъ долгихъ лѣтъ я ни на одну минуту не забывалъ о своемъ великомъ назначеніи, которое долженъ былъ или выполнить, или погибнуть... Я перенесъ оскорбленія и нападки панславистовъ и франкофиловъ. Я терпѣливо внималъ враждебнымъ рѣчамъ, умаляющимъ боевыя качества моей арміи и обсуждающимъ возможность ея пораженія; я молчалъ, видя образовывавшіеся грозные союзы, ставившіе себѣ цѣлью уничтоженіе престижа и могущества Германіи; я мирился съ безчисленными выкриками печати всѣхъ странъ о томъ, что само существованіе Германіи является

угрозой спокойствію Европы и что всѣ народы, какъ одинъ, должны были бы съ гнѣвомъ возстать на нее для защиты своихъ правъ. Каждое изъ этихъ почти ежедневныхъ оскорбленій пронизывало мое сердце, какъ раскаленное желѣзо, но ни однимъ словомъ, ни однимъ взглядомъ я не обнаружилъ своей уязвимости. Я былъ спокоенъ, ибо зналъ, что приближается часъ расплаты и недалекъ день, когда монархи будутъ вынуждены признать, что Германія—могущественнѣйшая страна всего міра, и что ея монархъ—величайшій изъ властелиновъ...

Н. Маринъ прекрасно описываетъ [1]) постановку минъ русскими заградителями у Босфора:

„Какъ на прогулку, одинъ за другимъ потянулись по морю окрашенные въ защитный цвѣтъ заградители, взявъ курсъ прямо на Босфоръ.

Заградители появились въ турецкихъ водахъ съ такимъ расчетомъ, чтобы у мѣста постановки предположеннаго миннаго загражденія быть ночью.

Время было выбрано удачно: передъ новолуніемъ. Ночи стояли темныя, такъ что въ двухъ кабельтовахъ уже ничего не было видно. Кромѣ того, небо заволокли тучи, моросилъ мелкій дождь.

Заградители шли, не видя другъ-друга; о мѣстонахожденіи конвоировъ-миноносцевъ можно было только догадываться.

Чтобы не растеряться, заградители и миноносцы дѣйствовали въ эту ночь, какъ автоматы, по строго намѣченному расписанію.

Только при этихъ условіяхъ можно было избѣжать несчастья.

Постановка минъ отняла нѣсколько часовъ, и свою работу всѣ заградители окончили одновременно, минута въ минуту.

Затѣмъ легли на обратный курсъ.

Задача была выполнена настолько точно, что къ разсвѣту всѣ заградители и миноносцы оказались на указанномъ имъ мѣстѣ.

Когда минные заградители возвращались, трудно было заставить себя повѣрить, что все обошлось благополучно.

На морѣ, далеко у горизонта появились дымки. Разъ, два, и т. д.

— Всѣ заградители цѣлы!..

За ними еще дымъ миносцевъ.

---

[1]) „Русское Слово", 12 апрѣля сего года.

Наконецъ, обрисовались силуэты нашихъ транспортовъ, и тогда всѣ вздохнули свободно,—миновала большая опасность.

Минные заградители вернулись благополучно, разбросавъ у Босфора много минъ.

Ночная работа при неблагопріятной бурной погодѣ, конечно, не могла обойтись безъ жертвъ. Съ одного заградителя погибло двое матросовъ.

Но эта жертва оказалась не напрасной. Какъ-разъ на новомъ минномъ загражденіи вскорѣ подорвался и едва не погибъ дредноутъ „Гебенъ". Затѣмъ тамъ же послѣдовательно подорвалось и погибло нѣсколько мелкихъ турецкихъ судовъ.

Этотъ ударъ германо-турецкому флоту былъ нанесенъ во-время. „Гебенъ" только-что оправился отъ поврежденій, причиненныхъ ему нашимъ флотомъ въ бою 5-го ноября 1914 года, и началъ снова проявлять свою дѣятельность въ Черномъ морѣ

Незамѣтная, неизвѣстная широкимъ кругамъ дѣятельность нашихъ заградителей и другихъ судовъ, въ концѣ концовъ. позволила нашему флоту, прекративъ охрану своего побережья, уйти къ Анатоліи и осуществить самую строгую блокаду, которая привела къ полному разгрому турецкихъ армій на кавказскомъ фронтѣ.

Во все время боевыхъ операцій Черноморскаго флота ему оказывали громадную услугу наши гидропланы. Въ прилагаемой фотографіи изображенъ гидропланъ передъ развѣдкой.

Въ 1901 году, во время поѣздки по дальнему сѣверу, мнѣ пришлось прослѣдовать по Онежскому тракту и познакомиться съ начальникомъ одной изъ почтово-телеграфныхъ станцій этого тракта г. Назарьинымъ, мѣстнымъ Нимвродомъ. Онъ убилъ такое громадное количество медвѣдей, что мѣстные жители поднесли ему жетонъ съ надписью за медвѣдей.

Когда я ему предложилъ вопросъ, какимъ способомъ онъ свершаетъ свою охоту,—онъ отвѣчалъ:

— Очень просто. Подпускаю медвѣдя на 12 шаговъ и стрѣляю между глазъ.

Весною получилъ отъ него просьбу помочь ему устроиться въ дѣйствующей арміи. Мое ходатайство было уважено, и недавно я получилъ отъ него письмо, что онъ, въ свободное отъ службы время, обстрѣливаетъ непріятельскіе аэропланы.

---

13 апрѣля. Нашъ извѣстный военный писатель передаетъ, какъ ведутъ себя въ бою юные прапорщики, прошедшіе сокращенный курсъ военнаго училища:

Одинъ раненый баталіонный командиръ назвалъ юныхъ прапорщиковъ мѣткимъ словомъ „Орленки".

— Представьте себѣ мое положеніе, разсказывалъ онъ:—всѣ мои офицеры въ одномъ горячемъ дѣлѣ буквально выбыли изъ строя, а тутъ предстояла сложная атака непріятельскихъ укрѣпленныхъ позицій. Пришлось ротами командовать прапорщикамъ. Я ихъ учу, учу, а самъ думаю: провалятъ дѣло. Однако вышло какъ разъ наоборотъ... Выходятъ мои юнцы передъ свои роты: осанка бравая, глаза горятъ, душа ходитъ, какъ говорится... Люди сразу это чувствуютъ, ѣдятъ „молодыхъ господъ" глазами; въ маневрированіи слушаются; а когда дошло дѣло до штыковъ,—откуда, думаю, мои мальчики этихъ жестовъ начальническихъ набрались?... — Братцы! кричитъ одинъ.—Съ нами Богъ! Дружно за мной!.. Можете себѣ представить эту штыковую бурю? Дѣло было сдѣлано на чистоту...

---

14 апрѣля. Сообщаютъ [1]), что въ оффиціальномъ органѣ Бессарабской губерніи печатаютъ списки земскихъ избирателей для новыхъ выборовъ, и по-прежнему въ нихъ красуются нѣмцы, черезъ годъ теряющіе свои земли, а вмѣстѣ съ ними право на выборы.

Промелькнули нѣкоторыя извѣстія о высадкѣ турокъ въ Аккерманскомъ уѣздѣ [2]). Турецкій миноносецъ подошелъ къ берегу Аккерманскаго уѣзда и высадилъ разъѣздъ въ 25 человѣкъ. Турки были встрѣчены учителемъ нѣмецкой школы селенія Дозырняновки Простомъ. Какіе переговоры происходили между нимъ и высадившимся нѣмецкимъ офицеромъ съ дессантомъ—неизвѣстно, такъ какъ бывшіе при этомъ двое русскихъ были турками арестованы и отправлены на миноносецъ. Послѣ переговора турки арестовали вахмистра, который находился въ одномъ изъ домовъ селенія, подойдя прямо къ этому дому, и отправились далѣе на усадьбу Шульца. Ни учитель, ни староста объ этой высадкѣ по телефону властямъ не сообщили.

Господинъ Шульцъ, состоящій главнымъ поставщикомъ де-

---

[1]) „Нов. Вр.", 14 апрѣля сего года.

[2]) „Нов. Вр.", 14 апрѣля с. г.

Англійскій генералъ Педжетъ и Радко-Дмитріевъ съ чинами доблестной арміи.

негъ нѣмецкимъ колонистамъ по скупкѣ земель, угощалъ обѣдомъ турокъ и кормилъ ихъ лошадей.

Когда же производили дознаніе, то до этого Шульцъ собралъ рабочихъ и заявилъ имъ, что если они покажутъ, что турки у него обѣдали, то они тоже будутъ наказаны, такъ какъ они кормили непріятельскихъ лошадей, а потому лучше-де отказаться отъ показаній объ ихъ пребываніи въ экономіи...

Для охраны особы Шульца нынѣ назначенъ стражникъ. Телефонной сѣтью уѣзда завѣдуетъ нѣмецъ Мучлеръ и помощникъ его нѣмецъ Гассертъ. Кто же оказался виновникомъ сего событія? Оказалось, что это была русская мѣстная телефонистка.

Мѣстная телефонистка, которая находилась на телефонной станціи, не видѣвшая даже разъѣзда, и узнавшая о высадкѣ по слухамъ около 12 час. дня, сочла долгомъ сообщить объ этомъ въ Аккерманъ, и конечно, не зная точно количества находившихся, заявила, что турокъ много. За сообщеніе неправильныхъ свѣдѣній она была немедленно уволена, по рѣшенію нѣмецкаго завѣдующаго телефономъ, и замѣнена нѣмкой. Остальныя всѣ, а равно и предержащія власти оказались безотвѣтственны въ этомъ предпріятіи турокъ.

---

15 апрѣля. Воспроизводимъ въ точности помѣщенную въ „Русскомъ Словѣ“, отъ 15 апрѣля, телеграмму изъ Копенгагена о большомъ военномъ совѣтѣ въ германской главной квартирѣ. „По свѣдѣніямъ, полученнымъ въ Копенгагенѣ, въ главной германской квартирѣ на западномъ фронтѣ состоялся большой военный совѣтъ, подъ личнымъ предсѣдательствомъ кайзера, при участіи прусскаго и баварскаго кронпринцевъ и герцога Вюртембергскаго, а также всѣхъ командующихъ арміями западнаго фронта и спеціально приглашеннаго фельдмаршала Гинденбурга.

Военный совѣтъ длился почти двое сутокъ. Положеніе обсуждалось со всѣхъ сторонъ. Принятъ рядъ важныхъ рѣшеній.

Гинденбургъ согласился съ предложеніемъ перевезти значительныя части войскъ съ восточнаго фронта на западный. Онъ заявилъ, что ослабленіе восточнаго фронта въ данный моментъ не опасно, такъ какъ разливъ рѣкъ и бездорожье исключаютъ возможность предпріятій въ крупномъ масштабѣ.

Рѣшеніе о переводѣ части войскъ немедленно было приведено въ исполненіе, и сейчасъ идетъ непрерывная отправка транспортовъ съ войсками съ востока на западъ".

Обращаемъ особое вниманіе нашихъ читателей на эту телеграмму, сфабрикованную германцами. Предварительно надо выяснить, что телеграммы изъ центральныхъ странъ Даніи, Швеціи, Швейцаріи и Румыніи въ общемъ не заслуживаютъ никакого довѣрія, такъ какъ онѣ составляются германскимъ генеральнымъ штабомъ исключительно для шантажа и обмана. А эта телеграмма представляетъ верхъ наглости германцевъ. Въ то самое время, когда германскій, краковскій, кулакъ уже занесенъ надъ Галиціей, и дѣло выясненія обстановки и крупныхъ военныхъ событій на восточномъ фронтѣ вопросъ нѣсколькихъ дней, германскій генеральный штабъ съ невѣроятнымъ цинизмомъ утверждаетъ, что на восточномъ фронтѣ *разливъ рѣкъ и бездорожье исключаютъ возможность предпріятій въ крупномъ масштабѣ, а потому сейчасъ идетъ непрерывная отправка транспортовъ съ войсками съ востока на западъ.*

Кажется, въ дѣлѣ наглости и шантажа далѣе идти нельзя.

Предлагаемъ вниманію читателя провѣрить наше заключеніе послѣдующими военными событіями.

Обращаемъ также вниманіе читателей на книгу нѣмецкаго финансиста Гельфрейха—25 лѣтъ (1888—1913) нѣмецкаго промышленно-торговаго разсвѣта. Сочиненіе это заслуживаетъ самаго широкаго распространенія въ Россіи. Изъ него ясно можно понять, почему произошла война и почему нѣмцы такъ были увѣрены въ побѣдѣ. Въ 1887 году одно только желѣзодѣлательное производство Германіи выразилось въ 1000 тоннахъ—4,024, а въ 1812 году оно въ % отношеніи увеличилось на 343,6.

Нѣмецкій достатокъ, только подлежащій страховкѣ въ 1913 г., выразился въ 335 милліардовъ, а доходность всего нѣмецкаго предпріятія въ 43 милліарда.

Умѣвши высосать отъ сосѣдей такую уйму денегъ, нѣмцы съ ихъ помощью и съ помощью своей милитаризировавшейся промышленности вздумали покорить всю Европу.

По заявленію самихъ германцевъ, съ самымъ началомъ войны нѣмецкіе фабрики и заводы приспособлены: кто дѣлаетъ оружіе, кто снаряды, кто аммуницію, кто консервы, кто обувь.

Это идетъ съ начала войны. Вотъ почему она такъ упорна и почему союзникамъ настоятельно надо закрыть подвозъ сырья въ Германію.

Насколько намъ извѣстно, изъ нашихъ союзниковъ уже къ войнѣ приспособилась промышленность Франціи, приспособляется промышленность Англіи и когда-то очередь дойдетъ и до Россіи.

---

17 Апрѣля. На дняхъ министерство путей сообщенія, произведя разслѣдованіе, должно было сознаться, что грузы со скотомъ и мясомъ задерживаются на дорогѣ.

Министерство не установило однако, кѣмъ эти задержки устраиваются, и заявило только, что желѣзнодорожные чины къ этому дѣлу не причастны.

Сообщеніе министерства совершенно неожиданно дополнилъ предсѣдатель петроградской мясной биржи Н. А. Пузыревъ, который въ бесѣдѣ, напечатанной сегодня въ одной изъ утреннихъ газетъ, откровенно сказалъ, что скотъ задерживался прасолами въ виду „низкой“ таксы и что теперь, когда биржевому комитету удалось „убѣдить продовольственную комиссію въ необходимости повысить цѣны до 9 руб. 50 коп. за пудъ“, скотъ скоро прибудетъ въ Петроградъ [1]).

Для предохраненія отъ холеры рекомендуютъ носить на голомъ тѣлѣ на тесемкѣ, подъ ложечкой, расплющенную копѣечную монету.

---

18 апрѣля. Разсказываютъ, что нѣкоторые петроградскіе домовладѣльцы-нѣмцы возбудили ходатайство объ изъятіи принадлежащихъ имъ недвижимостей отъ дѣйствія закона о ликвидаціи нѣмецкаго землевладѣнія.

Въ обзорѣ военныхъ дѣйствій съ 1 по 18 апрѣля придется отмѣтить начавшуюся во второй половинѣ апрѣля наступательную дѣятельность германцевъ (вѣроятно, демонстративную) у Шавель, Россіенъ и на р. Дубиссѣ,—далѣе идутъ очередныя

---

[1]) „Веч. Вр.“ 17 апрѣля с. г.

дѣла къ западу отъ Нѣмана, въ раіонѣ Маріамполя, Кальваріи, у Осовца, у Прасныша, Еднорожца, Ваха, по р. Оржицу, Писсѣ и Шквѣ. На Карпатахъ бои, прежняго напряженія, на знакомыхъ мѣстахъ, которыя располагаю въ порядкѣ алфавита: Бартфельдъ, Буковецъ, Волосате, Зусла, Козювка, Лутовиска, Оравчикъ, Орашъ, Полена, Рожанка, Ростокъ, Стропко, Стрый, Сянки, Толепочъ и Ужокъ. Дѣйствія наши въ этихъ мѣстахъ сопровождались взятіемъ 6.155 нижнихъ чиновъ и 104 офицеровъ.

Петроградскому обывателю трудно понять своимъ обывательскимъ разумомъ, почему это обѣ стороны на Карпатахъ уже нѣсколько мѣсяцевъ тщетно стараются расшибить себѣ лбы, неистово стараясь, пробиться въ тѣснинахъ Карпатскихъ проходовъ. Досужливые иностранные корреспонденты сообщали не разъ, что одинъ талантливый полководецъ предлагалъ не одинъ разъ начать нажимъ съ Дуклы, и тогда бы всѣ остальные проходы открылись по мановенію руки, но что его де слушать не хотѣли.

Въ Буковинѣ боевыя дѣянія были сопряжены со знакомыми именами Залещиковъ, Надворной и Черновицъ.

На Кавказѣ турки толкались и отражались въ Артвинскомъ, Ольтинскомъ и Приморскомъ направленіяхъ, въ Зачорохскомъ краѣ, Алашкертской долинѣ и Азербейжанѣ.

Мудрая голова Кавказскаго руководителя нигдѣ не давала туркамъ одержать успѣха.

На Черномъ морѣ 12-го апрѣля Черноморскій флотъ бомбардировалъ форты Босфора. На одномъ изъ фортовъ были замѣчены большіе взрывы. Одинъ изъ турецкихъ броненосцевъ, находившійся въ проливѣ, безрезультатно отвѣчалъ на нашъ огонь.

Черноморскими миноносцами бомбардировался Зунзулакъ, и топились турецкіе пароходы и парусники съ углемъ у береговъ Анатоліи.

Корреспонденты по-прежнему оттѣняютъ въ нижеприведенныхъ корреспонденціяхъ, любимца войскъ и русскаго народа Радко-Дмитріева, къ нимъ же присоединился прибывшій къ нашимъ войскамъ англійскій генералъ Пенджетъ, который пожелалъ сняться вмѣстѣ съ Радко-Дмитріевымъ и чинами его доблестной арміи. Фотографіи эти прилагаются къ настоящей статьѣ.

Ген. Радко-Дмитріевъ разспрашиваетъ плѣннаго.

Д. Н. Логофетъ въ № 1275 „Развѣдчика" отъ 14 апрѣля такъ разъясняетъ личность Радко-Дмитріева въ сказаніяхъ простого народа:

„Пожилой унтеръ-офицеръ съ номеромъ одного изъ боевыхъ полковъ, прибывшій за полученіемъ провіанта, подошелъ къ костру и, присѣвъ около, сталъ грѣть свои озябшія руки, прислушиваясь къ разговору.

— Эхъ, вы, развѣ вы понимаете, отъ чего это удача самая у насъ бываетъ, — презрительно оглядывая погонщиковъ, наконецъ заговорилъ онъ.

— И вовсе не отъ того, что геройства нѣтъ у австріяка; коли мадьяры попадутся, у нихъ геройства хоть отбавляй.

— А только причина другая тому:

— ...Какъ назначилъ Царь Радько генерала, ѣхалъ онъ изъ Россіи въ армію на самокатномъ ахтомобилѣ. Только дорогой видитъ два старичка древнихъ бредутъ съ котомочками, да на палки опираются. Устали сильно.

— ...Уважительный къ старикамъ Радько-то нашъ остановилъ самоходъ и, говоритъ:

— Сѣдайте, старички, подвезу...

Ну, и подвезъ ихъ, не зная, какого они роду-племени... Только около Сана рѣки остановился, съ войскомъ поздоровкаться. Пока ходилъ да полки смотрѣлъ, вернулся назадъ— нѣтъ старичковъ.

Машиниста спросилъ... „Не могу знать,—отвѣчаетъ,—были, а только нѣту ихъ теперь, все время сидѣлъ, позади, а обернулся, смотрю и нѣтъ".

Заскучалъ Радько нашъ, потому увидалъ, что не простые-то люди были.

А старички невидимость приняли и тутъ же сидятъ на самоходѣ, да ласково улыбаются... Поѣхали, а они съ нимъ. Куда не пріѣдутъ и старички тутъ какъ тутъ... И никто ихъ видѣть ни можетъ, а только Радько нашъ догадался, что тѣ старички—одинъ святой Серафимъ Саровскій, а другой Суворовъ генералъ. И съ тѣхъ поръ, какъ только Радько начнетъ приказъ давать, Суворовъ генералъ около него, въ родѣ какъ бы потайного совѣтника, а Серафимъ святитель за враговъ одолѣніе Богу молится. Потому нашъ Радько про все и знаетъ, а австріецъ ничего сдѣлать не смогитъ противъ него.

— Вотъ оно что, а мы-то не знали,—удивляются собесѣдники, запоминая новую легенду, въ которой проглядываетъ особая популярность одного изъ вождей русской арміи среди

нижнихъ чиновъ. Самое названіе „Нашъ Радько“ указываетъ на близость генерала къ солдату и простоту въ обращеніи его съ нижними чинами при всѣхъ встрѣчахъ. Принадлежность къ иному славянскому племени во вниманіе не принимается, и въ представленіи солдатъ Радко причисляется, повидимому, къ кореннымъ уроженцамъ нашихъ малороссійскихъ губерній.

— Все енъ, братцы мои, знаетъ... И ничего отъ него не скроется... Я разъ ему попался навстрѣчу,—оживленно начинаетъ разсказывать одинъ изъ солдатъ, но тотчасъ же смолкаетъ...

Въ № 1217 этого же журнала этотъ же корреспондентъ указываетъ спартанскую жизнь популярнаго генерала.

„Парные часовые около одного изъ домовъ служатъ признакомъ, что здѣсь живетъ генералъ Р. Д., выбирающій себѣ обыкновенно самое простое помѣщеніе.

— Удивительно нетребователенъ и скроменъ нашъ генералъ. Живетъ въ одной комнатѣ и при этомъ безъ всякой охраны, если не считать парныхъ часовыхъ, выставляемыхъ къ главному подъѣзду—разсказываетъ встрѣтившійся на дорогѣ рот. Н—чъ“.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда предвидится особая надобность Радко-Дмитріевъ опрашиваетъ самъ плѣнныхъ, какъ это изображено въ прилагаемой фотографіи.

---

14 — 30 апрѣля. Его Величество Государь Императоръ 22-го сего апрѣля изволилъ возвратиться въ Царское Село [1]).

---

19 апрѣля Черноморскій флотъ бомбардировалъ форты Босфора. Огонь былъ очень дѣйствителенъ. На фортѣ Эльмасъ произошелъ большой взрывъ и пожаръ. На слѣдующій день Черноморскій флотъ бомбардировалъ флангъ Чаталджинской позиціи, а черезъ 7 дней нашъ флотъ имѣлъ бой съ Гебеномъ, который значительно, поврежденный, быстро скрылся въ Босфорѣ.

Германцы опозорили себя новымъ преступленіемъ. Германская подводная лодка потопила громадный океанскій пароходъ „Лузи-

[1]) „Русскій Инвалидъ“, 23 апрѣля сего года.

танію". Въ числѣ пассажировъ оказалось значительное количество женщинъ и дѣтей.

Въ нашихъ замѣткахъ мы уже высказывали свое мнѣніе о предстоящемъ германскомъ наступленіи изъ Кракова. Для предстоящаго наступленія они свезли всѣ силы, какія только могли, и съ французскаго фронта и съ варшавскаго, надѣясь на силу своихъ оборонительныхъ сооруженій, покрытыхъ бетонированными постройками и всѣми способами изощренной германской техники. Уступая намъ въ искусствѣ стрѣльбы нашей полевой артиллеріи и не имѣя, вопреки всѣмъ утвержденіямъ, въ достаточной степени сильной, тяжелой, полевой артиллеріи, германцы сняли громадное количество тяжелыхъ орудій, подходящихъ по типу къ полевымъ, почти изъ всѣхъ крѣпостей своего восточнаго фронта и даже съ германскаго флота. И этой-то силой они разсчитывали просверлить боевое расположеніе нашей арміи, и наступленіемъ отъ Кракова, естественно, послѣдовательно оттѣснять насъ съ карпатскихъ проходовъ. Предполагаютъ, что отъ Кракова они шли, по крайней мѣрѣ 8—9 корпусами. Остальныя ихъ силы подѣлены австрійцамъ на Карпатахъ и Буковинѣ. По нашимъ оффиціальнымъ сообщеніямъ уже съ вечера 18 апрѣля на фронтѣ отъ Нижней Ниды, т.-е. по Дунайцу до Карпатъ, начались боевыя дѣйствія, отличающіеся особымъ упорствомъ и въ раіонѣ Тарнова и южнѣе артиллерійскій огонь достигъ большой силы, а бои значительнаго напряженія. Одно направленіе на Ярославъ, а другое въ обходъ Дуклы. На слѣдующій день они уже переправились на правый берегъ Дунайца, а съ прочихъ проходовъ Карпатъ на насъ пошли сильные нажимы, на третій день они ввели въ боевую линію новыя значительныя силы, поддержанныя весьма многочисленной артиллеріей, и вели массовыя атаки и намъ пришлось отойти на вторую линію укрѣпленій. Вѣроятно, какія, нибудь сильныя политическія причины (готовящееся выступленіе Италіи) заставили такъ упорно задерживаться противъ колоссально превосходныхъ германскихъ силъ. На слѣдующіе два дня германцы громадными силами напираютъ на Ясло, при превосходствѣ тяжелой артиллеріи, стремясь отражать дуклинскія войска, и бои принимаетъ характеръ большого сраженія.

Наши контръ-атаки участились. При нашемъ отходѣ на Дуклинскомъ направленіи большія силы непріятельской арміи заняли путь отступленія 48-й дивизіи и окружили ее со всѣхъ

сторонъ, однако, дивизія эта, руководимая своимъ доблестнымъ начальникомъ генераломъ Корниловымъ, проявила въ полной мѣрѣ свои славныя боевыя качества, и, пробившись съ большими потерями по трупамъ заградившаго ей дорогу непріятеля, 24-го апрѣля присоединилась къ родному корпусу.

25 и 26 апрѣля продолжались упорные бои, при чемъ у Кросно противнику удалось переправиться черезъ верхнюю Вислоку. На другіе Карпатскіе проходы шло также энергичное наступленіе австро-германцевъ.

Къ вечеру 26-го апрѣля, на центральномъ участкѣ сраженія, въ раіонѣ Стришевъ-Бржошовъ, положеніе сложилось для насъ неблагопріятно, однако, стремительная контръ-атака нашего резерва на участокъ Беско-Яжмирзъ противъ праваго фланга непріятеля, стремившагося прорвать нашъ фронтъ, остановила натискъ нѣмцевъ, задержала начавшееся развитіе непріятельскаго успѣха и позволила нашимъ войскамъ, на угрожаемомъ участкѣ, спокойно отойти на указанную имъ позицію.

Доблестная 48-я дивизія, только 24-го апрѣля вышедшая изъ крайне тяжелаго положенія, произвела 26-го апрѣля на другомъ участкѣ сраженія также весьма успѣшную контръ-атаку.

Въ раіонѣ Дембица непріятель понесъ большія потери при атакѣ его нашими бронированными автомобилями.

Надо удивляться геройству нашихъ войскъ, распорядительности начальниковъ, дѣйствующихъ на Краковскомъ фронтѣ, и талантливому верховодительству любимаго военачальника, выхватившаго у генерала Макензена, энергичной атакой резерва, побѣду изъ подъ самаго носа. Впослѣдствіи исторія воздастъ справедливую оцѣнку этимъ чуднымъ операціямъ.

Одинъ изъ участниковъ этого отступленія разсказываетъ про огонь тяжелой артиллеріи: въ 3—4 часа самые солидные окопы превращались въ распаханное поле, на которомъ торчали руки, ноги, части разбитыхъ пулеметовъ, искуственныхъ препятствій и пр.

Во второй половинѣ апрѣля германцы начали наступленіе въ раіонѣ Шавли и въ Прибалтійскій край по направленію къ Митавѣ, и сдѣлали высадку въ Либавѣ. Латышское населеніе встрѣтило враждебно нѣмцевъ, отлично освѣдомленныхъ во всемъ, что касается проходимой ими мѣстности до мельчайшихъ тропинокъ.

Лица, прибывшія изъ Туккума и Митавы, разсказываютъ интересныя подробности о движеніи передовыхъ нѣмецкихъ отрядовъ на путяхъ къ Митавѣ.

Благодаря исключительной „любезности" нѣкоторыхъ изъ мѣстныхъ владѣльцевъ крупныхъ помѣстій, движеніе этихъ передовыхъ отрядовъ было обставлено возможнымъ комфортомъ... Объ нихъ позаботились, постарались сдѣлать все возможное...

Такъ, во всей округѣ извѣстно, что владѣлецъ имѣнія „Эллей", близъ Туккума, бар. Медемъ устроилъ торжественную встрѣчу нѣмецкому отряду.

Въ честь „дорогихъ гостей" зарѣзали нѣсколько свиней, коровъ и приготовили много различныхъ припасовъ продовольствія.

Другой нѣмецкій отрядъ нашелъ заботливое вниманіе къ себѣ въ имѣніи „Эккендорфъ" (мѣстные латыши называютъ это имѣніе „Озолмуйжа", т. е. „Дубовое имѣніе"), принадлежавшемъ бар. фонъ-Рекке.

Это то самое имѣніе, на которое въ печати уже было своевременно указано. Въ „Эккендорфѣ" находится высокая гора, окруженная глубокими рвами, которые могутъ сослужить роль окоповъ. Здѣсь уже устроено нѣсколько площадокъ, неизвѣстно для чего устланныхъ бѣлымъ камнемъ, какъ это иногда дѣлается для обозначенія мѣста удобнаго спуска для воздухоплавателей.

Попировавъ въ „Эккендорфѣ", нѣмцы, конечно, не преминули пополнить свои запасы продовольствія изъ хозяйственныхъ заготовокъ барона, у котораго въ особенности много было собрано хлѣба.

Ласковый пріемъ передовому нѣмецкому отряду, какъ передаютъ, былъ оказанъ и въ имѣніяхъ „Вирцау" и „Рингмундсдорфъ".

Владѣлецъ послѣдняго имѣнія пытался ночью пробраться въ сторону отхода нѣмецкихъ войскъ, но ему помѣшали наши разъѣзды [1]).

За исключеніемъ Галиціи и Буковины военныя дѣйствія на нашемъ театрѣ военныхъ дѣйствій имѣли характеръ не особенно важныхъ боевыхъ столкновеній.

Какую ужасную картину нечеловѣческаго звѣрства культурной нѣмки рисуетъ г. Сумскій въ нижеслѣдующемъ описаніи.

[1]) „Веч. Вр.", 28 апр. с. г.

„Яркій солнечный снопъ лучей ударялъ внутрь вагона, освѣщая его. Нары были пусты. Вокругъ чугунки на скамейкахъ расположились семь солдатъ. Повязки отсутствовали. Очевидно, это не были раненые.

Мы поднялись въ теплушку, и кто-то изъ сидѣвшихъ у чугунки спросилъ:

— Господинъ санитаръ, кого это вы привели съ собой?

И въ нашу сторону уставилось нѣсколько глазъ.

Мы сразу обратили вниманіе на лица этихъ людей: они были безъ всякаго выраженія, и зрачки глазъ были особенно расширены.

— Мы пришли послушать ваше пѣніе: ужъ очень трогательно это выходитъ у васъ,—сказалъ одинъ изъ насъ.

По лицамъ сидѣвшихъ пробѣжала слабая улыбка, но лица ихъ отъ этого не засіяли, какъ это должно было бы быть. Да и улыбка ихъ показалась намъ мертвой.

— Вы что, больные?—спросили мы ихъ.

— Какой тамъ больные!—отвѣтилъ рослый красный парень.—Мы—ослѣпшіе.

— Что вы? Отчего же вы ослѣпли?—удивились мы.

— Насъ нѣмцы ослѣпили. Еще когда мы шли въ Пруссію. Шли мы быстро впередъ. И сами, вѣроятно, знаете, что когда очень быстро наступаютъ, то транспорты съ провіантомъ не успѣваютъ нагонять насъ. Выходитъ задержка въ провизіи иногда на сутки, а то и болѣе. Намъ выдавали тогда кормовые.

Мы находились въ резервѣ, дѣлали переходы, поотстали отъ своихъ, проголодались и рѣшили зайти въ какую-либо ихнюю, нѣмецкую избу и раздобыть чего-нибудь. Все честь-честью, безъ дурныхъ мыслей. Мы подошли къ первой же хатѣ, постучали. Намъ отворила двери высокая сухопарая нѣмка.

Мы спросили хлѣба, милька (молоко, по-ихнему), показали ей деньги, чтобы поняла баба, что не задаромъ.

Она позвала насъ въ чистую горницу. Подала хлѣбъ и большой бѣлый кувшинъ съ молокомъ и чистую посуду для питья.

Мы выпили весь кувшинъ.

Попросили еще.

Она принесла еще молока.

Уходя, пошутили, побалагурили. Дали деньги.

Деньги взяла, но какъ-то странно, точно смутилась.

Мы еще сказали ей:

— Чего не берешь, коли даютъ? Даютъ,—такъ надо брать.

Мы прошли немного,—у насъ точно стала кружиться голова, стало туманиться въ глазахъ. Потомъ больше, больше тумана, и все померкло.

Когда насъ нашли и отвели къ доктору, онъ сразу сказалъ, что мы, вѣроятно, приняли атропинъ,—такое лѣкарство.

И что, вѣроятно, нѣмка подмѣшала намъ въ молоко этого снадобья.

И вотъ теперь мы всѣ здѣсь, кто тогда находился у этой бабы.

Сковала она насъ, точно вѣдьма какая. И за что? Не люди онѣ...

Онъ замолчалъ.

Потомъ черезъ нѣсколько мгновеній спросилъ:

— А вотъ докторъ говоритъ: може, разсосется?

Всѣ ослѣпшіе подняли головы, повернули лица въ нашу сторону.

Наступило неловкое молчаніе. Мы почувствовали, что отъ насъ ждутъ подтвержденія утѣшеній доктора: „може, разсосется".

Что мы понимали въ этомъ дѣлѣ? Слышали только, что атропинъ, принятый внутрь, вызываетъ параличъ глазныхъ нервовъ.

Но смѣли ли мы лишать людей ихъ единственной надежды".

За вторую половину апрѣля внутри Россіи надлежитъ отмѣтить нижеслѣдующіе факты: въ Москвѣ обнаружилась дѣятельность комивояжеровъ, занимающихся перевозомъ денегъ въ Германію черезъ нейтральныя государства; въ засѣданіи Саратовской городской думы закрытой баллотировкой обсуждался вопросъ о переименованіи улицы Нѣмецкой, и рѣшено оставить нѣмецкое названіе, а въ Московской городской думѣ обсуждался вопросъ о введеніи въ городскія школы преподаванія нѣмецкаго языка, въ Елисаветполѣ нѣмецкій торговый домъ Фореръ получилъ поставку заготовить вина для раненыхъ и больныхъ. Фирма провела трубы изъ водосточныхъ канавъ, протекающихъ по улицамъ Елисаветполя, и грязную воду наливала въ бочки съ виномъ [1]).

---

[1]) „Бирж. Вѣд.", 15 апр. с. г.

А на днѣ рѣки Невы обнаружено 400 саженъ проволоки, неизвѣстно кѣмъ положенной.

Вышла высоко интересная книга А. С. Резанова „Нѣмецкое шпіонство“; какихъ только интересныхъ свѣдѣній тутъ не найдешь: тутъ и задачи нѣмецкаго шпіонства, и служба связи, агенты нѣмецкаго шпіонажа, погоня за военными, женщины шпіонки, газетный шпіонажъ нѣмцевъ, и т. д. Одни нѣмецкія шпіонскія объявленія въ газетахъ чего стоятъ!

Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ объявленій:

800 барышень и вдовъ съ приданымъ до 200,000 руб. желаютъ въ скоромъ времени выйти замужъ. Женихи могутъ быть и безъ средствъ. Л. Шлезингеръ, Берлинъ, 18.

Кто готовъ жениться на молодой состоятельной имѣющей 65,000 руб. приданаго наличн. Только лица съ серьезными намѣреніями благоволятъ писать по адресу: Шлезингеръ, Берлинъ, 18.

В. П.

Редакторъ-издатель П. Вороновъ.

Времена Іоанна Грознаго 1533—1584.

17. **Лихачевъ, Н.** Письмо папы Пія V къ царю Ивану Грозному въ связи съ вопросомъ о папскихъ бреве. Спб. 1906.

18. **Осада Ревеля** (1570—71 гг.) герцогомъ Магнусомъ, королемъ Ливонскимъ, голдовникомъ царя Ивана Грознаго. М. 1891.

19. **Шляковъ, Н. В.** Ермакъ Тимоѳеевичъ лѣтомъ 1581 года. Приведенъ полностью переводъ документа: „копія съ письма пана Стравинскаго Его Величеству королю“, въ которомъ подробно описывается походъ Ермака и бѣдствія сибиряковъ отъ него.

Ж. Мин. Нар. Просв. 1901 г. т. 336.

20. **Огородниковъ, Вл.** Донесеніе о Московіи второй половины XVI вѣка. М. 1913.

Авторъ—Марко **Фоскарино**.

Времена Ѳеодора Іоанновича. 1584—1598 гг.

21. **Дмитріевскій, А.** Архіепископъ Елассонскій **Арсеній** и мемуары его изъ русской исторіи. (1586—1613 гг.) Кіевъ, 1899.

То же въ трудахъ Кіевской Духовной Академіи, 1898—1899.

22. Изъ Львовскаго архива князя Сапѣги. Письма Льва и Андрея **Сапѣгъ** къ князю Христофору Радзивиллу.

1-ое письмо, Андрея Сапѣги, отъ 6 окт. 1597 г.; въ немъ Левъ Сапѣга доноситъ о посольствѣ въ Москву.

2-ое—о смерти царя Ѳеодора Ивановича и о предполагаемыхъ кандидатахъ на царскій престолъ, 1598 г.

3-е—о царевичѣ Дмитріи.

4 и 5-ое—Андрея Сапѣги, касаются безпорядковъ въ Москвѣ и пораженія Годунова подъ Окою.

6-ое—Льва Сапѣги къ Яну Замойскому о коронованіи Бориса.

7 и 8-ое—Льва Сапѣги, къ Замойскому о слухахъ изъ Москвы, о полученномъ имъ приказѣ ѣхать въ Лифляндію въ комиссію, съ совѣтомъ освободить ѣдущихъ изъ Москвы купцовъ, вслѣдствіе угрозъ изъ Москвы.

9-ое—къ канцлеру Льву Сапѣгѣ отъ Мартына, Андрея и Петра Стадницкихъ, отъ 8 іюля 1606 года, въ которомъ они просятъ Сапѣгу хлопотать, чтобы ихъ освободили изъ плѣна, и подробно сообщаютъ объ убійствѣ Дмитрія. Андрей Стад-

ницкій былъ гофмейстеромъ царицы Марины. Вмѣстѣ съ другими плѣнниками, онъ былъ освобожденъ изъ Бѣлоозеръ лишь въ январѣ 1609 года.

За исключеніемъ 1-го и послѣдняго писемъ остальныя 1598 г.
Русск. Арх. 1910 г. кн. 11.

Смутное время. 1598—1613.

23. **Щербачевъ, Ю. Н.** Путешествіе Е. Кн. Св. Герцога Ганса Шлезвигъ-Голштинскаго въ Россію 1602 г. М. 1911 г.
Тоже въ чтеніяхъ 1911 г. кн. 2 (или 3).

24. Запись о событіяхъ Смутнаго времени 7114—7121 г. (1606—1613).
Чтен. Общ. Ист. и Древн. 1907 г. кн. 3.

25. **Александренко, В. Н. проф.** Матеріалы по Смутному времени на Руси XVII в.
Ж. Старина и Новизна, 1911 г. кн. 14.

Кромѣ грамотъ и др. оффиціальныхъ документовъ, приведено много писемъ отъ разныхъ лицъ,—съ 1602 г. Начинается письмами **Дж. Мерика** къ Борису Годунову и А. Власьеву (думному дьяку); по преимуществу письма отъ иностранцевъ.
Дополн. Тамъ же приложеніе къ матеріаламъ.

26. **Васенко, П.** Новыя данныя для характеристики патріарха Гермогена.
Ж. Мин. Нар. Просв. 1901 г. т. 336.

27. **Титовъ, А.** Исторія Дмитрія царя Московскаго и Марины Мнишекъ, дочери Сендомірскаго воеводы.
Русск. Арх. 1906 г. кн. 5 и 6.

Дневникъ Мартына **Стадницкаго,** сопровождавшаго Дмитрія и Марину; подробно описано все происходившее съ ними, и русскіе обычаи.

28. **Дневникъ Марины Мнишекъ** (1607—1609 г.), рукопись эта—окончаніе дневника Марины Мнишекъ, изданнаго Устряловымъ. М. 1908.

Времена Михаила Θеодоровича. 1613—1645.

29. Столовая книга Патріарха Филарета Никитича. 7132 (1623—1624) годъ.
Стар. и Новизна, 1906 и 1909 г.

День за днемъ описываются кушанья, подававшіяся патріарху, и кто былъ у него за столомъ.

30. Описаніе сочетанія Государя Царя и Великаго Князя Михайла Өедоровича, лѣта 7134 (1626).

Древн. Росс. Вивліоөика, изд. Н. Новиковымъ, 1773 г. янв.

Подробно описаны всѣ подробности свадьбы, перечисл. кушанья, костюмы и присутствовавшія лица.

31. **Бѣлокуровъ, С. А.** Юрій Крижаничъ въ Россіи. По новымъ документамъ. М. 1901.

Второе изданіе вышло тамъ же, 1902 г. То же Чтенія Общ. Ист. и Древн. 1907 г. кн. 3, 1909 г. кн. 1.

Времена Алексѣя Михаиловича. 1645—1676.

32. **Оглоблинъ, Н. Н.** Восточно-сибирскіе полярные мореходы XVII в. По найденнымъ документамъ и челобитнымъ ихъ.

Журн. Мин. Нар. Просв. 1903 г. май.

33. Письмо къ окольничему Ртищеву отъ полотскаго игумена **Іевлевича.** Безъ даты.

Древн. Росс. Вивліоөика, 1774 г. янв.

Дополненіе: приведены рѣчи игумена къ Алексѣю, встрѣчи, грамоты царя и пр. 1656 г. Тамъ же.

34. Посольство Стольника и Намѣстника Боровскаго, Петра Ивановича Потемкина, во Францію. Подробный дневникъ, веденный однимъ изъ участниковъ.

Древн. Росс. Вивліоөика, 1774 г. іюль и августъ.

35. Видѣніе о строеніи перваго въ Россіи корабля именуемаго Орелъ, каковъ построенъ былъ во дни великаго Государя Царя и Великаго Князя Алексія Михайловича всея Россіи, близъ села Дѣднова. И о плаваніи того корабля Волгою до Казани, а оттуду въ Астрахань, и по всему морю Каспійскому, подъ правленіемъ господина Брукмана. Выписано изъ книги зовомой: Вояжъ Іоанна Стрюса, въ Москву и Персиду и въ прочія страны, изъ перваго тома, напечатаннаго въ Ліонѣ 1684 года отъ Рождества Христова, на французскомъ языкѣ, а по Славенску 1719 года.

Древн. Росс. Вивліоөика, 1773 г. янв.

36. **Діаріушъ.** Дневныя записки святаго Дмитрія митрополита Ростовскаго, съ собственноручно писанной имъ книги, (†)

къ Кіево-Печерской книгохранительницѣ принадлежащей, списанныя.

Древн. Росс. Вивліоѳика, 1774 г. дек.

Съ 1651 по 1709 г. Митрополитъ р. 1651, 28 окт. 1709.

37. Къ Кашинскимъ торжествамъ. Походъ государя царя и великаго князя Алексія Михайловича въ Кашинъ.

Русск. Арх. 1909 г. кн. 7.

Походъ описанъ современникомъ Адольфомъ Лизекомъ, секретаремъ римскаго посольства въ Московіи, въ 1650 г.

38. Реляція или обстоятельное описаніе ужаснаго и печальнаго разрушенія и сожженія, варварски произведеннаго московитами и казаками при взятіи прекраснаго города Люблина. 1656 года.

Чтен. Общ. Ист. и Древн. 1910 г. кн. 2.

Переводъ съ нѣмецкаго; разсказъ нѣмецкаго современника.

39. Дневальныя записки приказа Тайныхъ Дѣлъ 7165—7183 гг. (1657—1675). Съ предисл. С. А. Бѣлокурова.

Чтен. Общ. Ист. и Древн. 1908 г. кн. 1 и 2.

Поденныя извѣстія троякаго рода: 1) о царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ—гдѣ онъ былъ и что дѣлалъ въ данный день; 2) о томъ, какая погода была и 3) какой стрѣлецкій приказъ стоялъ въ караулѣ около дворца.

40. Посольство во Флоренцію.

Древн. Росс. Вивліоѳика, 1773 г. февр.

Повѣствованіе неизвѣстнаго о путешествіи и жизни двора кн. Космы Медичи; описаны всѣ остановки, подробности жизни и увеселеній. Посольство было отправлено 24 сент. 1659 г.

41. Собственноручная памятная записка царя Алексѣя Михайловича.

Чтенія въ Общ. Ист. и Древн. 1903 г. кн. 3.

42. Письма царя **Алексѣя Михайловича** къ патріарху Никону. 1652 г.

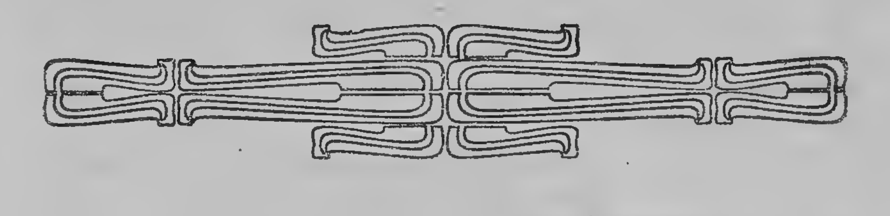
Русск. Арх. 1909 г. кн. 9.

43. 1) Письмо царя **Алексѣя Михайловича** князю **Н. И. Одоевскому** по поводу смерти его сына Ѳедора Никитича 1656 г.

2) Собственноручная запись царя **Алексѣя Михайловича** о раздачѣ подарковъ.

Чтенія въ Общ. Ист. и Древн. 1902 г. т. 2.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Въ вагонѣ августѣйшаго главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній.

(Отрывокъ изъ воспоминаній).

Посвящается памяти незабвеннаго Великаго Князя Константина Константиновича.

Лѣтомъ 1900 г. я помѣстилъ въ „Развѣдчикѣ" описаніе перваго путешествія Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Константиновича для осмотра провинціальныхъ военно-учебныхъ заведеній. Статья эта была написана подъ впечатлѣніемъ обаятельной личности Великаго Князя и подъ вліяніемъ свѣтлыхъ надеждъ.

Надежды эти оправдались. Десятилѣтній періодъ пребыванія Великаго Князя главнымъ начальникомъ военно-учебныхъ заведеній былъ знаменательнымъ періодомъ въ исторіи этихъ заведеній. Они были снова поставлены на тотъ историческій путь, на которомъ они находились до преобразованія кадетскихъ корпусовъ въ военныя гимназіи. И этотъ возвратъ къ историческому прошлому былъ сдѣланъ такъ обдуманно, такъ мудро, что онъ ни въ какомъ отношеніи не умалилъ тѣхъ выгодныхъ сторонъ, какія представляли съ воспитательной точки зрѣнія военныя гимназіи, и, съ другой стороны, нисколько не способствовалъ возврату отжившихъ уже преданій стараго кадетскаго режима.

Въ этихъ словахъ нѣтъ никакого преувеличенія, и будущій историкъ военно-учебныхъ заведеній, если только у него будетъ необходимое для историка безпристрастіе, подтвердитъ справедливость этихъ словъ на основаніи фактическихъ данныхъ.

Конечно, пользуясь мертвыми документами, трудно учесть тѣ личныя особенности начальника, которыя привлекали къ нему

весь составъ его подчиненныхъ и всѣхъ ввѣренныхъ его попеченію дѣтей и юношей.

Но это обаяніе личности Великаго Князя, его любвеобильная душа, его высоко просвященный умъ, его опредѣленная, но мягкая и совершенно чуждая всякой мелочности требовательность, его трогательная отзывчивость ко всякимъ нуждамъ, все это живетъ и будетъ жить въ воспоминаніяхъ всѣхъ тѣхъ, кто имѣлъ счастье быть въ это время подъ его начальствомъ.

Чтобы понять, какъ велико было вліяніе Великаго Князя на настроеніе ввѣренныхъ его попеченію воспитанниковъ, стоитъ только припомнить, что въ мрачный періодъ революціонныхъ волненій военно-учебныя заведенія продолжали жить своею нормальною жизнью и не только остались чисты отъ заразы, но во многихъ случаяхъ дѣятельно ей противостояли.

Я имѣлъ счастье сопровождать августѣйшаго главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній почти во всѣхъ его поѣздкахъ по корпусамъ и училищамъ.

Я былъ не единственный, сопровождающій Великаго Князя. Постояннымъ его спутникомъ былъ покойный Михаилъ Николаевичъ Драшковскій. Сначала онъ ѣздилъ въ качествѣ адъютанта, потомъ, по производствѣ въ генералы, какъ распорядитель движенія и управляющій хозяйственной частью во время пути.

Непремѣнными спутниками были также лица, послѣдовательно занимавшія адъютантскую должность: Өедоръ Александровичъ Риттихъ (нынѣ генералъ-маіоръ и инспекторъ классовъ Пажескаго Е. И. В. корпуса), Николай Николаевичъ Ермолинскій (нынѣ шталмейстеръ двора Великаго Князя) и князь Владиміръ Александровичъ Шаховской.

Великій Князь часто предпринималъ поѣздки. Онъ любилъ военно-учебныя заведенія и питалъ сердечныя чувства къ воспитывавшимся въ нихъ дѣтямъ и юношамъ. Находились люди, съ сомнѣніемъ относившіеся къ этимъ поѣздкамъ. Толковали, будто Великій Князь балуетъ дѣтей, слишкомъ съ ними носится, пріучаетъ ихъ къ свободному отношенію къ представителю высшей власти и умаляетъ значеніе этой власти. Но людямъ рутины, людямъ, погрязшимъ въ застывшихъ начальственныхъ формахъ, трудно было понять человѣка, стоящаго неизмѣримо выше ихъ именно потому, что онъ умѣлъ дѣлать любимое имъ дѣло, не замыкая себя въ узкую рамку сложившихся формъ.

Мы, сопровождавшіе Великаго Князя въ его поѣздкахъ, вспоминаемъ о нихъ съ какимъ-то исключительно теплымъ чувствомъ. Мнѣ приходится убѣждаться въ этомъ всякій разъ, когда у насъ заходитъ разговоръ объ этомъ времени. Эти поѣздки не только знакомили насъ съ военно-учебными заведеніями и открывали намъ ихъ сильныя и слабыя стороны, но онѣ поднимали нашъ духъ. Близость къ человѣку, такъ богато надѣленному духовными дарами, заставляла насъ забывать нашу будничную служебную работу и жизнь, и переносила насъ въ тотъ чудный, почти сказочный міръ идей и чувствъ, которыя такъ умѣетъ пробуждать Великій Князь во всѣхъ близкихъ къ нему людяхъ, способныхъ раскрыть передъ нимъ свою душу.

Я не съумѣю описать этихъ поѣздокъ во всемъ томъ жизненномъ разнообразіи, въ какомъ онѣ представляются теперь въ моемъ воспоминаніи. Говорю это безъ ложной скромности. Можетъ быть для этого требуется больше спокойствія и болѣе безпристрастное отношеніе и къ людямъ и къ вещамъ. У меня этого нѣтъ. Эти воспоминанія меня волнуютъ, и я предпринимаю эту работу, чтобы дать нѣсколько не многимъ извѣстныхъ еще, но достовѣрныхъ фактовъ, для біографіи нашего горячо любимаго бывшаго августѣйшаго главнаго начальника и генералъ-инспектора военно-учебныхъ заведеній.

I.

Первый выѣздъ.

Вступивъ въ должность главнаго начальника, Великій Князь въ первые же дни посѣтилъ всѣ петроградскія военно-учебныя заведенія и, не откладывая, назначилъ свой выѣздъ въ Москву, для осмотра московскихъ корпусовъ и училищъ. Наканунѣ назначеннаго дня, одинъ изъ помощниковъ главнаго начальника, генералъ Рудановскій сообщилъ мнѣ, что Великій Князь поручилъ ему спросить меня, могу ли я ѣхать вмѣстѣ съ нимъ въ Москву. Это была для меня совершенная неожиданность, но радостная, счастливая неожиданность. Разумѣется, я изъявилъ полную готовность ѣхать, и Рудановскій посовѣтовалъ мнѣ самому доложить о томъ Великому Князю.

— „Онъ теперь въ Александровскомъ корпусѣ, надѣвайте мундиръ и отправляйтесь туда. Это будетъ очень кстати".

Я такъ и сдѣлалъ. Увидѣвъ меня, Великій Князь съ ласковою улыбкой подошелъ ко мнѣ и спросилъ:—„согласны вы ѣхать со мной въ Москву"? На мой горячій утвердительный отвѣтъ онъ еще разъ спросилъ:—„и это васъ нисколько не разстраиваетъ въ вашихъ дѣлахъ? Навѣрное?.. Ну, я очень буду радъ имѣть васъ своимъ спутникомъ"...

Мнѣ некогда было раздумывать, почему Великій Князь беретъ именно меня, а не кого другого. Я весь былъ захваченъ неожиданно выпавшимъ мнѣ счастьемъ быть первымъ человѣкомъ, котораго Великій Князь выбираетъ для облегченія ему знакомства со ввѣренными ему заведеніями.

На другой день вечеромъ, съ чувствомъ понятной тревоги, я прибылъ на вокзалъ за часъ до отхода поѣзда. Тамъ уже былъ и М. Н. Драшковскій, и отъ него узналъ я, что только мы двое ѣдемъ съ Великимъ Княземъ. Благодаря распорядительности Михаила Николаевича, все уже было готово. Вагонъ былъ поданъ къ парраднымъ покоямъ; вещи Великаго Князя были сложены въ вагонъ, камердинеръ Великаго Князя былъ при вещахъ, и сразу по нашемъ прибытіи, туда же были сложены и наши вещи. Остававшееся время до прибытія Великаго Князя мы съ Михаиломъ Николаевичемъ перекидывали умомъ, какъ намъ быть въ этомъ новомъ для насъ положеніи. Мы не представляли себѣ, какой порядокъ жизни сложится въ вагонѣ.

Гадали мы также, какъ будетъ относиться къ намъ Великій Князь. Потребуется ли отъ насъ только одно формальное отношеніе къ нему, какъ къ начальнику, или онъ удостоитъ насъ и своими не дѣловыми бесѣдами.

Упоминаю объ этомъ потому, что такіе вопросы были для насъ не праздными вопросами. Обоимъ намъ выпадало первый разъ въ жизни стоять такъ близко къ особѣ императорской фамиліи, и понятно, что оба мы всею душою заботились, чтобы по невѣдѣнію не нарушить какихъ-либо сторонъ этикета.

За 10 минутъ до отхода поѣзда прибылъ Великій Князь и съ нимъ гофмейстеръ его двора, Илья Александровичъ Зеленой. И здѣсь Великій Князь трогательно ласково поздоровался съ нами и познакомилъ насъ съ Ильею Александровичемъ.

Едва успѣли мы перекинуться нѣсколькими словами, какъ раздался второй звонокъ. Великій Князь поцѣловалъ Зеленаго на прощанье, и мы вошли въ вагонъ.

Первыя минуты въ вагонѣ были тихи. Великій Князь вошелъ въ свое отдѣленіе, мы заняли наши купе.

Впослѣдствіи онъ говорилъ намъ, что на первыхъ порахъ ему тоже было неловко. Мы были люди совершенно чужого для него міра, и онъ не зналъ, о чемъ онъ будетъ съ нами говорить и какъ онъ будетъ съ нами обращаться.

Но это было всего нѣсколько минутъ, и скоро, въ тотъ же вечеръ, насъ охватило то настроеніе покоя и удовлетворенія, которое одинъ Великій Князь умѣетъ сообщить окружающимъ его людямъ.

Началось съ того, что камердинеръ Великаго Князя, Миша (Рѣпинъ), сообщилъ мнѣ, что Великій Князь проситъ меня къ себѣ.

Я вошелъ въ небольшое купе-салонъ и засталъ Великаго Князя за чтеніемъ какой-то книги. Передъ нимъ на столѣ лежала цѣлая стопа книгъ и брошюръ такого же размѣра, и мнѣ нетрудно было видѣть, что это полный комплектъ инструкцій, наставленій и распоряженій по военно-учебному вѣдомству. Великій Князь очевидно задался мыслію, на первыхъ же порахъ, основательно съ ними познакомиться. Да, этотъ человѣкъ принимался за дѣло не съ легкимъ сердцемъ. Я слышалъ въ управленіи, что въ день вступленія своего въ должность главнаго начальника, онъ молился въ Петропавловскомъ соборѣ у гробницъ своихъ предковъ и служилъ молебенъ въ домикѣ Петра Великаго. Теперь онъ старательно готовится къ своему дѣлу, и съ жизненной стороны, осматривая заведенія, и со стороны принципіальной, изучая законоположенія и предписанія, лежащія въ основѣ ихъ устройства.

Припоминаю, что книга, которую онъ читалъ съ вниманіемъ, была „Наставленіе для веденія внѣклассныхъ занятій“, редактированное мною въ 1890 г.

Увидѣвъ меня, онъ указалъ мнѣ на кресло и спросилъ:— „вы, я слышалъ, всегда сопровождали генерала Махотина во время его поѣздокъ по военно-учебнымъ заведеніямъ“.

— „Да, я ѣздилъ съ нимъ начиная съ 1894 г. Раньше онъ ѣздилъ обыкновенно одинъ...“

— „Слѣдовательно, вы хорошо знакомы съ личнымъ составомъ чиновъ всѣхъ заведеній и съ разными особенностями каждаго заведенія?“

— „Да, я знаю всѣ заведенія, не только потому, что сопровождалъ бывшаго главнаго начальника; я много разъ былъ командированъ и самостоятельно для ихъ осмотра по всѣмъ частямъ ихъ устройства“.

Высказавъ еще разъ въ самыхъ добрыхъ словахъ свое удовольствіе, что я буду съ нимъ въ Москвѣ, онъ пожалѣлъ, что не догадался раньше и не приглашалъ меня съ собою во время посѣщенія петроградскихъ заведеній.

На мой вопросъ, какъ Его Высочество остался доволенъ петроградскими заведеніями, онъ сказалъ, что вообще они произвели на него самыя выгодныя впечатлѣнія, но что однако, какъ у человѣка новаго, у него неминуемо должны были рождаться вопросы, которые ему хотѣлось бы выяснить для болѣе близкаго знакомства съ заведеніями.

— „Есть такія стороны въ жизни заведеній, добавилъ онъ, которыя не предусмотрѣны никакими положеніями и инструкціями, но которыя, однако, даютъ заведенію извѣстный индивидуальный характеръ". Указавъ съ большою вѣрностью на нѣкоторыя отличительныя стороны каждаго изъ петроградскихъ заведеній, Великій Князь замѣтилъ, что знакомство съ такими особенностями должно представлять большой интересъ съ воспитательной точки зрѣнія.

Этими словами Великій Князь какъ бы положилъ первое начало той большой работѣ изученія каждаго заведенія во всѣхъ его особенностяхъ, которая занимала его во всѣ годы его управленія военно-учебнымъ вѣдомствомъ. Онъ отдавался ей и какъ начальникъ, и психологъ, и какъ художникъ.

Разговоръ естественно перешелъ къ Инструкціи по воспитательной части кадетскихъ корпусовъ.

Великій Князь сказалъ, что онъ прочелъ ее со всѣмъ вниманіемъ, какого она заслуживаетъ, и цѣнитъ ее въ особенности потому, что въ ней нѣтъ никакихъ категорическихъ предписаній, до которыхъ такіе охотники начальствующія лица, и которыя обыкновенно такъ неудобоисполнимы въ примѣненіи къ живымъ людямъ и къ живому дѣлу. Однако въ Инструкціи для заведеній военно-учебныхъ Великій Князь, по его словамъ, думалъ встрѣтить больше указаній и совѣтовъ, относящихся спеціально къ воспитанію будущихъ офицеровъ. При большой полнотѣ и обдуманности общихъ воспитательныхъ мѣропріятій, она не даетъ однако воспитателю никакихъ руководящихъ указаній относительно тѣхъ мѣръ, которыми онъ могъ бы развить въ своихъ воспитанникахъ любовь къ военной службѣ, уваженіе къ военной доблести, корпоративный духъ, заставляющій военнаго любить свою часть и гордиться принадлежностью къ этой части и пр.

Я доложилъ Великому Князю, что эта Инструкція была составлена первоначально для военныхъ гимназій, которыя по существу не были заведеніями военными, а только состояли въ вѣдѣніи военнаго министерства. Инструкція должна была установить только общепедагогическіе принципы, которыми одними только и жили военныя гимназіи.

Съ переименованіемъ военныхъ гимназій въ кадетскіе корпуса, Инструкцію пришлось переработать. Но возвратъ къ кадетскимъ корпусамъ не былъ принятъ въ военно-учебномъ вѣдомствѣ съ большимъ единодушіемъ. Военно-гимназическіе педагоги считали, что такое переименованіе поведетъ военно-учебныя заведенія къ искаженію здравыхъ педагогическихъ принциповъ, и что, слѣдовательно, на сколько это возможно, такую реформу надо проводить съ большой осторожностью.

Такъ думало большинство высшихъ чиновъ военно-учебнаго вѣдомства. Къ такимъ мыслямъ, вопреки настойчивому желанію генерала Ванновскаго, склонился и генералъ Махотинъ. Этотъ взглядъ на военное воспитаніе отразился и на Инструкціи по воспитательной части для кадетскихъ корпусовъ.

— „Но вѣдь теперь прошло уже столько лѣтъ, и взгляды на задачи кадетскихъ корпусовъ должны были принять другое направленіе... Неужели и теперь еще въ военно-учебномъ вѣдомствѣ могутъ находиться люди, считающіе кадетскіе корпуса заведеніями, сдѣлавшими шагъ назадъ по сравненію съ военными гимназіями?“

Я долженъ былъ сказать Великому Князю, что всѣ люди, стоящіе въ данное время на высшихъ ступеняхъ и въ главномъ управленіи и въ заведеніяхъ, служили воспитателями или преподавателями въ періодъ военныхъ гимназій, и что всѣ воспитательныя ихъ воззрѣнія сложились и окрѣпли еще въ то время. Нѣкоторые изъ нихъ смотрятъ и теперь еще съ опасеніемъ и даже съ недоброжелательствомъ на всѣ тѣ перемѣны, которыя вызваны переименованіемъ военныхъ гимназій въ кадетскіе корпуса. Я привелъ нѣсколько примѣровъ:

Составленное мною „Наставленіе для веденія внѣклассныхъ занятій“ не встрѣтило первое время одобренія ни въ педагогическомъ Комитетѣ Управленія, ни со стороны директоровъ, на томъ основаніи, что регламентація тѣлесныхъ упражненій представлялась имъ какъ бы поощреніемъ принципа грубой силы, которой не мѣсто въ воспитательныхъ заведеніяхъ. Потомъ,—ротные командиры въ кадетскихъ корпусахъ до сихъ поръ еще не получили тѣхъ начальственныхъ и дисциплинар-

ныхъ правъ, которыя должны быть сопряжены съ этой должностью, только потому, что учрежденіе этой должности нарушало военно-гимназическій строй.

Я долженъ былъ добавить къ этимъ примѣрамъ, что среди генераловъ военно-учебнаго вѣдомства есть люди, считающіе себя какъ бы призванными хранить чистые педагогическіе принципы, и которые импонируютъ своими самоувѣренными заключеніями въ педагогическомъ Комитетѣ. Не всякій рѣшается имъ противорѣчить, чтобы не нанести ущерба своей педагогической репутаціи.

Великій Князь слушалъ съ напряженнымъ вниманіемъ. Неоднократно онъ перебивалъ меня вопросами и замѣчаніями и милостиво сказалъ мнѣ, что я открываю ему невѣдомыя для него стороны въ жизни военно-учебныхъ заведеній. Онъ посмотрѣлъ на часы:—„А знаете ли который часъ? я думалъ, что обезпокою васъ всего на полчаса, на часъ; а теперь уже половина перваго...“

На другой день мы всѣ собрались къ утреннему кофе. Вспоминая нашу вчерашнюю бесѣду, Великій Князь спросилъ у Михаила Николаевича Драшковскаго, въ какомъ корпусѣ онъ воспитывался и въ какое время, и узнавъ, что онъ попалъ въ корпусъ въ переходное время, попросилъ его хоть кратко, нарисовать картинку бывшаго корпуснаго и военно-гимназическаго режима.—„Ахъ, какъ это все любопытно и какъ это для меня ново“,—говорилъ онъ, слушая его воспоминанія.—„Такъ стараго директора любили больше, чѣмъ новаго?“—допрашивалъ онъ.

— „Да, Дмитрій Михайловичъ Павловскій былъ простой и добрый человѣкъ...“

— „А новаго не любили за хитрость?“...

— „Такъ точно, у него были такіе лукавые зеленые глаза...“

На московскомъ вокзалѣ Великаго Князя встрѣтили директоры кадетскихъ корпусовъ и начальники училищъ. Великій Князь привѣтливо познакомился съ ними; поговорилъ съ каждымъ изъ нихъ въ парадныхъ покояхъ вокзала, намѣтилъ въ общихъ чертахъ порядокъ осмотра, и начались московскіе дни.

Здѣсь, собственно въ Москвѣ началось то, что было позднѣе при осмотрахъ провинціальныхъ заведеній и что описано мною въ 1900 г. Петроградскія заведенія такъ доступны для частыхъ

и неожиданныхъ посѣщеній, что начальствующимъ лицамъ не представляется необходимости посвящать на ихъ осмотры цѣлые дни безъ перерыва. Въ Москвѣ Великій Князь сталъ проводить въ заведеніяхъ цѣлые дни и наблюдать ихъ жизнь во всѣ часы дня. При первомъ знакомствѣ онъ старался поговорить со всѣми чинами заведенія и непремѣнно со всѣми воспитанниками. И здѣсь стали прорываться тѣ взрывы восторга, о которыхъ я говорилъ въ описаніи послѣдующаго путешествія Великаго Князя.

Отмѣчу трогательно-добрый пріемъ, оказанный намъ, двумъ чинамъ, сопровождавшимъ Августрѣйшаго Главнаго Начальника, Великимъ Княземъ Сергіемъ Александровичемъ.

Всегдашнее привѣтливое и ласковое его отношеніе ко мнѣ, когда я бывалъ въ Москвѣ, заставляетъ меня съ благодарностью чтить его память, и съ глубокой скорбью вспоминать о мученической его кончинѣ въ смутные дни 1905 г.

Въ день отъѣзда Августѣйшаго Главнаго Начальника изъ Москвы, къ обѣду во дворецъ были приглашены всѣ начальники московскихъ корпусовъ и училищъ. Послѣ обѣда они собрались въ покояхъ, занимаемыхъ Его Высочествомъ Главнымъ Начальникомъ. Великій Князь выразилъ имъ полное свое удовольствіе состояніемъ заведеній. Поговорилъ съ каждымъ изъ нихъ о ближайшихъ нуждахъ заведенія и отпуская ихъ, онъ произнесъ достопамятныя слова, которыя я слышу еще теперь, когда пишу эти строки:

— „До свиданія, господа. Надѣюсь, мы часто будемъ съ вами видѣться: я всею душою полюбилъ военно-учебныя заведенія и былъ бы глубоко несчастливъ, если бъ ихъ у меня отняли“.

Мы ѣдемъ обратно въ Петроградъ. Настроеніе приподнятое. Великій Князь видимо полонъ новыми впечатлѣніями подробнаго осмотра московскихъ заведеній. Онъ вспоминаетъ о той сердечной радости, какую вызывало его присутствіе въ заведеніяхъ, о восторженномъ настроеніи кадетъ и юнкеровъ, объ ихъ довѣріи къ нему, объ ихъ готовности раскрыть ему всю свою душу. Онъ вспоминаетъ отдѣльные случаи, и это его трогаетъ почти до слезъ... Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ снова разспрашиваетъ меня о томъ времени, когда главными начальниками военно-учебныхъ заведеній были Особы Императорской Фами-

ліи, о тѣхъ перемѣнахъ, какія потерпѣли эти заведенія при преобразованіи корпусовъ въ гимназіи, и задумывается надъ вопросомъ, что слѣдовало бы сдѣлать, чтобы возвратить кадетскимъ корпусамъ ихъ прежнее патріотическое и военно-подготовительное значеніе.

II.

День въ вагонѣ.

Съ тяжелымъ грохотомъ мчится длинный поѣздъ. По сторонамъ дороги гигантскимъ вѣеромъ то развертываются, то убѣгаютъ широкія панорамы полей и лѣсовъ, городовъ и селъ, рѣкъ и озеръ, овраговъ и долинъ...

Въ концѣ поѣзда вагонъ Великаго Князя. По внѣшности онъ такой же вагонъ, какъ и другіе; но въ немъ идетъ самостоятельная жизнь, обособленная отъ коллективной жизни поѣзда. Мы остаемся въ вагонѣ по цѣлымъ днямъ, иногда по нѣсколько дней, и у насъ складывается свой порядокъ жизни, удобный и пріятный для всѣхъ, въ которомъ дѣло правильно чередуется съ отдыхомъ и часами свободной бесѣды, успокоительной какъ отдыхъ и поучительной какъ серьезное дѣло.

Къ 8-ми часамъ мы сходимся въ купе-салонъ къ утреннему кофе. Выходитъ Великій Князь съ привѣтливой бодрящей улыбкой, здоровается съ нами и находитъ для каждаго изъ насъ свое особенное слово.

За кофе Великій Князь обыкновенно возвращается къ впечатлѣніямъ прошлаго дня. Онъ провѣряетъ ихъ въ общей бесѣдѣ, и разговоръ оживляется. У Великаго Князя много добраго, изящнаго юмора, и онъ умѣетъ затронуть каждаго за его живую жилку. Михаилу Николаевичу достается за его горячій нравъ; перепадаетъ и мнѣ за мою, будто бы, „язвительность“.

Такъ начинается нашъ путевой день: бодро, съ подъемомъ. Послѣ кофе Великій Князь тутъ же вмѣстѣ съ нами разсматриваетъ пакеты, получаемые имъ въ пути, изъ разныхъ подчиненныхъ ему вѣдомствъ. Обыкновенно онъ самъ ихъ раскрываетъ, бѣгло просматриваетъ бумаги и откладываетъ такія, которыя требуютъ основательнаго знакомства съ ними. Послѣ этого адъютантъ испрашиваетъ его распоряженія на текущій день и докладываетъ ему разныя прошенія, подаваемыя въ пути.

Окончивъ дѣла, Великій Князь раскрываетъ „Новое Время" и самъ читаетъ намъ вслухъ или передаетъ для прочтенія адъютанту интересныя сообщенія и статьи.

Если около этого времени случается продолжительная остановка поѣзда, то всѣ мы выходимъ изъ вагона, и Великій Князь дѣлаетъ прогулку большими и быстрыми шагами вдоль всей платформы, а иногда и много дальше. Со всѣми попадающимися нижними чинами онъ здоровается. Иногда во время такихъ прогулокъ онъ встрѣчаетъ молодыхъ офицеровъ, бывшихъ кадетъ и юнкеровъ, и, при его громадной памяти на лица, узнаетъ ихъ съ величайшею радостью и непремѣнно съ чарующей ласковостью разспрашиваетъ ихъ объ службѣ и объ ихъ семейномъ положеніи.

Если нѣтъ остановки поѣзда именно около этого времени, то всѣ мы прерываемъ наши дѣла и во всякое другое время, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ.

Между 10 и 11 часами Великій Князь уходитъ къ себѣ для работы.

Здѣсь я долженъ сказать объ удивительномъ умѣньи Великаго Князя пользоваться своимъ временемъ и о чрезвычайной его работоспособности. Въ пути у него всегда были опредѣленные часы для работы, и я замѣчалъ, что, разъ принявшись за работу, онъ уже сосредоточивалъ на ней все свое вниманіе. Все другое отходило отъ него въ сторону. Это дано не всякому, но оттого-то онъ, даже въ дорогѣ, успѣвалъ дѣлать обыкновенно очень много, и работа у него спорилась не хуже, какъ и въ спокойные домашніе часы. Въ вагонѣ онъ написалъ много чудныхъ стиховъ для своей Ифигеніи; въ вагонѣ онъ набрасывалъ сцены для Царя Іудейскаго... Въ вагонѣ онъ успѣвалъ прочитывать цѣлые томы серьезныхъ сочиненій по разнымъ отраслямъ знанія для своихъ библіографическихъ статей, не говоря уже объ объемистыхъ бумагахъ и дѣлахъ, присылаемыхъ ему изъ разныхъ вѣдомствъ.

До обѣда Великій Князь занимался по большей части служебными дѣлами, и этихъ дѣлъ бывало не мало, даже и въ дорогѣ.

Надо сказать, что со времени вступленія своего въ должность главнаго начальника, онъ поставилъ себѣ правиломъ прочитывать всѣ журналы педагогическихъ комитетовъ кадетскихъ корпусовъ, и читалъ онъ ихъ совсѣмъ иначе, чѣмъ могли читать его помощники и другіе чины главнаго управленія. Уже послѣ первыхъ своихъ поѣздокъ онъ сталъ помнить очень

много кадетъ и въ лицо и по фамиліямъ во всѣхъ корпусахъ, и понятно, что, встрѣчая знакомое имя въ журналѣ, онъ живо представлялъ себѣ всѣ тѣ обстоятельства, по поводу которыхъ упоминалось это имя въ хорошую или въ дурную сторону. При чтеніи онъ дѣлалъ много отмѣтокъ и замѣчаній, которыя сообщались заведеніямъ.

Отправляясь въ путешествіе, онъ бралъ съ собою послѣдніе журналы комитетовъ тѣхъ корпусовъ, которые предполагалъ посѣтить. Если въ этихъ журналахъ были сужденія по какимъ-либо выдающимся случаямъ, то онъ предлагалъ намъ прочесть эти журналы, чтобы быть освѣдомленными о положеніи дѣлъ въ заведеніи.

Кромѣ того, во время поѣздокъ ему присылались изъ главнаго управленія бумаги, требующія безотлагательной резолюціи или своевременнаго знакомства съ ними. Эти бумаги тоже отнимали у него довольно времени.

Покончивъ съ дѣлами, онъ раскрывалъ свой дневникъ и заносилъ въ него то, чего не успѣвалъ записывать въ дни осмотра заведеній. Онъ такъ привыкъ правильно вести ежедневныя записи, что иногда со вздохомъ говоримъ намъ о пропущенныхъ имъ въ дневникѣ числахъ.

Если оставалось время, онъ бралъ книгу и углублялся въ чтеніе.

Отмѣчу маленькую особенность: прочитавъ интересную книгу, Великій Князь давалъ ее иногда мнѣ для прочтенія, и я обыкновенно видѣлъ на заглавномъ листѣ аккуратную надпись карандашомъ: начато тамъ-то, тогда-то; на послѣдней страницѣ стояла дата и мѣсто окончанія чтенія; иногда и въ серединѣ книги попадались отмѣтки съ обозначеніемъ, гдѣ и когда читалась такая-то глава или такая-то часть.

Эта незначительная особенность представлялась мнѣ всегда очень характернымъ указаніемъ того сердечнаго интереса, съ какимъ Великій Князь относится къ книгѣ. Раскрывъ такую книгу, не только припоминаешь ея содержаніе, но и переживаешь тѣ впечатлѣнія, при которыхъ было воспринято это содержаніе.

Обѣдаемъ мы обыкновенно около часа пополудни, съ нами ѣдетъ поваръ Великаго Князя, и Михаилъ Николаевичъ завѣдуетъ всею нашею продовольственною частью.

Случается, что въ поѣздѣ есть лица, желающія представиться Великому Князю или почему-либо ему знакомыя: они обыкновенно приглашаются къ обѣду. Иногда это совсѣмъ моло-

дой офицеръ или кадетъ, котораго Великій Князь узналъ и сразу назвалъ по фамиліи, гуляя во время остановки. Съ этой молодежью во время обѣда, Великій Князь по обыкновенію трогательно ласковъ. Кадета онъ сажаетъ около себя, и тотъ разсказываетъ ему и о своей семьѣ, и о своихъ товарищахъ, и о томъ, какъ ему живется въ корпусѣ.

— „Такъ ты воспитателя своего любишь?“ спрашиваетъ Великій Князь.

— „Люблю“, отвѣчаетъ разговорившійся кадетъ.—„Его всѣ у насъ любятъ. Его такъ и называютъ: дядя Миша“...

„Въ лицо?“

— „Никакъ нѣтъ“,—говоритъ онъ, нѣсколько смутившись.— „А кто и въ лицо“... процѣживаетъ онъ, чтобы быть правдивымъ.

Великій Князь доволенъ. Его трогаетъ наивность мальчика и онъ, поцѣловавъ его, отпускаетъ въ его вагонъ... Но вотъ, въ такомъ-то корпусѣ онъ встрѣчаетъ подполковника такого-то.—„Такъ это вы, дядя Миша“?—весело говоритъ онъ ему.— „Душевно радъ, что познакомился съ вами лично, и дай вамъ Богъ всегда оставаться дядей Мишей для вашихъ кадетъ“.

Послѣ обѣда, Великій Князь проводитъ нѣкоторое время въ нашемъ обществѣ. У насъ есть тема для разговора: дядя Миша. Великій Князь удивляется не только чуткости дѣтей, но и умѣнью ихъ дать кличку...

Если предыдущій день былъ утомителенъ, если наканунѣ намъ поздно пришлось лечь спать, то Великій Князь отдыхалъ часъ или полтора и потомъ снова садился за работу.

Кажется, я не ошибусь, если скажу, что эти часы были въ особенности часами его литературной и творческой работы. Онъ сидѣлъ у себя въ купе, видимо весь отдавшись дѣлу. Мы его не видимъ и не слышимъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ.

Послѣ чая въ 6-мъ часу, Великій Князь остается обыкновенно въ нашемъ обществѣ на весь вечеръ. Это наша рекреація. Широкій кругозоръ Великаго Князя, его тонкое пониманіе вещей и людей, его поэтическое чувство дѣлаютъ его бесѣду не только увлекательной, но, какъ я уже сказалъ, поучительной, въ настоящемъ значеніи слова. Переживая эти бесѣды въ моей памяти, я долженъ искренно сказать, что онѣ внесли въ мое душевное содержаніе много такого, чего тамъ прежде не было. И надо замѣтить, что въ этихъ бесѣдахъ не было никогда ничего намѣренно учительнаго, это были обыкновенные случайные разговоры, въ которыхъ каждый изъ насъ могъ

безъ стѣсненія высказывать свои мысли, выражать свои сомнѣнія, задавать свои вопросы...

Однимъ изъ главныхъ предметовъ разговора были, конечно, военно-учебныя заведенія, но иногда мы уходили совсѣмъ въ другія области. Великій Князь много говорилъ съ нами о разнообразныхъ явленіяхъ общественной жизни во всѣхъ ея сферахъ. Разговоръ пріобрѣталъ особенный интересъ, когда кто-нибудь изъ насъ затрагивалъ вопросы литературы, музыки, изящныхъ искусствъ. Великій Князь былъ полнымъ хозяиномъ въ этихъ вопросахъ, и намъ приходилось слышать отъ него много такого, что давало намъ новую точку зрѣнія даже на знакомыя намъ произведенія. Припоминаю, что, благодаря ему, я настоящимъ образомъ оцѣнилъ Пьера Лоти и Эдмонда Ростана; что онъ указалъ мнѣ на переписку баронессы Раденъ съ Самаринымъ, на Татевскій Сборникъ.

Мнѣ представляется, что если бы мы записывали все то, о чемъ мы говорили такими вечерами съ Великимъ Княземъ, то вышла бы очень богатая по содержанію и очень интересная книга.

Иногда мы читали вслухъ. Но читалъ вслухъ и самъ Великій Князь. Не могу забыть тѣхъ вечеровъ, когда онъ читалъ намъ стихотворенія Алексѣя Толстого или La Princesse Lointaigne, Ростана.

При его удивительно вѣрной интонаціи, драматическія вещи выходили художественно хорошо.

Но длинными вечерами, въ зимнія поѣздки, мы предавались иногда и бездѣлью. Какъ-то въ многодневное пребываніе въ вагонѣ, подало кому-то изъ насъ мысль устроить партію въ винтъ. Играли, конечно, не на деньги, и играли всего раза два, три; мы какъ-то перестали о немъ вспоминать, потому что онъ все-таки лишаетъ человѣка свободы.

Но вотъ случилось, что собралось нѣсколько любителей пасьянса. И вотъ пасьянсы пріобрѣли право гражданства въ расписаніи нашего дня. Великій Князь раскладывалъ ихъ главнымъ образомъ послѣ обѣда или ужина, не переставая разговаривать съ нами, или слушая наше чтеніе.

Эта вечерняя бесѣда затягивается иногда довольно долго. Но около 12-ти часовъ Великій Князь всегда уже прощается съ нами и уходитъ къ себѣ. Это не значитъ, однако, что онъ сейчасъ же ложится въ постель. У него на письменномъ столѣ лежитъ его дневникъ и на немъ Евангеліе. Кромѣ того онъ въ это время пишетъ и письма.

Поговоривъ еще другъ съ другомъ, послѣ ухода Великаго Князя съ полчаса, мы идемъ спать; а у него все еще горитъ огонь, и онъ сидитъ углубленный въ письмо или чтеніе...

Темная ночь спустилась на землю. Длинный поѣздъ съ грохотомъ мчится впередъ... У насъ въ вагонѣ все спокойно. Всѣ спятъ. Нашъ дорожный день конченъ.

III.

Отзвуки большой работы.

Великій Князь часто удостоивалъ насъ разговорами о военно-учебныхъ заведеніяхъ. Онъ всею душою любилъ заведенія, и мысли его часто обращались къ этому предмету.

Въ первое время его озабочивали вопросы о подъемѣ военнаго и патріотическаго воспитанія. Потомъ планы его постепенно расширялись, и у него создавалась цѣлостная система воспитанія будущихъ офицеровъ русской арміи.

Мы были счастливыми свидѣтелями, какъ эти мысли зарождались, зрѣли и приводились въ исполненіе.

Великій Князь часто обращался къ намъ за свѣдѣніями и справками по разнымъ занимавшимъ его вопросамъ. Мы были воспитанниками различныхъ эпохъ и разныхъ заведеній, и, по мѣрѣ нашего умѣнья, рисовали ему положеніе дѣлъ въ наше время.

Съ живымъ интересомъ слушалъ онъ наши разсказы, и мы чувствовали, какъ умѣлъ онъ оцѣнить все то хорошее, что было въ военно-учебныхъ заведеніяхъ въ разное время.

Описывая нашу жизнь въ вагонѣ, я остановлюсь только на тѣхъ сторонахъ дѣятельности августѣйшаго главнаго начальника, которыя были связаны съ его путешествіями и осмотрами военно-учебныхъ заведеній.

Въ описаніи перваго путешествія Великаго Князя мнѣ приходилось уже говорить о впечатлѣніяхъ, вызванныхъ въ немъ различными сторонами устройства военно-учебныхъ заведеній. Здѣсь мнѣ по необходимости надо будетъ повторить иногда то, что было мною записано уже раньше; но тамъ я говорилъ только о замыслѣ, здѣсь я буду говорить объ исполненіи.

Въ первыя наши поѣздки, Великій Князь говорилъ намъ, что онъ всегда съ особеннымъ чувствомъ смотритъ на старыя знамена кадетскихъ корпусовъ, хранящіяся въ корпусныхъ храмахъ. Теперь кадетскіе корпуса кажутся ему обездоленными. Вѣдь знамя—символъ единенія, товарищества, корпоративнаго духа. Вѣдь это былъ предметъ привязанности питомцевъ прежнихъ корпусовъ. Онъ слышалъ, что многіе, выходя изъ корпуса, отрывали себѣ кусочекъ корпуснаго знамени и свято хранили его всю свою жизнь. Зачѣмъ же теперь это старое знамя стоитъ какъ нѣчто ненужное, не имѣющее больше того благодѣтельнаго значенія, какое оно имѣло въ прежніе годы?..

Мы говорили на это, что военныя гимназіи не имѣли строевой организаціи и не были даже въ сущности заведеніями военными...

— „Да,—замѣчалъ на это Великій Князь,—но вѣдь теперь кадетскіе корпуса заведенія военныя и организація у нихъ строевая. Правда, ружья присвоены одной только первой ротѣ, но вѣдь чувство военнаго единенія и военной доблести должно заботливо прививаться всѣмъ воспитанникамъ заведенія. Знамя и теперь будетъ такимъ же символомъ единенія заведенія, такою же святынею, какою оно было и прежде, и я глубоко убѣжденъ, что дарованіе корпусу знамени способно возвысить весь нравственно-воспитательный строй заведеній“.

И вотъ, то, чего не рѣшались сдѣлать до тѣхъ поръ, чтобы не слишкомъ рѣшительно переходить къ военнымъ порядкамъ прежнихъ кадетскихъ корпусовъ, было сдѣлано. Кадетскимъ корпусамъ были дарованы знамена.

Я имѣлъ счастье находиться при Великомъ Князѣ во всѣхъ кадетскихъ корпусахъ, которымъ онъ передавалъ Высочайше пожалованныя знамена. И какая это была всегда чудная церемонія прибивки и освященія знамени! Какъ Великій Князь умѣлъ придать ей торжественность и возвысить ея значеніе!

Были и другіе вопросы, которые рождались у августѣйшаго главнаго начальника по мѣрѣ его знакомства съ военно-учебными заведеніями. Какъ я сказалъ уже въ описаніи перваго его путешествія, онъ обратилъ вниманіе на мраморныя доски съ именами кадетъ, ставшихъ первыми по успѣхамъ, при выпускѣ въ офицеры.

Въ кадетскихъ корпусахъ, записи на этихъ доскахъ не шли дальше 1862 года. — „Почему же, — спрашиваетъ онъ, — тогда считалось нужнымъ такое отличіе, и почему теперь оно считается не нужнымъ? Отчего у кадетъ всегда передъ глазами

имена счастливцевъ, учившихся въ корпусѣ до реформы корпусовъ, и почему такъ несправедливо оставлены безъ всякаго вниманія учившіеся позже?"

Я докладывалъ Великому Князю, что педагогическіе принципы военныхъ гимназій не допускали никакихъ поощрительныхъ мѣръ: мальчикъ долженъ былъ учиться не изъ желанія награды, а по внутреннему сознанію въ необходимости ученья.

Великій Князь возражалъ мнѣ, что этотъ принципъ проводился непослѣдовательно: не было поощреній, однако были наказанія, и, въ сущности, не обходилось и безъ поощренія: что такое баллы за поведеніе и даже баллы за успѣхи, какъ не совокупность карательныхъ и поощрительныхъ мѣръ. Если допускалось вывѣшиваніе списковъ съ баллами и съ распредѣленіемъ воспитанниковъ по старшинству, то почему же были упразднены мраморныя доски?

— „Можетъ быть,—замѣтилъ я,—тутъ имѣлось въ виду и то обстоятельство, что воспитанники оканчиваютъ курсъ не въ корпусахъ, а въ училищахъ. Тамъ мраморныя доски ведутся непрерывно, какъ продолженіе тѣхъ досокъ, которыя были прежде въ корпусахъ".

Эта причина, по мнѣнію Великаго Князя, тоже не имѣла серьезнаго основанія. Былъ длинный періодъ, когда провинціальные корпуса имѣли только общіе классы и отправляли своихъ кадетъ въ спеціальные классы дворянскаго полка. Это то же самое, что теперешнее отправленіе кадетъ въ военныя училища. Однако, оканчивавшіе первыми въ дворянскомъ полку записывались на мраморную доску, не только въ этомъ заведеніи, но и непремѣнно въ своемъ родномъ корпусѣ. Мраморная доска, по убѣжденію Великаго Князя, есть памятникъ лучшимъ воспитанникамъ заведенія за все время его существованія, это почетная страница въ исторіи заведенія, и, съ этой точки зрѣнія, она ни въ какомъ отношеніи не можетъ идти въ разрѣзъ ни съ какими педагогическими принципами.

Эту свою мысль августѣйшій главный начальникъ тоже привелъ въ исполненіе въ первые годы по вступленіи своемъ въ должность. Останавливаясь потомъ передъ рядомъ мраморныхъ досокъ, онъ не разъ говорилъ мнѣ, что теперь установлена болѣе твердая преемственная связь между прежними корпусами и теперешними.

Эта преемственная связь стала еще тверже и еще нагляднѣе, съ дарованіемъ военно-учебнымъ заведеніямъ ихъ прежняго герба на пуговицахъ, на поясныхъ бляхахъ и на головныхъ

уборахъ. Этотъ гербъ, — двуглавый орелъ въ сіяніи,—былъ прежде отличительнымъ знакомъ военно-учебнаго вѣдомства. Съ переименованіемъ корпусовъ въ гимназіи онъ былъ упраздненъ, какъ и все, что напоминало прежніе корпуса. Теперь этотъ чудесный прежній гербъ возвращенъ заведеніямъ, и я имѣю счастье носить на моемъ теперешнемъ киверѣ то самое сіяніе, которое носилъ еще маленькимъ кадетомъ на каскѣ въ Петровскомъ-Полтавскомъ корпусѣ.

Великій Князь очень заботился также объ укрѣпленіи въ каждомъ заведеніи его историческихъ воспоминаній. Въ заведеніяхъ вновь основываемыхъ онъ старался положить какъ бы первый камень для ихъ исторіи. Онъ исходатайствовалъ многимъ заведеніямъ Высочайшее соизволеніе на присоединеніе къ своимъ наименованіямъ именъ Государей, особъ Императорской фамиліи или достопамятныхъ русскихъ людей, съ воспоминаніями о которыхъ связано существованіе заведенія. Вмѣстѣ съ почетными наименованіями нѣкоторыя заведенія получили также историческіе шифры на погонахъ.

Преемственности воспоминаній способствуютъ, въ особенности, заботливо составленные историческіе музеи. Великій Князь очень поощрялъ образованіе музеевъ въ кадетскихъ корпусахъ и военныхъ училищахъ.

— „Меня удивляетъ,—говорилъ онъ въ первые годы своей дѣятельности,—что кромѣ Николаевскаго училища и Пажескаго корпуса, я нигдѣ не вижу никакой заботы о сохраненіи историческаго прошлаго въ заведеніи“...

Я высказалъ Великому Князю мою мысль, что военная гимназія, по существу своихъ педагогическихъ принциповъ, не могла имѣть заботы о сохраненіи своихъ историческихъ воспоминаній. Педагогическое дѣло, которое дѣлали тогдашніе люди, было по ихъ убѣжденію такъ логично построено, что не могло и не должно было претерпѣвать какихъ-либо измѣненій. Оно должно было идти сегодня, какъ завтра. Конечно, во всякомъ дѣлѣ бываютъ колебанія и въ дурную и въ хорошую сторону, но для людей того времени такая нестойкость не могла считаться достойной какого-либо увѣковѣченія. Потомъ, разъ убраны мраморныя доски, не могло быть никакого разговора о сохраненіи какихъ-либо воспоминаній о бывшихъ питомцахъ. Остались только черныя мраморныя доски въ храмахъ: по патріотическому своему значенію онѣ были неприкосновенны.

— „Съ тогдашней точки зрѣнія,—продолжалъ я,—въ музей военной гимназіи нечего было бы помѣстить другого, какъ

только развѣ средній баллъ средняго кадета, за средній періодъ времени"...

— „Я можетъ быть сгущаю краски, но я имѣю на это основаніе. Исторія заведенія была не въ почетѣ: когда стали подходить юбилейные годы провинціальныхъ корпусовъ, то попытки внести въ историческій очеркъ заведенія какія-либо характерныя бытовыя черты рѣшительно не поощрялись управленіемъ. Такіе очерки сокращались, передѣлывались и сводились только къ нѣсколькимъ датамъ: тогда-то былъ назначенъ такой-то директоръ, тогда-то состоялся такой-то приказъ... Потомъ списокъ чиновъ и кадетъ... и тутъ все".

— „Въ словахъ вашихъ дѣйствительно есть преувеличеніе,—говорилъ мнѣ Великій Князь,—но по существу вы правы. Наши заведенія вообще не имѣютъ той индивидуальности, которая слагается годами самобытной жизни; если же въ нѣкорыхъ корпусахъ и можно замѣтить нѣчто подобное, какъ напримѣръ въ Полоцкомъ, въ 1-мъ Московскомъ, то это обыкновенно пережитки стараго времени, товарищеская сплоченность старыхъ кадетъ, всегда почти ослабѣвавшая за періодъ военныхъ гимназій"...

Эти мысли Великаго Князя о закрѣпленіи историческаго прошлаго заведеній были восприняты во многихъ кадетскихъ корпусахъ. Въ большинствѣ заведеній было положено основаніе историческихъ музеевъ, и въ нѣкоторыхъ корпусахъ эти музеи заключаютъ въ себѣ въ настоящее время очень рѣдкія и цѣнныя собранія, возстановляющія жизнь заведенія за длинный періодъ его существованія. Таковы въ особенности музеи 1-го Московскаго и 1-го кадетскихъ корпусовъ.

Эта забота о закрѣпленіи историческихъ воспоминаній въ каждомъ отдѣльномъ заведеніи имѣетъ, разумѣется, очень большое значеніе. Она заставляетъ воспитанниковъ гордиться своимъ заведеніемъ и любить его, какъ памятникъ родного прошлаго.

Мнѣ приходилось говорить уже раньше, что Великій Князь обратилъ вниманіе на слишкомъ однообразный воспитательный режимъ для кадетъ разныхъ возрастовъ. Ни въ Инструкціи по воспитательной части, ни на практикѣ не было установлено никакого различія въ требованіяхъ и въ степени оказываемаго имъ довѣрія между маленькими кадетами и юношами, оканчивающими корпусный курсъ.

Для закрытаго заведенія это вопросъ трудный. Регламентировать его почти невозможно. Великій Князь говорилъ объ этомъ съ директорами и въ педагогическихъ комитетахъ заведеній.

Не всѣ директоры были одинаково отзывчивы къ этой мысли. Люди, помнившіе военно-гимназическій режимъ, считали, что предоставленіе воспитаннику большей или меньшей самостоятельности и оказаніе ему довѣрія опредѣляется не возрастомъ,— а личными свойствами воспитанника, и зависитъ отъ усмотрѣнія воспитателя. Другіе, сочувственно отозвавшіеся на эту мысль, не всегда умѣли примѣнить ее на дѣлѣ. Въ одномъ корпусѣ случилось, что директоръ предложилъ воспитателямъ не приходить на вечернія занятія кадетъ VII класса, чтобы не мѣшать ихъ самостоятельной работѣ. Надо было объяснять, что дать самостоятельность вовсе не значитъ освободить юношу отъ всякаго воспитательнаго руководства...

Дѣло однако понемногу наладилось. Въ режимѣ старшихъ ротъ уменьшилось число такихъ мелочныхъ требованій и запрещеній, которыя имѣютъ свое мѣсто въ младшихъ ротахъ, но являются ненужнымъ стѣсненіемъ для юношей. Порядокъ отъ этого не пострадалъ, а утвердился. Случаи массоваго неудовольствія отошли въ преданіе.

Въ связи съ вопросомъ о предоставленіи самостоятельности кадетамъ старшихъ классовъ, Великій Князь лелѣялъ мысль о томъ, что лучшіе кадеты выпускного класса могли бы оказывать большую помощь воспитателямъ младшихъ ротъ, находясь возможно чаще при маленькихъ кадетахъ и исполняя по отношенію къ нимъ обязанность старшихъ. Были директоры, опасавшіеся этой мѣры. По ихъ мнѣнію, присутствіе старшаго кадета нарушаетъ цѣлость воспитательскаго вліянія; кромѣ того они ссылались и на не всегда удававшуюся мѣру назначенія старшихъ въ прежнихъ корпусахъ.

Но въ нѣкоторыхъ заведеніяхъ эта мысль была приведена въ исполненіе и, судя по періодическимъ донесеніямъ, дала очень утѣшительные результаты.

Къ сожалѣнію, это нововведеніе не получило той устойчивости, какой оно заслуживаетъ. Причина въ томъ, что, отдавая свое время маленькимъ товарищамъ, старшіе кадеты не успѣвали готовить своихъ учебныхъ работъ и принимать участіе во всѣхъ обязательныхъ занятіяхъ, положенныхъ для старшей роты.

Получая донесенія о работѣ старшихъ кадетъ, Великій Князь съ умиленіемъ передавалъ намъ о разныхъ случаяхъ благодѣтельнаго вліянія старшаго товарища на маленькихъ кадетъ. Но онъ не настаивалъ на укрѣпленіи этой мѣры, такъ какъ она, по его словамъ, можетъ принести хорошіе плоды, только при полномъ сочувствіи къ ней всѣхъ чиновъ заведенія.

Заботясь о приданіи кадетскимъ корпусамъ характера заведеній военно-подготовительныхъ, Великій Князь естественно долженъ былъ обратить вниманіе на организацію въ нихъ воспитательной части.

Въ военныхъ гимназіяхъ эта организація была очень проста. Во главѣ заведенія находился директоръ, и подъ непосредственнымъ его начальствомъ стояло 15—20 воспитателей, завѣдующихъ классными отдѣленіями. Классы группировались по возрастамъ, которыхъ въ гимназіи было обыкновенно три; но возрастомъ, какъ самостоятельною единицею, никто не вѣдалъ.

При преобразованіи гимназій въ корпуса, возрасты были переименованы въ роты, и учреждена должность ротнаго командира.

Я докладывалъ Великому Князю еще въ первую поѣздку съ нимъ о неопредѣленной постановкѣ этой должности. Не имѣя никакихъ начальственныхъ и дисциплинарныхъ правъ, ротный командиръ не могъ быть руководителемъ воспитателей своей роты, особенно если директоръ смотрѣлъ на учрежденіе должности ротнаго командира, какъ на помѣху правильному ходу воспитанія. А такіе директора были. Разсказывали, что одинъ изъ нихъ, на вопросъ новаго ротнаго командира, въ чемъ будутъ состоять его обязанности, отвѣтилъ:—„въ томъ, чтобы вы какъ можно рѣже показывались въ вашей ротѣ".

Великій Князь находилъ это невѣроятнымъ.

Я доложилъ ему, что это могло быть...

— „Но вѣдь ротный командиръ,—отвѣтилъ мнѣ Великій Князь,—выбирается изъ опытнѣйшихъ и способнѣйшихъ воспитателей; чѣмъ же онъ можетъ мѣшать директору въ выполненіи его педагогическихъ мѣропріятій? Для директора онъ опытный помощникъ, а для воспитателя онъ долженъ быть не только руководителемъ, но и начальникомъ".

Вопросъ о постановкѣ ротнаго командира въ правильныя начальственныя и дисциплинарныя отношенія къ воспитателямъ

своей роты былъ поставленъ Великимъ Княземъ на обсужденіе педагогическаго комитета главнаго управленія. Были и при этомъ обсужденіи мнѣнія о безполезности ротнаго командира, но большинствомъ голосовъ вопросъ былъ рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ. И это оказалось выгоднымъ въ томъ отношеніи, что многолюдный интернатъ, съ большою разницею въ возрастѣ воспитанниковъ, какъ бы раздѣлился на три или на четыре интерната, каждый для опредѣленнаго возраста, подъ начальствомъ своего ротнаго командира и подъ верховнымъ главенствомъ директора.

Будущему историку придется упомянуть о многихъ мѣропріятіяхъ, вызванныхъ однимъ и тѣмъ же ясно понимаемымъ стремленіемъ повысить воспитательное и учебное дѣло въ кадетскихъ корпусахъ и училищахъ и дать военно-учебнымъ заведеніямъ тотъ военно-воспитательный характеръ, который они должны имѣть по самому своему назначенію.

Онъ разскажетъ о переработкѣ учебныхъ программъ для военныхъ училищъ и для кадетскихъ корпусовъ; о съѣздѣ учителей русскаго языка въ 1903 г. и о съѣздѣ воспитателей кадетскихъ корпусовъ въ 1908 г., объ организаціи для военныхъ училищъ чтеній по вопросамъ государственнаго и общественнаго строя въ 1906 г. и о чудесномъ циркулярномъ письмѣ Великаго Князя о подъемѣ патріотическаго воспитанія; онъ упомянетъ о пересмотрѣ пищевого режима въ кадетскихъ корпусахъ и военныхъ училищахъ, и о многихъ другихъ мѣропріятіяхъ воспитательнаго, административнаго и хозяйственнаго характера, на которыхъ я, по самой задачѣ моихъ воспоминаній, останавливаться не могу. Я говорю здѣсь только о тѣхъ отзвукахъ большой работы, къ которымъ мы могли ближе прислушиваться во время нашихъ поѣздокъ.

Безъ сомнѣнія, мы говорили обо всемъ, что дѣлалось и предполагалось сдѣлать по военно-учебному вѣдомству. Но, чтобы передать всѣ эти бесѣды, мнѣ нужно было бы имѣть въ рукахъ стенографическую ихъ передачу. Я и то боюсь, что можетъ быть мѣстами впадаю въ неточности. Я забочусь объ общей характеристикѣ большой работы, предпринятой главнымъ начальникомъ военно-учебныхъ заведеній, и мнѣ кажется, что въ немногихъ помѣщенныхъ здѣсь вопросахъ эта характеристика сказывается довольно ясно. Упомяну здѣсь еще объ одномъ только предметѣ нашихъ бесѣдъ, имѣющемъ первостепенное значеніе—воспитаніи.

Будучи человѣкомъ искренно и глубоко религіознымъ, Великій Князь прилагалъ много усилій для подъема религіозно-нравственнаго воспитанія.

Всегда во всѣхъ своихъ бесѣдахъ съ воспитанниками, бесѣдахъ, которыя уже по одной своей формѣ ласковаго, душевнаго разговора, неотразимо на нихъ дѣйствовали, онъ съ особенной серьезностью затрогивалъ вопросы нравственности и религіи.

На урокахъ Закона Божія онъ старался дать себѣ отчетъ, имѣютъ ли эти уроки значеніе для пробужденія въ кадетахъ твердой вѣры. Способствуютъ ли они должному уразумѣнію священнаго писанія и догматовъ православной вѣры. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ всегда провѣрялъ, знакомы ли кадеты съ содержаніемъ книгъ священнаго писанія и охотно ли ихъ читаютъ.

Присутствуя въ корпусахъ и училищахъ на богослуженіяхъ, онъ самъ являлся образцомъ благоговѣйнаго и молитвеннаго отношенія къ совершаемымъ обрядамъ и настойчиво слѣдилъ, чтобы молитвословіе во время службы и молитвы утреннія, вечернія и въ другое время дня читались кадетами безъ торопливости, внятно и съ благоговѣніемъ.

— „Меня удивляетъ,—говаривалъ онъ не разъ,—совершенное равнодушіе кадетъ къ урокамъ Закона Божія. Эти уроки не даютъ имъ ни свѣдѣній, ни религіозно-нравственнаго настроенія. Въ церкви кадеты стоятъ вообще недурно, но молятся изъ нихъ весьма немногіе. Вечеромъ, въ маленькихъ ротахъ, я вижу, послѣ общей молитвы, молящихся передъ ротнымъ образомъ, передъ отходомъ ко сну; но въ старшихъ ротахъ это уже явленіе очень рѣдкое. Какой же смыслъ преподаванія Закона Божія въ кадетскихъ корпусахъ? Въ чемъ выражается воспитательная дѣятельность законоучителя?"

Мы высказывали наше предположеніе, что это происходитъ отъ самой постановки Закона Божія въ кадетскихъ корпусахъ. Законъ Божій преподается не отъ сердца, а отъ разума. Въ катехизисѣ дѣлаются такіе выводы, которые не могутъ имѣть никакого значенія, если ученикъ не имѣетъ искренной вѣры; и притомъ этотъ катехизисъ кадеты изучаютъ въ такомъ возрастѣ, когда онъ не доступенъ еще для ихъ пониманія. На священника кадеты смотрятъ, прежде всего, какъ на учителя скучнаго и непонятнаго для нихъ предмета, а потомъ уже,— и это не всегда,—какъ на наставника въ вѣрѣ и въ христіанской нравственности. Поэтому кадеты не только не воспитываются въ вѣрѣ, но теряютъ даже всякій интересъ къ священному писанію.

— „Всякій разъ когда я бываю въ корпусѣ на богослуженіи,—докладывалъ я Великому Князю,—я спрашиваю послѣ службы у нѣсколькихъ кадетъ старшей роты, отъ какого евангелиста и какое евангеліе читалось во время службы. Я нисколько не преувеличу, если скажу, что не всегда даже одинъ кадетъ изъ десяти могъ отвѣтить на такой вопросъ...“

Озабоченный этимъ предметомъ, августѣйшій главный начальникъ учредилъ комиссію, при участіи законоучителей всѣхъ петроградскихъ военно-учебныхъ заведеній, для разсмотрѣнія вопроса о преподаваніи Закона Божія и очень интересовался работами этой комиссіи.

Убѣдившись вмѣстѣ съ тѣмъ, что кадеты, даже заботливо воспитанные въ религіозномъ отношеніи, мало знакомы со священнымъ писаніемъ, и что этому знакомству не способствуетъ проходимый въ корпусахъ курсъ Закона Божія, онъ особымъ приказомъ выразилъ желаніе, чтобы въ кадетскихъ корпусахъ ежедневно читалось евангеліе, предоставляя директорамъ и законоучителямъ организацію этого дѣла, соотвѣтственно мѣстнымъ условіямъ.

— „Вѣдь вы ежедневно моетесь и заботитесь о своей внѣшней опрятности,—говорилъ онъ собравшимся вокругъ него кадетамъ,—тѣмъ болѣе вамъ надо заботиться о чистотѣ вашей души: ежедневно читайте евангеліе и благоговѣйно проникайтесь его ученіемъ...“

Находились педагоги, говорившіе, что такое принудительное чтеніе не воспитаетъ любви къ евангелію, а что для маленькихъ кадетъ рано еще читать евангеліе, т. к. они его не могутъ понять.

Но казалось бы, сами же эти господа должны бы были помнить, что все воспитаніе основано на привитіи добрыхъ привычекъ, и что нѣтъ такого возраста для человѣка, когда слышаніе слова Божія было бы для него излишнимъ.

IV.

Впечатлѣнія и итоги.

Вчера закончился осмотръ кадетскаго корпуса или военнаго училища. Великій Князь пробылъ въ городѣ дня два или три; сегодня мы ѣдемъ дальше и обмѣниваемся впечатлѣніями.

Изъ моего перваго очерка въ 1900 г. можно уже составить себѣ представленіе о характерѣ смотровъ, производимыхъ Вели-

кимъ Княземъ. Здѣсь я долженъ однако еще разъ на этомъ остановиться. Смотры Великаго Князя нельзя ни въ какомъ отношеніи ставить въ параллель со смотрами, какъ они обыкновенно дѣлаются. У него была драгоцѣннѣйшая способность быть очень представительнымъ и формальнымъ тамъ, гдѣ это нужно по самой сущности дѣла, и отрѣшаться отъ этой формальности, когда она не требуется ни для поддержанія достоинства начальника, ни для внушительности смотра.

За всю долголѣтнюю мою службу я почти не встрѣчалъ этой способности у начальства, производящаго смотры. Отдавъ долгъ формальной сторонѣ дѣла, Великій Князь становился доступнымъ, ласковымъ и сердечнымъ человѣкомъ для всего личнаго состава осматриваемаго имъ заведенія, отъ самаго стараго до самаго малаго. Я говорилъ уже, какъ принимали это кадеты и юнкера, и понятно, что онъ выносилъ изъ осмотра заведеній такъ много, какъ никогда не выносили его предшественники—главные начальники. Побывавъ въ заведеніи одинъ разъ, онъ знакомился съ нимъ не только съ той внѣшней стороны, которая доступна многимъ, но и съ той внутренней, которая открывается для очень немногихъ. Онъ познавалъ душу заведенія. Посѣщая заведеніе вторично, онъ входилъ въ него какъ въ знакомую уже для него среду, и ему оставалось только слѣдить, какъ ростутъ и мужаютъ его питомцы, и какъ это отражается на внутреннемъ складѣ заведенія.

Уѣзжая изъ заведеній, онъ уносилъ съ собою несравненно больше впечатлѣній, чѣмъ мы, его спутники, тоже принимавшіе участіе въ осмотрѣ. Бывало, докладываешь ему: — „вчера, въ такой-то ротѣ, я читалъ въ журналѣ дежурствъ...“ Оказывалось всегда, что Великій Князь знаетъ и этотъ и другіе случаи, но не по журналу дежурствъ, а отъ самихъ кадетъ. И что онъ даже серьезно бесѣдовалъ съ ними по поводу этихъ случаевъ.

До какой степени близко Великій Князь знакомился съ составомъ кадетъ, можно видѣть изъ одного совсѣмъ невѣроятнаго случая. Какъ-то на воспитательскихъ курсахъ, слушателямъ было предложено для упражненія написать характеристику вымышленнаго или знакомаго имъ воспитанника, выдѣляющагося изъ общей среды своими нравственными особенностями. Эти характеристики были представлены Великому Князю. Ознакомившись съ ними, онъ съ удивленіемъ останавливается на одной изъ нихъ. Въ ней изображенъ знакомый ему мальчикъ, онъ въ этомъ не ошибается. Но этомъ мальчикъ находится въ

такомъ-то корпусѣ, а характеристика написана воспитателемъ другого корпуса.

Однако Великій Князь хорошо знаетъ и воспитательскій составъ кадетскихъ корпусовъ. Онъ тотчасъ же припоминаетъ, что авторъ этой характеристики года два тому назадъ былъ переведенъ на теперешнее мѣсто своей службы какъ разъ изъ того корпуса, въ которомъ находится описанный имъ мальчикъ. Справились у воспитателя, и тотъ назвалъ именно того мальчика, котораго узналъ Великій Князь въ его описаніи.

Если принять въ соображеніе, что всѣхъ кадетъ, состоявшихъ въ то время въ вѣдѣніи Главнаго Начальника, было около десяти тысячъ, а въ томъ корпусѣ, въ которомъ находился кадетъ, признанный Великимъ Княземъ по его характеристикѣ, ихъ было болѣе четырехъ сотъ, то такой случай, при обыкновенныхъ обстоятельствахъ, представится конечно выходящимъ изъ ряда вонъ. Но у Великаго Князя случаи, подобные разсказанному, бывали не разъ. Люди, служившіе подъ его начальствомъ, хорошо это помнятъ.

Въ смотрахъ Великаго Князя была и еще одна особенность. Вынося такъ много впечатлѣній, онъ всегда придавалъ гораздо больше значенія впечатлѣніямъ благопріятнымъ, утѣшительнымъ, свидѣтельствующимъ о правильной работѣ въ заведеніи осмотрѣнномъ, чѣмъ впечатлѣніямъ непріятнаго характера, обнаруживающимъ слабыя стороны заведенія.

Все то хорошее, что онъ наблюдалъ въ заведеніи, онъ считалъ явленіемъ постояннымъ, неотъемлемымъ отъ заведенія и составляющимъ его главную характерную черту.

Если ему приходилось видѣть слабыя стороны заведенія, неудовлетворительную постановку того или другого дѣла, онъ склоненъ былъ считать это явленіемъ временнымъ, исправимымъ при доброй волѣ начальства заведенія. А въ этой доброй волѣ онъ не сомнѣвался.

Какъ это не похоже на обыкновенные смотры. Никогда Великому Князю и въ голову не могло придти не только распечь сгоряча человѣка, отбывающаго смотръ, но даже просто обратиться къ нему съ немотивированнымъ выраженіемъ неудовольствія. И онъ достигалъ этимъ гораздо большихъ результатовъ, чѣмъ подозрительностью и горячностью. Въ его управленіи всѣ недочеты дѣйствительно были явленіями временными, такъ какъ всѣ работали съ готовностью, ободряемые и поощряемые личнымъ примѣромъ и благороднымъ довѣріемъ своего главнаго начальника.

Это благожелательное отношеніе главнаго начальника ко всему составу подвѣдомственныхъ ему чиновъ и увѣренность, что добрые результаты могутъ быть достигнуты только спокойнымъ выясненіемъ требованій, были особенно замѣтны для насъ, его спутниковъ. Провѣряя свои впечатлѣнія, онъ вспоминалъ прежде всего то, что онъ нашелъ хорошаго въ заведеніи.

Въ такія минуты онъ не хотѣлъ слышать ничего клонящагося къ осужденію.

— „Пожалуйста, приберегите вашу ложку дегтю и не портите намъ нашей бочки меду,—обращался онъ ко мнѣ.—Я вѣдь знаю, у васъ всякій человѣкъ—хорошій человѣкъ, только у всякаго изъ нихъ есть непремѣнно и что-нибудь дурное...“

Великій Князь высказывалъ, разумѣется, во время своихъ осмотровъ, всѣ свои впечатлѣнія и дурныя и хорошія, и дѣлалъ обстоятельныя указанія на тѣ стороны дѣла, которыя требуютъ улучшенія. Но въ приказахъ по военно-учебнымъ заведеніямъ онъ никогда не объявлялъ во всеобщее свѣдѣніе такихъ слабыхъ сторонъ или упущеній, которыя могли бы выставить заведеніе въ неблагопріятномъ свѣтѣ.

Иногда въ разговорахъ съ нами, онъ со своимъ добрымъ, заразительнымъ юморомъ, вспоминалъ замѣченныя имъ неловкости или странности.

Однажды, припоминая урокъ русскаго языка въ маленькомъ классѣ, онъ говорилъ: — „какъ вамъ понравился Воздушный Корабль? не правда ли, тутъ было все, и географія, и исторія, и физика, и химія, и метеорологія, и кораблестроеніе, и не было только Воздушнаго Корабля... А вѣдь какой почтенный и знающій учитель... Не знаю, онъ ли тому причиной или въ этомъ грѣшатъ наши требованія, но у него изъ-за деревьевъ не видно лѣса...“

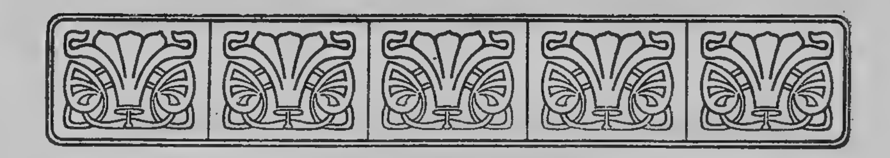
Въ Главномъ Управленіи военно-учебныхъ заведеній есть документальныя свѣдѣнія о плодотворности этихъ осмотровъ. Приказы и распоряженія Великаго Князя могутъ служить поучительнымъ матеріаломъ для всякаго человѣка, стоящаго во главѣ учебно-воспитательнаго дѣла. Директоры корпусовъ и начальники училищъ того времени съ теплымъ чувствомъ вспоминаютъ эти пріѣзды Великаго Князя и могутъ засвидѣтельствовать, что своими посѣщеніями заведеній и бесѣдами съ молодежью онъ вносилъ успокоительное и радостное настроеніе, много облегчавшее постановку воспитательнаго дѣла. Ро-

дители воспитанниковъ безъ сомнѣнія и до сихъ поръ еще съ умиленіемъ вспоминаютъ доброту Великаго Князя къ ихъ дѣтямъ. . . . .

Теперь это время для насъ прошлое и невозвратно прошлое, но память о Великомъ Князѣ Константинѣ Константиновичѣ никогда не умретъ среди Русскихъ людей. Въ Высочайшемъ манифестѣ о Его кончинѣ съ высоты престола засвидѣтельствовано, что онъ „положилъ много труда и заботъ по высшему руководству дѣломъ военнаго образованія юношества, давшаго столь доблестный составъ офицеровъ, геройскіе подвиги коихъ въ настоящую войну навсегда запечатлѣются въ исторіи русской арміи". Преклонимся же низко передъ свѣтлой памятью Великаго Князя, положившаго такъ много великой любви и просвѣщеннаго труда на дѣло военнаго воспитанія русскаго юношества.

А. Д. Бутовскій.

Сборникъ дипломатическихъ документовъ, касающихся событій на Балканскомъ Полуостровѣ [1].

(Августъ 1912 г.—Іюль 1913 г.).

---

164 [2].

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Посланнику въ Софіи.

С.-Петербургъ, 21 апрѣля 1913 г.

(Телеграмма).

Изъ разныхъ источниковъ до насъ доходятъ слухи о распространяющемся среди болгарской арміи недовольствѣ противъ Россіи.

Полагаемъ, что Болгарское Правительство располагаетъ данными для совершенно иной оцѣнки нашего отношенія къ интересамъ Болгаріи. Насъ утверждаетъ въ этомъ переданный Вами отвѣтъ Софійскаго Кабинета на наше обращеніе по поводу его разногласій съ Сербіей.

Благоволите передать Болгарскому Правительству, что мы ждемъ отъ него привильной оріентаціи болгарскаго общественнаго мнѣнія и настолько вѣримъ государственному смыслу Софійскаго Кабинета, что не можемъ придавать значенія усиліямъ, прилагаемымъ ложными доброжелателями болгаръ, столкнуть съ правильнаго пути Болгарію.

(Подп.) *Сазоновъ.*

---

[1]) Обращаемъ особое вниманіе нашихъ читателей на этотъ сборникъ, который наглядно разъяснитъ ходъ событій на Балканскомъ полуостровѣ.

[2]) См. „Русская Старина", іюль 1915 г.

165.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Посланнику въ Софіи.

С.-Петербургъ, 21 апрѣля 1913 г.

(Телеграмма).

Мы получили отъ Греческаго и Сербскаго Правительствъ сочувственный въ принципѣ отвѣтъ на наше предложеніе объ одновременной демобилизаціи союзниковъ въ моментъ установленія прелиминарныхъ условій мира, съ указаніемъ на необходимость точно установить число войскъ, которое необходимо оставить съ каждой стороны подъ ружьемъ.

Сообщите объ этомъ Болгарскому Правительству и сдѣлайте ему съ нашей стороны соотвѣтствующее предложеніе, присовокупивъ, что мы считаемъ, что подготовили почву для конкретнаго соглашенія, которое остается разработать путемъ личныхъ переговоровъ или свиданіемъ Премьеровъ.

(Подп.) *Сазоновъ.*

166.

Посланникъ въ Бѣлградѣ.

24 апрѣля 1913 г.

(Телеграмма).

Г-нъ Пашичъ глубоко благодаренъ Императорскому Правительству за благожелательное отношеніе къ Сербіи и оцѣнку его усилій согласовать политику Сербіи съ дружескими совѣтами Россіи. Онъ уже выразилъ готовность, какъ сообщалось въ телеграммѣ моей 20 апрѣля, руководствоваться точкой зрѣнія Россіи въ дѣлѣ сербо-болгарскихъ недоразумѣній; но, дабы разъяснить характеръ возникшей распри, дать нравственное удовлетвореніе сербской арміи, умѣрить возбужденіе политическихъ круговъ, наконецъ, дабы сохранить связь съ Греціей, имѣющей тождественные интересы съ Сербіей, и такимъ путемъ облегчить будущую задачу арбитра,—г-нъ Пашичъ считаетъ безусловно необходимымъ предварительный дружескій обмѣнъ взглядовъ между Премьерами всѣхъ союзниковъ или по крайней мѣрѣ ихъ уполномоченныхъ.

(Подп.) *Гартвигъ.*

167.

Посланникъ въ Софіи.

26 апрѣля 1913 г.

(Телеграмма).

Мнѣ необходимо было бы какъ можно скорѣе получить разъясненіе — согласно ли Императорское Правительство немедленно приступить къ арбитражному разбирательству между болгарами и сербами, по первому оффиціальному обращенію къ намъ одной изъ сторонъ, или же мы требуемъ прежде всего непосредственныхъ переговоровъ между обѣими сторонами и лишь въ случаѣ неуспѣха этихъ переговоровъ готовы приступить къ арбитражу? Болгаре считаютъ, что ихъ непосредственные переговоры съ сербами потерпѣли уже неудачу, что всякій новый обмѣнъ мыслей между Софіей и Бѣлградомъ совершенно безцѣленъ, и что Россія, во избѣжаніе все болѣе надвигающейся опасности конфликта между союзниками, должна была бы безъ замедленія приступить къ арбитражу.

(Подп.) *Неклюдовъ.*

168.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Посланнику въ Софіи.

С.-Петербургъ, 27 апрѣля 1913 г.

(Телеграмма).

Въ отвѣтъ на Вашу телеграмму 26 апрѣля спѣшу увѣдомить Васъ, что, по первому оффиціальному обращенію къ намъ одной изъ сторонъ, мы готовы приступить къ арбитражному разбирательству.

(Подп.) *Сазоновъ.*

169.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Посланнику въ Софіи.

С.-Петербургъ, 3 мая 1913 г.

(Телеграмма).

Изъ предшествующей переписки Вы не преминете усмотрѣть, что со своей стороны мы продолжаемъ неизмѣнно придерживаться въ болгаро-сербскомъ спорѣ убѣжденія относительно обязательности для обѣихъ сторонъ связывающаго ихъ договора.

Если въ данномъ случаѣ наша точка зрѣнія фактически соотвѣтствуетъ интересамъ Болгаріи, мы все же признаемъ, что требованія Сербіи не могутъ быть оставлены безъ всякаго вниманія, въ виду тѣхъ основаній моральнаго характера и политической цѣлесообразности, которыя выдвигаются Бѣлградскимъ Кабинетомъ.

Пока мы стоимъ на почвѣ исчисленія вооруженной помощи, оказанной каждой изъ союзныхъ сторонъ другъ другу, аргументы Сербіи представляютъ лишь относительную цѣнность. Значеніе ихъ было признано, однако, въ свое время Софійскимъ Кабинетомъ, пожелавшимъ откупиться деньгами за сербскую помощь при взятіи Адріанополя. Искреннее возмущеніе, вызванное въ Сербіи этимъ предложеніемъ, указываетъ на другую сторону вопроса, которая имѣетъ внутреннее значеніе болѣе серьезное, чѣмъ упомянутые выше аргументы.

Въ самомъ дѣлѣ, если ближе всмотрѣться въ характеръ помощи, оказанной Сербіей болгарамъ, то нельзя не признать, что она являлась не только исполненіемъ формальныхъ обязательствъ, но была одушевлена тѣмъ же энтузіазмомъ, который вкладывался сербами въ осуществленіе собственныхъ національныхъ идеаловъ, въ завоеваніе территорій, безспорно отходящихъ Сербскому Королевству.

Если, на основаніи военныхъ конвенцій, заключенныхъ уже по наступленіи войны, право болгаръ на неограниченную помощь Сербіи представляется, повидимому, несомнѣннымъ, то гораздо болѣе спорнымъ съ точки зрѣнія обоюдныхъ интересовъ являются тѣ цѣли, на которыя Болгарское Правительство требовало напряженія совмѣстныхъ усилій, а именно на завоеваніе Адріанополя и мѣстностей къ югу отъ него лежащихъ,

присоединеніе коихъ не могло учитываться обѣими сторонами при установленіи между ними договора и размежеванія.

Между тѣмъ Сербія не входила въ переговоры и споры по этому вопросу. Ею руководило глубокое сознаніе внутренней солидарности интересовъ обѣихъ славянскихъ странъ. Нельзя не признать и не оцѣнить по достоинству этого мотива, присущаго сербской политикѣ и вызывающаго уваженіе и сочувствіе къ ея руководителямъ.

Мы ждемъ такого же мудраго отношенія со стороны нынѣшняго Софійскаго Кабинета къ своимъ обязанностямъ и задачамъ. Узкій національный эгоизмъ можетъ толкнуть болгаръ на почву непримиримаго и формальнаго толкованія договора. Они могутъ получить при этомъ немного больше территорій, но рискуютъ потерять то, что было самымъ цѣннымъ въ ихъ союзѣ съ сербами,—сознаніе братской солидарности, его скрѣпившей.

Въ судьбахъ Балканскаго Полуострова Болгаріи суждено, быть можетъ, сыграть самую серьезную роль. Но если она не пойметъ необходимости обосновать свое положеніе на чувствахъ солидарности съ единоплеменными и единовѣрными Государствами, то она рискуетъ продать свое первенство ради чечевичной похлебки.

Между тѣмъ Болгарское Правительство должно призадуматься надъ опасностью скрѣпить своихъ союзниковъ и сосѣдей общимъ чувствомъ недовѣрія и подозрѣнія, вмѣсто того чтобы тѣснѣе завязать съ ними отношенія, сулящія въ будущемъ самыя блестящія перспективы развитію Болгаріи.

На одинъ путь зовутъ Болгарію ея ложные доброжелатели, на другой приглашаетъ ее Россія, предостерегая отъ ложнаго и гибельнаго выбора.

Если бы, однако, Болгарія выбрала путь узкаго оппортунизма, то для нея такая политика явилась бы, несомнѣнно, политической авантюрой, на пути коей ее ждали бы одни разочарованія. Ибо окруженная враждебнымъ блокомъ сосѣдей и не находя опоры въ Россіи, Болгарія тщетно искала бы ее у другихъ Державъ. Она не могла бы осуществить тѣхъ задачъ мощнаго развитія, которымъ мы готовы оказывать по-прежнему наше содѣйствіе, если сама Болгарія не дастъ себя сдвинуть на ложный путь.

Всѣ эти общія соображенія выдвигаются теперь при рѣшеніи спора Болгаріи съ Сербіей. Пусть у первой формальныя права,

у второй лишь нравственныя основанія, не менѣе того сильно говорящія чувству и психологіи народа. Болгарія поступитъ мудро, если сама отъ себя признаетъ необходимость нѣкотораго корректива къ договорному размежеванію и пойдетъ хотя бы на небольшія уступки.

Сдѣланныя добровольно, онѣ произведутъ тѣмъ болѣе желательное воздѣйствіе въ Бѣлградѣ и скрѣпятъ по существу союзъ обоихъ Государствъ, безъ чего вообще нельзя говорить объ исполненіи его обязательствъ и въ прошломъ.

Благоволите въ указанномъ выше смыслѣ объясниться какъ съ Г-мъ Гешовымъ, такъ и съ тѣми политическими дѣятелями Болгаріи, взгляды коихъ имѣютъ значеніе для дальнѣйшаго направленія политики ихъ Государства.

Намъ было бы весьма желательно вызвать нынѣшній кабинетъ на обмѣнъ мнѣній для болѣе точнаго опредѣленія той границы съ Сербіей, на которую онъ готовъ былъ бы пойти.

(Подп.) *Сазоновъ.*

170.

Посланникъ въ Софіи.

3 мая 1913 г.

(Телеграмма).

Ссылаюсь на Вашу телеграмму 21 апрѣля.

Руководствуясь полученными указаніями, я уже нѣсколько разъ обращался къ Болгарскому Правительству съ совѣтами относительно демобилизаціи и соглашенія на сей предметъ съ Союзниками. Сегодня Г-нъ Гешовъ заявилъ мнѣ болѣе опредѣленно, чѣмъ въ предшествовавшіе разы, что Болгарія была бы очень рада демобилизаціи на условіяхъ увольненія всѣми воюющими Государствами одинаковыхъ разрядовъ запасныхъ.

(Подп.) *Неклюдовъ.*

171.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Посланнику въ Софіи.

С.-Петербургъ, 7 мая 1913 г.

(Телеграмма).

Вчера здѣшній Болгарскій Посланникъ передалъ мнѣ телеграмму Г-на Гешова, въ коей послѣдній, указывая, что моментъ для нашего арбитража наступилъ, обращается, на основаніи сербо-болгарскаго договора, съ формальною просьбою о нашемъ арбитражѣ.

Вслѣдствіе сего Вы можете заявить, что обращеніе Болгарскаго Правительства нами принимается, что мы при этомъ подтверждаемъ извѣстную ему нашу точку зрѣнія на право Болгаріи опираться въ вопросѣ о размежеваніи на соотвѣтствующія указанія договора.

Давъ Г-ну Гешову успокоительныя завѣренія въ означенномъ смыслѣ, укажите ему на слѣдующія обстоятельства:

Исполненіе обязанности третейскаго судьи является, разумѣется, очень для насъ тяжелымъ. Мы отъ него не уклоняемся, единственно ради сохраненія мира и крѣпости балканскаго союза.

Если мы увѣрены въ томъ, что Болгарія подчинится нашему рѣшенію, каковое въ данномъ случаѣ благопріятствуетъ ея интересамъ, то намъ необходимо заручиться увѣренностью, что это рѣшеніе будетъ выполнено и Сербіей. Между тѣмъ главнымъ затрудненіемъ въ настоящую минуту является давленіе въ союзныя Правительства армій и ихъ военачальниковъ. Вотъ почему мы придаемъ особое значеніе нашему предложенію объ одновременномъ, равномѣрномъ сокращеніи вооруженій послѣ подписанія прелиминарнаго договора. Наиболѣе пріемлемой формулой было бы соглашеніе на почвѣ доведенія союзныхъ армій Болгаріи, Сербіи и Греціи до 1/3 или 1/4 нынѣшняго ихъ состава. Съ соотвѣтствующимъ предложеніемъ мы обращаемся въ Бѣлградъ и Аѳины.

Далѣе, недостаточно направленіе сербо-болгарскаго спора въ русло арбитража. Такое же направленіе надлежитъ дать и болгаро-греческому спору.

Сообщите намъ взглядъ Г-на Гешова на указанныя выше соображенія и обратите его вниманіе на то, что, по соображе-

ніямъ формальнаго характера, приступить къ арбитражу будетъ возможно лишь по подписаніи мира съ Турціей, ибо до этого не можетъ состояться окончательный раздѣлъ спорныхъ территорій между союзниками.

(Подп.) *Сазоновъ.*

172.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Посланнику въ Аѳинахъ.

С.-Петербургъ, 8 мая 1913 г.

(Телеграмма).

Имѣемъ основаніе думать, что Болгарія, основываясь на точномъ условіи своего договора съ Сербіей, обратится въ ближайшемъ времени къ арбитражу Императорскаго Правительства, который мы не можемъ не принять.

Если, одновременно съ этимъ, рѣшеніе греко-болгарскихъ разногласій не получитъ опредѣленнаго направленія, Греція можетъ оказаться въ менѣе выгодномъ положеніи по отношенію къ Болгаріи, ибо останется изолированною.

Въ виду этого мы полагаемъ, что въ ея интересахъ было бы нынѣ же или придти къ непосредственному соглашенію съ Болгаріей, или, уговорившись съ нею, передать рѣшеніе своихъ разногласій на судъ Державъ.

Подобное одновременное направленіе всѣхъ разногласій между союзниками на разрѣшеніе мирнымъ путемъ обезпечило бы ихъ отъ тягостной опасности междоусобной войны и дозволило бы Державамъ воздѣйствовать на закрѣпленіе между ними узъ политическаго и экономическаго характера.

Вмѣстѣ съ принятіемъ рѣшенія объ арбитражѣ желательно, на нашъ взглядъ, придти къ соглашенію объ одновременномъ равномѣрномъ сокращеніи союзныхъ армій—доведеніемъ ихъ до $^1/_3$ или $^1/_4$ нынѣшняго ихъ состава.

Это рѣшеніе, содѣйствуя задачѣ арбитровъ, облегчило бы и примирительныя усилія союзныхъ Правительствъ, находящихся нынѣ подъ давленіемъ военныхъ круговъ.

Поручаемъ Вамъ, указавъ на дружескій и благожелательный характеръ нашихъ совѣтовъ, объясниться въ указанномъ смыслѣ съ Греческимъ Правительствомъ.

(Подп.) *Сазоновъ.*

173.

Посланникъ въ Бѣлградѣ.

11 мая 1913 г.

(Телеграмма).

Столкновенія между греческими и болгарскими войсками принимаютъ все большіе размѣры. По полученнымъ свѣдѣніямъ болгары съ одной стороны перешли въ наступленіе черезъ Ангисту, съ другой черезъ Струму и заняли Нигриту, оттѣснивъ грековъ. Аѳинскій Кабинетъ въ большомъ безпокойствѣ проситъ Сербію о помощи, что ставитъ здѣшнее Правительство въ крайне затруднительное положеніе. Политическіе круги сильно возбуждены, опасаясь намѣренія болгаръ расправляться со своими союзниками порознь. Г-нъ Пашичъ сдѣлалъ серьезныя представленія въ Софіи и проситъ о поддержкѣ этихъ представленій нами.

(Подп.) *Гартвигъ.*

174.

Посланникъ въ Букарестѣ.

12 мая 1913 г.

(Телеграмма).

Г-нъ Таке Іонеско сообщилъ мнѣ сегодня, что, въ случаѣ вооруженнаго столкновенія между союзниками, Румынія не останется нейтральною. На вопросъ, какое она приметъ положеніе, мой собесѣдникъ отвѣтилъ, что по этому поводу не принято еще окончательнаго рѣшенія. По словамъ Министра, Румынія будетъ, въ такомъ случаѣ, поставлена въ крайне затруднительное и щекотливое положеніе, въ виду чего здѣсь питаютъ искреннюю надежду на мирный исходъ переговоровъ между союзниками. Румынія обсудила даже возможность единоличнаго выступленія, дабы побудить союзниковъ не затѣвать новой войны, послѣдствія которой не поддаются учету.

(Подп.) *Шебеко.*

175.

Посланникъ въ Аѳинахъ.

12 мая 1913 г.

(Телеграмма).

Въ бесѣдѣ съ однимъ изъ моихъ иностранныхъ сотоварищей Г-нъ Венизелосъ заявилъ, что, въ случаѣ, если возгорѣлась бы война съ Болгаріею, Сербія, по всей вѣроятности, приметъ въ ней участіе совмѣстно съ Греціею. Считаю заявленіе это въ устахъ Греческаго Премьера крайне важнымъ, ибо оно является первымъ съ его стороны намекомъ если не на состоявшееся уже греко-сербское соглашеніе, то, по крайней мѣрѣ, на кооперацію греческихъ и сербскихъ вооруженныхъ силъ.

(Подп.) *Демидовъ.*

176.

Посланникъ въ Софіи.

13 мая 1913 г.

(Телеграмма).

Съ момента полученія извѣстій о столкновеніяхъ между греческими и болгарскими войсками я не переставалъ самымъ энергичнымъ образомъ настаивать на немедленномъ упорядоченіи положенія. Въ субботу Г-нъ Гешовъ отдалъ категорическое приказаніе прекратить стрѣльбу. Вчера, послѣ моего свиданія съ Королемъ, Его Величество подтвердилъ лично это приказаніе Генераламъ Савову и Иванову, уполномочивъ послѣдняго немедленно условиться съ греками о демаркаціонной линіи. Г-нъ Сарафовъ находится въ Working Соресѣ и приметъ участіе въ этихъ переговорахъ.

(Подп.) *Неклюдовъ.*

177.

Посланникъ въ Софіи.

13 мая 1913 г.

(Телеграмма).

Получилъ Вашу телеграмму 7 мая.

Софійскій Кабинетъ съ благодарностью принимаетъ нашъ арбитражъ, вполнѣ оцѣнивая всю тяжесть, которую Императорское Правительство беретъ на себя ради сохраненія мира балканскаго союза.

Болгарія съ готовностью соглашается на сведеніе своей арміи къ трети и даже четверти нынѣшняго ея состава, если Сербія и Греція согласны сдѣлать то же самое. Что касается передачи греко-болгарскаго размежеванія на арбитражъ, то Г-нъ Гешовъ считаетъ этотъ шагъ еще преждевременнымъ и желалъ бы обождать результатовъ миссіи Г-на Сарафова, который, послѣ установленія демаркаціонной зоны, выѣдетъ изъ Сереса въ Аѳины для оффиціальныхъ переговоровъ съ Г-мъ Венизелосомъ. Г-нъ Гешовъ сегодня оффиціально заявилъ мнѣ о своемъ согласіи съѣхаться на свиданіе съ Г-омъ Пашичемъ на сербо-болгарской границѣ.

(Подп.) *Неклюдовъ.*

178.

Посланникъ въ Софіи.

14 мая 1913 г.

(Телеграмма).

Я только-что освѣдомился, что Г-нъ Пашичъ и Г-нъ Гешовъ условились съѣхаться на границѣ въ пятницу или субботу. Я опасаюсь, что сербы не пойдутъ навстрѣчу небольшихъ уступокъ съ болгарской стороны, а большихъ болгары не сдѣлаютъ. Сосредоточеніе войскъ на сербской границѣ лихорадочно продолжается. Но главная и непосредственная опасность, по-моему, на югѣ, гдѣ прямо таки перепутаны греческія позиціи съ болгарскими.

(Подп.) *Неклюдовъ.*

179.

Посланникъ въ Аѳинахъ.

12 мая 1913 г.

(Телеграмма).

Греческое Правительство передало мнѣ письменный отвѣтъ на наши предложенія. Выражая благодарность Императорскому Правительству за его дружескіе совѣты, Аѳинскій Кабинетъ указываетъ на то, что онъ уже давно предлагаетъ Болгаріи приступить къ разрѣшенію вопроса о размежеваніи и передать на арбитражъ пункты, по которымъ соглашеніе не могло бы быть достигнуто. По мысли Греческаго Правительства, переговоры должны вестись сообща между всѣми четырьмя союзниками. Въ соотвѣтствіи съ симъ Греческое Правительство сочувственно относится къ одновременному направленію сербо-болгарскихъ и греко-болгарскихъ разногласій въ русло арбитража. Въ заключеніе указывается на желательность точнаго установленія зонъ оккупаціи до приступа къ сокращенію вооруженій.

(Подп.) *Демидовъ.*

180.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Посланнику въ Аѳинахъ.

С.-Петербургъ, 14 мая 1913 г.

(Телеграмма).

Передаваемый въ Вашей телеграммѣ 12 мая отвѣтъ Греціи по существу уклончивъ.

Между тѣмъ время не терпитъ. Требованіе обсужденія всѣхъ вопросовъ сообща четырьмя союзниками не имѣетъ, по нашему мнѣнію, правового обоснованія, ибо Греція не можетъ притязать на участіе въ толкованіи договора между Сербіей и Болгаріей, точно предусматривающаго ихъ взаимныя обязательства и размежеваніе.

Внутренняя связь, существующая между взаимными отношеніями союзниковъ, можетъ быть установлена только одновре-

меннымъ направленіемъ въ русло арбитражныхъ рѣшеній обоихъ вопросовъ.

Указаніе Греческаго Правительства на желательность точнаго установленія зонъ оккупаціи до приступа къ сокращенію вооруженій представляется намъ основательнымъ.

(Подп.) *Сазоновъ.*

181.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Посланникамъ въ Бѣлградѣ и Аѳинахъ.

С.-Петербургъ, 14 мая 1913 г.

(Телеграмма).

Сербское и Греческое Правительства ведутъ, повидимому, уклончивую и опасную игру, заявляя намъ о своихъ мирныхъ намѣреніяхъ и въ то же время уклоняясь отъ прямыхъ и опредѣленныхъ отвѣтовъ на наши представленія, дѣятельно готовясь къ совмѣстной борьбѣ противъ Болгаріи.

Мы не можемъ не предостеречь оба Правительства противъ гибельныхъ результатовъ такой политики и поручаемъ Вамъ сдѣлать Министру Иностранныхъ Дѣлъ самое серьезное представленіе въ указанномъ смыслѣ.

(Подп.) *Сазоновъ.*

182.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Посланнику въ Софіи.

С.-Петербургъ, 14 мая 1913 г.

(Телеграмма).

Болгарское Правительство обратилось къ намъ съ просьбою о скорѣйшемъ нашемъ воздѣйствіи на Бѣлградскій и Аѳинскій Кабинеты въ видахъ предотвращенія ужаса междоусобія. Между тѣмъ острота положенія въ значительной степени создана самими болгарами, ихъ упорнымъ нежеланіемъ входить въ какіе-либо переговоры со своими союзниками.

Успѣхъ нашихъ примирительныхъ усилій также въ рукахъ балгаръ.

Договорная граница представляетъ, между прочимъ, неудобства весьма кривыхъ линій, при чемъ во многихъ мѣстахъ болгарская территорія врѣзывается въ сербскую. Какъ ни тщательно была въ свое время произведена работа размежеванія, послѣднее все же представлялось въ то время до извѣстной степени академическимъ; идея размежеванія сферъ вліянія преобладала надъ принципомъ территоріальнаго разграниченія.

Всѣ эти соображенія нельзя не имѣть въ виду. Если бы Болгарія согласилась на проведеніе болѣе прямой границы, мы получили бы въ руки аргументы, при помощи коихъ наше воздѣйствіе на Сербское Правительство могло бы привести къ желаемымъ результатамъ.

Крайне желательно склонить Болгарское Правительство на опредѣленное и по возможности скорое рѣшеніе, при чемъ конечно желательно не навязывать ему, а отъ него самого получить признаніе необходимости тѣхъ или иныхъ уступокъ.

(Подп.) *Сазоновъ.*

183.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Посланнику въ Аѳинахъ.

С.-Петербургъ, 15 мая 1913 г.

(Телеграмма).

Болгарское Правительство изъявило намъ полную готовность довести армію до 1/3 и 1/4 нынѣшняго состава, Сербія согласилась довести численность своей арміи до 80—100 тысячъ, что равняется приблизительно 1/3 ея состава.

Въ настоящее время задержка только за Греціей, которая не даетъ такого же опредѣленнаго отвѣта.

Благоволите обратить вниманіе Греческаго Правительства на опасность проволочки, которая сдѣлала бы ее отвѣтственною за осложненія.

(Подп.) *Сазоновъ.*

184.

Посолъ въ Константинополѣ.

16 мая 1913 г.

(Телеграмма).

Въ бесѣдѣ съ однимъ изъ моихъ иностранныхъ сотоварищей Великій Визирь высказалъ предположеніе, что подписаніе предварительныхъ условій мира не измѣнитъ положенія вещей въ Чаталджѣ. Онъ не намѣревается удалить оттуда турецкую армію, такъ какъ не исключаетъ возможности возобновленія военныхъ дѣйствій. Великій Визирь предвидитъ возможность войны между вчерашними союзниками и хочетъ быть готовымъ къ могущимъ произойти событіямъ.

(Подп.) *М. Гирсъ.*

185.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Посланнику въ Софіи.

С.-Петербургъ, 17 мая 1913 г.

(Телеграмма).

Ссылаюсь на телеграмму Посла въ Константинополѣ 16 мая. Обратите серьезное вниманіе Болгарскаго Правительства на опасность съ стороны Турціи, коей подверглась бы Болгарія въ случаѣ конфликта со своими союзниками. Такое же опасное для Болгаріи настроеніе наблюдаемъ и въ Румыніи.

(Подп.) *Сазоновъ.*

186.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Посланникамъ въ Софіи, Бѣлградѣ и Аѳинахъ. Сообщается въ Цетинье.

С.-Петербургъ, 17 мая 1913 г.

(Телеграмма).

Поручаемъ Вамъ сдѣлать нижеслѣдующее сообщеніе Правительству, при коемъ Вы аккредитованы.

Съ начала возникновенія разногласій между союзниками мы настаивали на личныхъ свиданіяхъ между Премьерами.

Поэтому мы привѣтствуемъ предстоящее свиданіе Г-на Гешова съ Г-номъ Пашичемъ и усиленно совѣтуемъ, чтобы состоялось свиданіе Г-на Гешова съ Г-номъ Венизелосомъ.

Если бы, однако, свиданія эти не привели къ налаженію непосредственныхъ переговоровъ, то Россія, не допуская возможности междоусобной войны и возлагая отвѣтственность на ту сторону, которая отказалась бы отъ примирительныхъ способовъ рѣшенія, приглашаетъ Предсѣдателей Совѣтовъ Министровъ Болгарскаго, Сербскаго и Греческаго съѣхаться въ Петербургѣ для установленія, при посредствѣ Россіи, общихъ началъ, долженствующихъ возстановить миръ и укрѣпить союзъ на Балканахъ.

Въ виду того, что у Черногоріи нѣтъ разногласій съ союзниками, нѣтъ основанія для приглашенія ея Представителя, но, если бы она или союзники выразили соотвѣтствующее желаніе, мы не встрѣтили бы препятствій къ приглашенію и Черногорскаго Представителя.

(Подп.) *Сазоновъ*.

187.

Посланникъ въ Бѣлградѣ.

17 мая 1913 г.

(Телеграмма).

Я не преминулъ объясниться съ Г-номъ Пашичемъ по содержанію Вашей телеграммы 14 мая. Онъ категорически отрицаетъ существованіе у Сербіи какихъ-либо замысловъ противъ Болгаріи, которую онъ настоятельно, по совѣтамъ Россіи, приглашаетъ на дружественное совѣщаніе.

(Подп.) *Гартвигъ*.

188.

Посланникъ въ Аѳинахъ.

17 мая 1913 г.

(Телеграмма).

Получилъ Вашу телеграмму 15 мая.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ заявилъ мнѣ въ категорической формѣ о согласіи Греческаго Правительства на равномѣрное сокращеніе численности своей арміи, хотя, по его мнѣ-

нію, занятіе Эпира потребуетъ нѣкотораго увеличенія контингентовъ, остающихся подъ ружьемъ. Онъ снесся по этому поводу съ Королемъ, находящимся въ Салоникахъ, отвѣтъ Коего немедленно сообщу. Министръ желалъ бы быть освѣдомленнымъ о точной цифрѣ оставляемыхъ Болгаріей войскъ.

(Подп.) *Демидовъ.*

189.

Посланникъ въ Софіи.

17 мая 1913 г.

(Телеграмма).

Ссылаюсь на Вашу телеграмму 14 мая.

Въ бесѣдахъ съ Г-номъ Гешовымъ я самымъ настоятельнымъ образомъ возобновилъ ему наши убѣжденія, чтобы Болгарское Правительство согласилось на нѣкоторыя уступки въ пользу сербовъ, а также вступило въ немедленные переговоры по существу размежеванія съ греками. Я указалъ на всѣ опасности, сопряженныя съ дальнѣйшею неуступчивостью и промедленіями, на финансовое, матеріальное и нервное истощеніе Болгаріи; на жестокость требовать новыхъ жертвъ и новыхъ усилій отъ народа и войска, столько уже давшихъ и столь претерпѣвшихъ. Г-нъ Гешовъ обѣщалъ мнѣ не замедлить рѣшительнымъ отвѣтомъ.

(Подп.) *Неклюдовъ.*

190.

Управляющій Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ Посланникамъ въ Софіи, Бѣлградѣ и Аѳинахъ.

С.-Петербургъ, 13 мая 1913 г.

(Телеграмма).

Сдѣланное нами предложеніе о равномѣрномъ сокращеніи союзныхъ армій получило принципіальное согласіе союзниковъ. Болгарія согласна на доведеніе до $^1/_3$ или $^1/_4$ нынѣшняго состава, Сербія согласна на сохраненіе 80—100 тысячной арміи,

что равняется приблизительно $1/3$ ея арміи. Греческій Министръ Иностранныхъ Дѣлъ, заявивъ, что снесется съ Королемъ, выразилъ принципіально согласіе на доведеніе греческой арміи приблизительно до размѣровъ сербской и просилъ освѣдомиться, въ какой цифрѣ выразилось бы сокращеніе состава болгарской арміи, по доведеніи ея до $1/3$.

Полагаемъ, что теперь, когда предварительный миръ подписанъ, желательно приступить конкретно къ осуществленію нашего предложенія.

Въ виду происходящихъ нынѣ въ Солуни переговоровъ о размежеваніи зонъ оккупаціи между болгарами и греками, не признаютъ ли союзники возможнымъ тамъ же договориться и о сокращеніи состава армій, при чемъ Сербія могла бы командировать своего уполномоченнаго въ этотъ городъ.

Благоволите сдѣлать представленіе Правительству, при коемъ Вы аккредитованы, о желательности скорѣйшаго соглашенія, хотя бы по этимъ предварительнымъ вопросамъ, при чемъ, если они не смогутъ договориться непосредственно, мы готовы оказать имъ полное содѣйствіе съ нашей стороны.

(Подп.) *Нератовъ.*

191.

Посланникъ въ Софіи.

18 мая 1913 г.

(Телеграмма).

Сегодня я передалъ Г-ну Гешову содержаніе Вашей телеграммы 17 мая. Онъ относится сочувственно къ нашему приглашенію и испроситъ немедленно согласія Кабинета и Короля. Считаю совершенно необходимымъ, въ случаѣ окончательнаго согласія трехъ Балканскихъ Правительствъ, чтобы поѣздка Премьеровъ въ Петербургъ состоялась какъ можно скорѣе, т.-е. тотчасъ по свиданіи Г-на Гешова съ Г-номъ Пашичемъ и не дожидаясь свиданія его съ Г-номъ Венизелосомъ. Время положительно не терпитъ.

(Подп.) *Неклюдовъ.*

192.

Посланникъ въ Софіи.

18 мая 1913 г.

(Телеграмма).

Ссылаясь на свою телеграмму 17 мая.

Вчера Г-нъ Гешовъ представилъ Королю отставку Кабинета. Мотивировка: окончаніе войны съ Турціею и представленіе возможности привлечь всѣ партіи къ рѣшенію вопроса о распрѣ съ союзниками. Король не далъ еще отвѣта. Надѣюсь однако, что предложеніе Ваше пригласить въ Петербургъ трехъ Премьеровъ устранитъ Министерскій кризисъ и Г-нъ Гешовъ останется у власти.

(Подп.) *Неклюдовъ.*

193.

Посланникъ въ Бѣлградѣ.

18 мая 1913 г.

(Телеграмма).

Я объяснился съ Г-номъ Пашичемъ по содержанію Вашей телеграммы 17 мая. Онъ крайне обрадованъ приглашеніемъ и выражаетъ глубокую признательность за благожелательное попеченіе Императорскаго Правительства. — Въ собесѣдованіи Премьеровъ подъ руководствомъ Россіи онъ видитъ вѣрное средство къ разрѣшенію недоразумѣній и закрѣпленію балканскаго союза. Къ вечеру Г-нъ Пашичъ уже получилъ согласіе Короля и Кабинета, которые сочувственно отнеслись къ нашему предложенію.

(Подп.) *Гартвигъ.*

194.

Посланникъ въ Аѳинахъ.

18 мая 1913 г.

(Телеграмма).

Я объяснился съ Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ въ смыслѣ Вашей телеграммы 17 мая. Онъ сочувственно относится къ нашимъ предложеніямъ и глубоко Вамъ благодаренъ

за этотъ новый знакъ нашей дружбы. Встрѣча четырехъ Премьеровъ всегда отвѣчала пожеланіямъ Греческаго Правительства, но не удавалась вслѣдствіе сопротивленія Болгаріи.

Какъ только вернется Г-нъ Венизелосъ, сообщу ему наше предложеніе и полагаю, что общее обсужденіе ему болѣе придется по душѣ, нежели отдѣльный разговоръ съ Г-номъ Гешовымъ. Отвѣтъ Короля еще не поступалъ по вопросу о демобилизаціи.

(Подп.) *Демидовъ.*

195.

Повѣренный въ Дѣлахъ въ Цетинье.

19 мая 1913 г.

(Телеграмма).

Я не преминулъ ознакомить Министра Иностранныхъ Дѣлъ съ содержаніемъ Вашей телеграммы 17 мая. Онъ сообщилъ мнѣ сегодня, что его Правительство намѣрено, въ случаѣ созванія въ Петербургѣ совѣщанія Первыхъ Министровъ союзныхъ Балканскихъ государствъ, возбудить ходатайство о привлеченіи къ этому совѣщанію также и черногорскаго делегата, дабы имѣть возможность съ своей стороны поддержать союзниковъ.

(Подп.) *Обнорскій.*

196.

Посланникъ въ Аѳинахъ.

19 мая 1913 г.

(Телеграмма).

Я объяснился съ Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ въ смыслѣ телеграммы Вашей 18 мая.

Принявъ принципъ сокращенія состава арміи и не возражая противъ немедленнаго приступа къ этой мѣрѣ, Министръ выразилъ мнѣ, что находящійся уже въ Салоникахъ Полковникъ Васичъ могъ бы успѣшно выполнить роль сербскаго уполномоченнаго. Имѣя въ виду, что болгарская система ком-

плектованія въ военное время разнится съ греческой и сербской, Министръ повторилъ просьбу освѣдомить его о цифрѣ болгарскихъ войскъ, долженствующихъ остаться подъ ружьемъ.

(Подп.) *Демидовъ.*

197.

Посланникъ въ Софіи.

20 мая 1913 г.

(Телеграмма).

Я объяснился съ Г-номъ Гешовымъ по содержанію Вашей телеграммы 18 мая. Онъ обѣщалъ мнѣ не замедлить окончательнымъ рѣшеніемъ Правительства, лишь только вернется Г-нъ Даневъ. Въ то же время Г-нъ Гешовъ замѣтилъ, что отвѣтъ грековъ кажется уклончивымъ и скрываетъ намѣреніе оставить подъ ружьемъ болѣе половины войска. Но главнымъ условіемъ для разоруженія Болгаріи является разоруженіе Турціи.

(Подп.) *Неклюдовъ.*

198.

Посланникъ въ Бѣлградѣ.

20 мая 1913 г.

(Телеграмма).

Г-нъ Пашичъ сообщилъ мнѣ, что во время личныхъ объясненій въ Царибродѣ съ г-омъ Гешовымъ, послѣдній склонялся къ мысли о необходимости свиданія четырехъ Премьеровъ для совмѣстнаго обсужденія интересующихъ ихъ вопросовъ, заявивъ однако, что по совѣту Россіи они должны предварительно повидаться съ г-мъ Венизелосомъ. На это г-нъ Пашичъ возразилъ, что если состоится общій съѣздъ, то они всегда найдутъ время и для сепаратнаго обмѣна мнѣній. Важно ускорить дѣло, ибо настоящее положеніе тяжело отзывается на всѣхъ. Г-нъ Гешовъ согласится, вѣроятно, отказаться отъ предварительной встрѣчи съ г-омъ Венизелосомъ. Принципіально рѣшено съѣхаться въ Салоникахъ, но пунктъ этотъ долженъ быть выбранъ съ общаго согласія. И г-нъ Гешовъ и

г-нъ Пашичъ признаютъ желательнымъ участіе Черногорскаго Премьера. Относительно приглашенія въ Петербургъ, на которое Сербы съ благодарностью уже согласились, г-нъ Гешовъ сказалъ, что лично сочувствуетъ этому, но долженъ еще испросить согласіе коллегъ по Кабинету и Короля.

(Подп.) *Гартвигъ.*

199.

Посланникъ въ Софіи.

20 мая 1913 г.

(Телеграмма)

На свиданіи двухъ Премьеровъ въ Царибродѣ обѣими сторонами было указано на Салоники какъ на возможное мѣсто свиданія 4-хъ Премьеровъ. Въ случаѣ если бы они тамъ не пришли къ соглашенію, то могли бы всѣ вмѣстѣ прибыть въ С.-Петербургъ. Подобная комбинація отвѣчаетъ нашимъ первоначальнымъ совѣтамъ, чтобы Союзники попытались устроить дѣло между собою и лишь въ случаѣ разногласій перенесли вопросъ на нашъ арбитражъ.

(Подп.) *Неклюдовъ.*

200.

Товарищъ Министра Иностранныхъ Дѣлъ Пословъ въ Лондонѣ и Парижѣ.

С.-Петербургъ, 21 мая 1913 г.

(Телеграмма).

Ссылаюсь на мою телеграмму 18 мая.

Мы придаемъ большое значеніе равномѣрному сокращенію численнаго состава союзныхъ армій, какъ первому шагу къ миролюбивому разрѣшенію возникшихъ между ними разногласій. Между тѣмъ, главнымъ условіемъ для принятія этой мѣры болгарами является разоруженіе турецкихъ войскъ, къ демобилизаціи коихъ еще не приступлено. Въ виду сего считаемъ своевременнымъ возбудить въ совѣщаніи Пословъ въ Лондонѣ вопросъ о томъ, не признаютъ ли Державы возможнымъ предложить воюющимъ приступить къ сокращенію численности своихъ армій.

(Подп.) *Нератовъ.*

201.

Товарищъ Министра Иностранныхъ Дѣлъ Посланникамъ въ Софіи, Бѣлградѣ, Аѳинахъ и Цетинье.

С.-Петербургъ, 21 мая 1913 г.

(Телеграмма).

Ссылаюсь на телеграмму Посланника въ Софіи 20 мая.

Искренне привѣтствуемъ принятое г.г. Пашичемъ и Гешовымъ рѣшеніе о съѣздѣ четырехъ Премьеровъ въ Салоникахъ.

Поручаемъ Вамъ преподать Правительству, при коемъ Вы аккредитованы, нашъ дружескій совѣтъ въ томъ смыслѣ, чтобы заранѣе было оффиціально заявлено, что свиданіе въ Солуни является первымъ, но не послѣднимъ и заранѣе предусмотрѣно было продолженіе переговоровъ въ иномъ мѣстѣ.

Это важно во избѣжаніе нежелательнаго для союзниковъ толкованія, въ случаѣ неудачи въ Солуни и перенесенія переговоровъ въ С.-Петербургъ.

Мы ожидаемъ отъ испытанной мудрости Премьеровъ, что, въ случаѣ если бы какой-либо вопросъ возбудилъ опасеніе остраго разногласія, онъ тотчасъ былъ бы снятъ съ очереди и оставленъ до обсужденія въ Петербургѣ.

При указанныхъ условіяхъ опасности предварительнаго свиданія въ Солуни могли бы быть избѣгнуты. Если же оно привело бы къ благопріятному исходу, то мы, само собою разумѣется, могли бы только привѣтствовать подобное доказательство политической зрѣлости союзниковъ.

(Подп.) *Нератовъ.*

202.

Посланникъ въ Букарестѣ.

23 мая 1913 г.

(Телеграмма).

Букарестскій Кабинетъ уклоняется, повидимому, отъ обсужденія съ балканскими союзниками положенія, которое Румынское Правительство намѣревается занять въ случаѣ вооруженнаго между ними конфликта.

Г-нъ Маіореско сказалъ мнѣ вчера, что въ такомъ случаѣ Румынія немедленно мобилизируетъ свою армію. Онъ сдѣлалъ то же заявленіе Сербскому и Болгарскому Представителямъ. Г-нъ Маіореско надѣется, что это сообщеніе побудитъ ихъ быть болѣе сговорчивыми и будетъ способствовать сохраненію мира. Общественное мнѣніе здѣсь высказывается въ пользу сближенія съ Сербіей и Греціей въ противовѣсъ усиленію Болгаріи.

(Подп.) *Шебеко.*

203.

Посланникъ въ Аѳинахъ.

23 мая 1913 г.

(Телеграмма).

Получилъ Вашу телеграмму 21 мая. Греческое Правительство ждетъ лишь отвѣта Болгаріи, чтобы тотчасъ приступить къ предположенной мѣрѣ. Греческій Министръ Иностранныхъ Дѣлъ усматриваетъ, какъ и мы, въ Салоникскомъ свиданіи первый лишь этапъ и полагаетъ желательнымъ, чтобы попытка эта отнюдь не считалась окончательной. На его взглядъ, собесѣдованіе это наконецъ выяснитъ болгарскія требованія и поставитъ на очередь нѣкоторые принципіальные вопросы, самымъ чреватымъ изъ коихъ является греко-сербское территоріальное соприкосновеніе. Г-нъ Коромиласъ не расчитываетъ на полный успѣхъ свиданія, но и не столь уже опасается неминуемыхъ разногласій. Главную услугу предстоящей встрѣчи онъ видитъ въ ясной и опредѣленной постановкѣ вопроса, въ точномъ ознакомленіи съ вожделѣніями каждаго изъ союзниковъ съ гарантіей отъ разрыва—въ будущемъ обсужденіи въ Петербургѣ, котораго избѣжать не удастся.

(Подп.) *Демидовъ.*

204.

Товарищъ Министра Иностранныхъ Дѣлъ Посланникамъ въ Софіи и Бѣлградѣ.

С.-Петербургъ, 24 мая 1913 г.

(Телеграмма).

Въ личныхъ объясненіяхъ съ болгарскими государственными людьми Вы могли бы разъяснить имъ, что наши совѣты болгарамъ о добровольныхъ уступкахъ въ пользу Сербіи не

суть еще осуществленіе нашего арбитража, но являются попытками привести обѣ стороны къ непосредственному полюбовному размежеванію.

Балканскія Государства видимо стали на нашу точку зрѣнія, согласившись о свиданіи въ Солуни Премьеровъ, послѣ коего они могли бы съѣхаться въ Петербургѣ. Не отрицая того, что оба арбитража сербо-болгарскій и греко-болгарскій должны производиться, хотя одновременно, совершенно отдѣльно, мы полагаемъ, что у всѣхъ четырехъ союзниковъ есть общіе интересы, которые необходимо подвергнуть совмѣстному разсмотрѣнію, даже если въ совѣщаніи Премьеровъ не будутъ затронуты вопросы территоріальнаго размежеванія.

(Подп.) *Нератовъ.*

205.

Посланникъ въ Софіи.

24 мая 1913 г.

(Телеграмма).

Окончательнаго рѣшенія по вопросу объ отставкѣ Кабинета еще не послѣдовало. Вопросъ о свиданіи четырехъ Премьеровъ не можетъ быть разрѣшенъ вслѣдствіе партійныхъ разногласій относительно ближайшаго направленія болгарской политики. За послѣдніе дни воинственное настроеніе здѣсь значительно обострилось. Даже убѣжденные сторонники полюбовныхъ переговоровъ съ Сербіей и Греціей наотрѣзъ отказываются принять во вниманіе такія территоріальныя требованія сербовъ, которыя захватывали бы часть „безспорной“ зоны. Я все это время продолжаю настойчиво указывать болгарамъ всѣхъ партій на опасности, надвигающіяся со стороны Букареста и въ особенности Турціи, но они не вѣрятъ онымъ и убѣждены въ возможности придти къ соглашенію съ Румынскимъ Правительствомъ.

(Подп.) *Неклюдовъ.*

206.

Товарищъ Министра Иностранныхъ Дѣлъ Россійскимъ Представителямъ въ Константинополѣ, Бѣлградѣ, Софіи, Аѳинахъ и Цетинье.

С.-Петербургъ, 25 мая 1913 г.

(Телеграмма).

Согласно предложенію нашего Посла, совѣщаніе Пословъ въ Лондонѣ приняло резолюцію пригласить воюющихъ приступить къ немедленному сокращенію своихъ армій.

Поручаемъ Вамъ сдѣлать представленіе въ этомъ смыслѣ Правительству, при коемъ Вы аккредитованы, какъ только Ваши коллеги получатъ соотвѣтствующія инструкціи.

Полагаемъ желательнымъ безотлагательное назначеніе воюющими уполномоченныхъ для установленія по сему предмету точнаго соглашенія.

(Подп.). *Нератовъ.*

207.

Товарищъ Министра Иностранныхъ Дѣлъ Посланнику въ Софіи.

С.-Петербургъ, 25 мая 1913 г.

(Телеграмма).

Благоволите сообщить Болгарскому Правительству резолюцію совѣщанія Пословъ въ Лондонѣ по вопросу о сокращеніи армій и спросить, въ чемъ теперь задержка со стороны Болгаріи для приступа къ этой мѣрѣ, одновременно съ союзниками.

Предложеніе это было нами въ свое время сдѣлано по просьбѣ Болгаріи, которая, повидимому, нынѣ уклоняется отъ его выполненія, равно какъ отъ свиданія въ Солуни четырехъ Премьеровъ, о чемъ г-нъ Гешовъ, однако, уже согласился съ г-омъ Пашичемъ. Обратите вниманіе Болгарскаго Правительства на неблагопріятное впечатлѣніе, создающееся отъ таковой уклончивости.

(Подп.) *Нератовъ.*

208.

Посланникъ въ Софіи.

26 мая 1913 г.

(Телеграмма).

Содержаніе Вашей телеграммы 25 мая мною передано г-ну Гешову. Онъ отвѣтилъ мнѣ, что вопросъ о сокращеніи боевого состава армій переданъ былъ имъ на разсмотрѣніе Главной Квартиры, но послѣдняя до сихъ поръ не даетъ своего отзыва. Что же касается встрѣчи четырехъ Премьеровъ, то этотъ вопросъ представляетъ собою именно одно изъ главныхъ обстоятельствъ, вызвавшихъ министерскій кризисъ, въ виду несговорчивости нѣкоторыхъ членовъ Кабинета.

(Подп.) *Неклюдовъ.*

209.

Телеграмма ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА Ихъ Величествамъ Царю Болгарскому и Королю Сербскому.

Москва, 26 мая 1913 г.

La nouvelle de l'entrevue, projetée à Salonique, entre les Ministres Présidents des quatre pays alliés, qui pourraient ensuite se rencontrer à St. Pétersbourg, M'a fait le plus grand plaisir, cette intention semblant indiquer le désir des Etats Balcaniques de s'entendre et de consolider l'alliance qui jusqu'à présent a donné les résultats les plus brillants.

C'est avec un sentiment pénible que J'apprends que cette décision n'a pas encore été mise à exécution et que les Etats Balcaniques paraissent se préparer à une guerre fratricide, capable de ternir la gloire qu'ils ont acquise en commun.

Dans un moment aussi grave J'en appelle directement à Votre Majesté, ainsi que M'y obligent Mon droit et Mon devoir. C'est à la Russie que les deux peuples, Bulgare et Serbe, ont remis par l'acte de leur alliance la décision de tout différend relatif à l'application des termes du Traité et des conventions qui s'y réfèrent.

Je demande donc à Votre Majesté de rester fidèle aux obligations contractées par Elle et de s'en rapporter à la Russie pour la solution du différend actuel entre la Bulgarie et la Serbie.

Considérant les fonctions d'arbitre non pas comme une prérogative, mais comme une obligation pénible à laquelle Je ne saurais Me soustraire, Je crois devoir prèvenir Votre Majesté qu'une guerre entre les alliés ne pourrait Me laisser indifférent.

Je tiens à établir que l'Etat qui aurait commencé cette guerre en serait responsable devant la cause slave et que je Me réserve toute liberté quant à l'attitude qu'adoptera la Russie vis-à-vis des résultats éventuels d'une lutte aussi criminelle.

210.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Посланникамъ въ Бѣлградѣ и Аѳинахъ.

С.-Петербургъ, 27 мая 1913 г.

(Телеграмма).

Г-нъ Бобчевъ сообщилъ мнѣ оффиціальное заявленіе г-на Гешова союзникамъ, что свиданіе Премьеровъ, замедленное внутреннимъ Министерскимъ кризисомъ въ Болгаріи, состоится по минованіи онаго, даже въ случаѣ перемѣны Кабинета.

Сообщая о семъ, Софійскій Кабинетъ проситъ нашего воздѣйствія въ Бѣлградѣ и Аѳинахъ съ цѣлью склонить союзниковъ къ нѣкоторому терпѣнію.

Съ своей стороны я указалъ Болгарскому Посланнику, что продолжающееся одновременно лихорадочное сосредоточеніе болгарскихъ войскъ внушаетъ справедливое подозрѣніе въ намѣренной уклончивости Софійскаго Кабинета отъ опредѣленнаго отвѣта.

(Подп.) *Сазоновъ.*

211.

Посланникъ въ Аѳинахъ.

27 мая 1913 г.

(Телеграмма).

Во избѣжаніе неминуемаго столкновенія между Сербіею и Болгаріею, въ которое вовлечена будетъ Грецiя на основанiи заключеннаго греко-сербскаго соглашенія, г-нъ Венизелосъ счи-

таетъ крайне настоятельнымъ, чтобы немедленно состоялся въ трехъ балканскихъ столицахъ шагъ о равномѣрномъ сокращеніи войскъ, и чтобы Державы взяли въ свои руки рѣшеніе вопросовъ по размежеванію. Разговоры его съ г-омъ Сарафовымъ нисколько не выяснили сути болгарскихъ требованій. Самъ онъ свиданію Премьеровъ, при измѣнившихся условіяхъ, особливо съ отставкой г-на Гешова, большого значенія не придаетъ, ибо придвидитъ разногласіе по всѣмъ вопросамъ, но выражаетъ тѣмъ не менѣе готовность принять въ немъ участіе съ тѣмъ, чтобы потомъ отправиться въ Петербургъ, а засимъ подвергнуть, въ случаѣ надобности, споръ политическо-юридическій арбитражу.

(Подп.) *Демидовъ.*

212.

Посланникъ въ Бѣлградѣ.

27 мая 1913 г.

(Телеграмма).

Вслѣдствіе воинственнаго настроенія въ Софіи г-нъ Пашичъ сомнѣвается не только въ практичности, но и въ самой осуществимости свиданія четырехъ Премьеровъ въ Салоникахъ, а посему онъ болѣе склоняется къ мысли о томъ, что, при настоящихъ условіяхъ, возможно скорѣйшее приглашеніе въ Петербургъ представлялось бы лучшимъ средствомъ предотвратить опасность столкновенія.

(Подп.) *Гартвигъ.*

213.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Посланникамъ въ Софіи, Бѣлградѣ и Аѳинахъ.

С.-Петербургъ, 29 мая 1913 г.

(Телеграмма).

Ссылаюсь на телеграмму Посланника въ Бѣлградѣ 27 мая. Вы находимъ мнѣніе г-на Пашича о томъ, что свиданіе въ Петербургѣ четырехъ Премьеровъ ближе привело бы къ цѣли, нежели предварительный съѣзъ въ Солуни—правильнымъ.

Намъ не слѣдуетъ отговаривать отъ съѣзда въ Солуни, если бы на немъ настаивали, но все же Вы можете высказать мнѣніе, что скорѣйшій пріѣздъ четырехъ Премьеровъ въ Петербургъ предпочтителенъ.

(Подп.) *Сазоновъ.*

214.

Посланникъ въ Софіи.

30 мая 1913 г.

(Телеграмма).

Сегодня, по полученіи всѣми моими коллегами инструкцій, мы выработали текстъ идентичной деклараціи, по вопросу о сокращеніи арміи, имѣющей быть переданной Болгарскому Правительству. Австрійскій Посланникъ, руководствуясь данными ему указаніями, просилъ отсрочить передачу этого документа на 24 часа, дабы имѣть возможность представить выработанный текстъ на одобреніе своего Правительства.

(Подп.) *Неклюдовъ.*

215.

Посланникъ въ Аѳинахъ.

31 мая 1913 г.

(Телеграмма).

Г-нъ Венизелосъ заявилъ мнѣ, что онъ съ чувствомъ глубокой признательности прибудетъ въ Петербургъ и надѣется на успѣхъ нашей дружественной медіаціи. По его мнѣнію, мысль о совѣщаніи въ Салоникахъ должна быть окончательно устранена.

(Подп.) *Демидовъ.*

216.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Посланникамъ въ Софіи, Бѣлградѣ и Аѳинахъ. Сообщается въ Цетинье.

С.-Петербургъ, 31 мая 1913 г.

(Телеграмма).

Отвѣты, полученные отъ Ихъ Величествъ Королей Болгарскаго и Сербскаго на Высочайшую телеграмму, свидѣтельствуютъ о томъ, что оба Правительства, высказывая различные взгляды и оцѣнки какъ общаго положенія, такъ и взаимныхъ обязательствъ обоихъ Государствъ, выражаютъ надежду, что съ помощью Россіи выйдутъ изъ нынѣшняго остраго положенія мирнымъ путемъ и при сохраненіи союза.

Отмѣчая съ удовольствіемъ этотъ первый шагъ къ благополучному разрѣшенію кризиса, мы приглашаемъ, во исполненіе сего, Предсѣдателей Совѣтовъ Министровъ Болгаріи, Сербіи, Греціи и, если она того пожелаетъ,—Черногоріи, безотлагательно прибыть въ Петербургъ, гдѣ всѣ вопросы о разногласіяхъ и о способахъ ихъ разрѣшенія будутъ подвергнуты обсужденію и должны получить опредѣленное направленіе.

Крайне желательно предварительное соглашеніе о равномѣрномъ сокращеніи армій, если же разрѣшеніе его встрѣчаетъ затрудненія, то предупреждаемъ, что въ Петербургѣ поставимъ этотъ вопросъ въ первую очередь, какъ гарантію дѣйствительнаго желанія союзниковъ мирнаго разрѣшенія конфликта.

Предварительное свиданіе въ Солуни считаемъ болѣе не соотвѣтствующимъ положенію.

Благоволите объясниться съ Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ въ указанномъ смыслѣ.

(Подп.) *Сазоновъ.*

217.

Посланникъ въ Бѣлградѣ.

31 мая 1913 г.

(Телеграмма).

Ссылаюсь на Вашу телеграмму 25 мая. Представители Великихъ Державъ сдѣлали сегодня г-ну Пашичу сообщеніе относительно немедленнаго сокращенія воюющими ихъ армій.

Въ отвѣтъ г-нъ Пашичъ прочиталъ намъ заявленіе о томъ, что Сербское Правительство передало болгарамъ ноту, въ коей, указывая на необходимость прекратить дальнѣйшее сосредоточеніе болгарскихъ войскъ на сербскомъ фронтѣ, оно предлагаетъ немедленно приступить къ одновременному сокращенію до одной $1/4$ численнаго состава армій.

(Подп.) *Гартвигъ.*

218.

Посланникъ въ Бухарестѣ.

31 мая 1913 г.

(Телеграмма).

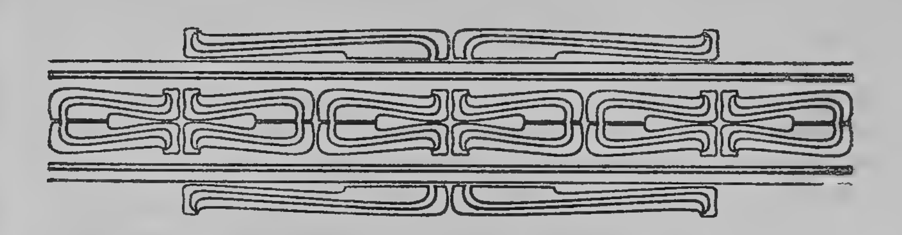
Г-нъ Маіореско заявилъ мнѣ, что Румынское Правительство приложитъ всѣ старанія для сохраненія мира; оно рѣшило было даже въ видѣ угрожающей мѣры призвать подъ знамена резервистовъ, но отказалось временно отъ этой мѣры.

Телеграмма Государя Императора Болгарскому и Сербскому Монархамъ произвела здѣсь громадное впечатлѣніе, въ особенности послѣдняя фраза, заключающая предупрежденіе по адресу стороны, начавшей братоубійственную войну и опредѣляющая отношеніе Россіи къ возможному ея исходу.

(Подп.) *Шебеко.*

(Продолженіе слѣдуетъ).

Нарушенія законовъ войны германскими и австро-венгерскими войсками въ Россіи.

Памятная записка, переданная нейтральнымъ Державамъ Императорскимъ Россійскимъ Правительствомъ.

Переводъ.

I.

Изувѣченіе и приканчиваніе русскихъ раненыхъ.

Многочисленныя показанія русскихъ воиновъ, находящихся на излѣченіи въ лазаретахъ, свидѣтельствуютъ, что нѣмецкіе солдаты неоднократно приканчивали русскихъ раненыхъ, оставшихся на полѣ сраженія. Такіе варварскіе поступки, между прочимъ, имѣли мѣсто во время боевъ подъ Гумбиненомъ (7 августа), Летценомъ, Эйдткуненомъ (31 августа), Фридландомъ (16 августа), у Мазурскихъ озеръ (27 августа), подъ Турау (13 августа), Эйленбургомъ (10 августа), Орлау (10 августа), Кенигсбергомъ (26 августа), Сольдау (14 августа), подъ Клиномъ (13 августа), Сувалками (въ серединѣ августа), Маргграбово (въ концѣ августа), у Марквкена (16 октября). Нѣкоторыя изъ этихъ преступленій были непосредственно учинены на глазахъ нашихъ войскъ, въ то время какъ они покидали поле битвы; но обыкновенно раненые хладнокровно и аккуратно приканчивались уже по оканчаніи сраженія; эти экзекуціи были доведены до свѣдѣнія русскихъ властей ранеными, которымъ удалось избѣгнуть рѣзни, притворившись мертвыми.

Гнусность этихъ преступныхъ дѣяній не разъ усугублялась ужасными изувѣченіями, причиненными раненымъ. Такъ, 16 августа ст. ст. у Фридланда найдены были тѣла двухъ офицеровъ, кирасировъ Ея Величества, у которыхъ глаза были

проколоты штыками. У Маргграбова, въ серединѣ августа, наткнулись на трупъ казака, которому въ горло вбили колъ. 16 октября у деревни Марквкенъ найдены были тѣла одного офицера (Архипова) и двухъ солдатъ, у которыхъ глаза были выколоты, носы отрѣзаны и руки переломлены. Также и въ серединѣ августа въ одной изъ деревень у Сувалокъ нашли тѣло казака, изрѣшетенное ранами съ отрѣзанными ушами и носомъ и со снятой на спинѣ частью кожи.

Наконецъ, необходимо указать, что были случаи, когда нѣмецкіе санитары стрѣляли въ русскихъ раненыхъ изъ револьверовъ, вмѣсто того, чтобы оказывать имъ помощь. Таковые случаи, напр., имѣли мѣсто съ солдатомъ Смердовымъ, 7 августа у Гумбинена и съ полковникомъ Лангъ, который, 11 августа, подъ Орлау, несомый на носилкахъ русскими санитарами, подвергся обстрѣлу со стороны нѣмецкихъ санитаровъ.

Болѣе точныя свѣдѣнія касательно какъ вышеприведенныхъ, такъ и другихъ случаевъ того же рода, находятся въ приложеніи.

II.

Убіеніе русскихъ плѣнныхъ.

Неоднократно русскіе плѣнные бывали разстрѣливаемы нѣмецкими и австрійскими войсками. Одинъ изъ подобныхъ случаевъ имѣлъ мѣсто 29 августа у деревни Ментуринъ, невдалекѣ отъ Бенткенена, на глазахъ у русскаго офицера, посланнаго на развѣдку. Другіе случаи сообщены были русскими солдатами, избѣгшими убіенія: 4 сентября у Инстербурга (13 человѣкъ), 28 августа у Мазурскихъ озеръ, во время отступленія отъ Тильзита, и т. д.

Въ серединѣ августа, въ имѣніи графа Тарновскаго (Сувалкской губ.) двое сторожей были разстрѣляны прусскими солдатами, заставившими ихъ предварительно вырыть самимъ себѣ могилы.

Въ особенности же страдали отъ нѣмецкихъ войскъ плѣнные казаки. Императорскому Правительству извѣстно приказаніе, данное командиромъ 3 эскадрона 5 кирасирскаго полка, г-номъ фонъ-Модейски, въ которомъ постановлялось вѣшать всякаго плѣннаго казака, и во исполненіе котораго два казака были повѣшены въ Лайпунахъ. Двое польскихъ крестьянъ донесли, ссылаясь на разсказы самихъ нѣмецкихъ солдатъ, что одинъ казакъ былъ сожженъ заживо этими послѣдними

18 сентября въ деревнѣ Саенки, Сувалкской губ.; крестьяне завѣряютъ, что сами видѣли наполовину обуглившійся мундиръ, а одинъ изъ нихъ увѣряетъ, что замѣтилъ даже на кострѣ остатки человѣческой ноги. На основаніи оффиціальнаго доклада одного русскаго генерала, нѣмцы въ серединѣ октября разстрѣляли въ Радомѣ одного офицера и четырехъ казаковъ. Другой казакъ былъ повѣшенъ нѣмцами у Рачковъ. Четыре плѣнныхъ казака 12 августа были разстрѣляны австрійцами у Монастыржицка. Казакъ Жидковъ, плѣненный у Сувалокъ, былъ затѣмъ найденъ убитымъ штыковыми ударами у Тапиловки. Сверхъ того двумя офицерами были найдены на кострѣ въ центрѣ бывшаго германскаго лагеря, у деревни Хилички, остатки трупа русскаго стрѣлка; не сгорѣли только его ноги, и онѣ были связаны веревкой. Капитанъ Обновленскій, захваченный въ плѣнъ 13 августа съ частью своей роты, былъ разстрѣлянъ вмѣстѣ со своими солдатами австрійскими войсками. (См. приложеніе).

III.

Измѣнническое нападеніе гражданскаго населенія на русскія войска.

Русскія войска, почти во всѣхъ городахъ и деревняхъ, занятыхъ или проходимыхъ ими, подверглись измѣнническому нападенію со стороны ихъ жителей, которые стрѣляли въ нихъ съ крышъ и оконъ домовъ. Такія нападенія имѣли между прочимъ мѣсто въ Бялѣ (21 іюля, 22, 24 и 25 авг.), въ Ортельсбургѣ (13 августа), въ Іоганнисбургѣ (24 авг.), въ Норденбургѣ (27 авг.), въ Лыкѣ (30 авг.), въ Гумбиненѣ (29 и 30 авг.), въ Инстербургѣ (30 авг.), въ Эйдткуненѣ (30 авг.), въ Кроссенѣ, и т. д. Слѣдуетъ подчеркнуть, что въ Іоганнисбургѣ (24 авг.) жители пользовались разрывными пулями и стрѣляли въ нашихъ санитаровъ; разрывныя пули также были найдены въ деревняхъ Калишкенъ и Кроссенъ. Неоднократно, вопреки статьѣ 2-ой приложенія къ Гаагской Конвенціи о законахъ и обычаяхъ сухопутной войны, женщины и старики принимали участіе въ этихъ нападеніяхъ на нашихъ солдатъ. Въ самомъ дѣлѣ, если эта статья позволяетъ населенію незанятой территоріи добровольно браться за оружіе при приближенія непріятеля, то она вмѣстѣ съ тѣмъ обязываетъ его открыто носить оружіе и соблюдать законы и обычаи войны. На самомъ же дѣлѣ, какъ это явствуетъ изъ многочисленныхъ свидѣтельствъ, приводи-

мыхъ въ приложеніи, германское гражданское населеніе измѣннически нападало на русскія войска, что естественно вынудило послѣднихъ принять репрессивныя мѣры.

IV.

Посягательство германскихъ и австрійскихъ войскъ на русское мирное населеніе.

Поведеніе германскихъ и австрійскихъ войскъ противъ мирнаго русскаго населенія въ мѣстностяхъ, занятыхъ ими, должно считаться совершенно противнымъ правиламъ, установленнымъ Гаагской Конвенціей 1907 года (Отдѣлъ III. О военной власти на территоріи непріятельскаго государства). Оффиціальныя изслѣдованія установили, что 22 іюля прусскій комендантъ города Калиша, Прейскеръ, разстрѣлялъ нѣсколько жителей по самымъ возмутительнымъ предлогамъ, или даже безъ всякаго предлога, съ единственною цѣлью терроризовать городское населеніе, которое онъ считалъ, очевидно, недостаточно напуганнымъ предшествовавшей бомбардировкой. Такъ сборщикъ податей въ Калишѣ, г-нъ Соколовъ, былъ разстрѣлянъ за то, что уничтожилъ передъ приходомъ нѣмцевъ денежную наличность кассы, и это въ согласіи съ приказомъ русскаго министра финансовъ, каковой приказъ и былъ предъявленъ имъ коменданту Прейскеру; нѣсколько городскихъ стражей, нѣсколько запасныхъ и другіе жители раздѣлили участь г-на Соколова; мясникъ, который не могъ поставить все требуемое количество мяса, былъ убитъ; стражъ, подостлавшій свою шинель подъ тѣло городского головы Буковинскаго, павшаго подъ нанесенными ему штыковыми ударами, также былъ разстрѣлянъ. Этихъ нѣсколькихъ случаевъ, по мнѣнію Императорскаго Россійскаго правительства, достаточно, чтобы дать точное представленіе о правленіи коменданта Прейскера городомъ Калишемъ.

31 іюля (13 августа) два прусскихъ драгуна умертвили въ собственномъ домѣ, въ деревнѣ Словики, Сувалкской губ., католическаго священника Пессиса, предварительно подвергнувъ его жесткимъ мученіямъ и оскорбленіямъ, также какъ и другого католическаго священника, Ивана Стрымовича; этому послѣднему удалось бѣжать, и онъ свидѣтельствуетъ фактъ убійства, имѣвшій мѣсто на его глазахъ.

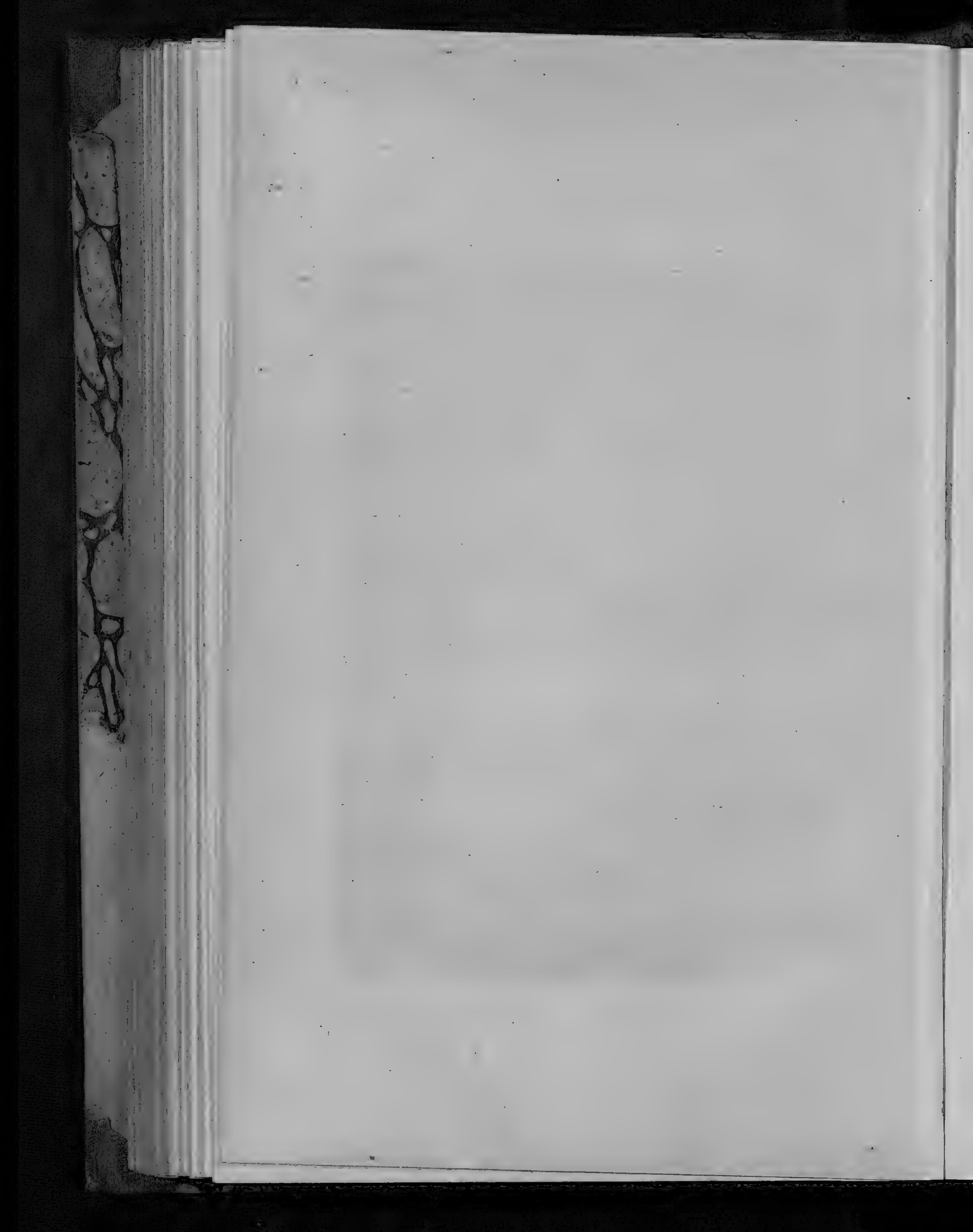

Наши враги: Ихъ разрывныя пули.

Наши враги: Ихъ разрывныя пули.

28 іюля прусскіе кавалеристы вторглись въ домъ сторожа Абакумова въ деревнѣ Сударжи (Сувалкской губ.) и убили его, раздробивъ ему руки и распоровъ ему животъ. (Донесеніе сувалкскаго губернатора).

Другимъ нарушеніемъ современнаго международнаго права, совершеннымъ германскими и австрійскими военными властями, является взятіе заложниковъ. Такъ въ Калишѣ были арестованы и увезены въ Германію нѣсколько должностныхъ лицъ и почетныхъ гражданъ. Точно также къ концу августа австрійскія войска увели съ собою большое количество жителей, напр., приблизительно 500 изъ деревни Мальчицы, также какъ и священниковъ нѣсколькихъ сосѣднихъ деревень. (Сообщеніе штаба 7-го корпуса).

Во время занятія Тауроггена нѣмцы также взяли заложниковъ (Сообщеніе курляндскаго губернатора); они увели съ собою всѣхъ здоровыхъ женщинъ, подъ предлогомъ заставить ихъ работать въ Красномъ Крестѣ (Донесеніе Русскаго Общества Краснаго Креста).

Отступая съ Вислы, нѣмцы, прежде чѣмъ покинуть деревню Горбатки, заперли крестьянъ въ избу, къ которой подложили огонь; крестьянамъ удалось спастись, разбивъ окна. (Донесеніе командира крѣпости Ивангородъ).

Въ началѣ августа, въ деревняхъ Маково и Чатава (Подольской губ.) австрійскіе солдаты изнасиловали многихъ женщинъ и дѣвушекъ. Въ тѣхъ же деревняхъ австрійскія военныя власти, въ нарушеніе ст. 44 Гаагской конвенціи, грозили и прибѣгали къ насиліямъ, стараясь выпытать у населенія, въ особенности у священниковъ, свѣдѣнія, касающіяся русской арміи. (Донесеніе начальника 4 стана, Каменецкаго уѣзда, Подольской губерніи).

V.

Употребленіе австрійскими войсками разрывныхъ пуль.

Употребленіе разрывныхъ пуль австрійскими войсками было неоднократно фактически установлено заявленіями русскихъ военныхъ властей, медицинскими аттестатами и фотографіями ранъ, обоймъ и пуль. Въ этомъ отношеніи нѣтъ мѣста сомнѣніямъ, ибо нашимъ войскамъ удалось овладѣть въ деревнѣ Лазенкахъ въ окрестностяхъ города Немирова, огромнымъ количествомъ—10.000 австрійскихъ разрывныхъ пуль, каковыя въ настоящее время находятся въ артиллерійскомъ складѣ въ

Кіевѣ. Происхожденіе пуль очевидно, въ виду австрійской фабричной марки, находящейся на обоймахъ. Сверхъ того, 8 декабря, нашимъ войскамъ, во время схватки съ войсками Перемышльскаго гарнизона, удалось захватить два пулемета, ленты которыхъ были заполнены разрывными пулями.

Кромѣ того, 16 австрійскихъ офицеровъ подписали прилагаемое при семъ заявленіе, коимъ они протестуютъ передъ собственнымъ правительствомъ, противъ употребленія „австрійскаго патрона“ (Oesterreichische Einschusspatrone), имѣющаго свойства пули думъ-думъ. Подобное же заявленіе было подписано 26 октября 8-ю другими австрійскими офицерами. Оно также приложено къ настоящей памятной запискѣ. (См. приложеніе).

VI.

Осквернение, поношение и ограбление церквей.

1. Слѣдственная Комиссія подъ предсѣдательствомъ эскадроннаго командира Дирина, которой было поручено выяснить состояніе церквей деревни Граево по уходѣ нѣмцевъ, составила 11 октября 1914 г. протоколъ, изъ котораго явствуетъ, что: a) всѣ цѣнныя украшенія иконъ въ Граевской православной церкви были сняты; всѣ кружки и всѣ ящики были взломаны; иконы сорваны и брошены на полъ; священныя книги и церковныя свѣчи валялись на полу; подсвѣчники и лампы были сняты съ крючковъ и частью унесены; всѣ стекла были разбиты; принадлежности алтаря были украдены; b) въ Граевской католической церкви восковыя свѣчи были украдены, а искусственныя свѣчи разбиты; нѣмецкіе солдаты провели въ ней ночь, ужинали въ ней и курили; ихъ лошади были помѣщены въ зданіи колокольни, по сосѣдству съ церковью; c) православная церковь 4-го Драгунскаго полка была совершенно разрушена внутри; одинъ иконостасъ остался нетронутымъ; отъ престола не осталось слѣда; всѣ кружки были взломаны; оставшіеся предметы въ безпорядкѣ валялись на полу.

2. Изъ протокола, составленнаго 19 сентября 1914 г. въ деревнѣ Красной (Сувалкской губ.) и подписаннаго между прочимъ настоятелемъ католической церкви Славянисомъ, инспекторомъ артиллеріи, начальникомъ штаба и военнымъ судебнымъ слѣдователемъ 20 армейскаго корпуса, вытекаетъ слѣдующее:

Во время занятія нѣмцами Красной, часть ихъ солдатъ была помѣщена въ мѣстной католической церкви. Весь полъ

церкви былъ покрытъ сѣномъ, не исключая алтаря, въ которомъ солдаты, по свидѣтельству церковнаго сторожа, ѣли, пили и играли въ карты; въ сѣнѣ нашли значительное количество бутылокъ изъ-подъ пива и водки.

Тотъ же сторожъ свидѣтельствуетъ, что двое нѣмецкихъ солдатъ хотѣли даже провести ночь на престолѣ, но были прогнаны съ него ихъ же католическими товарищами. Въ теченіе ночи церковь освѣщалась свѣчами и лампами, взятыми изъ алтаря. Въ ризницѣ хранилище церковныхъ облаченій и церковной утвари было взломано, и всѣ цѣнныя вещи изъ него похищены. Органъ былъ разрушенъ. Наконецъ, нѣмецкіе солдаты мочились въ обѣ кропильницы, которыя находились подъ большимъ распятіемъ, что было доказано присутствіемъ въ обоихъ сосудахъ мочи, въ состояніи застоя. Церковный сторожъ утверждаетъ, что видѣлъ человѣческія испражненія въ одномъ углу церкви около амвона.

Ксендзъ Славянисъ свидѣтельствуетъ сверхъ того, что нѣмцы проникли въ церковь, взломавъ предварительно двери ризницы; затѣмъ они силой отняли отъ него ключи главной двери. Ксендзъ пожаловался нѣмецкому генералу на оскверненіе церкви, но этотъ послѣдній ограничился замѣчаніемъ, что солдаты были вынуждены занять ее въ виду плохой погоды.

3. Начальникъ уѣзда Замостье въ донесеніи Холмскому губернатору отъ 3 сентября 1914 г., за № 278, доноситъ, что во время занятія австрійцами деревни Тополча (Звѣринецкой гмины), эти послѣдніе устроили лазаретъ для раненыхъ въ мѣстной церкви и помѣстили штабъ въ помѣщеніи священника. По уходѣ австрійцевъ въ церкви были найдены человѣческія испражненія и окурки папиросъ; алтарь служилъ столовой; нѣкоторыя изъ церковныхъ принадлежностей исчезли.

4. Священникъ 1-ой артиллерійской Гренадерской бригады Илларіоновъ представилъ командиру бригады слѣдующій рапортъ отъ 19 октября 1914 г., за № 61. 18 октября с. г., онъ, Илларіоновъ, вошелъ въ церковь 2-ой стрѣлковой бригады въ Конскѣ, Радомской губ., и установилъ, что: замки входныхъ дверей были взломаны, двери раскрыты и что предметы церковной утвари валялись на полу, также какъ и священныя книги; кружки были вскрыты, подсвѣчники попорчены и т. д. Вся церковь была загажена и окурки папиросъ валялись на полу. Мѣстные жители заявили, что церковь была приведена въ такое состояніе нѣмцами.

5. Протоіерей Якимовскій, священникъ штаба 4-ой арміи, донесъ 24 октября 1914 г. слѣдующее:

Нѣмцы, во время занятія ими Кѣльцовъ, что продолжалось 4 недѣли, взломавъ входныя двери, вошли въ городской соборъ и въ церковь 6-го стрѣлковаго полка и помѣстили въ нихъ плѣнныхъ. Нѣмецкіе стражи ѣли и спали на престолахъ. Всѣ цѣнные предметы исчезли изъ обѣихъ церквей, внутри которыхъ царствуетъ невообразимый безпорядокъ.

6. Начальникъ Сувалкской жандармеріи, въ донесеніи Департаменту полиціи отъ 9 октября 1914 г., за № 4756, свидѣтельствуетъ, что нѣмецкіе солдаты заняли католическую церковь въ деревнѣ Красной и совершили въ ней цѣлый рядъ дѣйствій, оскверняющихъ церковь. Уходя изъ деревни Симно, нѣмцы дали четыре пушечныхъ выстрѣла по католической церкви, причинивъ ей серьезныя поврежденія.

VII.

Нарушенія Женевской Конвенціи.

Оффиціальные документы свидѣтельствуютъ вполнѣ опредѣленно, что германскія и австро-венгерскія войска неоднократно нарушали постановленія Женевской Конвенціи 1906 года.

Режимъ, которому подверглись въ Германіи санитарный персоналъ и плѣнные русскіе, изложенъ въ отчетѣ доктора Звегинцева отъ 5 декабря, каковой при семъ прилагается въ выдержкахъ. Изъ этого отчета вытекаетъ, что нѣмецкія власти ничуть не считались съ правилами Конвенціи, которыя покровительствуютъ санитарному персоналу и раненымъ и больнымъ непріятеля (см. приложеніе).

Съ другой стороны, не всегда соблюдалось должное, даже во время враждебныхъ дѣйствій, уваженіе въ отношеніи Краснаго Креста и раненыхъ. Оставляя въ сторонѣ свидѣтельства, доказывающія, что русскіе раненые неоднократно добивались на полѣ брани (см. приложеніе къ 1), необходимо подчеркнуть слѣдующіе факты:

1) Бомба, брошенная съ аэроплана близъ станціи Самборъ, убила санитара и ранила сестру милосердія и доктора. (Отчетъ доктора Никитина).

2) Пароходы „Панъ Тадеушъ" и „Комета" съ 4 баржами, имѣвшіе транспортъ санитаровъ и раненыхъ, несмотря на флагъ

Краснаго Креста, утромъ 29 сентября, подверглись обстрѣлу нѣмецкой артиллеріи близъ деревни Голомбы на Вислѣ. Возможность ошибки безусловно исключается, такъ какъ ни одного русскаго солдата въ окрестностяхъ не было. Пароходъ „Панъ Тадеушъ" и 2 баржи были потоплены. (Докладъ г-на Шабельскаго, представителя Краснаго Креста).

3. Командиръ 26-го Сибирскаго стрѣлковаго полка, полковникъ Поповъ, докладываетъ, что нѣмцы стрѣляютъ по санитарамъ, эвакуировавшимъ раненыхъ. Такъ, 10 ноября, нѣмцы открыли огонь по санитарамъ, эвакуировавшимъ капитана Доброгорскаго, вновь ранивъ его и санитара, и убивъ одного изъ этихъ послѣднихъ. 11 ноября оказалось невозможнымъ эвакуировать раненыхъ изъ траншей, такъ какъ при первой же попыткѣ одинъ санитаръ былъ убитъ и двое ранены.

VIII.

Вѣроломства, въ нарушеніе ст. 23,b, Гаагской Конвенціи о законахъ и обычаяхъ сухопутной войны.

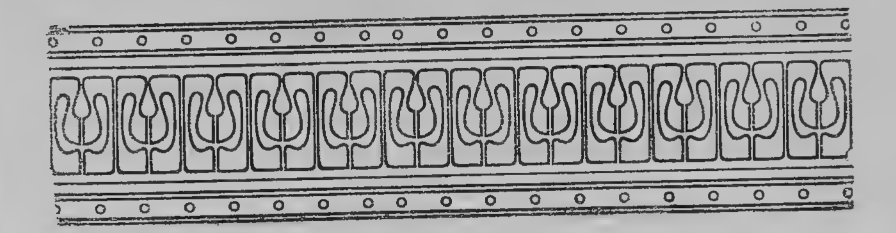
1. 28 ноября 1914 г., во время атаки нѣмцами русскихъ позицій въ 15 верстахъ отъ Ловича, нѣмцы пытались подойти къ нашимъ траншеямъ, обманувъ наши войска при помощи бѣлыхъ флаговъ (оффиціальное сообщеніе генералъ-квартирмейстера отъ 30 ноября 1914 г.).

2. 15 сентября 1914 года, отрядъ нѣмцевъ приблизительно въ 60 человѣкъ былъ обнаруженъ въ окрестностяхъ деревни Ивашекъ нѣсколькими ротами 16-го Финляндскаго стрѣлковаго полка; нѣмцы принялись изображать знаки сдачи, поднимая руки и опуская ружья; но въ тотъ моментъ, когда русскій офицеръ, капитанъ Ганьковъ, крикнулъ имъ бросить оружія, они открыли огонь. (Докладъ капитана Ганькова отъ 17 сентября 1914 г.).

3. Батальонъ 10 Финляндскаго стрѣлковаго полка встрѣтилъ 19 сентября близъ деревни Вально нѣмецкій отрядъ, приблизительно въ 70 человѣкъ. Нѣмцы бросили ружья и подняли руки въ знакъ сдачи, послѣ чего стрѣлки прекратили огонь. Но въ тотъ моментъ, когда русскіе приблизились къ нѣмцамъ на разстояніе пяти шаговъ, эти послѣдніе атаковали ихъ огнемъ и штыками. Между прочимъ въ этой схваткѣ былъ убитъ полковникъ Турчаниновъ.

4. Прапорщикъ Кутаисскаго полка Николай Авдѣевъ, унтеръ-офицеръ Имеретинскаго полка Константинъ Тараймовичъ и рядовые того же полка Молоковинъ и Гуфманъ, засвидѣтельствовали, что 7 августа 1914 г., во время сраженія близъ деревни Сэренъ, въ окрестностяхъ Инстербурга, нѣмцы подняли бѣлый флагъ и затѣмъ, когда наши солдаты приблизились, открыли на нихъ огонь.

Жизнь Императора Александра II-го на южномъ берегу Крыма.

В. Х. Кондараки, члена разныхъ ученыхъ обществъ.

Надежды ялтинскихъ жителей видѣть въ 1864 г. Императорскую фамилію въ Ливадіи не сбылись по двумъ причинамъ и именно, по болѣзни Государыни Императрицы, которая не могла выдержать экипажной ѣзды на разстояніи двухъ тысячъ верстъ, и потому, что возбуждены были переговоры о бракосочетаніи Государя Наслѣдника съ принцессою Датскаго королевскаго дома Дагмарою. Переговоры эти покончены были почти одновременно съ потерею со стороны Даніи двухъ прекрасныхъ провинцій Шлезвига и Голштиніи въ пользу объединительныхъ видовъ германской національности.

Переговоры эти чрезвычайно обрадовали насъ въ предположеніи, что Цесаревичъ окончательно оправился здоровьемъ въ Даніи послѣ продолжительныхъ морскихъ ваннъ и путешествія за границею, но радость эта была непродолжительна. Нѣсколько времени спустя до свѣдѣнія нашего дошло, что Наслѣдникъ Престола снова чувствуетъ себя не хорошо и по требованію медиковъ переѣхалъ съ Императрицею въ Ниццу.

Въ этотъ годъ въ Европѣ блисталъ своими подвигами Гарибальди, котораго принимали англичане чуть ли не съ царскою пышностью, мечтавшій сдѣлать набѣгъ на Венецію, пользуясь тѣмъ, что ненавистная ему Австрія занята была въ крошечной Даніи. Въ Польшѣ инсуррекція крайне ослабла, благодаря индифферентному отношенію католическихъ державъ и тому, что прусское правительство начало строго слѣдить, что-

бы не формировались въ Познани шайки головорѣзовъ, стремившихся къ единоплеменникамъ и, благодаря тому, что большинство отважныхъ агитаторовъ были захвачены, разстрѣлены и повѣшены, а освобожденные крѣпостные, понявъ предоставленныя имъ свободою блага, не замедлили не только измѣнить свое враждебное настроеніе, но даже послать въ Петербургъ выборныхъ для изъявленія вѣрноподданнической благодарности. Въ добавокъ важнѣйшіе руководители бунта Мирославскій и Чарторижскій поссорились между собою, а Луи Наполеонъ затѣялъ создать въ Мексикѣ монархію во главѣ эрцгерцога Максимиліана, который уже выѣхалъ туда, надѣясь на французскіе штыки и храбрость маршала Базена. Тѣмъ временемъ мы узнали изъ газетъ, что утверждена Севастопольская желѣзная дорога за Гоппе и К°., что вводятся земскія учрежденія, что въ Тунисѣ народное возстаніе, что въ Америкѣ усилилось кровопролитіе за свободу негровъ и что Кавказъ окончательно завоеванъ нами, а черкесы переселяются въ единовѣрную Турцію. Въ добавленіе къ этому возобновленъ между нами, Австріею и Пруссіею священный союзъ. Послѣ всего этого прибылъ въ Ореанду Великій Князь намѣстникъ и завоеватель Кавказа Михаилъ Николаевичъ, который и прожилъ здѣсь до поздней осени.

Въ это время, мы принялись съ усердіемъ разсматривать и изучать земскіе уставы, въ полномъ убѣжденіи найти въ нихъ новыя милости или желанія предоставить русскому народу позаботиться о своемъ благополучіи. Земскія учрежденія во всей Европѣ были важными учрежденіями и крайне необходимыми для насъ послѣ освобожденія и надѣла крѣпостныхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Царь, помнившій наше древнее земство, патріотическое единство славянъ въ трудныя минуты отечества, былъ вполнѣ убѣжденъ, что эти учрежденія сблизятъ различные классы народа въ одну братскую семью и сдѣлаютъ его полезнымъ для себя и правительства; что въ двигатели его попадутъ люди подобные Минину и Пожарскому; что они ни о чемъ не будутъ думать, какъ только о благѣ отечественной земли. Такая мысль Монарха не могла скрыться отъ насъ, и мы безъ терпѣнія ожидали реализаціи ея. Тѣмъ временемъ обнародованы были указы объ устройствѣ быта крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ, о взаимномъ земскомъ страхованіи, о порядкѣ приведенія въ дѣйствіе положенія о земскихъ учрежденіяхъ; основанъ въ Одессѣ Новороссійскій университетъ, издано положеніе о начальныхъ народныхъ училищахъ, основано

Московское археологическое общество, утверждено предположеніе о новомъ устройствѣ быта крестьянъ въ Тифлисской губерніи, ратификована телеграфная конвенція съ Персіею и обнародовано окончательное покореніе западнаго Кавказа и, вмѣстѣ съ тѣмъ, прекращеніе вѣковой войны въ этой части Европы, что увеличило нашу территорію на Кавказѣ на 32.000 кв. верстъ; а въ Азіи съ учрежденіемъ Ново-Кокандской линіи, мы пріобрѣли до 106.000 кв. верстъ.

Къ послѣдующему 1865 году такъ хорошо сложились дѣла въ Европѣ, что намъ приходилось выждать только поправленія здоровья Императрицы и Августѣйшаго Наслѣдника Престола, которые находились въ Ниццѣ, и затѣмъ послѣ свадьбы послѣдняго, ожидать весь Царствующій домъ въ Ливадіи. Всѣ мы думали, что этотъ сезонъ съ новобрачными будетъ самый блистательный и самый счастливый для южнаго Крыма. И дѣйствительно на всемъ небѣ Европы не было ни одной тучи: въ Польшѣ мятежъ окончательно былъ подавленъ; правительство само приступило къ проложенію желѣзныхъ дорогъ на Харьковъ, Одессу и Кіевъ посредствомъ выпуска 5% внутренняго съ выигрышами займа и сдѣлало уже распоряженіе о введеніи гласнаго судопроизводства и земскихъ учрежденій, отъ которыхъ Россія ожидала великихъ благъ; въ Даніи кровопролитіе также прекратилось окончательнымъ присоединеніемъ Шлезвига и Голштиніи къ Пруссіи; итальянскій жгучій вопросъ остановился пока на томъ, что столица короля перенесена изъ Турина во Флоренцію и что предсмертная агонія папской власти доведена до такого безсилія, что даже воззванія его къ народу подверглись запрещенію со стороны свѣтской власти. Въ Греціи также уладилось дѣло по избранію короля на мѣсто лишеннаго трона Оттона, вынужденнаго возвратиться въ свое отечество и по неволѣ отказаться отъ царской короны.

Въ заключеніе начали поговаривать о непремѣнномъ переѣздѣ Императрицы съ Цесаревичемъ въ Ливадію.

Въ виду всего этого носились слухи, что Ялта и окрестныя дачи наводнятся пріѣзжими аристократами и вельможами, близко стоявшими къ Престолу. Слухи эти такъ были убѣдительны, что всѣ располагавшіе какими-либо излишними средствами спѣшили расширить и украсить свои домики и дачи. Словомъ, всѣ вѣрили, что высоконовобрачные проведутъ первые мѣсяцы въ только-что отстроенномъ новомъ дворцѣ для Наслѣдника Цесаревича, и крайне интересовались узнать что-нибудь о прин-

цессѣ Дагмарѣ, но ничего не могли узнать за исключеніемъ того, что принцесса эта вторая дочь датскаго короля и что высоконареченные оба происходятъ по прямой линіи, въ 11-мъ колѣнѣ, отъ Фридриха I-го, графа Ольденбургскаго, призваннаго на датскій престолъ въ 1523 году, на мѣсто кровожаднаго Христіана II-го.

Тѣмъ временемъ наступила прелестная весна, и до насъ начали доходить неутѣшительныя извѣстія о болѣзни Цесаревича, потомъ мы освѣдомились, что Государь Императоръ съ Великими Князьями и датская королева съ принцессою Дагмарою, направились къ больному въ Ниццу.

Съ душевною болью и страхомъ мы начали слѣдить за газетами.

Въ такомъ настроеніи находились жители южнаго берега, какъ вдругъ нечаянно и неожиданно получена была изъ Петербурга телеграмма отъ 13-го апрѣля, извѣщающая, что Его Императорское Высочество, Государь Наслѣдникъ скончался въ Ниццѣ 12-го апрѣля въ 12 час. и 50 мин. ночи. Ялтинцы вздрогнули отъ этого невѣроятнаго, по ихъ личному мнѣнію, ужаснаго извѣстія и впали въ непритворную скорбь. Что касается Амета и Мустафы, то эти люди бродили какъ больные и не знали какъ и чѣмъ выразить свою скорбь о потери Россіею прекраснаго Наслѣдника Престола, который былъ постояннымъ свидѣтелемъ всѣхъ мудрыхъ и добрыхъ дѣлъ отца и умеръ, такъ сказать, наканунѣ торжества бракосочетанія, ожидаемаго съ нетерпѣніемъ всѣми подданными. Кромѣ скорби о потерѣ, насъ тиранило еще другое чувство, какъ переноситъ этотъ незаслуженный ударъ судьбы слабосильная мать-царица и чадолюбивый нашъ Монархъ.

Прислушиваясь къ народной рѣчи, я замѣчалъ, что отъ вниманія его не ускользала и высоконареченная невѣста, которую онъ почему-то уже считалъ собственностью своей державы и не считалъ возможнымъ допустить удаленіе отъ своей монархіи. Думалъ ли то же самое угасшій Цесаревичъ, мы не дерзнемъ утверждать, но, судя по тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя были опубликованы впослѣдствіи, или судя потому, что онъ въ минуту разлуки съ жизнью взглянулъ на дорогого брата и невѣсту свою, а потомъ на отца и мать и съ возведенными къ небу глазами поднялъ руку какъ бы для благословенія ихъ союза, надо полагать, что эта мысль была его послѣднею земною мыслью, тождественною съ гласомъ русскаго народа.

20-го мая переѣхалъ къ намъ генералъ-губернаторъ Коцебу на лѣтній сезонъ, что опять давало намъ надежду полагать, что Ихъ Величества пожелаютъ переносить испытаніе свое вдали отъ шумной столицы. Слѣдя за газетными публикаціями, мы прочитали, что тѣло покойнаго Наслѣдника Николая Александровича доставлено въ Петербургъ и предано погребенію, что столица наводнилась депутатами отъ всѣхъ почти большихъ городовъ, прибывавшихъ съ цѣлью выразить предъ обожаемымъ Монархомъ сочувствіе въ постигшемъ его несчастіи, и что Императоръ, тронутый такимъ искреннимъ сочувствіемъ народа своего, счелъ пріятнымъ выразить депутаціямъ благодарность отдѣльнымъ приказомъ на имя петербургскаго генералъ-губернатора.

Вслѣдъ затѣмъ мы узнали, что всѣ начатыя въ Ливадіи постройки по рисункамъ архитектора Монигети вполнѣ закончены и сданы мѣстному управленію. Это опять заставило всѣхъ подняться на Высочайшій пріѣздъ, но вслѣдъ затѣмъ открылась холера въ Константинополѣ, которую по предположенію однихъ завезли изъ Египта, а другихъ изъ Мекки отъ зловонія, причиняемаго жертвоприношеніями мусульманъ на одномъ мѣстѣ [1]). Въ добавленіе къ этимъ непріятнымъ извѣстіямъ въ Россіи начались чуть не повсемѣстно пожары отъ поджоговъ, въ которыхъ обвиняли поляковъ и евреевъ. Имѣя въ виду такое неблагополучное состояніе окрестностей южнаго берега, мы, несмотря на то, что приступлено даже къ постройкѣ моста чрезъ рѣчку „Учанъ-су“ для облегченія сообщенія съ Ливадіею, перестали думать о пожалованіи Царской семьи и отложили наши надежды на будущій годъ.

Но и въ этотъ годъ мы вновь увидѣли нашего Царя въ изданныхъ имъ новыхъ судебныхъ уставахъ, въ основу которыхъ положено было искреннее желаніе правды и милости. Намъ всѣмъ почти было извѣстно, что Императоръ давно уже былъ озабоченъ этимъ благомъ и что подъ его личнымъ наблюденіемъ и руководствомъ трудились лучшія силы столицы. Уставы эти могли оцѣнить только бѣдные люди, не имѣвшіе покровителей, участь и достояніе которыхъ до настоящаго времени были въ рукахъ мелкихъ, невѣжественныхъ чиновниковъ, пользовавшихся случаемъ проявлять свои хищническія наклон-

---

[1]) Болѣзнь эта поглотила въ одномъ Константинополѣ до 180 тыс. людей и распространилась съ одной стороны до Испаніи, а съ другой до Одессы, Керчи и Кутаисской области.

ности и не считать бѣдныхъ людей достойными законнаго правосудія. Милостивый Царь лишилъ этихъ хищниковъ всѣхъ правъ, приказавъ призвать къ суду стороннихъ людей и предоставить ихъ совѣсти обвинить или оправдать по заслугамъ своего члена семьи и приговоръ ихъ считать священнымъ на томъ основаніи, что никому не можетъ быть выгоды отъ дѣйствія противъ совѣсти и клятвы предъ крестомъ и Евангеліемъ. Перечитавъ эти уставы, намъ послышались незабвенныя слова Императрицы Екатерины Великой: „лучше помиловать 10 виновныхъ, чѣмъ осудить одного невиннаго“. Слова эти отнынѣ превращены въ аксіому и останутся навсегда непоколебимыми въ душѣ каждаго, призваннаго къ суду присяжныхъ.

Не этимъ только ограничилась царская заботливость о народѣ. Въ этотъ годъ покоренъ былъ Ташкентъ, образована Туркестанская область, дополнено и измѣнено постановленіе о печати, учреждено министерство путей сообщенія и почтъ и телеграфовъ, утверждено предположеніе о новомъ устройствѣ быта крестьянъ Кутаисской губерніи, введено новое положеніе о пошлинахъ за право торговли и промысловъ и ратификованы почтовыя и телеграфныя конвенціи съ Пруссіею, Франціею и Даніею.

Кромѣ этого, послѣ завоеванія Кокандскихъ крѣпостей: Ніязъ-Бекъ, Чиназа, Ташкента, Келеучи и Пскента и съ занятіемъ долины рѣки Чотканъ, мы расширили наши азіатскія владѣнія еще на 40.096 кв. верстъ.

1866 годъ начался для Ялтинскихъ жителей, какъ и прошедшіе, скукою и однообразіемъ. Весь февраль былъ ужасно вѣтряный и мокрый. Въ мартѣ, мы узнали, что господарь Молдавіи и Валахіи изгнанъ недовольнымъ народомъ и что наше правительство сняло изъ Рима свой посланническій постъ.

7-го апрѣля вбѣжалъ ко мнѣ Мустафа и дрожащимъ голосомъ заявилъ, что вчера вечеромъ получена въ Ялтѣ телеграмма, извѣщающая о покушеніи какого-то святотатца или разбойника на жизнь нашего Государя; что всѣ почти односельцы его сбѣжались въ мечеть и по инціативѣ ихъ хатипа Абибулы-эфенди совершили благодарственное Господу Богу молебствіе. Въ заключеніе онъ началъ просить написать адресъ отъ имени его Его Величеству.

Событіе это произвело въ Ялтѣ и Ливадіи удручающее впечатлѣніе. Не зная подробностей, всѣ думали, что злодѣй былъ изъ поляковъ, желавшій отомстить за то, что русскій Монархъ задумалъ населить ихъ царство русскими и воспретилъ продавать земли

полякамъ и евреямъ; при чемъ для болѣе успѣшнаго хода дѣла повелѣлъ раздавать русскимъ засеквестрованныя имѣнія по цѣнѣ 10-ти лѣтней сложности доходовъ съ выплатою въ продолженіе 20-ти лѣтъ.

Нѣсколько дней спустя сообщены были газетами подробности ужаснувшаго Россію событія. Злодѣй, дерзнувшій выстрѣлить въ Его Величество, былъ 20-ти лѣтній юноша, вольный слушатель Московскаго университета, дворянинъ Саратовской губерніи, Каракозовъ [1]), который, повидимому, давно искалъ удобнаго случая исполнить замыселъ свой и нашелъ его въ 4-й день апрѣля, когда Императоръ съ свойственнымъ довѣріемъ къ обожавшимъ его подданнымъ хотѣлъ войти въ Лѣтній садъ. Къ счастью, находившійся около злоумышленника шапочный подмастерье, урожденецъ Костромской губерніи, также юноша 22 лѣтъ, Осипъ Коммисаровъ, точно по наитію свыше оттолкнулъ враждебную руку съ пистолетомъ, и убійственная пуля миновала благодѣтельнаго вѣнценосца. Мы съ удовольствіемъ прочитали, что безумный варваръ задержанъ, что Коммисаровъ пожалованъ въ дворянское достоинство, что Москва и Петербургъ внесли его въ списокъ своихъ почетныхъ гражданъ, австрійскій императоръ прислалъ орденъ святаго Іосифа, что вся Россія одаряетъ счастливаго бѣдняка деньгами, что портреты его раскупаются нарасхватъ и что одинъ изъ соотечественниковъ его подарилъ спасителю Царя около 800 десятинъ земли.

Событіе это послужило поводомъ всему русскому народу выразить предъ цѣлымъ міромъ, насколько онъ обожаетъ своего Царя. Кромѣ безсчетнаго числа адресовъ, постройки часовни на мѣстѣ спасенія, постановлено было Святѣйшимъ Синодомъ праздновать ежегодно день 4-го апрѣля благодарственною молитвою по всѣмъ церквамъ Имперіи.

Жители Крыма проклинали Каракозова и въ то же время ликовали отъ справедливой защиты Предвѣчнаго Судьи, но мѣсяцъ спустя мы опять были смущены раздорами и вооруженіями Австріи и Пруссіи по поводу отнятыхъ у Даніи провинцій Шлезвига и Голштиніи. Въ сознаніи, что между этими державами произойдетъ столкновеніе, которымъ навѣрно воспользуется Италія съ цѣлью присоединенія Венеціи, мы начали побаиваться вмѣшательства нашего правительства, что, конеч-

---

[1]) Въ переводѣ съ татарскаго черноглазый; нѣтъ сомнѣнія, что предки его были монгольскаго происхожденія.

но, могло воспрепятствовать Высочайшему прiѣзду. Опасенiя наши оправдались отчасти: враждующiя державы взялись за оружiе, и произошли отважныя битвы, которыя могли бы окончиться исчезновенiемъ изъ карты Европы австрiйской имперiи. Италiя, въ качествѣ союзницы Пруссiи, присоединила Венецiю.

Въ данное время, созданный Наполеономъ въ Мексикѣ императоръ Максимилiанъ находился въ критическомъ положенiи и, не предвидя успѣха въ подавленiи народнаго возстанiя безъ внѣшней помощи, вынужденъ былъ выслать жену свою Шарлотту въ Европу, у насъ же путешествовали представители соединонныхъ Американскихъ штатовъ Фоксъ и др., которымъ вездѣ оказывалось изысканное радушiе, давались роскошные обѣды, говорились спичи, стихотворенiя и, вообще, оказывались всѣ знаки дружбы и искренняго расположенiя. Насъ извѣщали также, что дорогiе гости имѣютъ въ виду посѣтить южный берегъ Крыма Константинопольскимъ проливомъ, но когда именно, не могли опредѣлить.

Въ послѣднихъ числахъ iюля прибылъ въ Ореанду Великiй Князь Константинъ Николаевичъ съ старшимъ сыномъ своимъ Николаемъ Константиновичемъ. Приглашенный въ почетные члены только-что основаннаго нами клуба, Его Высочество очень часто посѣщалъ насъ, всегда выражалъ довольство и безпрестанно совершалъ прогулки по окрестностямъ. Не ограничиваясь этимъ, онъ предпринялъ верхомъ чрезъ хребетъ Яйлы трудную поѣздку въ Бахчисарай, Мангупъ и Коккозъ. Въ послѣднемъ Ихъ Высочества встрѣчены были съ хлѣбомъ-солью отъ собравшихся сюда мурзъ, духовенства и татаръ почти всей волости. Затѣмъ владѣтель деревни Али-бей Булгаковъ удостоился сопровождать высокихъ гостей къ себѣ въ домъ, который, а равно и вся улица, мечеть и окружные сады были иллюминованы разноцвѣтными фонарями. Когда Ихъ Высочества вошли въ комнаты, татары, проникнутые благодарностью, сгруппировавшись въ толпу, постановили ежегодно въ память этого дня собираться сюда для молебствiя о благоденствiи всего царствующаго дома. Великiе Князья благосклонно приняли ужинъ, приготовленный почтеннымъ мурзою, состоящiй изъ 17 блюдъ чисто татарской кухни и, переночевавъ, на другой день возвратились, на превосходныхъ лошадяхъ Алибея, въ Ореанду.

9-го августа прибыли въ Ливадiю Ихъ Высочества Великiе Князья Павелъ и Сергiй Александровичи. Для нихъ на этотъ

разъ Ялта въ состоянiи была выстроить надъ пристанью трiумфальную палатку. Ихъ Высочества приняты были всѣми почти начальниками края и хоромъ музыки, а въ Ливадiи почетнымъ карауломъ отъ стрѣлковой роты.

Въ данное время Ялта уже представляла нѣкоторыя развлеченiя для больныхъ или слабосильныхъ прiѣзжихъ, число которыхъ доходило до 200 семействъ. Прежде всего къ ихъ услугамъ являлся клубъ съ читальнею и танцовальными вечерами, по временамъ концерты путешествующихъ артистовъ, прекрасныя верховыя лошади и коляски, чего прежде не существовало здѣсь. Такой наплывъ прiѣзжихъ, большинствомъ поселившихся въ Ауткѣ, приписывали неспокойному состоянiю въ Европѣ и паденiю нашего кредитнаго рубля за границею на половину стоимости.

3-го сентября, по приговору верховнаго суда, чудовищный юноша Каракозовъ повѣшенъ былъ публично. Изъ газетъ не видно, что заставило его поднять руку на помазанника, который никому ничего не сдѣлалъ дурного, а даровалъ такую массу благъ подданнымъ своимъ.

20-го сентября прибылъ съ Кавказа на яхтѣ „Тигръ“ прямо къ Ореандскому берегу, намѣстникъ Михаилъ Николаевичъ.

21-го сентября въ присутствiи Ихъ Императорскихъ Высочествъ Сергiя и Павла Александровичей и Великаго Князя намѣстника Кавказа Михаила Николаевича, происходила на одной изъ возвышенныхъ мѣстностей въ окружности Ливадiи скачка татаръ. Подготовленныхъ къ этому празднику мѣстныхъ лошадей было немного, но приведенныхъ издали гораздо больше. Призы составляли золотые часы, сѣдло и кусокъ дорогой матерiи. Въ центрѣ мѣста, избраннаго для скачки, былъ воздвигнутъ красивый павильонъ для Ихъ Высочествъ, около котораго расположена была съ одной стороны наша флотская, а съ другой татарская музыка. За чертою, предназначенною для бѣга, стояла громадная толпа народа, преимущественно татаръ, любителей подобныхъ зрѣлищъ. Тутъ же стояла арба, запряженная волами, покрытыми краснымъ сукномъ, въ которой сидѣло болѣе десятка молодыхъ татарокъ. Кромѣ скачки по линiи, вокругъ павильона была игра на лошадяхъ въ платки, которую татары исполняютъ съ необыкновенною ловкостью; затѣмъ происходили нацiональные татарскiе танцы и борьба, настолько же уважаемая татарами, насколько и бѣгъ лошадей. Для участвовавшихъ въ играхъ и простонародья приготовленъ былъ зав-

тракъ или вѣрнѣе любимый имъ обѣдъ изъ жареной баранины. Жаль только, что день этотъ былъ вѣтреный и помѣшалъ произвести расчитанный эффектъ иллюминаціи и фейерверку, долженствовавшимъ закончить народный праздникъ.

24-го сентября Ихъ Высочества предприняли поѣздку сухимъ путемъ на Симферополь, Бахчисарай и чрезъ Севастополь возвратились обратно въ Ливадію.

Вслѣдъ затѣмъ мы съ радостію узнали, что бывшая высоконареченная невѣста покойнаго Наслѣдника Николая Александровича обручена съ настоящимъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Александромъ Александровичемъ и что бракосочетаніе совершится 28 октября. Всѣ мы были убѣждены, что бракъ этотъ на много облегчитъ тоску вѣнценосцевъ нашихъ о потерянномъ первенцѣ на зарѣ лучшаго возраста, котораго они такъ любили, и что если до настоящаго времени являлись различныя причины, препятствующія Ихъ Высочествамъ подышать свѣжимъ, цѣлебнымъ воздухомъ и отдохнуть въ отдаленной отъ столичныхъ тревогъ Ливадіи, то теперь, послѣ столькихъ испытаній, они явятся къ намъ съ наступленіемъ лѣта и наберутся новыми силами, чтобы бодрѣе нести тяжелое сіяющее коромысло безпредѣльной монархіи.

Въ теченіе этого года изданы были Высочайшіе указы о волостномъ управленіи въ Остзейскихъ губерніяхъ, объ устройствѣ нотаріальной части, о порядкѣ судопроизводства охранительнаго, уложеніе о наказаніяхъ, взаимное страхованіе строеній, преобразованіе корпуса горныхъ инженеровъ, положеніе о военныхъ гимназіяхъ, упраздненіе вотчинныхъ отношеній въ городахъ Царства Польскаго, разрѣшено въ Лифляндіи всѣмъ христіанамъ пріобрѣтать недвижимое имущество, объявлено о поземельномъ устройствѣ государственныхъ крестьянъ въ 36 губерніяхъ, издано правило о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости въ Мингреліи, учрежденъ комитетъ по дѣламъ Царства Польскаго, указъ о порядкѣ судопроизводства по дѣламъ печати, подчинена почтовая часть въ Царствѣ Польскомъ министерству, издано положеніе о губернскомъ и уѣздномъ управленіи въ губерніяхъ того же царства и заключена почтовая конвенція съ Австріею. Кромѣ этого послѣ завоеванія Коканскихъ крѣпостей: Нау, Ходжента, Ура-Тюбе, Заамина и Джизака съ округомъ Россія вновь пріобрѣла болѣе 30.000 кв. верстъ земли.

Въ такихъ надеждахъ мы встрѣтили 1867 годъ, не прекра-

тившій однако борьбы кандіотовъ съ турками, начавшейся въ прошломъ году, несмотря на вмѣшательство 5 великихъ державъ. Тѣмъ временемъ до насъ начали доходить слухи о желаніи короля Греціи Георга, родного брата принцессы Дагмары, нынѣ Маріи Ѳеодоровны, супруги нашего наслѣдника вступить въ бракосочетаніе съ русскою в. к. Ольгою Константиновною, которой исполнилось уже 16 лѣтъ. Какъ вдругъ насъ смутилъ возбужденный между Франціею и Пруссіею споръ за Люксенбургъ, грозившій разрывомъ и продолжительною борьбою этихъ двухъ великановъ, давно уже искавшихъ случая испытать свои силы. Столкновеніе это было бы неизбѣжно, если бъ не вмѣшался въ дѣло нашъ добрый монархъ и личнымъ вліяніемъ не возстановилъ прежній порядокъ. Надо знать, что Его Величество, приглашенный въ числѣ другихъ монарховъ на выставку въ Парижъ, былъ принятъ французами такъ торжественно, какъ этого потребовалъ Наполеонъ, обращаясь къ городскому мэру съ заявленіемъ, что онъ желаетъ, чтобы Императоръ Россіи былъ принятъ въ Парижѣ, какъ не принимали еще нигдѣ ни одного изъ монарховъ. Но и среди этого блеска и славы нашему славному Государю суждено было вторично содрогнуться отъ выстрѣла, направленнаго въ него рукою поляка и на этотъ разъ самимъ Богомъ недопущеннаго до помазанника своего. Вотъ подробности этого событія, ужаснувшаго всю Францію и массы представителей другихъ странъ и государствъ, прибывшихъ въ это время на всемірную выставку: 25-го мая Его Величество съ императоромъ Наполеономъ и двумя сыновьями своими, возвращаясь въ экипажѣ со смотра, какъ только поровнялся съ одиноко стоявшимъ молодымъ человѣкомъ, оглушенъ былъ громкимъ выстрѣломъ, ранившимъ въ ноздри лошадь шталмейстера Рембо. Естественно, что дерзкій былъ схваченъ на мѣстѣ, при чемъ оказался съ оторванною кистью руки отъ разрыва пистолета, который заряженъ былъ съ избыткомъ. Злодѣй оказался двумя годами старше Каракозова и происходилъ изъ Волынской губерніи изъ рода Березовскихъ, отецъ котораго, какъ оказалось впослѣдствіи по справкамъ, обезчестилъ свою родную дочь. По сознанію его онъ хотѣлъ убить русскаго царя изъ мести за отечество свое Польшу. Французское правительство, оскорбленное такою дерзостію иностранца въ такое время, когда желала заслужить добрую память могущественнаго и прославленнаго царя, къ сожалѣнію, ничего не могло сдѣлать другого, какъ приговорить безумнаго фанатика къ вѣчной каторжной работѣ.

Это второе посягновеніе ничтожнаго и жалкаго существа на такую блистательную, переполненную благими намѣреніями, жизнь императора какъ-то болѣзненно отозвалось въ нашей душѣ. Тайная мысль, что явятся новые отважные, тяготившіеся праздностію и негодностію люди, которые захотятъ сдѣлаться извѣстными въ исторіи великаго монарха посягательствами на него, во имя какихъ-то патріотическихъ принциповъ, какъ-то невольно вкоренилась въ нашемъ воображеніи, и мы сознали, что отнынѣ добрый монархъ не тѣми глазами станетъ смотрѣть на подданныхъ, въ искренность которыхъ такъ безпредѣльно вѣрилъ и никогда можетъ быть не предполагалъ, что въ числѣ ихъ явятся такіе, которые не съумѣютъ взвѣсить его благихъ стремленій. На дѣлѣ оказывалось, что если между преданными 80 милліонами зародятся нѣсколько парадоксальныхъ чудовищъ, то эти милліоны не будутъ въ состояніи защитить жизнь своего царя, чтимаго даже до апотеоза, и не станутъ дѣйствовать въ этомъ смыслѣ хоть-бы гласнымъ образомъ, чтобы парализировать надежды и успѣхи злоумышленниковъ въ средѣ темныхъ людей, легко обманываемыхъ предположеніями, что многіе сочувствуютъ и станутъ сочувствовать ихъ безумнымъ иллюзіямъ и утопіямъ.

Съ тяжелыми предчувствіями мы продолжали слѣдить за политическими событіями въ мірѣ и жаждали поскорѣе видѣть у себя монарха, въ полной увѣренности, что здѣсь мы сохранимъ его въ цѣлости, что здѣсь не найдетъ себѣ притона злодѣй и каждый домовладѣлецъ проникнетъ въ затаенную преступную мысль человѣка, задумавшаго что-либо недоброе. Вотъ въ какомъ состояніи находились въ этомъ году дѣла: кандіоты дрались противъ турокъ и египтянъ, какъ и слѣдовало ожидать, не щадя жизни и благодаря внѣшней матеріальной поддержкѣ. Ихъ знаменитый пароходикъ „Аркадіонъ" по-прежнему находилъ возможность сообщаться съ берегомъ и доставлять воюющимъ провизію и боевые снаряды. Три европейскія державы, покровительствующія Греціи, по-прежнему настаивали о дарованіи свободы взбунтовавшимся въ виду того, что Греція не потерпитъ тѣхъ насилій и несправедливостей, которыя практикуются турками изъ мести къ мирнымъ грекамъ.

Въ Болгаріи также народъ взбунтовался и началъ дѣйствовать оружіемъ противъ притѣснителей. Послѣднее возстаніе обѣщало поднять на ноги всѣ славянскія племена на Балканскомъ полуостровѣ и грозило Турецкой имперіи тѣмъ распаденіемъ, которое заблаговременно предвидѣли западные дипло-

маты и боялись его, какъ страшнаго призрака панславизма, вслѣдствіе чего французское правительство, кажется, задумало войти въ союзъ съ Англіею, Австріею и Италіею противъ нашего вліянія. Къ удовольствію нашему послѣднее не удалось, и мы не теряли надежды видѣть Императора. Въ первыхъ числахъ іюня въ Ливадіи получены положительныя свѣдѣнія о пріѣздѣ царской семьи въ половинѣ текущаго мѣсяца. И вотъ наконецъ 16 іюня съ трехъ часовъ пополудни густая масса южнобережскихъ жителей сплотнилась вокругъ ялтинской пристани, украшенной красивымъ павильономъ, который сверху убранъ былъ разноцвѣтными флагами, а внутри весь обитъ краснымъ тонкимъ сукномъ, а по сторонамъ закрытъ занавѣсами съ широкими бахрамами. Плафонъ павильона и бока положительно были закрыты горшечными цвѣтами и зеленью. Вся пристань по бокамъ обтянута была красными канатами и красивыми колонками, вдоль которыхъ шли гирляндами плющи, а полъ, устланный коврами, засыпанъ былъ лавровою зеленью и цвѣтами. Глубокая тишина царствовала въ массѣ народа. Казалось, что всѣ были изумлены торжественнымъ видомъ крошечной Ялты, завѣшанной коврами, флагами и зеленью. Нѣсколько экипажей изящной формы и въ томъ числѣ одинъ подъ атласнымъ зонтикомъ, стоявшіе у пристани, довершали прекрасную картину. Вдругъ зашумѣла молчаливая толпа, и раздались восторженные голоса: за Ореандскимъ мысомъ показался пароходъ „Тигръ". Величественно онъ подошелъ на самое близкое разстояніе къ пристани и въ то время, когда зашумѣлъ якорь, грянула музыка.

Графъ Стенбокъ, камергеръ Миллеръ и другіе придворные чины выступили впередъ къ ступенямъ, а нѣсколько минутъ спустя съ Ялты отчалилъ барказъ съ Государынею Императрицею и августѣйшими дѣтьми ея. Музыканты ялтинскаго клуба заиграли маршъ и народный гимнъ. Ея Величество, несмотря на усталость и значительную перемѣну здоровья, съ милостивою улыбкою принимала восторженные крики народа, поднесенную хлѣбъ-соль и роскошные букеты, а затѣмъ, сопровождаемая казаками и гвардейцами крымско-татарскаго эскадрона, изволила уѣхалъ въ Ливадію.

Вечеромъ Ялта была иллюминована плошками и пылающими кострами, а окрестныя дачи разноцвѣтными фонарями.

20-го числа мы удостоились вторично видѣть Ея Величество, проѣхавшую по Ялтѣ въ экипажѣ безъ всякаго конвоя

Здоровье Ея, повидимому, сильно разстроилось съ того времени, какъ мы не видѣли Ея Величества.

На слѣдующій день утромъ часовъ въ 7-мъ В. К. Марія Александровна въ сопровожденіи фрейлины и другихъ придворныхъ изволила прибыть въ экипажѣ въ Аутку, откуда верхомъ направилась къ водопаду „Учанъ-Су“, такъ какъ въ то время не существовало шоссейной дороги. Естественно, что обитатели обѣихъ деревень Аутки выбѣжали полюбоваться прелестною наружностію дочери обожаемаго Монарха.

Къ этому году въ Ялтѣ открыта четвертая небольшая гостиница для пріѣзжихъ, которыхъ начало появляться все больше и больше.

Отъ Мустафы, который по-прежнему почти ежедневно бывалъ въ Ливадіи и встрѣчался съ Государынею Императрицею, я узналъ, что Его Величество не можетъ пріѣхать въ Крымъ раньше какъ въ концѣ іюля. Сообщеніе это подверждалось многими распоряженіями, подрядами, заказами и наймами множества прислуги, верховыхъ лошадей, проводниковъ и т. п., и наконецъ къ всеобщему удовольствію 26 іюля въ 2 часа пополудни опять предъ нами явилась императорская яхта „Тигръ“ съ знакомымъ штандартомъ, вѣстникомъ народнаго ожиданія, а за нею постоянный конвоиръ, всегда чистенькій и быстрый для того времени небольшой пароходъ „Казбекъ“. Эти давніе и неразлучные въ торжественныхъ случаяхъ друзья подняли на ноги всѣхъ жителей города и ближайшихъ деревень, которые побѣжали и поскакали къ пристани, чтобы взглянуть на того, память милостей котораго они не забывали и въ продолженіе трехъ лѣтъ жаждали видѣть. Намъ нечего говорить, что на этотъ разъ ялтинская пристань, съ вновь воздвигнутымъ роскошнымъ павильономъ, разукрашена была всѣмъ, что могли придумать лучшаго по средствамъ своимъ представители мѣстной интеллигенціи [1]), что вмѣсто одного явились три хора музыки, а вдоль пристани поставлены были шпалерами въ бѣлыхъ платьяхъ съ цвѣтами въ рукахъ небольшія дѣвочки мѣстныхъ и пріѣзжихъ родителей. Лишь только пароходы бросили якоря на пристань, вошла Государыня Императрица съ августѣйшими дѣтьми въ сопровожденіи статсъ-дамъ, фрейлинъ,

---

[1]) Всѣ эти приготовленія сдѣланы не только по иниціативѣ грека Николая Бакалова, но и большинство денегъ затрачены изъ его средствъ. Бакалову отчасти послѣдовалъ караимъ Бабакай и татары Бекировы. Подробности показаны будутъ современемъ.

придворныхъ чиновъ и генералъ-губернатора Коцебу. Государь Императоръ прибылъ съ В. К. Владиміромъ Александровичемъ и послѣ объятій съ семействомъ и выслушанія привѣтствій со стороны представителей края, при звукахъ народнаго гимна и оглушительныхъ крикахъ „ура", показался восторженному народу. При первомъ взглядѣ на этого рѣзко выдѣлявшагося отъ всѣхъ станомъ и величественнымъ видомъ Монарха, мы не могли не замѣтить, что время и событія потрясли его богатырскій организмъ и положили свой отпечатокъ на этомъ еще недавно свѣжемъ и румяномъ лицѣ, нынѣ поблѣднѣвшемъ и какъ бы утерявшемъ свой веселый и покойный видъ.

Въ числѣ сопровождавшихъ Императорскую семью до экипажей находился и князь Воронцовъ съ женою, владѣтель Алупки, человѣкъ, котораго настолько же не любили южнобережскіе жители, насколько чтили и уважали его покойнаго отца [1]). Этотъ Воронцовъ для дополненія торжества привезъ съ собою также музыку, которая помѣстилась въ сторонѣ, какъ бы съ цѣлью показать, что она желаетъ привѣтствовать Монарха безъ всякаго отношенія къ остальнымъ.

Ихъ Величества и теперь, какъ бывало и прежде, въ сопровожденіи отряда конныхъ гвардейцевъ и массы экипажей съ придворными и начальствующими сейчасъ же отбыли въ Ливадію вдоль набережной улицы, установленной флагами и тріумфальными временными арками на разстояніи до крайняго моста чрезъ горную рѣчку „Учанъ-Су".

Мнѣ разсказывали, что Его Величество на третій день послѣ пріѣзда въ Ливадію, посѣтивъ Аутинскій лѣсъ, выразилъ сожалѣніе, что владѣльцы этой дачи неразумно истребляютъ лѣса, и предложилъ принять надлежащія мѣры къ предупрежденію общаго вреда. Замѣчаніе Государя было вполнѣ справедливо, но лѣса эти, какъ впослѣдствіи оказалось, продавались на ливадскія постройки и на выжиганіе для нихъ извести.

27 іюля Его Величество посѣтилъ Ялту и гулялъ съ командирами стоящихъ на рейдѣ пароходовъ по ея крошечному бульвару. Замѣтно было, что онъ чувствовалъ себя бодрѣе.

На слѣдующій день онъ проѣхалъ верхомъ въ сопровожденіи одного казака деревню Аутку, гдѣ лично замѣтилъ нѣсколько погребковъ на главной улицѣ, отъ которыхъ происхо-

---

[1]) О Воронцовѣ этомъ мы сохранили много свѣдѣній, которыя можетъ быть сдѣлаются извѣстными гораздо позже нашей смерти.

дили безобразія. Замѣчаніе это послужило поводомъ, что послѣдовало запрещеніе, чтобы въ этихъ деревняхъ никто не смѣлъ заниматься продажею спиртныхъ напитковъ.

Его Величество посѣтилъ деревенскій храмъ и удостоилъ мѣстнаго священника нѣсколькими вопросами. Надо полагать, что эта крошечная тогда, древняя церковь обратила на себя его вниманіе, потому что на другой день ее посѣтили августѣйшія дѣти и одна изъ фрейлинъ графиня Толстая, желавшая поучиться греческому языку у аутинскаго священника Іордана Пайдаси, который, несмотря на свое анатолійское происхожденіе, усвоилъ нѣкоторый лоскъ и манеру почтительнаго обращенія. Графиня Толстая была родная дочь оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода и слѣдовательно могла оказать громадную протекцію этому священнику, если бъ онъ этого заслуживалъ по степени образованія, но такъ какъ за нимъ не было этого даже ценза и вдобавокъ онъ не пользовался расположеніемъ своего епархіальнаго начальства, то труды его впослѣдствіи вознаграждены были наперснымъ крестомъ [1]) и тѣмъ еще, что, посѣщая молодую фрейлину, онъ познакомился со многими придворными и подружилъ съ камеръ-фурьеромъ Императрицы П. А. Алексѣевымъ, чрезвычайно любившимъ заботиться объ украшеніи бѣдныхъ церквей, который съ этого времени не переставалъ посѣщать Аутинскую церковь и распоряжаться въ ней какъ въ собственномъ домѣ. Мы не знаемъ хорошо, какими средствами и правами обладалъ Алексѣевъ, но всѣмъ извѣстно, что его жертвами, трудами и ходатайствами не только украсился этотъ храмъ, но и ризница его обогатилась дорогими церковными принадлежностями.

Вотъ какія были послѣдствія перваго посѣщенія Его Величествомъ нашей деревенской церкви.

30-го іюля прибылъ изъ Константинополя на пароходѣ „Тамань“ нашъ чрезвычайный посланникъ генералъ Игнатьевъ

---

[1]) Награда эта вызвала ужасное негодованіе со стороны умершаго нынѣ архіерея Гурія, но всѣ способы, употребленные преосвященнымъ, не умѣли успѣха. Сколько намъ извѣстно, дѣло началось вопросомъ оберъ-прокурора, почему до настоящаго времени служившій болѣе 30 лѣтъ въ священническомъ санѣ Іорданъ Пайдаси не былъ представляемъ къ наградѣ? Вопросъ этотъ покоробилъ честолюбиваго Гурія, и онъ собственноручно положилъ резолюцію: „отвѣчать, что Іорданъ Пайдаси находился подъ судомъ“. Пайдаси дѣйствительно много лѣтъ тому назадъ былъ приговоренъ къ эпитеміи, но наказаніе это было снято съ него. Въ заключеніе онъ наперекоръ Гурію получилъ орденъ, но вслѣдъ затѣмъ жестоко поплатился, потерявъ свою службу.

съ семействомъ и занялъ ливадскій домъ въ Ялтѣ, который заново былъ перестроенъ. Онъ былъ вызванъ Его Величествомъ, по поводу неурядицъ, происходившихъ въ Турціи. Генералъ Игнатьевъ пользовался въ то время большимъ авторитетомъ въ дипломатическомъ мірѣ, и многіе были убѣждены, что турецкое правительство считало его за геніальнѣйшаго человѣка. Это былъ мущина лѣтъ 38, средняго роста, хорошо сложенъ, съ нѣсколько приплюснутымъ лицомъ и довольно длинными горизонтально вытянутыми усами. Мы очень хорошо знали, что этого человѣка любили въ Константинополѣ греки и оказывали ему такія почести, какихъ не удостоивался ни одинъ султанскій визирь. Въ Игнатьевѣ намъ особенно понравилось его самоуваженіе и полнѣйшій индифферентизмъ ко всему, чѣмъ другіе увлекаются, съ цѣлью обратить на себя вниманіе другихъ.

Мы полагали, что этого моднаго посланника выѣдетъ кто-нибудь изъ Ливадіи встрѣтить, но никого не было на пристани, за исключеніемъ полицейскихъ и придворнаго лакея, который указалъ ему предназначенное помѣщеніе.

Въ тотъ же день посѣтилъ Ялту снова Государь Императоръ съ семействомъ, но не останавливался.

Вслѣдъ затѣмъ Ялта начала наводняться различнаго рода торговцами, которыхъ здѣсь никогда не видѣли раньше: явились продавщики мороженаго, различнаго рода кондиторскихъ печеній, стереоскопные кабинеты съ сюрпризами, литературные вечера, концерты, продавцы галантерейныхъ вещицъ и т. п. Нѣтъ сомнѣнія, что въ массѣ этихъ авантюристовъ полиція подмѣтила много сомнительныхъ личностей, вслѣдствіе чего сдѣлано было распоряженіе, что въ Ливадію могутъ входить только лица, получившія на это право по рекомендаціи мѣстнаго исправника. Исправникъ естественно старался уклониться отъ этой рекомендаціи подъ различными предлогами, и въ Ялтѣ создалось ложное убѣжденіе, что Императоръ пересталъ довѣрять обожавшимъ его подданнымъ. Однако къ всеобщему удовольствію скоро разрѣшился вопросъ, кого не слѣдуетъ впускать въ царское имѣніе, и снова интеллигентная публика не встрѣчала никакихъ затрудненій видѣть монарха и его семью въ патріархальной обстановкѣ.

1-го августа Ея И. В. В. К. Марія Александровна съ братьями, несмотря на свой юношескій возрастъ, соизволили совершить поѣздку въ Бахчисарай сухимъ путемъ.

Въ это время прибыла въ Ялту жена абхазскаго владѣтельнаго князя Абашидзе съ двумя дочерьми съ ходатайствомъ о помилованіи ея мужа, сосланнаго въ Астрахань за то, что въ домѣ ихъ былъ убитъ полковникъ Каньяръ, управляющій Абхазіею [1]). Она прибыла съ цѣлью просить у Императора помилованія съ десяткомъ заранѣе приготовленныхъ черновыхъ прошеній, которыя показала расположенному къ ней начальнику Черноморскаго флота вице-адмиралу Глазенапу. Прочитавъ ихъ всѣ, Глазенапъ сказалъ, что они не внушаютъ довѣрія, и посовѣтовалъ обратиться съ просьбою ко мнѣ. Княгиня Абашидзе въ тотъ же день прислала ко мнѣ своего родственника, какого-то молодого адъютанта, также князя, съ просьбою, чтобы я взялся составить ей всеподданнѣйшее письмо Его Величеству. Я началъ уклоняться, но вслѣдствіе настояній и унизительныхъ просьбъ, рѣшился выслушать княгиню, которая послѣ ссылки мужа лишилась всѣхъ правъ владѣть своими имѣніями въ наслѣдственномъ княжествѣ, умоляла меня оказать ей вспомоществованіе.

— Я вамъ дамъ лучшее изъ моихъ имѣній—сказала она, если написанное вами прошеніе возвратитъ мужу моему свободу, а намъ возвратитъ право собственности.

— А сдержите ли ваше слово? спросилъ я.

Княгиня стала на колѣни и подняла руки къ небу.

Этого достаточно было, чтобы убѣдить меня. Я возвратился домой и цѣлую недѣлю провозился надъ составленіемъ всеподданнѣйшей просьбы отъ ея имени, которая благосклонно была принята Императоромъ и вызвала въ добромъ Монархѣ милостивую резолюцію.

Когда же я узналъ объ этомъ, княгиня уже уѣхала изъ Ялты и вѣроятно съ восторгомъ, что встрѣтила въ провинціи молодого человѣка, котораго съумѣла обмануть такъ, какъ не обманулъ бы ни одинъ поденщикъ и нищій. Я никогда не забывалъ этой подлости и завѣщаю потомству моему помнить, что фамилія князей Абашидзе обязана мнѣ всѣмъ, что находится въ ихъ распоряженіи. Я не желаю имъ зла, но до тѣхъ поръ, пока они не дозволятъ мнѣ или дѣтямъ моимъ выбрать по договору ихъ лучшее имѣніе, чтобы предъ ними

---

[1]) Князья Абашидзе, какъ я узналъ впослѣдствіи и въ 20-хъ годахъ, были замѣшаны въ убійствѣ правителя Имеретіи полковника Пузыревскаго.

представлялся ликъ ихъ матери или бабушки съ поднятыми къ небу руками. Есть и бываютъ случаи, когда при всемъ нашемъ желаніи простить обманщикамъ наша кровь вопіетъ, и невольно льются проклятія, въ предположеніи, что справедливое Провидѣніе съумѣетъ отплатитъ имъ десятерницею.

Мнѣ кажется, что многіе не забыли, что полковникъ Каньяръ, видя взбунтовавшуюся, безъ сомнѣнія по инпціативѣ владѣтельнаго князя, чернь, за освобожденіе ихъ отъ рабства, вынужденъ былъ скрыться въ его дворцѣ, но хитрый князь, какъ надо полагать, самъ извѣстилъ бунтовщиковъ, гдѣ онъ находится, и указалъ на печь, куда несчастный скрылся и откуда былъ въ присутствіи ихъ выволоченъ и варварски убитъ. Между тѣмъ княгиня послѣ кары увѣряла меня, что, несмотря на то, что она скрывала его подъ юбками своими, онъ былъ вырванъ и растерзанъ народомъ. Только впослѣдствіи я убѣдился, что она позорно лгала предо мною и еще позорнѣе вызвала во мнѣ сочувствіе, котораго была недостойна, какъ соучастница въ пролитіи невинной крови, въ видахъ личнаго интереса. Мнѣ остается только всегда сожалѣть, что я явился нѣкоторымъ образомъ спасителемъ этихъ убійцъ и пожелать, чтобы кровь этого невиннаго человѣка пала на родъ этихъ убійцъ, оправданныхъ письмомъ низко и подло обманутаго человѣка.

Тѣмъ временемъ пріѣхалъ изъ отдаленной отъ столицъ глуши какой-то престарѣлый купчикъ, кажется, Трубниковъ, съ единственною цѣлью взглянуть на Императора вблизи. Разсказавъ чуть-ли не всему городу объ этомъ, онъ по цѣлымъ днямъ бродилъ по набережной и въ окрестностяхъ Ливадіи, но какъ на зло ему не удавалось. Бѣднякъ съ такимъ сожалѣніемъ разсказывалъ про свою неудачу, что всѣ мы начали сочувствовать ему и употребляли все зависящее отъ насъ. Въ концѣ концовъ Трубникову сказали, что сегодня Его Величество пожалуетъ въ Ялту для осмотра какого-то военнаго судна. Купчикъ въ ту же минуту побѣжалъ къ пристани и выбралъ самое удобное мѣсто, но такъ какъ этого нельзя было допустить, то полицейскіе заставили его отодвинуться назадъ и очутиться въ толпѣ, откуда онъ по близорукости своей ничего не могъ видѣть.

— Ну, нѣтъ, не по-вашему будетъ—сердился купецъ, обращаясь къ полицейскимъ—я прибылъ за тысячу верстъ, чтобы разъ увидѣть Батюшку Освободителя нашего, а они гонятъ.

Да я чрезъ огонь пройду, а не возвращусь домой, пока не достигну своего намѣренія. Пусть меня рѣжутъ и казнятъ, а я долженъ сдѣлать мое дѣло.

При этомъ онъ опять начиналъ просить окружавшихъ дать ему возможность выставиться впередъ.

Въ это время послышался голосъ полицейскаго, чтобы публика разступилась и естественно затерли маленькаго горящаго нетерпѣніемъ купчика; но лишь только царскій экипажъ остановился и Государь спустился на землю, Трубниковъ рванулся сквозь толпу впередъ, но такъ неловко, что наступилъ на ногу прекраснаго породистаго царскаго сеттера „Милорда", который не замедлилъ рвануть его въ свою очередь за ногу и сдѣлать рану. Трубниковъ съ крикомъ попятился назадъ, но не спускалъ глазъ съ Монарха. Такое странное поведеніе маленькаго старичка естественно не осталось безъ замѣчанія со стороны Его Величества, и онъ поинтересовался узнать, что могло заставить этого человѣка лѣзть на проломъ къ Его экипажу. Когда объяснили Государю дѣйствительную причину, Онъ подозвалъ раненнаго и приказалъ ему обратиться къ лейбъ-медику въ Ливадію, который подастъ ему помочь.

Трубниковъ сіялъ отъ удовольствія и тутъ же, обращаясь къ стоявшимъ около него, сказалъ, что онъ не намѣренъ лѣчить раны и готовъ переносить боль, какъ воспоминаніе лучшаго дня въ своей жизни. Часъ спустя этотъ человѣкъ, вполнѣ удовлетворенный, выѣхалъ изъ Ялты на перекладныхъ, обѣщая по возвращеніи на родину отслужить 40 благодарственныхъ молебновъ Александру Невскому.

2-го августа, въ сопровожденіи Амета, В. К. Владиміръ Александровичъ ѣздилъ на охоту въ ближайшія лѣсныя дачи.

Въ этотъ періодъ времени Ялта снова наводнилась севастопольскими матросскими вдовами съ медалями за Крымскую кампанію и защиту Севастополя и сотнями бѣдныхъ, нуждающихся и не нуждающихся въ царскомъ пособіи. Одни изъ нихъ указывали на заслуги мужей, другіе на личныя дѣйствія. Просьбы подавались на имя Государя, Государыни и Великихъ Князей. Изъ этой массы выдѣлялись въ особенности два старика, увѣшанныхъ какими-то импровизированными знаками отличія: большими мѣдными крестами, у концовъ которыхъ прикрѣплена была луна, медали за тысячелѣтіе Россіи и т. п. Они, кромѣ того, что искали Монаршьяго пособія, ходили по дворамъ, разсказывали небывалыя событія, но и безъ стѣсненія

просили у всѣхъ милостыни. Это крайне забавляло туземцевъ, не имѣвшихъ понятія о томъ, что люди совершенно здоровые пріучили себя жить на чужой счетъ.

Одновременно съ выѣздомъ В. К. Владиміра Александровича на охоту выѣхала съ младшимъ братомъ своимъ Великая Княжна Марія Александровна сухимъ путемъ на Бахчисарай, чтобы взглянуть на обитель Крымскихъ хановъ и вмѣстѣ съ тѣмъ проѣздиться.

Вслѣдъ за тѣмъ прибыли въ Ливадію депутаты отъ 12 деревень Байдарской долины, самые пожилые люди, съ жалобою на притѣснителя ихъ графа Мордвинова, съ которымъ они и отцы судятся около 75 лѣтъ и никакъ не могутъ добиться своихъ наслѣдственныхъ правъ. Эти почтенные и дѣйствительно крайне обиженные люди были приняты и выслушаны съ сочувствіемъ, но, къ сожалѣнію, имъ не удалось видѣть Императора и просьба ихъ отправлена была въ то учрежденіе, гдѣ оставалось это дѣло безъ движенія многіе десятки лѣтъ.

8-го августа въ полдень прибылъ изъ Константинополя въ качествѣ турецкаго посланника министръ иностранныхъ дѣлъ Фуадъ-паша на великолѣпномъ пароходѣ „Султаніэ", на которомъ падишахъ недавно совершилъ свою поѣздку на Парижскую всемірную выставку съ подарками Наполеону и императрицѣ Евгеніи [1]). По обязанности моей, я долженъ былъ разрѣшить ему сообщеніе съ городомъ, но и на этотъ разъ меня предупредили чиновники генералъ-губернатора, чающіе награды, такъ что я долженъ былъ поѣхать на пароходъ, послѣ того какъ зять султана съѣхалъ на пристань, гдѣ былъ встрѣченъ лицами свиты Его Величества, высланными для пріема его изъ Ливадіи, полицейскими и представителями городскихъ сословій. Пароходъ этотъ такъ поразилъ меня своимъ изящнымъ для того времени внутреннимъ устройствомъ, что я пробылъ на немъ около двухъ часовъ, разсматривая все до мелочей. Постараемся описать замѣченное: вступающій на пароходъ прежде всего останавливался съ удовольствіемъ у подножья лѣстницы, ведущей въ султанскіе покои. Она замѣчательна была не однимъ удобствомъ и художественною рѣзьбою, но и тѣмъ, что балюстрады ея сдѣланы были изъ чистаго хрусталя; затѣмъ изумляла обширная зала съ прелестнымъ плафономъ и множествомъ изящно рисованныхъ на стеклѣ картинъ. Вся ме-

---

[1]) Первому подарено 8 чистокровныхъ арабскихъ жеребцовъ, а послѣдней золотой кофейникъ, усыпанный драгоцѣнными камнями.

бель ея была позолочена и обтянута дорогими шелковыми матеріями, а столики выложены массивными кусками серебра. Изъ этой роскошной комнаты я введенъ былъ въ столовую, хотя также прекрасную, но слишкомъ темную, занятую во всю длину не совсѣмъ чистымъ столомъ. Спальня султана также довольно велика была для одного человѣка. Противъ нея была расположена баня, занятая почти во все протяженіе мраморной ванною, предъ которой стояли грубыя дубовыя ходули, необходимая обувь турка послѣ омовенія тѣла, чтобы не ступать босыми ногами на нечистую воду. На палубѣ, далеко уступающей по чистотѣ нашимъ пароходамъ, устроены были два великолѣпныхъ павильона (рубки), обитые также дорогими матеріями съ прекрасною мебелью. Между ними ходилъ мѣрными шагами часовой съ ружьемъ на плечѣ. Когда я приблизился къ одному изъ павильоновъ, часовой этотъ пустился со мною въ разговоры, и это, повидимому, у турокъ не считалось нарушеніемъ дисциплины. Я спросилъ у него, какъ идутъ ихъ дѣла съ кандіотами. Мы ихъ рѣжемъ и давимъ, какъ собакъ,—отвѣчалъ онъ. Тѣ же слова я слышалъ и отъ офицеровъ, когда сошелся съ ними. На пароходѣ оказалось 250 человѣкъ, составлявшихъ штатный экипажъ. Въ числѣ ихъ не было ни одного иновѣрца, за исключеніемъ машиниста съ помощникомъ. По положенію матросы завтракаютъ два раза въ день: утромъ и въ полдень, а обѣдаютъ вечеромъ. Въ урочный часъ ихъ призываютъ къ этому посредствомъ *трампетека* или барабана съ пискливою дудкою. Матросы обязаны были служить султану 8 лѣтъ. Изъ дальнѣйшихъ разспросовъ я узналъ, что „Султаніэ“ построена въ Англіи по заказу египетскаго вицекороля, который и презентовалъ ее въ прошломъ году Абдулъ-Азизу.

Почтенный Фуадъ-паша поселенъ былъ въ нижнемъ этажѣ бывшей гостиницы Галахова, которая убрана была заранѣе очень роскошно. Намъ удалось узнать, что первымъ вопросомъ гостя было: „А гдѣ же молодая хозяйка, которую я надѣялся увидѣть, чтобы составить себѣ понятіе о крымскихъ женщинахъ“? Вопросъ этотъ сейчасъ же былъ разъясненъ адъютантомъ паши тому, кому поручено было заботиться о кейфѣ важнаго сановника и, разумѣется, часъ спустя предъ его турецкимъ превосходительствомъ очутилась элегантная искательница подобныхъ приключеній, которыя нарочно пріѣзжали въ Ялту для дополненія удобствъ сезонной жизни.

На другой день, 9-го августа, паша имѣлъ счастье представляться Его Величеству въ Ливадіи. Насъ чрезвычайно изу-

мило, что никто почти изъ татаръ, единовѣрцевъ турокъ, не вышелъ навстрѣчу даже на пристань, чтобы взглянуть на уполномоченное лицо своего калифа по религіи, да и послѣ, когда городъ постоянно былъ полонъ турками, я не замѣчалъ никакого между ними сношенія.

Послѣ возвращенія Фуадъ-паши изъ Ливадіи, гдѣ онъ принятъ былъ съ подобающимъ достоинствомъ, пароходъ его былъ посѣщенъ Августѣйшими дѣтьми, фрейлинами и важнѣйшими лицами свиты, гдѣ имѣли роскошный завтракъ, къ которому приглашены были жена генералъ-губернатора Коцебу, супруга нашего посла при Оттоманской Портѣ m-me Игнатьева, графиня Сумарокова-Эльстонъ и княгиня Воронцова. Осчастливленный честью посѣщенія высокихъ гостей, въ высшей степени любезный хозяинъ выказалъ при пріемѣ полное радушіе и гостепріимство восточнаго аристократа. Послѣ непродолжительнаго отдыха Фуадъ-паша провелъ вечеръ у князя Воронцова въ Масандрѣ, гдѣ кушалъ чай и ужиналъ. Тѣмъ временемъ, состоящіе въ свитѣ его чиновники и офицеры провели вечеръ въ нашемъ клубѣ и принимали участіе въ танцахъ.

10-го числа утромъ турецкій пароходъ посѣтилъ Его Высочество Великій Князь Владиміръ Александровичъ. Лишь только онъ подъѣхалъ къ трапу, пароходъ расцвѣтился флагами и въ такомъ видѣ оставался до съѣзда на берегъ Великаго Князя.

Въ тотъ же день Фуадъ-пашѣ доставлены были Высочайше пожалованные знаки ордена св. Благовѣрнаго князя Александра Невскаго съ приглашеніемъ пожаловать къ царскому столу. Турецкій министръ съ восторгомъ принялъ это благоволеніе русскаго Монарха и, два-три часа спустя, мы видѣли его, украшеннаго красивою лентою нашего ордена, слѣдующаго въ царскую резиденцію на царскомъ экипажѣ. Его по обыкновенію сопровождалъ секретарь Кіамиль-бей и нѣсколько адъютантовъ, которые также удостоились получить ордена, соотвѣтственные ихъ положенію и чинамъ. Послѣ прощальной аудіенціи Фуадъ-паша со всѣми окружавшими его лицами приглашенъ былъ къ императорскому столу въ $5^1/_2$ час. пополудни, сопровождаемый до султанской яхты полковникомъ барономъ Остенъ-Сакеномъ, возвратился на квартиру, видимо тронутый весьма привѣтливымъ пріемомъ и милостями, оказанными ему Государемъ Императоромъ. Мы сказали, что Фуадъ-пашу сопровождалъ баронъ Остенъ-Сакенъ. Это лежало на его обязанности, такъ какъ онъ откомандированъ былъ генералъ-губернаторомъ

состоять при турецкомъ сановникѣ во все время пребыванія его на южномъ берегу.

Прибытіе султанской яхты на ялтинскій рейдъ послужило большимъ развлеченіемъ для жителей г. Ялты и пріѣзжей публики и въ то же время выгоднымъ источникомъ пріобрѣтенія для нѣсколькихъ лодочниковъ, которые съ утра до вечера перевозили публику, желавшую осмотрѣть этотъ роскошный пароходъ.

11-го августа Фуадъ-паша простился съ представителями мѣстной власти и сопровождаемый ими до пристани переѣхалъ на свое судно. Одновременно и я повезъ на пароходъ всѣ необходимыя бумаги. Вахтенный офицеръ пригласилъ меня на чашку кофе, который мы пили vis-à-vis съ министромъ, поджавшимъ подъ себя ноги и весело разсказывавшимъ съ капитаномъ судна и нѣкоторыми другими лицами. Они говорили на своемъ языкѣ, который мнѣ былъ хорошо извѣстенъ, и я заключилъ, что люди эти дѣйствительно были очарованы не только нашимъ радушіемъ, но и красотою южнаго берега.

Часъ спустя „Султаніэ" снялась съ якоря безъ всякихъ салютовъ, такъ точно, какъ и вошла въ нашу бухту.

Въ тотъ же день вечеромъ возвратился къ посту своему въ Константинополь нашъ посланникъ генералъ Игнатьевъ, пробывшій въ Ялтѣ съ 30-го іюля. Поспѣшный отъѣздъ его, говорили, находится въ соотношеніи столкновенія турецкаго флота съ нашими крейсерами въ Архипелагѣ. Я разспрашивалъ объ этомъ дѣлѣ у одного изъ офицеровъ на „Султаніэ", но опроверженія его излагались такъ не логично, что надо признать въ винѣ турокъ, пожелавшихъ показать себя хозяевами на Архипелагѣ.

Число пріѣзжихъ послѣ отъѣзда турецкаго посланника начало съ каждымъ днемъ увеличиваться. Объ Ялтѣ и ея климатѣ и виноградѣ печатались статьи не только по русскимъ, но и по иностраннымъ газетамъ. Всѣмъ почти было извѣстно, что край этотъ съ половины августа начинаетъ пользоваться лучшими условіями для жизни: во-первыхъ, прекращаются дожди и начинаютъ созрѣвать всѣ почти лучшіе плоды и въ томъ числѣ знаменитый южно-бережскій виноградъ, какой едва-ли можно было встрѣтить на одной мѣстности Европы въ такомъ разнообразіи сортовъ. Пріѣзжіе эти, которыми не эксплоатировали въ то время медики и фактора, по собственному соображенію стремились удаляться отъ близкаго сосѣдства къ морю и низменности, куда по естественному закону стремятся

всѣ подземные горные ключи и всякаго рода міазма [1]), и находили себѣ простенькія, но благопріятныя для здоровья помѣщенія въ двухъ сосѣднихъ Ауткахъ, не сподручныхъ для всякаго рода эксплоататоровъ или, какъ называютъ ихъ въ наше время туземцы, пауковъ, раскинувшихъ паутину, сквозь которую не легко пройти пріѣзжему и, въ особенности, больному, готовому довѣриться всякому, рекомендовавшемуся дипломомъ или факторскимъ правомъ.

12-го августа въ 8 часовъ утра прибылъ въ Ялту Великій Князь Намѣстникъ Кавказа Михаилъ Николаевичъ съ семействомъ. За нѣсколько минутъ до того времени, какъ императорская яхта „Тигръ“ бросила якорь, изволила прибыть изъ Ливадіи Ея Величество Государыня Императрица въ сопровожденіи значительной свиты для встрѣчи Его Высочества. На этотъ разъ вниманіе публики въ особенности обращено было на двухъ сыновей Великаго Князя и именно: Михаила Михаиловича, бывшаго въ мундирѣ Брестскаго имени своего полка, коего рота содержала въ настоящее время почетный караулъ въ Ливадіи, и Николая Михаиловича въ мундирѣ гвардейской конной артиллеріи. Намѣстникъ Кавказа съ семействомъ направились въ Ореанду.

13-го числа совершенно неожиданно на ялтинскій рейдъ прибылъ американскій пароходъ „Quaker-City“ съ за-атлантическими путешественниками, которыхъ такъ радушно принимали мы въ Петербургѣ и Москвѣ, которымъ изъ дружбы уступили за деньги наши американскія владѣнія и которымъ съ такимъ паѳосомъ прочитано было нарочно написанное Розенгеймомъ стихотвореніе, при разлукѣ ихъ съ Москвою [2]). Лишь только

---

[1]) Въ настоящее же время это дѣлается напротивъ: всѣ стараются занять квартиры на этихъ соблазнительныхъ мѣстахъ, и естественно большинство больныхъ или хуже себя чувствуетъ или преждевременно умираетъ.

[2]) Стихотвореніе это мы считаемъ не лишнимъ напомнить читателямъ:

„Вы уѣзжайте: Богъ помощь въ дальній путь,
Передовые послы великаго народа!
Грядущее темно, но что впередъ ни будь,
Не позабудетъ Русь въ ней вашего прихода.
Спасибо вамъ еще! Чрезъ бурный океанъ,
Въ сочувствіи своемъ, для васъ уже не новомъ,
Явилися вы къ намъ отъ вашихъ согражданъ,
Съ привѣтомъ искреннимъ, съ сердечнымъ, теплымъ словомъ.
Европа старая равно и васъ и насъ
Въ безплодной зависти не любитъ и боится,

народъ освѣдомился, кто были эти гости и съ какою цѣлью прибыли, начали стекаться на пристань.

По обязанности моей я не замедлилъ явиться къ нимъ и разрѣшить свободное сообщеніе съ городомъ. Къ удовольствію моему, они шли не изъ кавказскихъ береговъ, гдѣ въ то время продолжала свою жатву холера. На пароходѣ этомъ оказалось, кажется, 70 туристовъ, которые путешествовали на всемъ готовомъ отъ антрепренера, по предварительно установленному маршруту и другимъ условіямъ. Зная, съ какимъ радушіемъ ихъ

Давно, въ дни нашихъ бѣдъ, безслѣдно каждый разъ,
Она исподтишка коварно веселится.
И ей не по сердцу теперь скрѣпленіе узъ,
Связующихъ давно два сильные народа,
И ей не по сердцу вашъ дружескій союзъ,
Союзъ властителей Заката и Восхода.
Но лживъ тотъ страхъ ея и суетная вражда!
И вы и мы—народы Провидѣнья;
И честный вашъ союзъ не будетъ никогда
Лукавой сдѣлкою, безсильнымъ, въ притѣсненье.
Да, честенъ вашъ союзъ; вамъ нечего хитрить.
Въ насъ слишкомъ много силъ—намъ незачѣмъ таиться.
Съумѣетъ всякъ изъ насъ враговъ своихъ смирить,
Съумѣетъ каждый самъ отъ недруговъ отбиться.
Да, честенъ нашъ союзъ. Мы рады были вамъ
Безъ всякихъ заднихъ думъ и замысловъ сокрытыхъ;
Затѣмъ и принималъ народъ васъ русскій самъ
И чествовалъ своихъ гостей въ васъ именитыхъ.
Прощайте-жъ! въ добрый часъ! Отъѣзда мигъ насталъ.
„Богъ помощь вамъ“ въ пути сердечное примите;
За угощеніе на всемъ, чѣмъ Богъ послалъ,
За русскую хлѣбъ-соль, вы насъ не посудите,
Прощайте! Да цвѣтетъ могучій нашъ союзъ!
Но, разставаяся, ввѣряетъ вамъ Россія
На ваши корабли принять такой же грузъ,
Какой вы привезли намъ, гости дорогіе.
Да, прежде чѣмъ отъ насъ исчезнетъ звѣздный флагъ
Въ туманной Балтикѣ, за дальнымъ небосклономъ
Ввѣряемъ вамъ снести привѣтъ въ своихъ сердцахъ
Отъ нашихъ женщинъ вашимъ женамъ.
Ввѣряемъ вамъ снести отъ русскихъ всѣхъ дѣтей
Дѣтямъ Америки сердечное объятье,
Всѣмъ вашимъ гражданамъ отъ гражданъ Руси всей
Честное, крѣпкое, какъ сталь рукопожатье“.
Ввѣряемъ вамъ еще, не словомъ, по душой,
Снести въ душахъ поклонъ великій, всенародный
Отъ нашей матери, отъ всей Руси святой
Всей вашей родинѣ единой и свободной.

принимали у насъ въ минувшемъ году на сѣверѣ, мы быть можетъ и въ свою очередь приготовили бы имъ какой-нибудь сюрпризъ, но внезапность испортила всякое желаніе. Какъ единственный чиновникъ, вышедшій къ нимъ навстрѣчу, но не уполномоченный никѣмъ привѣтствовать ихъ, я понятно воздержался отъ всякихъ звучныхъ фразъ, но далъ понять капитану парохода, что онъ и пассажиры его встрѣтятъ въ каждомъ домѣ полнѣйшее радушіе и гостепріимство. Капитанъ спросилъ у меня о государѣ, и дозволяется ли всѣмъ посѣщать Ливадію, но остальные окружившіе меня и говорившіе по-французски, дѣлали такое множество различныхъ вопросомъ, что я не раньше двухъ часовъ могъ возвратиться на пристань съ докладомъ начальству.

Нѣсколько времени спустя съѣхали первые пассажиры въ городъ и разсыпались по различнымъ направленіямъ. Изъ нихъ двое узнавшіе меня просили рекомендовать имъ проводниковъ и экипажи на Ливадію, Ореанду, Алупку и другія лучшія мѣстности южнаго берега. Затѣмъ разспрашивали объ образѣ жизни Августѣйшей семьи, о народонаселеніи, о производительности, климатѣ и т. п. Къ вечеру всѣ они возвратились обратно на судно и долго освѣщали рейдъ бенгальскими огнями и ракетами.

На слѣдующій день всѣ путешественники сошли на городскую пристань и пѣшкомъ направились съ женами и сестрами въ Ливадію, гдѣ ихъ приняли съ привѣтомъ и поручено было показать все достопримѣчательное, но когда доложено было Государю Императору, Его Величество самъ соблаговолилъ выйти къ нимъ навстрѣчу и поздравить съ пріѣздомъ. Этого мало, Монархъ лично повелъ ихъ по ближайшимъ аллеямъ и обращалъ ихъ вниманіе на болѣе интересные растенія и предметы. Такое вниманіе Монарха очаровало американцевъ, не смѣвшихъ, разумѣется, ожидать отъ русскаго Царя такой чистосердечной расположенности къ частнымъ лицамъ [1]). Дальнѣйшею заботливостію своею Государь вызвалъ у всѣхъ безъ исключенія туристовъ такое благоговѣніе къ особѣ своей, что здѣсь впервые присвоено было ему названіе, которымъ не пользовался ни одинъ изъ самыхъ доблестныхъ и величайшихъ властителей народовъ и именно: „украшеніемъ рода человѣческаго".

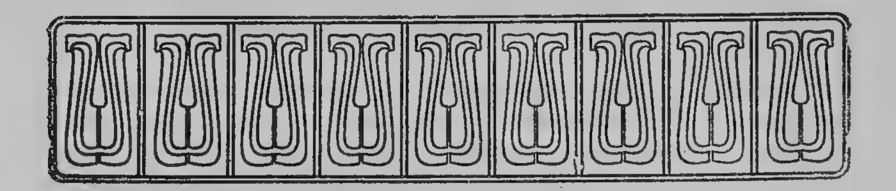
---

[1]) Почти одновременно на Балтійскомъ морѣ на большомъ Кронштатскомъ рейдѣ на фрегатѣ „Рюрикъ" управляющій морскимъ министерствомъ Н. К. Краббе давалъ обѣдъ знаменитому ихъ адмиралу Фаррагуту и всѣмъ членамъ и командирамъ американской эскадры.

Американцы пробыли у насъ 3 дня, въ теченіе этого времени они не оставались ни минуты въ городѣ, а ѣздили по дачамъ, окрестнымъ деревнямъ и на горы. Многіе изъ мѣстныхъ жителей и пріѣзжихъ интересовались осмотрѣть ихъ пароходъ не принятой пока у насъ конструкціи и вообще посмотрѣть на образъ содержанія туристовъ, но во все это время море такъ волновалось, что никто не рѣшался выѣзжать на маленькихъ лодкахъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Михаилъ Никифоровичъ Катковъ и графъ Петръ Александровичъ Валуевъ въ ихъ перепискѣ.

(1863—1879 г.г.).

Михаилъ Никифоровичъ Катковъ занимаетъ такое крупное мѣсто въ исторіи нашего умственнаго развитія и нашей общественности во вторую половину XIX вѣка, что о значеніи каждой строки написанной имъ не можетъ быть и сомнѣнія. Имя графа П. А. Валуева, одного изъ ближайшихъ и главнѣйшихъ сотрудниковъ Императора Александра II, образованнѣйшаго и умнѣйшаго изъ министровъ того времени, также достаточно извѣстно, чтобы оцѣнить, насколько взаимная переписка между даровитымъ публицистомъ и выдающимся государственнымъ дѣятелемъ представляется заслуживающей вниманія читателей „Русской Старины".

Письма М. Н. Каткова на имя Валуева доставлены намъ роднымъ племянникомъ покойнаго Л. С. Макова, бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ, — Алексѣемъ Николаевичемъ Бороздинымъ, ново-вилейскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства.—Наслѣдники М. Н. Каткова:—дочь его, баронесса Софія Михайловна Энгельгардтъ и сынъ Андрей Михайловичъ Катковъ, давъ мнѣ разрѣшеніе печатать ниже приводимыя письма ихъ покойнаго родителя, предоставили въ мое распоряженіе и отвѣтныя письма П. А. Валуева.

Пользуюсь настоящимъ случаемъ, чтобы, на страницахъ „Русской Старины", принести печатную нашу глубокую благодарность баронессѣ С. М. Энгельгардтъ, А. М. Каткову и А. Н. Бороздину за доставленные имъ цѣнные историческіе документы.

Писемъ Каткова нами печатается всего восемь, Валуева,—тридцать, одна телеграмма и двѣ записки.—Нѣкоторыя письма Каткова, на которыя имѣются печатаемыя ниже отвѣтныя письма Валуева,—утрачены и содержанiе ихъ возможно возстановить лишь по тѣмъ даннымъ, которыя содержатся въ упомянутыхъ письмахъ Валуева.

Письма Каткова относятся къ 1863 и 1864 годамъ. Большинство писемъ Валуева датировано также этими годами, затѣмъ слѣдуетъ перерывъ переписки и послѣдняя возобновляется снова въ 1869 году, послѣ оставленiя Валуевымъ поста министра внутреннихъ дѣлъ. При этомъ надо отмѣтить, что тонъ, характеръ и самое содержанiе писемъ Валуева къ Каткову послѣ 1864 года совершенно измѣняются: изъ дружескаго по внѣшности, довѣрительнаго обмѣна мыслей, затрогивавшаго самые животрепещущiе вопросы дня—переписка переходитъ въ холодно-оффицiозную и при томъ малосодержательную. Письмо Валуева, отъ 21-го ноября 1864 года, въ послѣдней его части, содержитъ объясненiя причины разномыслiя, взаимнаго охлажденiя и отчужденiя между корреспондентами.

Какъ возникло знакомство Каткова съ Валуевымъ и чѣмъ, ближайшимъ образомъ, вызвано ихъ взаимное стремленiе къ живому, откровенному обмѣну мыслей—намъ не извѣстно. Возможно, что знакомство между редакторомъ „Московскихъ Вѣдомостей“ и „Русскаго Вѣстника“ и министромъ внутреннихъ дѣлъ—началось при представленiи Катковымъ Валуеву, въ 1861 г., когда Валуевъ справлялъ еще свой медовый мѣсяцъ управленiя министерствомъ, коллективной записки нѣкоторыхъ издателей наиболѣе крупныхъ органовъ перiодической печати—о желательныхъ улучшенiяхъ въ положенiи этой печати. Во всякомъ случаѣ мотивы сближенiя Валуева съ Катковымъ, или точнѣе возникшей между ними переписки, вполнѣ понятны.—Ко времени начала этой корреспонденцiи Катковъ занималъ выдающееся положенiе среди другихъ современныхъ литераторовъ, какъ талантливый публицистъ, создатель политической нашей печати, сдѣлавшiйся руководителемъ общественнаго мнѣнiя, выразителемъ идей и пожеланiй лучшей части русскаго интеллигентнаго общества. Валуевъ, придававшiй большое значенiе популяризацiи своей дѣятельности въ глазахъ общества, старавшiйся захватить въ свои руки не только руководительство нашей внутренней политикой, но и общественнымъ мнѣнiемъ, проводя въ сознанiе общества, въ желаемомъ имъ духѣ и направленiи, свои идеи о новыхъ началахъ государственнаго

и общественнаго строя, желательныхъ и даже необходимыхъ, по его мнѣнію, для России, послѣ Севастопольскаго погрома, выраженныхъ имъ въ знаменитой запискѣ „Думы Русскаго" („Русская Старина" 1891 г. № 5), а затѣмъ во Всеподданнѣйшемъ докладѣ о преобразованіи Государственнаго Совѣта, въ смыслѣ соединенія бюрократической конституціи съ самодержавіемъ.— Поэтому Валуевъ желалъ, кромѣ, созданнаго имъ въ Петербургѣ оффиціальнаго органа министерства внутреннихъ дѣлъ— „Сѣверной Почты" имѣть—въ Москвѣ полуоффиціальный органъ печати, который служилъ бы послушнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ талантливымъ выразителемъ желаній, мнѣній своего патрона. Конечно, весьма было заманчиво для такой цѣли привлечь Каткова, столь популярнаго и талантливаго публициста, воспользовавшись редактируемыми имъ „Московскими Вѣдомостями" и „Русскимъ Вѣстникомъ", какъ это сдѣланъ другой министръ— Головнинъ (министръ народнаго просвѣщенія) съ „Голосомъ" [1]. Катковъ же шелъ на такое сближеніе съ министромъ, вовсе не желая поступаться своими мнѣніями и убѣжденіями, но думая извлечь для себя возможную пользу изъ близкихъ отношеній къ министру, чтобы избавиться, главнымъ образомъ, отъ излишней придирчивости цензуры и имѣть иногда болѣе свѣжія и вѣрныя свѣдѣнія по разнымъ текущимъ вопросамъ и дѣламъ нашей внутренней жизни и политики. Умѣренно либеральный и вмѣстѣ съ тѣмъ патріотическій образъ мыслей, сочувствіе всѣмъ начинаніяхъ и реформамъ Императора Александра II—вотъ что сближало въ то время министра внутреннихъ дѣлъ съ московскимъ публицистомъ. Но въ характерѣ, нравственномъ обличьи и основныхъ убѣжденіяхъ обоихъ корреспондентовъ заключались сѣмена ихъ послѣдующей размолвки, ихъ взаимнаго непониманія и раздраженія.

Либерализмъ на космополитической и феодально-аристократической подкладкѣ и внѣшняя мягкость Валуева были неискренними и напускными; слово и дѣло почти всегда расходились у него, либеральныя фразы и проводимое, на-ряду съ либеральными положеніями во всѣхъ законопроектахъ, проходившихъ черезъ руки Валуева,—недовѣріе къ началамъ само-

---

[1]) Создавъ оффиціальный органъ министерства внутреннихъ дѣлъ „Сѣверную Почту", Валуевъ, занявшій въ 1880 г. постъ предсѣдателя Комитета Министровъ, способствовалъ образованію оффиціознаго органа печати „Берегъ" Цитовича; этотъ органъ, какъ раньше „Сѣверная Почта", ведшая полемику съ Милютинымъ—повелъ атаку на соперника Валуева—по вліянію на высшія придворныя сферы—графа Д. А. Толстого.

управленія, общественной иниціативѣ, закрѣпленіе бюрократическаго произвола и безотвѣтственности, стремленіе къ централизаціи—все, что впослѣдствіи Валуевъ, въ своемъ дневникѣ, осуждалъ въ современныхъ ему государственныхъ дѣятеляхъ, красной нитью проходило черезъ всю государственную дѣятельность Валуева [1]), придавая двойственность, половинчатость и недодѣланность его закопроектамъ. Мало того, Валуевъ никогда не исповѣдывалъ опредѣленнаго credo, готовъ былъ всегда поступиться своими мнѣніями, если признавалъ это для себя почему-либо выгоднымъ, стремился не только сглаживать всякія крайности, но и соединять иногда начала непримиримыя. Одной изъ главнѣйшихъ пружинъ всей дѣятельности Валуева было его чрезмѣрное честолюбіе и властолюбіе, и ею объясняется та непримиримая ненависть, которой дышатъ отзывы Валуева о всѣхъ, кто такъ или иначе являлся соперникомъ его по власти и вліянію въ дѣлахъ государственныхъ. Сначала объектомъ его ненависти былъ Муравьевъ, виновникъ его карьеры и возвышенія, затѣмъ Великій Князь Константинъ Николаевичъ, чрезвычайно благосклонно относившійся къ нему, затѣмъ Д. А. Милютинъ, наконецъ графъ М. Т. Лорисъ-Меликовъ. Неустойчивость взглядовъ Валуева заставляла заподозривать его всегда въ неискренности и отталкивала отъ него тѣхъ, кто такъ или иначе входилъ съ нимъ въ тѣсное, дѣловое общеніе. Неустойчивость эта происходила, главнымъ образомъ, изъ желанія популярничанія и прежде всего изъ стремленія угодить лицамъ вліятельнымъ и сильнымъ въ данную минуту, при дворѣ. Одинъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ Валуева, сенаторъ Шумахеръ, очень мѣтко охарактеризовалъ Валуева, сказавъ, что девизомъ своего герба ему слѣдовало бы избрать изреченіе: „и нашимъ и вашимъ".

М. Н. Катковъ представляется человѣкомъ совершенно иного склада характера и образа мыслей: страстный, рѣшительный, прямолинейный, въ томъ, что онъ признавалъ въ данную минуту благомъ для Россіи, справедливымъ или истиннымъ; онъ никогда не шелъ на компромиссы, сдѣлки со своей совѣстью, оставаясь всегда самимъ собою, хотя бы, отстаивая слѣпо свое мнѣніе, ему и приходилось иногда отставаться почти совершенно одинокимъ; онъ не шелъ за теченіемъ, а умѣлъ только вести за собою толпу, не потакая ея вкусамъ, не ища

[1]) Какъ извѣстно, Валуевъ принадлежалъ къ извѣстному „кружку шестнадцати", въ 40 годахъ XIX отъ представителей либеральной аристократической молодежи состоявшей.

популярности. Девизомъ Каткова, которому служилъ свято всю жизнь, было: „отечество и государство, Россія и Царь“ и завѣтомъ, который онъ отстаивалъ всегда и который оставилъ грядущимъ поколѣніямъ, былъ призывъ: „не растратить среди всѣхъ шатаній мысли все, что получили мы отъ нашей исторіи, въ видѣ національной и политической силы“.

Темы, обсуждаемыя въ печатаемыхъ ниже письмахъ Валуева и Каткова, главнымъ образомъ, касаются боевыхъ, животрепещущихъ и крупнѣйшихъ вопросовъ нашей политической и общественной жизни, и какъ ни странно, несмотря на цѣлое полустолѣтіе, отдѣляющее насъ отъ эпохи, когда написаны были эти письма, — вопросы, въ нихъ затрагиваемые, не потеряли своей свѣжести, своего интереса и значенія въ наше время.

Главный вопросъ, который затрагивается Валуевымъ и Катковымъ въ ихъ перепискѣ — это вопросъ о завершеніи реформъ Александра II по обновленію нашего государственнаго и національнаго строя — созданіи представительства, участіи общества въ обсужденіи всѣхъ существеннѣйшихъ политическихъ, религіозныхъ, соціальныхъ вопросовъ, въ особомъ представительномъ учрежденіи и рѣшеніе всѣхъ хозяйственныхъ, мѣстныхъ вопросовъ выборными отъ общества, на мѣстахъ, лучшими его людьми.

Сходясь съ Валуевымъ, въ эпоху, которая затрагивается печатаемыми ниже письмами, во взглядахъ на необходимость реорганизаціи нашего центральнаго и мѣстнаго управленій, носившихъ до этого строго бюрократическій характеръ, не отвѣчавшій потребностямъ и задачамъ современной государственной жизни, а также общественному настроенію—Катковъ расходился съ Валуевымъ въ подробностяхъ этой реорганизаціи, особенно въ созданіи новыхъ выборныхъ органовъ мѣстныхъ управленій, на задачи и характеръ этого самоуправленія.

Вопросу о представительствѣ Катковъ посвятилъ одну изъ самыхъ замѣчательныхъ статей своихъ въ № 3 „Русскаго Вѣстника“ подъ заглавіемъ „Что же намъ дѣлать съ Польшей?“ выдержки изъ которой приведены ниже. „Представительство необходимо безъ замедленія“, писалъ Катковъ Валуеву, въ письмѣ отъ 16 сентября 1863 г. Валуева, въ это время, также занималъ вопросъ о созданіи представительнаго учрежденія, для чего онъ думалъ реорганизовать Государственный Совѣтъ и въ 1863 году представилъ Императору Александру II записку, въ которой доказывалъ, что для предупрежденія броженія внутри Россіи и предотвращенія возможнаго вмѣшательства европей-

ской коалиціи на защиту Польши—необходимо создать особый совѣщательный органъ изъ выборныхъ отъ населенія городовъ и земскихъ собраній — депутатовъ для участія ихъ въ законодательствѣ и дѣлахъ высшаго управленія, не затрагивая, однако, прерогативъ верховной власти; этотъ совѣщательный органъ долженъ былъ дѣйствовать лишь періодически — въ составѣ бюрократическаго Государственнаго Совѣта, для обсужденія лишь нѣкоторыхъ особо поручаемыхъ ему дѣлъ. Проектъ Каткова, какъ увидимъ ниже, былъ шире и прежде всего не смѣшивалъ выборныхъ отъ населенія съ назначенными правительствомъ чиновниками, а строго оберегалъ свой представительный органъ отъ бюрократическаго элемента. Въ этомъ заключалась разница обоихъ проектовъ.

Другой вопросъ, который также живо занимаетъ обоихъ корреспондентовъ —вопросъ о земскомъ самоуправленіи.—Катковъ ставилъ шире вопросъ о реорганизаціи мѣстнаго управленія и проектировалъ созданіе земскихъ органовъ не въ формѣ робкаго допущенія общества до обсужденія своихъ, исключительно мѣстныхъ, хозяйственныхъ нуждъ, подъ усиленнымъ контролемъ административныхъ органовъ, а въ формѣ дѣятельнѣйшаго участія мѣстныхъ элементовъ: крупныхъ землевладѣльцевъ, помѣстнаго дворянства, коллективныхъ группъ остального населенія уѣздовъ, губерній—въ обсужденіи всѣхъ мѣстныхъ нуждъ, бережно охраняемыхъ отъ всякаго вмѣшательства бюрократическаго элемента.

У Каткова былъ свой проектъ организаціи земства, чтеніе котораго Валуевъ устранилъ въ Государственномъ Совѣтѣ при обсужденіи внесеннаго въ Совѣтъ Валуевскаго проекта земскаго положенія, находя, что чтеніе это было бы профанаціей высшаго государственнаго учрежденія [1]).

Смѣю сказать, писалъ Катковъ—Валуеву (письмо отъ 16 сентября 1863 г.), по поводу проекта послѣдняго „Положенія о земскихъ учрежденіяхъ“,—„что вы совершили бы истинно государственное дѣло, если бы рѣшились пересмотрѣть основанія проекта. Онъ возникъ подъ вліяніемъ той мысли, что земское собраніе должно имѣть исключительно хозяйственный характеръ. Но многое измѣнилось съ того времени. Теперь, послѣ тѣхъ событій, которыя совершились, и при томъ направленіи,

---

[1]) Подробно объ этомъ въ книгѣ Джанщіева: „Эпоха великихъ реформъ“ 4 изданіе.

которое, очевидно, приняло дѣло, эти учрежденія, очевидно, должны стать элементами всей нашей *политической жизни*".

Однако Каткову не удалось убѣдить Валуева въ правильности своей мысли о томъ характерѣ, который должны имѣть будущія земскія учрежденія, какъ элементъ „политической" нашей жизни. Положеніе 1 января 1864 г. о земскихъ учрежденіяхъ представляло весьма робкую попытку привлеченія общественныхъ выборныхъ элементовъ къ обсужденію мѣстныхъ хозяйственныхъ вопросовъ, подъ контролемъ могущественной бюрократіи. Это положеніе являлось почти дословнымъ повтореніемъ Валуевскаго проекта. Къ участію въ разработкѣ этого важнѣйшаго государственнаго акта царствованія Императора Александра II не привлекались общественные элементы и, какъ охарактеризовалъ этотъ законодательный актъ И. С. Аксаковъ въ газетѣ „День", законъ этотъ „былъ плодомъ тяжкаго усердія административныхъ лицъ внѣ помощи общественной, безъ пособія органическаго творчества жизни".

Катковъ, привѣтствуя въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" появленіе земскаго положенія,—высказался о немъ осторожно: „законъ этотъ имѣетъ особенную важность, не по тѣмъ спеціальнымъ учрежденіямъ (собраніямъ и управамъ), которыя онъ создаетъ, а по тѣмъ *началамъ*, которыя онъ вызываетъ въ нашей народной организаціи.—Въ этихъ-то началахъ заключается его *главное значеніе*. До сихъ поръ русскій народъ не имѣлъ совокупной организаціи; теперь онъ имѣетъ ее".

Кромѣ вопросовъ объ организаціи представительства и земскаго самоуправленія взгляды Каткова и Валуева рѣзко расходились въ оцѣнкѣ началъ нашей окраинной политики. Валуевъ стоялъ на почвѣ космополитическаго либерализма за широкую автономію окраинъ, а Катковъ на почвѣ національной, отстаивалъ великодержавную политику, цѣлость и недѣлимость государства, какъ политическаго организма, допускалъ особенности мѣстной жизни, свободу вѣроисповѣданія, употребленіе мѣстныхъ языковъ въ мѣстныхъ учрежденіяхъ, школахъ, но при условіи обязательнаго преподаванія русскаго языка, какъ государственнаго, при объединеніи выборныхъ отъ всего государства въ одномъ общемъ представительномъ учрежденіи.

Польское возстаніе 1863 года рѣзко поставило вопросъ польскій и связанные съ нимъ вопросы о возрожденіи русской народности въ Юго-Западномъ и Сѣверо-Западномъ краяхъ, устройствѣ быта крестьянъ, освобожденіи отъ личной и экономической зависимости отъ польскихъ помѣщиковъ.

Стоя за цѣлость и недѣлимость Россіи, Катковъ рѣшительно отвергалъ допустимость отдѣльнаго автономнаго существованія Царства Польскаго въ нашихъ государственныхъ интересахъ, доказывая, что поляковъ вовсе не удовлетворитъ автономія Царства—безъ Литвы, части Юго-Западной Россіи и Бѣлоруссіи, что въ своемъ требованіи автономіи они подразумѣваютъ Польшу, не иначе какъ въ предѣлахъ королевства до перваго его раздѣла, и что уступка, которую сдѣлали бы, идя навстрѣчу ихъ желаніямъ,—созданіемъ автономнаго Царства Польскаго—явилась бы лишь перемиріемъ въ нашемъ столкновеніи съ Польшей, а не миромъ, создавая въ будущемъ почву для новыхъ недоразумѣній и притязаній со стороны поляковъ. По мнѣнію Каткова—дарованіе „представительства" и политическихъ правъ всѣмъ гражданамъ великой Россіи—вотъ что можетъ разрѣшить польскій и другіе окраинные вопросы, тѣсно соединить ихъ съ Россіей, удовлетворивъ назрѣвшей потребности въ представительномъ учрежденіи и пользованіи политическими правами, привязать инородцевъ къ ихъ общему великому отечеству—Россіи, и прекратить всѣ сепаратическія тенденціи. Но при этомъ необходимо, по мнѣнію Каткова, поддерживать во имя исторической справедливости русскую народность на нашихъ окраинахъ, поставить ее въ положеніе не подчиненное отъ мѣстныхъ инородческихъ элементовъ. Въ виду этого Катковъ стоялъ за самыя рѣшительныя мѣры къ освобожденію крестьянъ отъ всякихъ обязательныхъ отношеній къ помѣщикамъ въ Сѣверо-Западномъ и отчасти Юго-Западномъ краяхъ, высказывая горячее сочувствіе радикальнымъ мѣрамъ М. Н. Муравьева въ этомъ направленіи.

Валуевъ держался иныхъ взглядовъ на всѣ эти вопросы изъ ложнаго либерализма и желанія популярности въ европейской печати.—Валуевъ высказывался за самую широкую автономію нашихъ окраинъ и противъ всякихъ мѣръ, направленныхъ къ усиленію нашей силы и мощи въ присоединенныхъ къ Россіи, но сохранившихъ свою національную физіономію, имѣвшихъ свою старую культуру частяхъ имперіи—Польшѣ, Остзейскихъ провинціяхъ и Финляндіи. Исповѣдуя феодально аристократическіе взгляды, Валуевъ особенно противодѣйствовалъ всякимъ соціальнымъ реформамъ, направленнымъ къ поднятію благосостоянія народныхъ массъ и освобожденію ихъ изъ-подъ экономической и гражданской зависимости отъ помѣщиковъ. Изъ угожденія польской аристократіи, имѣвшей вѣсъ и вліяніе при нашемъ дворѣ въ царствованіе Александра II—

онъ стоялъ за преобладаніе польскаго элемента въ Сѣверо-Западномъ и Юго-Западнымъ краяхъ, какъ элемента болѣе культурнаго, и потому являлся однимъ изъ ярыхъ борцовъ противъ всѣхъ начинаній мѣстной власти, по освобожденіи крестьянъ отъ помѣщиковъ въ видѣ обязательнаго выкупа, противъ повышенныхъ сборовъ съ крупныхъ землевладѣльцевъ и вообще помѣщиковъ, противъ конфискаціи ихъ имѣній и т. п.

Отсюда благожелательное отношеніе Валуева къ кіевскому генералъ-губернатору генералу Анненкову, весьма благосклонно относившемуся къ польскимъ помѣщикамъ и мягко, въ ихъ интересахъ, осуществлявшему крестьянскую реформу, и вражда противъ суроваго виленскаго диктатора, графа Муравьева, радикальными средствами вводившаго соціальныя реформы на Литвѣ и въ Бѣлоруссіи, стремившагося къ подавленію польскаго шляхетнаго элемента, какъ враждебнаго нашимъ государственнымъ и національнымъ интересамъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ.

Въ оцѣнкѣ дѣятельности этихъ государственныхъ сановниковъ Катковъ и Валуевъ совершенно расходились. Не разъ, въ письмахъ своихъ къ Каткову, Валуевъ то иронизируетъ по поводу „диѳирамбическихъ“ его отзывовъ о Муравьевѣ, то старается доказать, что онъ солидаренъ съ Муравьевымъ въ рѣшительныхъ его мѣрахъ по подавленію возстанія, но находитъ его роль, съ возстановленіемъ спокойствія въ предѣлахъ Сѣверо-Западнаго края—оконченной, считая этого государственнаго дѣятеля неспособнымъ проводить органическія реформы, въ новой обстановкѣ, для дальнѣйшаго культурнаго развитія края. Но ни иронія Валуева, ни его доводы о неспособности Муравьева къ созидательной дѣятельности въ Литвѣ и Бѣлоруссіи—не дѣйствовали на Каткова, который въ своихъ статьяхъ неизмѣнно поддерживалъ Муравьева. Въ № 167 „Моск. Вѣд.“ отъ 31 іюля 1864 года Катковъ писалъ: „революція въ Литвѣ подавлена съ меньшими военными силами, чѣмъ тѣ, которыя находятся въ распоряженіи варшавскаго правительства, и даже съ меньшимъ кровопролитіемъ и меньшими казнями. Всѣмъ этимъ Литва обязана тому, что Муравьевъ захотѣлъ и съумѣлъ освободить ее отъ террора. Онъ не побоялся крика клеветниковъ, онъ не оробѣлъ передъ угрозами, что, дѣйствуя согласно долгу своему передъ Государемъ и отечествомъ, навлекаетъ проклятіе на свое имя и европейскую войну на Россію, и никто не оказалъ такихъ услугъ дѣлу европейскаго мира и никто теперь не поставилъ такъ высоко своего имени, какъ

Муравьевъ, вырвавшій Литву изъ когтей революціи, отнявшій у польскаго мятежа его главную цѣль". По поводу ухода Муравьева съ поста виленскаго генералъ-губернатора Катковъ, въ № 252 отъ 27 ноября 1865 года, писалъ: „Россія никогда не забудетъ заслугъ этого человѣка въ трудную,—мрачную минуту, и безпристрастный судъ исторіи высоко оцѣнитъ его подвигъ".

Какъ ни чужды были эти хвалебные отзывы Каткова о дѣятельности Муравьева Валуеву и какъ ни далекъ былъ Валуевъ отъ взглядовъ, развиваемыхъ Катковымъ на польскій и связанный съ нимъ вопросы о русской національности и польской культурѣ въ Сѣверо-Западномъ и Юго-Западномъ краяхъ, однако, какъ министръ внутреннихъ дѣлъ, онъ не рѣшался слишкомъ рѣзко высказываться противъ руководящихъ мнѣній Каткова по этимъ вопросамъ, вполнѣ раздѣлявшихся общественнымъ мнѣніемъ въ Россіи, отрезвѣвшимъ послѣ польскаго мятежа отъ увлеченія сочувствіемъ къ угнетаемымъ якобы полякамъ. Зато въ вопросахъ финляндскомъ и остзейскомъ Валуевъ довольно рѣшительно проводилъ свои взгляды, отстаивая права мѣстныхъ учрежденій Финляндіи и Остзейскаго края, и, отчасти, поддерживая ихъ политическія и сословно-феодальныя притязанія. Валуевъ, какъ бывшій курляндскій губернаторъ, считалъ себя знатокомъ мѣстныхъ вопросовъ и нетерпимо относился ко всякому чужому мнѣнію, на эти вопросы, несходившемуся съ его взглядами; на этой почвѣ у него и выходили конфликты съ Катковымъ.

Валуевъ считался въ отношеніи къ Прибалтійскому краю съ сильнымъ вліяніемъ въ то время при нашемъ Дворѣ крупныхъ остзейскихъ помѣщиковъ и потому не препятствовалъ ихъ открытой германизаціи мѣстнаго населенія путемъ школъ и мѣстныхъ административныхъ учрежденій.

Цензурное вѣдомство шло въ этихъ вопросахъ по указаніямъ своего патрона, и Каткову, несмотря на всю силу и горячность его сопротивленія, приходилось волею, неволею молчать, или, какъ онъ выражается въ одномъ изъ писемъ Валуеву—философствовать на эту грустную тему, о связанныхъ рукахъ благонамѣреннаго русскаго публициста, по этимъ жгучимъ вопросамъ, затрагивающимъ наше національное достоинство и государственные интересы.

Не имѣя возможности высказаться вполнѣ на тему о прибалтійскихъ и финляндскихъ притязаніяхъ, Катковъ изливалъ горькое чувство въ формѣ сѣтованій на лже-либеральное направленіе Петербургскихъ канцелярій, духъ космополи-

тизма, ими владѣющій, задѣвая, такимъ образомъ, одержимаго тѣмъ же недугомъ Валуева и доводя его до необходимости защищаться отъ солидарности съ этимъ духомъ, этими тенденціями.

Не удавалось вполнѣ благополучно Каткову проводить и свои взгляды по финансовымъ мѣропріятіямъ правительства, съ которыми онъ не вполнѣ соглашался, особенно горячо протестуя противъ исскуственной поддержки нашего курса, обильнаго выпуска кредитныхъ билетовъ для покрытія дефицита при сведѐніи годового бюджета. Катковъ стоялъ за внутренній заемъ, какъ для покрытія дефицитовъ по смѣтамъ, такъ и для добыванія средствъ на разныя производительныя мѣропріятія, направленныя къ улучшенію условій нашей экономической жизни—постройку желѣзныхъ дорогъ и т. п. И въ этомъ случаѣ Катковъ проводилъ взгляды вполнѣ самостоятельные, лишь случайно совпадавшіе съ видами и намѣреніями нашего финансоваго вѣдомства. — Поэтому въ своей публицистической дѣятельности, по вопросамъ финансовой политики, Каткову приходилось бороться съ министрами: финансовъ и внутреннихъ дѣлъ, направлявшими противъ Каткова цензорскій карандашъ. Но выдающіяся способности Каткова, какъ писателя-публициста, его популярность, заставляли иногда руководителей министерства финансовъ и внутреннихъ дѣлъ прибѣгать къ помощи пера Каткова, чтобы популязировать тѣ мѣры и начинанія ихъ, которыя, какъ они знали, совпадали съ его личными взглядами.

Самостоятельность и выдающаяся честность М. Н. Каткова, котораго ничѣмъ нельзя было подкупить, очень характерно проявились въ любопытномъ случаѣ съ барономъ Френкелемъ— однимъ изъ крупныхъ финансовыхъ дѣльцовъ того времени, имѣвшимъ солидныя связи среди многихъ петербургскихъ сановниковъ, кліентовъ его Варшавскаго банка.

Валуевъ, въ одномъ изъ печатаемыхъ ниже писемъ, очень рекомендовалъ вниманію Каткова этого банкира, ѣздившаго въ Москву съ спеціальной цѣлью познакомиться съ Катковымъ. Однако, зная близкое отношеніе Валуева съ Френкелемъ, Катковъ не задумался, въ цѣломъ рядѣ статей своихъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, разоблачить чрезвычайную невыгодность для рядовыхъ кліентовъ учреждаемаго Френкелемъ банка, Устава этого банка, отдавшаго ихъ вклады въ безконтрольное, полное распоряженіе безотвѣтственнаго передъ ними правленія банка. Катковъ также изобличилъ тайныя цѣли Всеобщаго банка,

учреждаемаго тѣмъ же Френкелемъ для улучшенія финансовыхъ рессурсовъ папы и расширенія католической пропаганды.

Эту же самостоятельность и вмѣстѣ настойчивость въ проведеніи того, что онъ считалъ справедливымъ и вмѣстѣ полезнымъ для Россіи, Катковъ проявилъ въ волновавшемъ тогда правительственныя сферы и наше общество вопросѣ о направленіи Южной желѣзной дороги, долженствовавшей соединить Москву съ нашимъ югомъ, расходясь съ руководителями вѣдомства финансовъ, внутреннихъ дѣлъ и путей сообщенія, отстаивавшихъ свое направленіе и поддерживавшихъ необходимость концессіи одной англійской компаніи.

Постоянная коллизія взглядовъ приводила постепенно къ размолвкѣ между обоими корреспондентами. Несмотря на завѣренія въ искреннемъ расположеніи и благожелательности со стороны Валуева, Катковъ убѣждался все болѣе и болѣе въ неискренности Валуева.—Переписка, сначала оживленная, дѣятельная, достаточно довѣрительная, постепенно замираетъ. Личное свиданіе въ Москвѣ обоихъ корреспондентовъ не измѣняетъ струйки недовѣрія, холодности, которая проникаетъ въ ихъ взаимныя отношенія, наоборотъ, выясняется, что ни тотъ, ни другой изъ корреспондентовъ не пойдутъ на такую уступку, которая граничила бы съ полнымъ подчиненіемъ одного другому; и вотъ переписка, въ концѣ 1864 года, прерывается. Катковъ печатаетъ рѣзкую статью по поводу притѣсненія цензуры, взыскавшей съ него около 500 руб. штрафа за рядъ нарушеній цензурнаго устава. Поднимается противъ Каткова цензурная гроза. Катковъ съ большою смѣлостью и упорствомъ отстаиваетъ права благонамѣреннаго русскаго публициста на свободную проповѣдь въ печати своихъ взглядовъ, которые не могутъ, по самому существу міросозерцанія автора, быть антиправительственными, какъ основанные на глубокой его любви къ родинѣ и преданности Государю. Онъ отказывается напечатать объявленное ему предостереженіе министра внутреннихъ дѣлъ. Газетѣ грозитъ прекращеніе ея дальнѣйшаго существованія. Вся мыслящая Россія, съ живѣйшимъ вниманіемъ, слѣдитъ за борьбой публициста съ министромъ внутреннихъ дѣлъ.—Вотъ что заноситъ академикъ Никитенко, внимательный наблюдатель текущихъ событій, въ свой дневникъ, по поводу этой борьбы. Подъ 5 ноября 1864 г. онъ сообщаетъ, что „членъ Совѣта по дѣламъ печати Пржецлавскій, близкое лицо къ Валуеву, читалъ въ Совѣтѣ свою записку „о злокачественности“ „Московскихъ Вѣдомостей“. Въ запискѣ говорится, что газета была очень

полезна, возбуждала народное чувство во время польскаго возстанія, но потомъ она присвоила себѣ право, дозволенное только въ государствахъ конституціонныхъ, порицать всѣ дѣйствія правительства и высшихъ правительственныхъ лицъ, сдѣлавшись настоящимъ органомъ оппозиціи."—Валуеву нужно было получить сначала одобреніе Совѣта на репрессивныя противъ Каткова мѣры, чтобы спрятаться за нихъ, какъ за ширму, но Совѣтъ уклонился отъ высказыванія своего мнѣнія, постановивъ представить записку самому же Валуеву, на его распоряженіе. Къ концу ноября записка была возвращена министромъ въ Совѣтъ для разсмотрѣнія. „Дѣло это, пишетъ Никитенко, весьма щекотливо. Пржецлавскій поспѣлъ для нанесенія удара газетѣ какъ разъ въ пору, то-есть когда извѣстная партія (Великаго Князя Константина Николаевича) замѣтно усиливается. Въ началѣ 1865 года Валуевъ, въ угоду Головнину [1]), сдѣлалъ распоряженіе объ усиленіи цензурнаго надзора за „Московскими Вѣдомостями". Катковъ — Леонтьевъ рѣшили демонстративно оставить газету и приготовили для этого статью въ одномъ изъ первыхъ январскихъ номеровъ—5 января Московское дворянство постановило выразить редакторамъ „Московскихъ Вѣдомостей" пожеланіе, чтобы слухи о ихъ намѣреніи оставить газету не осуществились. Почти одновременно съ этимъ Комитетъ Министровъ, разсматривавшій ходатайство Московскаго университета объ освобожденіи „Московскихъ Вѣдомостей" отъ предварительной цензуры, постановилъ, не освобождая газеты отъ предварительной цензуры, предоставить, однако, министру внутреннихъ дѣлъ, въ виду благонадежности и патріотическаго направленія издателей-редакторовъ, а также оказанныхъ имъ разныхъ заслугъ, какъ по учебному вѣдомству, такъ и вообще передъ Россіей—оказать редакціи возможныя облегченія въ примѣненіи къ нимъ цензурныхъ правилъ". Въ Комитетѣ Министровъ главными защитниками Каткова выступили пирнципіальные враги Головнина—Д. А. Милютинъ и князь Горчаковъ (Лемке. Эпоха цензурныхъ реформъ 1859—1865 г.г., стр. 376—377).

Подъ 7 января 1865 года Никитенко заноситъ въ свой дневникъ: „Каткова призывали сюда.—Ему было объявлено, что если онъ не укротится, то газета будетъ отъ него взята и передана въ другія руки. Московскій университетъ объявилъ,

---

[1]) Министру народнаго просвѣщенія, другу и секретарю Великаго Князя.

что онъ же желаетъ перемѣнить редакторовъ и принимаетъ на себя цензуру. Эта совершенно неожиданная новость. Москва, вообще, сильно волнуется по поводу „Московскихъ Вѣдомостей“.

Подъ 14 января Никитенко записываетъ въ дневникъ, что „Совѣтъ по дѣламъ печати, разсматривая записку Пржецлавскаго, высказался, что если „Московскія Вѣдомости“ погрѣшили, то это было слѣдствіемъ не увлеченія, а моральнаго настроенія, а вовсе не политическихъ, преступныхъ намѣреній, что они не разъ уже подвергались взысканіямъ и, вообще, какъ заслуги ихъ превосходятъ ихъ проступки, то Совѣтъ не считаетъ справедливымъ подвергать ихъ еще болѣе строгому взысканію“. — Подъ 16 мая Никитенко скорбно замѣчаетъ: „Литературу нашу, кажется, ожидаетъ лютая судьба. Валуевъ достигъ своей цѣли. Онъ забралъ ее въ свои руки и сдѣлался полнымъ ея властелиномъ. Худшаго господина она не могла получить. Сколько я могу судить по нѣкоторымъ убѣдительнымъ даннымъ, онъ, кажется, замыслилъ огромный планъ—уничтожить въ ней всякія „нехорошія поползновенія“ и сдѣлать ее вполнѣ благонамѣренной. Онъ (т.-е. Валуевъ) должно быть презираетъ точно также—всякое умственное движеніе. Онъ думаетъ, что административныя мѣры выше и сильнѣе всякой мысли“. Въ 1866 г. подъ 1 апрѣля Никитенко пишетъ: „первое предостереженіе Каткову“; подъ 4 апрѣля: „Московскія Вѣдомости“ не приняли предостереженіе и рѣшили платить штрафъ въ теченіе 3 мѣсяцевъ. Онѣ отвѣчали на предостереженіе большою статьею, сущность которой слѣдующая: „вѣдь я гораздо сильнѣе нападалъ на васъ и не разъ, а вы молчали“. „Любопытно, что сдѣлаетъ Валуевъ“. Подъ 5 апрѣля: „Московскимъ Вѣдомостямъ“ готовится второе предостереженіе“.—Подъ 7 апрѣля: (послѣ покушенія Каракозова на жизнь Государя): „Говорятъ о близкомъ увольненіи Валуева и Головнина“. 10 апрѣля: „второе предостереженіе „Московскимъ Вѣдомостямъ“ не сдѣлано, министръ не согласился. Приверженцы „Московскихъ Вѣдомостей“ торжествуютъ побѣду“; 26 апрѣля: Муравьевъ [1]) просилъ министра внутреннихъ дѣлъ какъ-нибудь окончить скандальное дѣло съ „Московскими Вѣдомостями“. Къ этому онъ прибавилъ, что прекращеніе этой газеты считаетъ просто невозможнымъ. Какъ Валуевъ извернется въ этомъ дѣйствительно скандальномъ дѣлѣ?

[1]) Графъ М. Н. Муравьевъ Виленскій, облеченный особымъ Высочайшимъ порученіемъ по производству разслѣдованія о преступномъ покушеніи Каракозова.

„Московскія Вѣдомости“ такъ далеко зашли въ своемъ сопротивленіи министерству, что уступить имъ—значитъ сильно скомпрометтировать послѣднее“. 8 мая: „предостереженіе „Московскимъ Вѣдомостямъ“. 10 мая: „Московскія Вѣдомости“ чуть ли не окончательно прекращаются. А жаль, что привели себя къ самоубійству. — А между тѣмъ общество лишается съ ними лучшаго и полнѣйшаго своего органа; въ паденіи „Московскихъ Вѣдомостей“ заключается еще одинъ важный смыслъ—что бюрократія одерживаетъ побѣду надъ общественнымъ умомъ и сочувствіемъ“. 12 мая: „Московскія Вѣдомости“ пріостановлены на 2 мѣсяца“.

25 мая Государь посѣтилъ Москву, и Каткову, благодаря содѣйствію министра двора, графа Адлерберга, и министра народнаго просвѣщенія, графа Д. А. Толстого—назначена была Высочайшая аудіенція.

Послѣ этого знаменательнаго событія въ жизни М. Н. Каткова онъ, черезъ мѣсяцъ послѣ закрытія газеты,—выступилъ вновь въ качествѣ редактора, отмѣтивъ возобновленіе газеты, послѣ вынужденнаго перерыва, заявленіемъ—что не сѣтуетъ на постигшую невзгоду, напротивъ, благодаритъ Бога за то, что было испытано въ этотъ промежутокъ времени (намекая на милостивый пріемъ и слова благоволенія Императора Александра II). Мы пережили минуты, которыя бросили радостный отблескъ на наше прошедшее, въ которыя находили мы благодарныя возбужденія для будущаго („Моск. Вѣд.“ 1866 г. № 132).

Все происшедшее, съ конца 1864 года до описываемаго времени, конечно, не могло способствовать добрымъ отношеніямъ Валуева и Каткова. Повидимому, личныя сношенія ихъ были прерваны, по крайней мѣрѣ, писемъ за этотъ промежутокъ времени не сохранялось. Въ 1868 г. Валуевъ уволенъ былъ отъ должности министра внутреннихъ дѣлъ.

Ближайшимъ поводомъ ухода Валуева было упорное отрицаніе министромъ внутреннихъ дѣлъ голода, постигшаго нѣкоторыя губерніи, и непринятіе, вслѣдствіе этого, надлежащихъ мѣръ. Оффиціальные корреспонденты Валуева оказались еще болѣе несостоятельными по части вѣрности сообщаемыхъ своему патрону свѣдѣній, чѣмъ частные репортеры Каткова, отъ которыхъ Валуевъ настойчиво предостерегалъ въ своихъ письмахъ Каткова. „Валуевъ оставилъ министерство, пишетъ Никитенко подъ 4 марта 1868 г., или министерство оставило его“.

„Объ уходѣ Валуева, кажется, никто не сожалѣетъ, развѣ кромѣ нѣсколькихъ преданныхъ ему чиновниковъ. Общество сильно нерасположено къ нему за земство и за его распоряженія по дѣламъ печати".

Валуевъ, повидимому, страшно былъ удрученъ новымъ своимъ положеніемъ человѣка не у дѣлъ, и стремился хоть къ минимальному вліянію на ходъ нашей внутренней политики, почему сталъ вновь искать сближенія съ Катковымъ—и вотъ переписка ихъ возобновляется, послѣ перерыва въ цѣлыхъ пять лѣтъ. Однако переписка эта имѣетъ уже совершенно иной характеръ: теряется прежняя интимность, тонъ переписки какой-то накрахмаленный. Для Каткова пропадаетъ, повидимому, всякій личный интересъ къ такой корреспонденціи, въ ней заинтересованнымъ лицомъ является лишь Валуевъ, которому хочется въ нѣкоторыхъ случаяхъ пользоваться перомъ даровитаго писателя-публициста, и потому онъ сообщаетъ ему нѣкоторыя свѣдѣнія о своей дѣятельности или дѣятельности тѣхъ комиссій, въ которыхъ онъ предсѣдательствовалъ, или о событіяхъ, въ освѣщеніи которыхъ, подъ извѣстнымъ угломъ зрѣнія, Валуевъ почему-либо находитъ для себя какую-либо пользу. Общественный интересъ писемъ Валуева послѣ 1864 года незначительный, они заслуживаютъ вниманія лишь историка того времени по нѣкоторымъ намекамъ на то, что совершалось за кулисами, что скрыто было отъ глазъ общества. Мы, однако, считаемъ необходимымъ напечатать и эти письма, такъ какъ въ нихъ заключаются цѣнные матерьялы для характеристики самаго автора ихъ, Валуева, съигравшаго несомнѣнно выдающуюся роль на протяженіи всего царствованія Царя Освободителя, въ качествѣ одного изъ его ближайшихъ и вліятельныхъ сотрудниковъ.

I.

С.П.Б. 29/III 1863 г.

М. Г.

Михаилъ Никифоровичъ.

Весьма искренно благодаренъ вамъ за письмо отъ 26-го. Оставляя въ сторонѣ указъ 1-го марта [1]), скажу только

[1]) Указъ 1 марта 1863 г. о прекращеніи обязательныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ въ Виленской, Ковенской, Гродненской, Минской губерніяхъ и инфлянтныхъ уѣздахъ Витебской губ. Указу этому посвящена передовая статья Каткова въ № 58 „Моск. Вѣд." за 1863 г.

нѣсколько словъ объ отрицательномъ направленіи. Во-первыхъ, я, кажется, постарался оговорить, что своихъ замѣтокъ объ этомъ направленіи я нисколько не относилъ исключительно къ Москвѣ. Во-вторыхъ, я вовсе не защитникъ того, что вы называете „Петербургскимъ радикализмомъ и скрывающимися за Правительственными лицами канцеляріями“ [1]). Къ сожалѣнію, мнѣ не разъ приходилось испытывать и тотъ и другія, и не разъ я про себя думалъ, что быть можетъ существеннѣйшая, хотя и неизвѣстная доля моей общественной дѣятельности заключается не въ томъ, что я успѣлъ сдѣлать, а въ томъ, чему я успѣлъ помѣшать. Въ доказательство приношу вамъ просьбу и дѣлаю вамъ предложеніе; просьба въ томъ, чтобы вы всегда съ тою же откровенностью сообщали мнѣ ваше мнѣніе;—предложеніе—въ томъ, чтобы вы заключили со мною договоръ, „pactum“, на счетъ дальнѣйшаго обмѣна мыслей и мнѣній. Я готовъ, въ предѣлахъ возможнаго, давать вамъ *конфиденціально* отвѣтъ на каждый вами мнѣ предлагаемый вопросъ, и желаю, въ свою очередь, имѣть возможность обращаться къ вамъ, *конфиденціально* же, для освѣдомленія о вашемъ взглядѣ на тѣ вопросы, по которымъ мнѣ хотѣлось бы узнать ваше мнѣніе. Одно условіе,—чтобы кромѣ Г. Леонтьева [2]) (которому прошу при семъ случаѣ передать мой поклонъ) эта переписка, буде она составится, осталась между нами. Cela vous va-t-il? [3]) Да или нѣтъ? „Великодушные просители“, о которыхъ вы упоминаете, не существуютъ нигдѣ, кромѣ царства воображенія. Я думаю, что ни одна пядь Русской земли не можетъ быть предметомъ уступокъ или переговоровъ. Впрочемъ я здѣсь даже не слыхалъ объ этомъ. Если желаете имѣть категорическій отвѣтъ,—поставьте категорическій вопросъ. На счетъ земско-хозяйственныхъ учрежденій мнѣ весьма желательно бы узнать ваше окончательное мнѣніе. Я прикажу отправить къ вамъ экземпляръ проекта въ томъ видѣ, въ какомъ онъ окончательно составленъ въ министерствѣ. Прошу васъ вѣрить моему истинному почтенію и совершенной преданности.

Валуевъ.

---

[1]) О русскихъ агитаторахъ въ польской смутѣ говорится въ № 86 „Моск. Вѣд.“ отъ 24 апрѣля, передовая статья Каткова.

[2]) Леонтьевъ Павелъ Михайловичъ, профессоръ Московскаго университета, другъ и соредакторъ Каткова, род. 1802 г.

[3]) Подходитъ ли вамъ это.

II.

С.П.Б. 30/III 1863.

Благодарю васъ, многоуважаемый Михаилъ Никифоровичъ, за письмо отъ вчерашняго числа. Обѣщаю, что впредь вы уже не получите отъ меня конверта съ оффиціальнымъ обозначеніемъ отправленія. Между тѣмъ, посылаю вамъ для вашего свѣдѣнія и убѣжденія, въ согласіи нашихъ мыслей, прилагаемыя правила и инструкціи. Подъ страшнымъ наименованіемъ „карауловъ" [1]), полагая начало вооруженію болѣе обширному и въ то же время организаціи той массы, которой стихійная сила, безъ организаціи, опасна. О дѣлѣ кн. Шаликова [2]) я уже вошелъ въ сношеніе съ управленіемъ министерства юстиціи. О разрѣшеніи напечатать слова, сказанныя преображенцамъ, я хлопочу; не отвѣчалъ потому, что еще не могъ достать аутентичнаго текста.

Преданнѣйшій Валуевъ.

Не скажете ли вы чего-нибудь о системѣ убійства въ Польшѣ, о молчаніи Европы въ отношеніи къ этимъ убійствамъ и о томъ, что произойдетъ, если мы начнемъ убивать [3]).

III.

Милостивый Государь,

Петръ Александровичъ.

Пользуюсь поѣздкою въ Петербургъ пріятеля моего, К. П. Побѣдоносцева [4]), для того, чтобы написать вашему превосходительству нѣсколько строкъ изъ Москвы. Я беру смѣлость начать письмо убѣдительнѣйшимъ совѣтомъ, которымъ намѣренъ и кончить его—совѣтомъ вамъ пріѣхать на день или на два въ Москву подъ какимъ-нибудь предлогомъ. Я понимаю, что поѣздка министра—дѣло не легкое, что это можно считать событіемъ; но я увѣренъ, что вашъ пріѣздъ въ Москву, на

---

[1]) О сельскихъ караулахъ, учрежденныхъ въ Литовскихъ губ. О нихъ см. ст. Каткова 3 мая № 96 „Моск. Вѣд.".

[2]) М. Н. Катковъ былъ женатъ на дочерѣ князя Шаликова, рѣчь идетъ о братѣ m-me Катковой.

[3]) Катковъ не написалъ отвѣчающей вполнѣ на заданную тему статьи, но въ рядѣ статей коснулся этого вопроса.

[4]) К. П. Побѣдоносцевъ, бывшій сенаторъ москов. деп. сената, затѣмъ оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода и членъ Госуд. Совѣта.

самое короткое время, былъ бы событіемъ чрезвычайно важнымъ и въ высшей степени полезнымъ въ настоящихъ обстоятельствахъ.

По всѣмъ признакамъ польская, или, лучше сказать, европейская, организованная противъ насъ революція не ограничится Польшей и западными губерніями. Ея замыслы простираются далѣе. Все употребляется, чтобы расшевелить нашъ материкъ, и все оказалось непрочнымъ; Россія — страна по преимуществу антиреволюціонная. Никакой революціонный символъ не имѣетъ и не будетъ имѣть успѣха у насъ; въ этомъ отношеніи мы можемъ быть совершенно спокойны. Но если нельзя сдѣлать настоящую революцію, то можно попытаться произвести революцію фальшивую, которая тѣмъ не менѣе можетъ сопровождаться очень серьезными смутами. И въ Польшѣ масса народа не революціоннаго свойства и не оказывала да и теперь не оказываетъ особенной симпатіи къ революціонерамъ, а, тѣмъ не менѣе, революція разыгралась тамъ такъ, что, повидимому, вся страна проникнута однимъ духомъ. Ничего подобнаго, конечно, не удастся имъ произвести у насъ; но этого и не требуется. Достаточно будетъ для ихъ цѣлей произвести у насъ какого бы то ни было рода смуты и волненія. Система, принятая революціей, состоитъ въ томъ, чтобы постепенно разбрасываться все далѣе и далѣе за предѣлы Польши. Теперь шайки разсыпались по всѣмъ западнымъ губерніямъ и даже находились въ Смоленской, и есть основаніе полагать, что этимъ дѣло не ограничится. Революціонные агенты разосланы по всей Россіи. Наши доморощенные революціонеры, сами по себѣ, совершенно ничтожны и, кромѣ презрѣнія, ничего не заслуживаютъ, но, какъ орудіе сильно и хорошо организованной польской революціи, которая не отступаетъ ни передъ какими средствами, и рѣшилась поставить все на карту, они могутъ получить значеніе. Но и кромѣ нихъ у насъ вездѣ очень много поляковъ, которые теперь такъ терроризованы своимъ тайнымъ судилищемъ, посылающимъ смерть изъ-за каждаго угла, что готовы повиноваться до фанатическаго самоотверженія всѣмъ предписаніямъ тайной власти. А часто поляка отъ русскаго распознать нельзя! При неутомимой дѣятельности, при ловкости, при крайней неразборчивости въ средствахъ, они могутъ, сверхъ всего, навербовавъ себѣ вездѣ, изъ всякаго рода обыкновенныхъ негодяевъ, мошенниковъ на все пригодныя орудія. Имъ никто ни въ чемъ не повѣритъ, это несомнѣнно; народъ растерзалъ бы ихъ, но они и не появятся

подъ своимъ видомъ и не будутъ развертывать своихъ знаменъ. Они дошли уже до того, что провозглашаютъ теперь идею „Царя“ [1]). У нихъ въ резервѣ поджоги, нарушенія безопасности, тревоги, которыми могутъ взволновать населеніе, и они съумѣютъ воспользоваться волненіемъ для новыхъ тревогъ и смутъ. Мудрено ли, что они мѣстами, смѣшавшись съ народомъ, поведутъ его на помѣщиковъ, какъ на враговъ Царя и измѣнниковъ. Въ большихъ городахъ они могутъ разсчитывать на успѣхъ какого-нибудь „coup de main“, на какой-нибудь переполохъ, который, кромѣ разныхъ частныхъ бѣдствій, можетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ новое ослабленіе нашего Европейскаго положенія. Достаточно было бы одного такого переполоха, въ Москвѣ, напримѣръ, для того, чтобы компрометтировать насъ въ дипломатическихъ нашихъ переговорахъ. Какое униженіе для насъ передъ лицомъ всей Европы. Очень естественно, что они, съ своей стороны, готовы употребить все для того, чтобы привести насъ въ такое унизительное положеніе. Съ нашей стороны остается также употребить все, чтобы заранѣе отбить у нихъ охоту предпринять что-нибудь подобное. Съ этою цѣлью должны быть, теперь же, усилены всевозможныя предупредительныя средства, которыя, какъ нельзя быть, оправдывались бы смутами въ западныхъ губерніяхъ и даже въ Смоленскѣ. При этомъ нельзя не замѣтить, что у насъ въ послѣднее время принята была странная система для облегченія публики. Нѣтъ сомнѣнія, что крайнія неудобства и стѣсненія, которымъ подвергалась у насъ публика, — дѣло ненормальное и ни въ какомъ случаѣ не желательное. Но это неудобство было прямымъ и вѣрнымъ выраженіемъ господствовавшаго у насъ дурного управленія, дурной организаціи нашей полиціи и судовъ. Чтобы избавить общество отъ этого неудобства, требуется улучшить эту организацію, а пока она не улучшена, пока система остается та же, нельзя и устранить вполнѣ эти неудобства. Надобно спѣшить улучшеніемъ, чтобы вмѣсто дурныхъ и стѣснительныхъ мѣръ, въ возможной скорости вступили въ дѣйствія хорошія. Но никакъ нельзя желать ослабленія общественной безопасности. Требуется улучшеніе, а не ослабленіе! Въ мирное время, впрочемъ, слабость правительства и недостатокъ нѣкоторыхъ условій общественной безопасности могутъ еще быть терпимы, хотя и въ мирное время это не остается безъ вредныхъ послѣдствій. Но въ такое тревожное время,

---

[1]) Катковъ имѣетъ въ виду такъ называемыя „золотыя грамоты“.

какъ теперь, при тѣхъ затрудненіяхъ, которыми мы окружены, было бы грѣшно не пользоваться всѣми наличными средствами, для огражденія общественной безопасности. Долженъ быть назначенъ болѣе бдительный надзоръ за проѣзжающими по желѣзнымъ дорогамъ, за провозимыми товарами. Недавно, въ Москвѣ, на станціи желѣзной дороги, благодаря случайному воспламененію, задержано было 60 пудовъ фосфору, который до сихъ поръ остается на станціи желѣзной дороги, и никто не является за полученіемъ его; сколько же подобныхъ подозрительныхъ матеріаловъ могло и можетъ быть провезено по желѣзной дорогѣ. Но еще важнѣе предупредить всѣ подобныя попытки. Теперь, благодаря патріотическому одушевленію, которое овладѣло всѣми нашими сословіями, возникла мысль объ ополченіи, которая въ послѣднее время приняла болѣе практическую форму мѣстной стражи. Мысль эта уже поднята въ Думѣ и составляетъ главный предметъ толковъ въ Москвѣ. Въ самомъ дѣлѣ, если бы удалось осуществиться ей въ скоромъ времени, не только у насъ давно, но и въ Европѣ наше положеніе измѣнилось бы къ лучшему. Это сразу пришибло бы всѣ дурные элементы, которые бродятъ у насъ, въ промежуткахъ общества, и совершенно дезорганизовало бы ихъ, а главное, привело бы въ уныніе польскую революцію, въ которой они коренятся. Правительство наше очутилось бы передъ Европою въ самомъ выгодномъ положеніи; оно опиралось бы на страну не только совершенно спокойную, но и обезпеченную отъ всякихъ сюрпризовъ и, сверхъ того, готовую не на словахъ, а на дѣлѣ—къ защитѣ. Народъ нашъ дѣйствительно готовъ жертвовать всѣмъ, въ случаѣ войны, но мудрость правительства должна предупредить эту горькую необходимость. Лучше готовить ополченіе тогда, когда еще можно избѣжать войны, нежели тогда, когда она станетъ неизбѣжною. Въ настоящую пору весь народъ исполненъ самаго искренняго и сильнаго патріотизма: это чистое золото и имъ слѣдуетъ воспользоваться. Было бы непростительнымъ грѣхомъ дать этому великому и всеобъемлющему чувству испортиться или измельчать. Такими минутами надобно дорожить. Энтузіазмъ не можетъ оставаться долгое время безъ пищи, мало-по-малу онъ погаснетъ; очень можетъ быть, что, ничѣмъ не поддерживаемый, онъ смѣнится реакціей и, вмѣсто высокаго одушевленія, наступитъ деморализація и уже послѣ, когда въ патріотизмѣ окажется настоятельная надобность, поднять его снова будетъ не легко. Надобно непремѣнно сберечь его и дать ему пищу. Организація мѣст-

наго ополченія, которое имѣло бы цѣлью дать правительству возможность, на случай войны, распоряжаться противъ внѣшнихъ враговъ всѣми войсками, предоставивъ ополченію внутреннюю охрану страны, въ собственномъ смыслѣ, была бы теперь именно такою пищею и подняла бы духъ, усилила бы бодрость и распространила бы всеобщее чувство безопасности и силы. А между тѣмъ, сама по себѣ эта организація не была бы сопряжена ни съ какимъ существеннымъ пожертвованіемъ, ни даже отягощеніемъ потому, что войска остались бы на своихъ мѣстахъ впредь до войны, которая можетъ быть потому самому и не состоялась бы. Всѣ обязанности этой стражи пока ограничились бы подмогою войскамъ и полиціи патрулями, сборомъ въ извѣстные дни и часы для выправки. Все это дѣлалось бы охотно, усердно, съ весны. Мнѣ кажется полезнымъ дать этой стражѣ нѣсколько военную организацію, начальникомъ ея непремѣнно долженъ быть кто-нибудь изъ уважаемыхъ генераловъ [1]). Но для того, чтобы это дѣло могло бы организоваться вполнѣ успѣшно и безъ запинки, было бы желательнымъ, чтобы ваше превосходительство посѣтили Москву; не забудьте, что примѣръ Москвы будетъ обязательнымъ для всей Россіи. Давъ ходъ этому дѣлу въ Москвѣ, устроивъ его здѣсь, вы устроите его для всей Россіи.

Я боюсь перечитать мое письмо и прошу васъ извинить меня за неразборчивость и спѣшность, съ коими оно писано. Я едва могъ урвать для него изъ моихъ хлопотъ, а г-нъ Побѣдоносцевъ сію минуту отправляется въ путь, а я могу упустить окказію, которая не скоро повторится. Но въ данномъ дѣлѣ я не высказалъ то, что хотѣлось бы мнѣ сказать въ письмѣ къ вамъ. Примите увѣреніе въ глубочайшемъ моемъ почтеніи и преданности. Вашего превосходительства покорный слуга

М. Катковъ.

Москва, 12-го мая 1863 г.

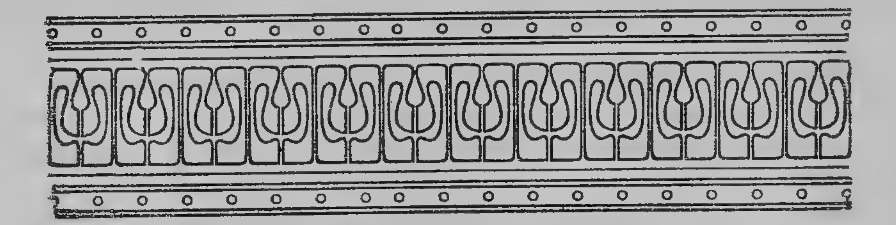
Побѣдоносцевъ отложилъ свою поѣздку, отправляю письмо другимъ способомъ. Простите великодушно, что не могу переписать.

Сообщ. **В. Мустафинъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Вопросу объ организаціи народной милиціи посвящена статья Каткова въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ 16 мая № 106,--по поводу этой статьи академикъ Никитенко, въ своемъ дневникѣ, отмѣтилъ: „сильная статья! надо всячески будить правительство и пользоваться одушевленіемъ народа“ („Русская Старина“ 1891 г. мартъ, стр. 726).

Изъ записокъ 1877—78 г.г. [1]).

Еще не опредѣлился день нашего отъѣзда изъ Трепизонда, какъ къ намъ, по настоянію этого заботливаго человѣка, явился Гассанъ.

— Вамъ нужно заблаговременно съ нимъ познакомиться, его хорошенько узнать,—что за человѣкъ будетъ неотлучно находиться при васъ, отвѣчая за каждый шагъ вашего передвиженія въ такомъ далеко непростомъ путешествіи, вамъ предстоящемъ; присмотритесь къ нему теперь, мало ли что еще можетъ оказаться до вашего выступленія. Я знаю его достаточно, и пораженъ тою искренностью, съ котораго Юсуфъ-паша избралъ для васъ отвѣтственнаго начальника вашего конвоя; но за эти дни я постараюсь всѣ силы употребить къ тому, чтобы самому мнѣ еще познакомиться съ нимъ, а также разузнать его хорошенько, и лично, и черезъ хорошихъ, вѣрныхъ, твердо знающихъ его людей.

Рано утромъ, черезъ день послѣ того, какъ явился Гассанъ, мы всѣ вмѣстѣ сидѣли, по русскому обычаю, за самоваромъ, къ которому, какъ выражался Рива, молодая жена успѣла его очень хорошо приручить, пригрѣвъ его около этой дивной машины,—къ намъ пришелъ какой-то, очень прилично одѣтый турокъ, и, объявилъ, что онъ—Мемедъ-Речжди, желаетъ въ объяснеміи со мной изложить мнѣ свою просьбу.

Я предложилъ ему присѣсть и начать изложеніе своего дѣла.

---

[1]) См. „Русская Старина“, іюль 1915 г.

— А не помѣшаетъ вамъ то, что другіе будутъ насъ слушать?.. спросилъ онъ крайне заискивающе.

— Нѣтъ, сказалъ я, у меня вообще секретовъ не бываетъ, а тѣмъ болѣе таковыхъ не могло бы и не можетъ находиться между нами; говорите смѣло, тутъ всѣ свои.

— А вотъ они, указалъ Мемедъ-Речжди на консула.

— Это болѣе всего свой, отвѣтилъ я.

— Ну, тогда очень хорошо, я стѣсняться не буду, поспѣшилъ онъ произнести.

Безконечной массой предисловій, вводныхъ предложеній, оговорокъ, пословицъ, присловій, даже прибаутокъ, вызвано было съ моей стороны замѣчаніе; я взглянулъ на часы и сказалъ, что времени у меня имѣется лишь на выслушанье самаго короткаго изложенія его просьбы, поэтому я прошу, безъ промедленія, перейти къ дѣлу.

Наскоро доложивъ о своемъ прежнемъ минувшемъ благосостояніи, проситель перешелъ какъ будто „къ дѣлу“.

— Юсуфъ-паша назначилъ вамъ въ проводники Гассана, сказалъ онъ...

— Не въ проводники, а въ начальники конвоя, перебилъ его Рива.

— Ну да, да, тѣмъ болѣе, виноватъ, тѣмъ болѣе. Достаточно на него просто и бѣгло взглянуть для того, чтобы видѣть полную несостоятельность выбора, сдѣланнаго господиномъ вали; но если при этомъ знать прошлое этого Гассана, то можно просто поразиться такимъ назначеніемъ. Развѣ можетъ при васъ,—представителѣ россійскаго побѣдоноснаго мушира, царскаго брата, состоять такой человѣкъ, каковъ этотъ самый Гассанъ; на его физіономіи, какъ и на всей его наружности, виденъ ясный отпечатокъ того, что онъ, много лѣтъ состоя предводителемъ шайки разбойниковъ, грабилъ, рѣзалъ и, вообще, наводилъ страхъ на мирныхъ жителей; окрестности Трепизонда и всей анатолійской округи трепетали. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что недаромъ правительство наше, всегда легальное, монархическимъ принципамъ болѣе чѣмъ вѣрное, турецкое правительство, назначило большую цѣну за его голову; немного времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ курсъ цѣны за его голову прочно держался чуть ли не на всѣхъ биржахъ Востока; недавно онъ вернулся изъ горъ, руки его еще не высохли отъ крови, но покойный султанъ Абдулъ-Азисъ, по своей безконечной, а отчасти и непонятной, добротѣ, помиловалъ его, какъ будто оставившаго занятія разбоемъ и грабежемъ; этотъ самый Гассанъ живетъ теперь здѣсь, безъ

того однако, чтобы кто-нибудь вѣрилъ ему, могъ бы считать прочнымъ положеніе его и искреннимъ обращеніе его на путь закона.

Вчера я заходилъ къ Юсуфу-пашѣ, все это ему выяснилъ, доказалъ всю несостоятельность его избранія, при чемъ поставилъ ему, совершенно ясно и просто, ходатайство мое о томъ, чтобы вали довѣрилъ мнѣ честь сопровожденія и охраны васъ въ вашемъ походѣ черезъ нашъ дикій край. Зачѣмъ понадобилось подвергать васъ опасностямъ, риску и всѣмъ тяжелымъ непріятностямъ этого путешествія; зачѣмъ отдавать вашу судьбу въ руки человѣка завѣдомо низкаго и только ждущаго возможности оказываемое ему при такихъ особыхъ выдающихся обстоятельствахъ довѣріе употребить во зло.

Зачѣмъ Юсуфъ-паша, какъ представитель власти, дѣлаетъ это, почему онъ не хочетъ воспользоваться услугами человѣка вполнѣ честнаго, незапятнаннаго и знающаго цѣну своему труду!

Въ отвѣтъ на мои доводы Юсуфъ-паша послалъ меня къ вамъ съ порученіемъ предупредить васъ по содержанію моихъ донесеній и просить, чтобы вы сами рѣшили, кому желаете довѣриться—мнѣ, предлагающему свои услуги отъ чистоты сердца, или головорѣзу Гассану?..

Рива, не спуская глазъ съ Мемедъ-Речжди, слушалъ его съ большимъ вниманіемъ; по выраженію его лица было видно, что разсказы этого страннаго доносчика, прозвавшаго себя „просителемъ", нисколько его не удивляли. Не дождавшись конца его рѣчи и оставаясь совершенно спокойнымъ, Рива порекомендовалъ мнѣ немедленно отказать просителю, прогнать его и сурово приказать ему болѣе не являться съ прошеніемъ, которое нельзя признать инымъ, какъ вздорнымъ.

— Все должно остаться въ томъ положеніи, какое постановилъ и объявилъ вали, добавилъ консулъ къ моему серьезному сообщенію.

Очень смущеннымъ и какъ будто немало озлобленнымъ удалился Речжди.

— Симпатіи этотъ человѣкъ ни на одну минуту не могъ возбудить, думается мнѣ, ни въ комъ изъ насъ, сказалъ я, когда, оставшись въ своемъ кружкѣ, мы снова обратились къ самовару. Но, съ другой стороны, не могу я скрыть, насколько не симпатиченъ мнѣ Гассанъ съ нашей русской точки зрѣнія, особенно: крупная оспенная рябина придаетъ носу его тотъ видъ, котораго фигура носитъ названіе „рваной ноздри", затѣмъ

взглядъ исподлобья и какое-то особое шипѣнье въ разговорѣ,—все это несомнѣнно помогаетъ такимъ пройдохамъ, каковъ Мемедъ-Речжди, лучше обрисовывать несимпатичность Гассана, хотя бы онъ и былъ человѣкомъ хорошимъ. Не знаю, что будетъ дальше, но пока у меня сердце не лежитъ къ нашему будущему охранителю.

— И вы можете сказать, чтобы хотя на секунду, ваши симпатіи были больше обращены къ персонѣ Мемедъ-Речжди? спросилъ меня Рива.

— Этого я сказать не могу, но чувствую, что къ его наружности у меня нѣтъ того отвращенія, какое вызвала вся фигура и весь обликъ Гассана; бѣдный, онъ можетъ быть и хорошій человѣкъ и какъ жаль, что такая отчаянная наружность покрываетъ всѣ его хорошія качества. Хотѣлъ бы я быть переубѣжденнымъ, хотѣлъ бы увѣриться въ его добротѣ, благородствѣ и въ возможности оказывать ему то довѣріе, безъ котораго къ совмѣстному путешествію не можетъ лежать душа.

Прошло два дня; Рива, придя какъ-то опять утромъ „къ самовару“, принесъ намъ цѣлую массу извѣстій о томъ, что выяснилъ ему Юсуфъ-паша, а также какія свѣдѣнія удалось ему собрать о прошломъ и Мемеда-Речжди, и Гассана.

Юсуфъ-паша съ увѣренностью высказалъ, что лучшаго начальника конвоя найдти нельзя, онъ радъ, что ему удалось этого человѣка достать и приставить къ намъ; это не только хорошій человѣкъ, но человѣкъ въ полномъ смыслѣ слова порядочный, благородный, а потому, сказалъ онъ, я спокоенъ за русскую великокняжескую миссію—она скажетъ мнѣ большое спасибо какъ за выборъ Гассана, такъ и за то, что я не задумавшись, съ первыхъ словъ разговора, прогналъ Мемеда-Речжди.

— Этотъ дрянной человѣкъ, при своихъ домогательствахъ, очевидно потѣшилъ себя обманомъ относительно присылки его Юсуфомъ-пашой къ вамъ съ запросомъ, кого вы предпочтете избрать? ничего такого не было и быть не могло, проговорилъ Рива.

Сообщивъ намъ далѣе о полученномъ изъ Константинополя разрѣшеніи выѣхать, Рива условился относительно назначенія дней выѣзда, передалъ намъ подробный маршрутъ нашего похода на Эрзерумъ, а съ княземъ Уцміевымъ уговорился о порядкѣ и времени отъѣзда его пароходомъ на Батумъ.

16 февраля долженъ былъ отойти тотъ пароходъ, а 17-го утромъ предстояло намъ выступить по Эрзерумскому шоссе на Мадена-ханъ, Зигана-ханъ,—Кара-Гиссаръ, Гюмишъ-Хане, Байбуртъ, Копъ-Дагъ, Ашкала, Саганаугъ, Илиджи и Эрзерумъ.

На 15-ое число мы между собой назначили на прощанье раннюю проѣздку нашихъ лошадей по Трепизонду и его ближайшимъ окрестностямъ.

— А что, князь, засмѣялся Алдатовъ, не разорветъ насъ трепизондская чернь, когда мы поѣдемъ по ея городу?

— Будьте спокойны, проѣдемся всѣ вмѣстѣ, сказалъ Рива; лошадей надо хорошенько промять, да и съ Юсуфомъ-пашей надо по добру проститься.

15-го числа утромъ, только-что мы, просидѣвъ у вали съ четверть часа и напившись кофе, выѣхали отъ него верхомъ, подвигаясь па главной улицѣ по направленію къ пристани, а затѣмъ, поровнявшись со знаменитыми старыми казармами, помчали на рысяхъ къ выѣзду изъ города,—какъ изъ-за угла хлѣбныхъ магазиновъ въ насъ полетѣли различной величины булыжники. Тотчасъ же осетину Кулаеву довольно крупный камень попалъ въ лѣвое плечо, при чемъ ушибъ, причиненный ему, потребовалъ впослѣдствіи прикладыванья компрессовъ; Алдатову почти такой же камень попалъ въ голову; по счастью очень хорошая, плотно сдѣланная, папаха предохранила его отъ раненія и даже отъ контузіи; затѣмъ намъ удалось дальше проскочить благополучно, если не считать того, что подъ крымско-татарскимъ трубачемъ Нишлавскимъ порядочно задѣло острымъ камнемъ коня, раскровянивъ ему морду.

Все это надѣлало большого переполоха въ городѣ и страшно встревожило Юсуфа-пашу, который велѣлъ немедленно строго разслѣдовать дѣло, столь дерзко обрушенное на насъ.

Относительно наговоровъ, сплетенныхъ Мемедомъ-Речжди противъ Гассана, можно лишь сказать, что онъ съумѣлъ воспользоваться матеріаломъ и подтасовалъ его подъ рубрику тѣхъ, кои носятъ на себѣ печать—„нѣтъ дыма безъ огня“.

Происходя изъ небогатой армянской, вполнѣ отуречившейся, семьи, Гассанъ слылъ за анатолійскаго грека по той причинѣ, что отецъ его, рано овдовѣвши, женился на гречанкѣ, которая, изъ любви къ мужу, всецѣло и горячо отдалась воспитанію его сына отъ перваго брака,—маленькаго пасынка своего Гас-

сана. Ему приписываютъ появленіе почти съ дѣтства въ разбойничныхъ шайкахъ и занятіе грабежемъ, убійствами.

А между тѣмъ такія нареканія представляли собой завистливую ложь, всѣ, хорошо знавшіе его нравъ, жизнь, характеръ и образъ мыслей, ясно, твердо и опредѣленно говорятъ, что онъ, дѣйствительно, предаваясь съ юныхъ лѣтъ жизни, похожей на разгульную, въ сущности велъ жизнь только боевую въ цѣляхъ развитія въ себѣ лихости и въ цѣляхъ подготовки изъ себя борца, стрѣлка и воина, который могъ бы быть пригоднымъ для веденія борьбы за идеи и для защиты слабыхъ, притѣснявшихся турецкимъ насиліемъ, армянъ. Никакихъ разгуловъ онъ не предпринималъ въ цѣляхъ грабежа или наживы, да и то, что вообще предпринималъ съ другими цѣлями, скоро оставилъ, вполнѣ отдавшись мирной жизни и неуклонно ведя ее по пути истины.

Съ тѣхъ поръ онъ и ведетъ себя не только честно, но съ поучительною примѣрностью, какъ человѣкъ, котораго слово считается образцомъ правды и полнѣйшей, изъ ряду выходящей, честности. „Что Гассанъ сказалъ или пообѣщалъ, то—не можетъ быть не исполнено“, говорятъ въ одинъ голосъ всѣ окрестные жители, знающіе его; а извѣстенъ онъ всѣмъ; „никому нельзя въ такой мѣрѣ довѣрить все, какъ Гассану,—это честный, безукоризненный Гассанъ, незнающій неправды“.

Воспитывался онъ и учился тутъ же па глазахъ у всѣхъ, по сейчасъ, знающихъ каждый его шагъ, закончилъ свой разсказъ Рива.

Не таковъ Мемедъ-Речжди. Начать съ того, что на нѣсколько лѣтъ онъ, въ промежутокъ времени между дѣтствомъ и юношествомъ, исчезалъ изъ края; то были годы, въ которые онъ, по приказу своего отца,—какъ извѣстно, очень скоро нажившагося на большихъ лихвенныхъ процентахъ,—ѣздилъ къ швабамъ получать воспитаніе и ученіе, а кромѣ того отъ нихъ и чего-нибудь еще кстати набраться.

Никогда онъ открыто не предавался ничему такому, что могло бы приписать ему стремленіе искать разбойника или грабителя, не предавался онъ также ничему подобному разгульной безалаберщины; но, начавши съ малыхъ лѣтъ воровской образъ жизни, онъ никогда его не бросалъ, бросить, по увѣренію людей знающихъ его, не способенъ и никогда отъ него не отстанетъ; способный на все самое отчаянное, онъ норовитъ изъ всякаго

дѣла извлечь, вредящую всѣмъ и каждому, пользу себѣ, ни въ чемъ никогда ни отъ кого никакого довѣрія не заслужилъ и не заслуживаетъ, всегда во всемъ находится не только въ подозрѣніи, но прямо завѣдомо въ положеніи человѣка вѣчно сутяжничающаго, лгущаго, лукавящаго, неизмѣнно всѣхъ обирающаго, ни на что, кромѣ плутовства, неспособнаго,—плутовство это всегда у него бываетъ самаго низкаго разбора, при которомъ всякій вообще сразу видитъ, что должно его остерегаться, сторониться и знать, такъ какъ всякое сношеніе съ нимъ является громаднымъ рискомъ; этому риску неизмѣнно подвергается и честное имя и имущественное положеніе каждаго, имѣющаго съ нимъ дѣло; это человѣкъ злой, мстительный, вѣчно держащій противъ каждаго камень или ножъ за пазухой.

Извольте все это взвѣсить и изберите, кого вы предпочтете изъ этихъ двухъ субъектовъ,—честнаго, мирнаго Гассана, давно покинувшаго нелегальность или этого изолгавшагося, грязнаго нечестивца?

Теперь повсемѣстно въ округѣ установлено, что если кто-либо получаетъ неожиданно какую-нибудь ядовитую непріятность и не знаетъ, откуда ему сіе? то прежде всего начинаетъ припоминать, не было ли у него какой-либо ссоры или хотя бы мелкой тяжбы съ Мемедомъ-Речжди, и тогда смѣло рѣшаетъ,—не получилъ ли онъ ту непріятность отъ этого, вѣчно всѣмъ мстящаго, мерзавца. Изъ десяти случаевъ въ девяти можно доказать, какъ дважды два четыре, не только его участіе, но непремѣнно его руководительство, его коноводство въ дѣлѣ зломъ и грязномъ.

Множество людей обязаны ему потерей своего состоянія или другими несчастіями своей жизни; за нимъ только слѣдить и только улавливать его мошенническія продѣлки. И этотъ человѣкъ вздумалъ надъ нами посмѣяться,—полѣзъ къ намъ въ начальники конвоя или, какъ самъ онъ назвался, въ проводники! Можно себѣ представить, какія намѣренія онъ при этомъ таилъ и на какія продѣлки былъ готовъ, надѣясь получить то, чего искалъ, т.-е. полнаго довѣрія къ себѣ въ такомъ дѣлѣ!

— Нѣтъ, горячо отозвался Рива, счастье наше, что Юсуфъ-паша отдался дѣлу оказанія услуги вамъ съ полною честностью и съ неменьшею искренностью; вы дѣйствительно будете его благодарить за Гассана, а самое то, что твердость Гассана всѣ знаютъ, можетъ служить гарантіей того, что его послушаютъ и

тѣ, кои быть можетъ безъ этого приготовились бы продѣлать вамъ какую-либо сильную непріятность въ пути.

Перемѣните свое мнѣніе объ Гассанѣ, отбросьте первое, быть можетъ и правильно васъ охватившее, впечатлѣніе; случайно, но не менѣе того жестоко, природа дала ему такую ужасную,— дѣйствительно ужасную, наружность; присмотритесь къ нему, и вы несомнѣнно разгадаете въ немъ немало такихъ чертъ, которыя обнаружатъ въ немъ человѣка кроткаго и мирнаго, а главное стойкаго и вѣрнаго; не стоитъ труда приглядываться рядомъ съ нимъ къ Мемеду-Речжди, но, бросивъ мимолетный взглядъ на эту дрянь, можно въ самомъ снисходительномъ случаѣ сразу уловить въ немъ, рядомъ съ массой легкомыслія, цѣлую гору фальши, распущенности нрава и вообще полнѣйшаго распутства.

Прошли еще сутки, и насталъ часъ нашего разставанья съ княземъ Упміевымъ. На него эпизодъ метанья въ насъ камней произвелъ сильное, непріятное и, какъ онъ говорилъ, омерзительное впечатлѣніе.

— Въ такую минуту, сказалъ онъ, намъ разъѣзжаться въ разныя стороны не приходилось бы; я очень грущу о томъ что невозможно намъ продолжать путь вмѣстѣ и вмѣстѣ допить чашу до дна.

Что-то еще будетъ дальше, чѣмъ-то кончится ваше сложное путешествіе по горамъ! Эта бѣсовская продѣлка съ камнями меня не оставляетъ ни на минуту и очень тревожитъ.

— Богъ не безъ милости, сказалъ я, поддержитъ Онъ насъ въ дорогѣ, на Него надежда; а ты тоже себя береги и главное откажись отъ всякихъ черныхъ мыслей, отбрось ихъ, бодрись, какъ бодрился въ теченіе всей войны, все пойдетъ хорошо...

Попрощались мы и понесли его бурныя волны въ Батумъ; въ послѣднюю минуту онъ, при всемъ стараніи крѣпиться, сильно прослезился, видимо, не находя себѣ утѣшенія; и то сказать, держалъ онъ путь не на веселье; собственно онъ былъ вытребованъ домой къ себѣ, гдѣ его матушка-ханша опасно заболѣла; застанетъ онъ ее живою или опоздаетъ пріѣздомъ?

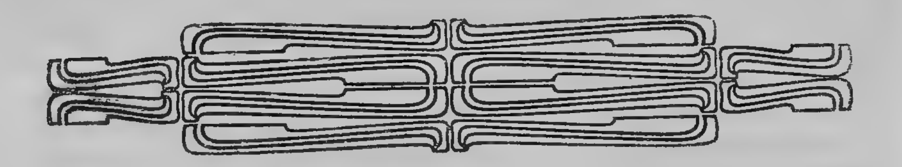
Въ вечеръ того же 16-го числа пришлось намъ дружески попрощаться съ врачемъ итальянскаго консульства Атанасіу. Въ высшей степени порядочный и добросовѣстный, грекъ этотъ, за все время пребыванія нашего въ Трепизондѣ, не зналъ от-

дыха; онъ старательно хлопоталъ о томъ, чтобы никто изъ чиновъ конвоя не унесъ съ собой въ тяжелое путешествіе на Эрзерумъ никакого,—даже малѣйшаго, недуга; потрудиться было надъ чѣмъ, такъ какъ кто изъ тѣхъ чиновъ принесъ съ собой простуду, захваченную въ морскомъ путешествіи, а кто потомъ запасся ушибомъ булыжнаго обстрѣла, у иного же оказалось и то и другое; докторъ старательно лѣчилъ всѣхъ и каждаго, а на прощанье сказалъ: можемъ быть спокойными, всѣ наши больные основательно починены,—всѣ уходятъ здоровыми, оставивъ здѣсь свои недуги.

Е. К. Андреевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

На пути въ Святую землю.

По наблюденіямъ и замѣткамъ епископа Порфирія Успенскаго.

„25 ноября 1843 года послѣ обѣдни, пишетъ архимандритъ Порфирій, триполійскіе первостепенные, да и степенные христіане пришли видѣть московскаго архимандрита. Господи, Ты, Боже мой! Въ ноги кланяются. Усѣлись, поджавши ноги. Я имъ говорилъ, что, „я очень радъ, что вижу православныхъ христіанъ въ такомъ отдаленномъ отъ отечества городѣ; въ Россіи 73 архіерея предъ престоломъ Божіимъ молятся о спасеніи всѣхъ православныхъ христіанъ, слѣдовательно, и триполійскихъ; вслѣдъ за ними 45 милліоновъ повторяютъ: всѣхъ православныхъ христіанъ да помянетъ Господь Богъ во царствіи Своемъ. Прошу и васъ воспоминать насъ въ молитвахъ своихъ".—Общій отвѣтъ былъ: „долгъ нашъ". Спустя нѣсколько минутъ христіане удалились. Я пошелъ въ церковь.

Очень нехорошо держатъ себя въ Святой землѣ и нѣкоторые поклонники Гроба Господня, хотя они и совершаютъ это отдаленное путешествіе съ единственною цѣлію очистить свою омраченную грѣхами совѣсть и смягчить праведный гнѣвъ ожидаемаго ими суда Божія перенесеніемъ трудностей своего въ Святую землю пути и своей молитвой.

„14 декабря, послѣ обѣда, въ одинъ часъ пополудни, мы отправились, пишетъ архимандритъ Порфирій, изъ Акры, сирійскаго городка, лежащаго на берегу моря, въ Каифу. Дорогой я узналъ, что прочіе поклонники, ѣхавшіе со мною, не платили за ночлеги, говоря, что они—мои люди и что я заплачу за нихъ. Торгаши привыкли скупиться и обманывать: что же удивительнаго, если они торгуютъ совѣстію и на пути

[1]) См. „Русская Старина", іюль 1915 г.

къ Гробу Господню? Они надѣются тамъ покаяться, чтобы снова бездѣльничать на пути въ свои торговыя темныя лавки".

Ничего особенно благожелательнаго не могъ высказать архимандритъ Порфирій и въ отношеніи къ нѣкоторымъ представителямъ русской власти на Востокѣ. Они не стѣснялись, повидимому, иногда очень грубо злоупотреблять своими полномочіями и часто въ жертву своимъ личнымъ выгодамъ и расчетамъ приносили существенные иногда интересы тѣхъ учрежденій и лицъ, представителями которыхъ они являлись въ чужомъ краю и довѣріемъ которыхъ пользовались. Такъ, на 164 страницѣ I тома „Книги своего бытія" онъ, со словъ іерусалимскихъ владыкъ, указываетъ, между прочимъ, на то, что „русскій генеральный консулъ, Базили, держитъ у себя драгомана-маронита, покровительствуетъ католикамъ (іезуитамъ, уніатамъ) и за то пользуется отъ нихъ деньгами и, что всего постыднѣе, женщинами. Патріархъ антіохійскій Меѳодій, продолжаемъ начатую нами выписку, весьма недоволенъ этимъ грекомъ. Надобно полагать, что патріархъ, по простотѣ своей и по ревности ко благу церкви, разскажетъ мнѣ похожденія и интриги консула. „Не даромъ батюшка, промолвилъ по этому поводу, обращаясь къ архимандриту Порфирію, ближайшій его спутникъ, о. Григорій, Базили ухаживаетъ за вами; онъ хочетъ обаять васъ, приласкаться къ вамъ, а можетъ быть и взять васъ въ свои руки."—Увидимъ, отвѣчалъ я. Dies docebit.

Совершенно мимоходомъ и какъ бы между строкъ даетъ архимандритъ Порфирій маленькую характеристику и іерусалимскимъ евреямъ. Онъ касается, впрочемъ, одной только ихъ національной черты—хитрой всегда и во всемъ изворотливости и дѣлаетъ это, повидимому, съ единственной цѣлію оживить нѣсколько путевыя записи своего „Дневника" этой небольшой, но забавной вставкой и, вмѣстѣ съ тѣмъ, удержать извѣстное значеніе и затѣмъ нѣсколько анекдотическимъ разсказомъ, который, при всей своей незначительности, все же можетъ считаться очень типичнымъ для того племени, которому и до сего еще времени по преимуществу приписывается необыкновенная во всемъ изворотливость и ловкость.

Вноси такой полушуточный разсказъ въ свой путевой „Дневникъ", архимандритъ Порфирій ни словомъ не упоминаетъ о томъ, къ какому вѣроисповѣданію могъ бы принадлежать еврей, вызванный турецкимъ пашей для опредѣленія и провѣрки на немъ нѣкоторыхъ свойствъ и особенностей іудейскаго племени. Очевидно, что въ разсматриваемомъ отношеніи архиманд-

ритъ Порфирій гораздо больше значенія придавалъ національнымъ чертамъ даннаго народа, чѣмъ тѣмъ или другимъ чисто вѣроисповѣднымъ на него вліяніямъ, какъ бы ни были сильны таковыя сами по себѣ и неотразимы.

„На дорогѣ къ Птолемандѣ, пишетъ архимандритъ Порфирій въ своемъ „Дневникѣ“ подъ 14 декабря 1843 года, одинъ молодой турка, родомъ изъ Іерусалима, разсказывалъ анекдоты о хитрости іерусалимскихъ жидовъ.—Одинъ разгульный паша, желая повѣрить молву о ихъ хитрости, призвалъ къ себѣ одного жида и приказалъ ему оправдать предъ нимъ общее мнѣніе, иначе угрожалъ отрубить ему голову... Мотокъ шелку... Паша держитъ одинъ конецъ, жидъ, развертывая мотокъ, удаляется, скрывается изъ вида паши, подергивая, впрочемъ, нитки; паша ждетъ, что будетъ. Жидъ, за 5 піастровъ (50 коп.) нанимаетъ поселянина подержать другой конецъ, а самъ скрывается. Терпѣніе паши истощилось; онъ посылаетъ солдата, и сей вмѣсто жида находитъ феллаха.

Таковы были встрѣчи и наблюденія архимандрита Порфирія на пути его слѣдованія въ Святую землю, къ главному мѣсту его назначенія. Немного радостныхъ и свѣтлыхъ впечатлѣній получено было имъ на этомъ пути. Немного онъ нашелъ здѣсь возвышенно настроенныхъ и всесторонне образованныхъ людей, къ которымъ бы радостно и неудержимо повлеклось теперь его сердце. За оффиціальнымъ исповѣданіемъ восточными христіанами истинъ православной вѣры невольно чувствовались нѣкоторая поверхностность и неопредѣленность ихъ общаго религіозно-нравственнаго настроенія, нѣкоторая огрубѣлость ихъ чувствъ, стремленій, помысловъ, а иногда даже и ихъ крайняя во взглядахъ на все матеріальность.

Таковы же почти были и тѣ впечатлѣнія, какія получилъ архимандритъ Порфирій при посѣщеніи имъ на Востокѣ православныхъ храмовъ, монастырей и разныхъ другихъ памятниковъ христіанской святыни и старины, лежавшихъ на пути его слѣдованія въ Дамаскъ и обратно изъ Дамаска въ Бейрутъ, по склонамъ и отлогостямъ Ливана и Антиливана. Не на всемъ, конечно, что онъ тамъ видѣлъ и изучалъ непосредственно, но, во всякомъ случаѣ, очень на многомъ отражалась та общая грубоватость взглядовъ, понятій и даже религіозныхъ запросовъ и требованій, какой не могъ не отпечатлѣть нѣсколько грубоватый вообще Востокъ даже на своихъ болѣе православныхъ и чтимыхъ всѣми святыняхъ. Живымъ отраженіемъ такихъ именно настроеній и чувствъ является, между прочимъ, и ле-

жащій въ горахъ Антиливана мужской монастырь, на которомъ поэтому и остановился съ такимъ особеннымъ вниманіемъ нашъ ученый наблюдатель.

„Прекрасное утро. Въ $9^1/_2$ часовъ выѣздъ изъ Сайданайя въ монастырь св. Θеклы. Игуменъ провожаетъ... Видъ монастыря, какъ орлинаго гнѣзда. Слѣва деревня въ видѣ террасъ, справа монастырь. Лощина глубокая замыкается высочайшими каменными голыми горами, которыя весьма съуживаются... Въ глубинѣ лощины журчитъ потокъ, выбѣгающій изъ-подъ горнаго замка. Игуменъ Захарія—грекъ съ острова Кипра, старый, но бодрый человѣкъ, съ сѣдою бородой и длинною косою... Церковь во имя Предтечи. Ужасъ мой!.. Вонь, всякая всячина, полати на палочкахъ, заваленныя дрянью. Кабакъ лучше этого храма. Налѣво въ какомъ-то притворѣ безъ двери чортъ ногу переломитъ. Послѣ часа мы пошли къ мощамъ св. Θеклы,—весь путь загрязненъ невѣроятно... Церковь бѣднѣйшая подъ огромнѣйшимъ нависшимъ камнемъ, сквозь который каплетъ вода на паперть... Въ капеллѣ горитъ одна большая лампада, висящая съ натуральнаго каменнаго свода. Мощи въ стѣнѣ. По разсказу игумена, монастырь имѣетъ 250—360 черныхъ козъ (я ихъ видѣлъ), два плуга съ четырьмя волами, сѣетъ хлѣбъ, имѣетъ виноградникъ, маслины, собираетъ подаянія. Въ монастырѣ живетъ игуменъ, да діаконъ; будто бы двое въ отлучкѣ за сборомъ хлѣба. Лѣтъ за 7 почти весь монастырь перестроенъ, и что же сдѣлано? Гостиныя комнаты для богомольцевъ. Подлѣ монастыря—скотный дворъ, внизу маленькіе огородцы на камняхъ; видно, игуменъ хозяинъ для своихъ выгодъ. Онъ, разбойникъ, крайне сердитъ, неучтивъ, грубъ и недогадливъ. Онъ командовалъ 50 поселянами и разбилъ въ ущеліи 600 солдатъ турецкихъ. Ходя въ Іерусалимъ на поклоненіе и за сборомъ, одѣвался по-турецки и билъ бѣдныхъ феллаховъ. По его словамъ, и матеріалы строевые и работники очень дешевы, а въ церкви все ветхо...

Къ сожалѣнію, было въ то время на Востокѣ много и другихъ православныхъ храмовъ, находившихся въ такомъ же, или даже еще въ большемъ запустѣніи и разстройствѣ, чѣмъ только-что описанный здѣсь храмъ монастыря св. Θеклы. Вотъ что пишетъ архимандритъ Порфирій объ одномъ изъ такихъ храмовъ, лежащемъ у самой Сайданайской женской обители и сравнительно очень недавно еще поновленномъ.

„Изъ уніатскаго храма во имя Петра и Павла (близъ Сайданайя) мы пошли по деревнѣ въ православную церковь

за женскимъ монастыремъ (на сѣверной сторонѣ), подъ каменною горою, построенную въ деревнѣ во имя Предтечи. Церковь эта не мала, но теперь запущена; въ ней не служатъ. Запачкана, загрязнена; иконостасъ въ ней каменный, низменный, поверхъ его видны архитравы изъ камня. Греческая надпись надъ входомъ въ церковь внутри оной доказываетъ, что она обновлена была 1 марта 1745 года, при патріархѣ Сильвестрѣ, иждивеніемъ игуменьи Магдалины изъ Сайданайскаго монастыря и послушницы Нимфодоры. Стало быть, эта церковь построена ранѣе.

Среди цѣлаго ряда такихъ впечатлѣній и картинъ, часто вызывавшихъ архимандрита Порфирія, во время его первой поѣздки на Востокъ, на самыя грустныя размышленія и вносившихъ горечь разочарованія иногда въ самыя свѣтлыя его упованія и надежды, ничто, повидимому, не доставляло ему такого истинно христіанскаго утѣшенія, какъ живыя встрѣчи и благожелательный разговоръ съ людьми истинно христіанскаго чувства и настроенія, дѣятельнаго христіанскаго труда, честнаго отношенія къ своему долгу и къ своимъ обязанностямъ. Это приносило архимандриту Порфирію какое-то особенное чисто нравственное успокоеніе, замѣтно ободряло его въ тяжеломъ пути по неустроенной еще почти полудикой странѣ, освѣжало его силы. Въ обществѣ такихъ людей какъ бы смягчались нѣсколько для архимандрита Порфирія невеселыя вообще картины жизни восточныхъ христіанъ, и онъ снова уже начиналъ смотрѣть вдаль съ прежней надеждой на болѣе свѣтлое для всѣхъ и, какъ ему казалось, болѣе счастливое будущее. При облегающемъ всѣхъ и все густомъ суракѣ даже и небольшіе едва скользящіе огоньки свѣтятъ обыкновенно очень ярко. Такъ было для архимандрита Порфирія и здѣсь, на живописныхъ взгорьяхъ и низменностяхъ Ливана и Антиливана. Нѣсколько живыхъ и благоговѣйно настроенныхъ людей, ушедшихъ въ свое призваніе и въ принятые ими на себя обѣты, были здѣсь для него именно такимъ свѣтлымъ лучомъ, приносившимъ ему на его тяжеломъ по Востоку пути истинную духовную радость и истинное утѣшеніе. Вотъ что пишетъ онъ въ своемъ „Дневникѣ" объ этихъ лучшихъ своихъ минутахъ.

„Въ среду, часовъ въ 9 утра, посѣтилъ меня учитель арабскаго языка, о. Іосифъ... Онъ 22 года священствуетъ и трудится безмездно для образованія дѣтей въ здѣшней (Дамасской) школѣ; уча, теряетъ приходскіе доходы; его поддерживаютъ или пропитываютъ дѣти, ходя на заработки; посѣщая христіанъ,

онъ уговариваетъ родителей отдавать дѣтей въ школу. Прежде здѣшніе православные христіане боялись науки, какъ чумы; теперь замѣтна охота къ ученію. Кромѣ школьныхъ и приходскихъ занятій, о. Іосифъ повѣряетъ рукописи, сличаетъ ихъ съ переводами и подлинниками греческими. Это—истинный труженикъ! Но на него мало обращаютъ вниманія. При ревности къ православію и просвѣщенію христіанъ, онъ имѣетъ великую вѣру, смиреніе, безкорыстіе, терпѣніе. Это—человѣкъ Божій. Говоря о своихъ непрерывныхъ трудахъ, убожествѣ, благости Божіей, и присовокупивъ, что ему недолго остается жить на свѣтѣ, заплакалъ сердечный... Мнѣ стало крайне жаль его".

Еще больше нравственнаго утѣшенія доставили архимандриту Порфирію своей вѣрой, благочестіемъ и своимъ необыкновенно живымъ порывомъ къ молитвѣ и умиленію монахини Сайданайскаго монастыря, лежащаго на одномъ изъ взгорій Антиливана, на очень небольшомъ разстояніи отъ Дамаска. Высокое религіозное волненіе, охватившее ихъ такимъ неудержимымъ порывомъ, привело въ совершенно исключительное настроеніе и самаго архимандрита Порфирія и пробудило въ немъ такія чувства и движеніе души, какихъ онъ, судя по степени ихъ напряженія и высоты, никогда еще не испытывалъ въ себѣ прежде. Это было за два дня до встрѣчи архимандрита Порфирія съ іеромонахомъ-педагогомъ о. Іосифомъ.

„Въ понедѣльникъ, 8 ноября, послѣ литургіи, пишетъ въ своемъ „Дневникѣ" архимандритъ Порфирій, двойной рядъ монахинь и послушницъ ожидалъ меня между колоннами правой стороны. Я благословилъ ихъ поодиночно. По благословеніи подошла ко мнѣ какая-то старая монахиня и преклонила голову: это значило, что я долженъ читать надъ ней молитву. Лишь только я началъ читать: Царю небесный, Отче нашъ, вдругъ окружили меня всѣ монахини и преклонили головы свои; я очутился среди ихъ и въ священномъ воодушевленіи, послѣ молитвы: помилуй насъ, Господи, помилуй насъ и проч., возэрѣлъ на небо и громко съ вѣрою произнесъ молитву: Призри съ небесе, Боже, и виждь и посѣти виноградъ сей и утверди и въ православіи; потомъ присовокупилъ: соблюди ихъ въ цѣломудріи, даруй имъ послушаніе Христово, возвеличи ихъ смиреніе и да совершится сила Твоя въ ихъ немощи, и да изліются на нихъ дары благодати, ради ихъ нищеты произвольныя. Аминь, аминь, аминь!—Всѣ онѣ цѣловали руки мои и воскрилія одеждъ моихъ; иныя прикладывали руки мои къ челу и

очамъ и какъ бы мазали ихъ; иныя взирали на небо и били въ перси свои; этимъ онѣ выражали единовѣріе и молитвы свои къ Богу за меня грѣшнаго. Никогда еще не бывалъ въ подобномъ состояніи; я чувствовалъ въ себѣ какое-то пророческое величіе; въ эти минуты я былъ истымъ священникомъ Бога Вышняго. Слезы оросили мои рѣсницы...

О католической церкви и католическомъ духовенствѣ архимандритъ Порфирій говоритъ въ своемъ „Дневникѣ" еще короче и рѣже. Изученіе иновѣрныхъ исповѣданій, повидимому, гораздо меньше интересовало его и не входило ближайшимъ образомъ въ кругѣ его задачъ и цѣлей. Поэтому онъ прикасается къ этому матеріалу всегда только какъ бы мимоходомъ, вскользь и въ сужденіи о немъ старается ограничиваться большею частію немногими лишь словами. Тѣмъ не менѣе, все то, что ему приходилось слышать здѣсь на Востокѣ о настоятельницѣ одного маронитскаго женскаго монастыря, Гендіе, такъ поразило его и такъ запечатлѣлось въ его памяти, что онъ посвятилъ этой „святой развратницѣ" гораздо больше вниманія, времени и труда, чѣмъ это, можетъ быть, вызывалось бы обстоятельствами самого дѣла. Вотъ тѣ довольно подробныя сообщенія объ этой странной святой, какія мы находимъ въ его „Дневникѣ" подъ 28 ноября 1843 года.

„По словамъ стараго и уже слѣпого архимандрита Натурскаго монастыря, о Максима, который былъ знакомъ съ Гендіе, она была роста небольшого, глаза имѣла большіе, черные, носъ не малый. Она родилась на Ливанской горѣ, въ деревнѣ Кео... отъ богатыхъ родителей. Вступивъ въ женскій монастырь Пкурке, недалеко отъ Бейрута, она прославилась святымъ образомъ жизни и сдѣлана была игуменью. По требованію папы была въ Римѣ и когда возвратилась оттуда, марониты стали считать ее выше св. Екатерины и Магдалины и всѣхъ святыхъ, и прибѣгали къ ней какъ къ самому Христу; видѣли, что она ходитъ по воздуху на аршинъ отъ земли. При ней былъ ящикъ съ деревяннымъ масломъ; имъ она мазала чело и тогда сообщалась съ духами злыми. Она говорила тогда, что духомъ летала во всѣхъ странахъ земли: въ Индіи, въ Россіи, въ Римѣ и проч., и знала всѣ тайны. Одна послушница сдѣлала подобный опытъ помазанія ея масломъ украдкою, и вдругъ была окружена духами, испугалась и лишилась языка. Марониты отдавали своихъ дочерей въ ея монастырь. Но она зло-

употребляла ими. Въ тайную келью она вводила мущинъ, и тамъ они имѣли плотское общеніе съ дѣвицами, плясали, пѣли. Изъ одного богатаго семейства пошла въ монастырь одна богатая дѣвица. Увидѣла ужасы, разсказала въ домѣ; потомъ ей дали 5 женщинъ и 20 мущинъ для открытія злоупотребленій. Застали преступниковъ и преступницъ на мѣстѣ мерзостей блудодѣянія. Вслѣдствіе сего открытія, эмиръ Юзефъ, явный турка, но потаенный маронитъ, принялъ мѣры и разорилъ монастырь. А Гендіе убѣжала сперва въ монастырь пророка Иліи, а потомъ пропала, куда, но извѣстно".

О томъ же, но съ очень небольшимъ измѣненіемъ въ частностяхъ и подробностяхъ, разсказывалъ о. Порфирію Успенскому и преосвященный аркадійскій, Захарія. „Честная дѣвушка не хотѣла... когда дошла до нея очередь, и заключена была въ темницу. Здѣсь она написала письмо къ отцу своему, въ Бейрутъ, съ надписью на конвертѣ: „кто любитъ Бога, тотъ турка ли, маронитъ ли, христіанинъ ли, пусть отдастъ это письмо въ Бейрутѣ такому-то". Одинъ поднялъ это письмо и доставилъ его по адресу. Тогда эмиръ Юсуфъ (Юзевъ) съ командою освободилъ дѣвицу, а монастырь съ Гендіе и со всѣми сжегъ. Теперь никто не живетъ въ немъ. Только лѣтомъ пріѣзжаетъ сюда патріархъ маронитскій или легатъ, который возстановилъ его".

Зачѣмъ пріѣзжалъ сюда время отъ времени маронитскій патріархъ или папскій легатъ? Зачѣмъ этотъ монастырь, столько себя опозорившій, былъ возстановленъ и какой образъ жизни вели монашествующія въ этой возобновленной обители въ ближайшее къ намъ время—объ этомъ архимандритъ Порфирій ничего не говоритъ въ своихъ запискахъ.

Не много свѣдѣній сообщаетъ онъ и объ уніатскихъ храмахъ, находящихся близъ Сайданайя, мѣста жительства селевкійскаго митрополита.

„Въ воскресенье, 7-го ноября, пишетъ архимандритъ Порфирій, отъ селевкійскаго митрополита, живущаго въ Сайданайѣ, мы спустились внизъ и осматривали уніатскую церковь. Изрядная, большая, съ 3 престолами; четвертый престолъ во имя пророка Иліи съ праваго бока. Католики успѣли уже поставить Распятіе... внести картину съ ихъ святыми; французскія подписи подъ каждымъ святымъ; также на престолахъ, среди православныхъ иконъ, они помѣстили свои,—св. Варѳоломея и св. Сердце Маріи (у Мадонны представлено пылающее сердце). Изъ этой церкви перешли въ другую уніатскую цер-

ковь во имя Петра и Павла, устроенную въ четвероугольной башнѣ. Входъ въ нее необыкновенно тѣсенъ и малъ, а прежде былъ великъ. На жертвенникѣ малый сосудъ серебряный покрытъ тряпкою... Къ чему служила эта башня, всегда ли была въ ней церковь—не знаю".

Совершенно другія чувства и настроенія должны были бы наполнять архимандрита Порфирія теперь, по мѣрѣ приближенія его къ святымъ мѣстамъ, къ предмету его молитвеннаго поклоненія и столько живыхъ въ теченіе многихъ лѣтъ ожиданій. Сюда, на покрытый такими дорогими для каждаго воспоминаніями Востокъ, такъ давно уже и такъ неудержимо влекли архимандрита Порфирія всѣ лучшія движенія его души, всѣ лучшія его чувства, что теперь, у самаго преддверія этихъ дорогихъ для каждаго вѣрующаго святынь, его всегда живое и столько отзывчивое на все чувство должно было бы переполнить все его существо и вызвать въ немъ самыя нѣжныя краски и тона для художественно-благоговѣйнаго описанія того, что теперь въ этой святой странѣ становилось уже живымъ предметомъ его наблюденія.

Но, къ сожалѣнію, рядъ непосредственныхъ и нѣсколько тягостныхъ впечатлѣній, полученныхъ имъ на переѣздѣ отъ Бейрута до Дамаска и первое ознакомленіе съ положеніемъ Христовой церкви въ этой полудикой еще странѣ внесли, повидимому, нѣкоторую горечь разочарованія въ тѣ свѣтлыя ожиданія и надежды, съ какими онъ ѣхалъ на Востокъ, и очень замѣтно отразились на общемъ пониженіи переживаемыхъ имъ теперь чувствъ и настроенностей. А все это не могло не отразиться въ свою очередь и на характерѣ самаго описанія архимандритомъ Порфиріемъ этихъ послѣднихъ стадій его пути отъ Каифы и Яффы (селеніе и городъ на берегу Средиземнаго моря) до Іерусалима. Въ описаніи этомъ не чувствуется уже ни особенно глубокаго настроенія, какое такъ естественно было переживать архимандриту Порфирію въ эти совершенно исключительные для него дни и часы, ни особой силы слова и выразительности. Взятыя для этихъ описаній краски и тона вездѣ уже нѣсколько блѣдны и наложены при томъ кистью большею частью очень несмѣлой и какъ бы даже нерѣшительной. У архимандрита Порфирія не нашлось уже какъ будто прежняго запаса силъ и художественнаго вдохновенія для возможно живого и яркаго описанія того, что онъ теперь

видѣлъ, и это въ такой именно моментъ, когда онъ уже приближался къ завѣтной цѣли всѣхъ лучшихъ своихъ ожиданій. Что-то какъ будто надорвалось въ его душѣ, разстроилось, ослабѣло... Даже столько священный для каждаго вѣрующаго Іерусалимъ, открывшійся теперь предъ архимандритомъ Порфиріемъ съ одной изъ прилегающихъ къ этому городу возвышенностей, не вызвалъ въ его душѣ тѣхъ настроеній и чувствъ, рельефное воспроизведеніе которыхъ въ „Дневникѣ“ могло бы составить самыя лучшія и самыя свѣтлыя его страницы. Въ ясный и морозный день 20 декабря, когда караванъ приближался къ этому святому городу, все какъ бы подернуто было для архимандрита Порфирія сѣроватой мглой, мѣшавшей ему со всей глубиной отозваться на получаемыя имъ теперь впечатлѣнія, столько глубокія по своему значенію и столько рѣдкія въ жизни каждаго человѣка.

Караванъ, съ которымъ слѣдовалъ архимандритъ Порфирій изъ Бейрута въ Іерусалимъ, шелъ сначала, отъ Бейрута до Яффы, по побережью Средиземнаго моря и все лучшее изъ того, что отмѣчено было за это время архимандритомъ Порфиріемъ, относится къ одной изъ мѣстностей, лежащихъ между Каифой и Тантурой. Вотъ, что написалъ онъ объ этой мѣстности и о движеніи своего каравана на 343 и 344 страницахъ своего „Дневника“, подъ 15 числомъ декабря 1843 года.

„Солнце скрылось за облаками и пошло свѣтить другому полушарію. На золотомъ яркомъ основаніи не долго покоились разноцвѣтныя облака надъ горизонтомъ моря. Насталъ сумракъ; надъ нашими головами свѣтилъ край луны; звѣзды, какъ брилліанты, украшали сине-голубую ризу Господню. Предночіе было тихое, свѣто-тѣнное. Дорога была прекрасная. Наши лошади и мулы шли проворно и охотно. Приближаясь къ Тантурѣ, мы проѣзжали по равнинѣ, зарощенной низменными кустарниками. Дорожка извивалась между ними кривой линіей. Ѣдучи взади каравана, я любовался, какъ нашъ поѣздъ свивался, развивался; то сомкнется линіею, то разсѣчется на куски, и эта живая, движущаяся кривая линія пестрѣла отъ разноцвѣтности одеждъ, отъ большей или меньшей величины фигуръ. Караванный поѣздъ доставляетъ особенное удовольствіе наблюдателю. Одни разговариваютъ, другіе смѣются, иные поютъ пѣсни; этотъ тянетъ изъ фляжки горѣлку, другой доѣдаетъ послѣдній кусокъ; у попа выпадаетъ фляжка изъ рукъ, и онъ наказываетъ ее тѣмъ, что осушаетъ всю, въ надеждѣ наполнить ее на ближайшемъ ночлегѣ; вдругъ является дервишъ

полунагой и своими кривляніями выманиваетъ парички (пара = $1/4$ коп.) у поклонниковъ. Слышишь разныя нарѣчія, любуешься удальствомъ какого-нибудь славянина, который стрѣляетъ изъ пистолета во славу Бога, сотворившаго небо и землю".

Немного подробнѣе и съ такимъ же почти совершенно спокойнымъ чувствомъ описанъ архимандритомъ Порфиріемъ и послѣдній переѣздъ его отъ Рамлы до Іерусалима, на протяженіи около 40 — 45 верстъ. Съ одной изъ лежащихъ на этомъ переѣздѣ возвышенностей открывался уже предъ нимъ и общій видъ на святой городъ, въ которомъ совершено было столько чудныхъ дѣлъ Христомъ Спасителемъ и сохранено столько дорогихъ для каждаго вѣрующаго воспоминаній. При первомъ взглядѣ на эту древнѣйшую христіанскую святыню „сердце его", по его собственнымъ словамъ, „затрепетало". Но и при полномъ избыткѣ чувствъ у него какъ будто не нашлось возвышенно-вдохновенныхъ словъ и выраженій для возможно полнаго и искренно прочувствованнаго описанія того, что теперь открывалось предъ нимъ въ прозрачно-ясныхъ лучахъ зимняго солнечнаго свѣта. Вотъ тѣ немногія слова, въ какихъ описаны были имъ эти послѣдніе часы его пути къ самымъ дорогимъ для каждаго вѣрующаго святынямъ.

„Послѣ покойнаго ночлега (въ Рамлѣ) мы отправились въ Іерусалимъ въ $7^1/_2$ часовъ. Утро ясное, но холодное. По небу голубому одно солнце катилось величаво. Дорога отъ Рамлы пролегала по взволнованному полю, прямо къ горамъ Іудеи. Поле это обработано. Иные посѣвы уже взошли; здѣсь на нивахъ сѣяли земледѣльцы, тамъ они приготовляли поля къ сѣянію. Плугъ ихъ очень простъ и легокъ, оттого, что черноземъ рыхлъ. Пары небольшихъ быковъ и неусильнаго поддержанія плуга достаточно было для взрыхленія земли. Пастухи гнали изъ Рамлы тощій скотъ рогатый. Направо и налѣво взоръ ничего болѣе не встрѣчалъ вначалѣ, кромѣ яркой зелени, покрывшей землю; порой взоръ обнималъ далекое пространство напольное, порой ограничивался холмиками и болѣе всего упирался въ горы Іудеи, которыя, казалось, прямою линіею лежали на сѣверѣ и югѣ. Вершины этихъ горъ, казалось, подравнены были искусствомъ: ни одна не возвышалась надъ другою. Не высоки эти горы. Чѣмъ ближе подъѣзжалъ я къ горамъ, тѣмъ взволнованнѣе становилось поле. Возвышенія этого поля суть какъ бы первыя ступени лѣстницы горной, ведущей къ Іерусалиму. И въ земной Іерусалимъ грядемъ постепенно:

сколько же трудныхъ и скорбныхъ путей надобно пройти, чтобы достигнуть до Іерусалима небеснаго? Нельзя спастись грѣшнику скоро"...

„Поднявшись на возвышеніе, гдѣ стоитъ Сарисъ, въ 5 часахъ пути отъ Рамлы, я увидѣлъ Средиземное море и песчаный его берегъ. Синее, какъ второе небо, оно казалось неподвижнымъ стеклиннымъ пространствомъ. Спускаясь съ вершины къ деревнѣ Абогошъ (древній Киріатъ—Іаримъ), я замѣтилъ древнее четвероугольное зданіе внизу деревни; на немъ, по самой срединѣ, устроенъ сводъ съ окнами по бокамъ. Стѣны свода еще цѣлы, но на самой вершинѣ растетъ трава и камни попорчены и частью вывалились. Это была церковь; я не былъ въ ней, но, кажется, теперь загоняютъ въ нее скотъ. Мерзость запустѣнія на мѣстѣ святѣ. Деревня Абогошъ не велика, но выстроена изрядно. Дома высоки съ плоскими кровлями. Видно, разбойникъ Абогошъ награбилъ довольно денегъ и дѣлился съ своими товарищами"...

„Отъ Сариса горы выше и выше становятся и всѣ голы. Смотря на эти горы, я согрѣшилъ, подумалъ, что Моисей обманулъ евреевъ, говоря, что онъ введетъ ихъ въ обѣтованную землю, кипящую медомъ и млекомъ. Пусть никто не говоритъ, что эта земля сдѣлалась такою послѣ распятія Христова. Каменныя горы Іудеи были голыми и до Рождества Христова. У подошвы горы, на склонѣ которой построена деревня Külônieh, подлѣ дороги, стоятъ развалины какого-то зданія, углы котораго складены изъ большихъ камней римской тески. Отсюда, мы взобрались на высокую гору, и, спустя полчаса, увидѣлъ я іерусалимскую крѣпость и часть стѣны, примыкающей къ ней. „Іерусалимъ! Іерусалимъ!" всѣ закричали. Сердце мое затрепетало, но радостно. Я снялъ камилавку, перекрестился три раза и творилъ молитву: „Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному". Вотъ чувство, возродившееся при первомъ взглядѣ на святой градъ. Оно продолжалось не долго, но было отголоскомъ сознанія души, а не разсудка, которому я не позволялъ на этотъ разъ свѣтить".

Въ какомъ составѣ и при какомъ количествѣ проводниковъ двигался караванъ отъ Яффы до Іерусалима, къ мѣсту назначенія архимандрита Порфирія,—объ этомъ въ его „Дневникѣ" не упоминается. Очень можетъ быть, что этотъ путь считался въ то время сравнительно болѣе безопаснымъ и проходился

путешественниками съ значительно меньшимъ числомъ проводниковъ и при большей отъ всего безопасности. Но глухой сравнительно путь отъ Бейрута къ Дамаску, черезъ кочевья туркменовъ, и обратно отъ Дамаска чрезъ Бейрутъ къ Яффѣ, пройденный архимандритомъ Порфиріемъ съ 26-го октября по 17-е число декабря мѣсяца, былъ, какъ это мы видѣли уже, во всѣхъ отношеніяхъ очень не безопасенъ. Среди взгорій Ливана и Антиливана, въ дикихъ ущельяхъ и заросляхъ, можно было на каждомъ шагу ожидать встрѣчъ и столкновеній съ самыми опасными людьми, для которыхъ похищеніе чужого имущества и даже убійство казались дѣломъ почти привычнымъ, не представлявшимъ ничего необыкновеннаго. Вотъ почему для прохожденія этого пути всегда и для всѣхъ требовалась здѣсь хорошо организованная и вполнѣ достаточная по составу лицъ охрана. Таковъ нашъ разноплеменный Востокъ, и таковы нравы извѣстной части его обитателей. Человѣческая жизнь цѣнится тамъ иногда очень не дорого, и потому принятіе извѣстныхъ предосторожностей въ пути считается тамъ безусловно для всѣхъ необходимымъ.

Вотъ почему уже изъ Бейрута, одного изъ главныхъ и очень промышленныхъ городовъ турецко-сирійскаго вилайета, архимандритъ Порфирій выѣзжаетъ, какъ мы это уже и видѣли, въ сопровожденіи нѣсколькихъ лицъ, хотя прилегающая къ этому оживленному пункту мѣстность и могла бы считаться достаточно безопасной и особенно въ такое время дня, въ какое она пройдена была архимандритомъ Порфиріемъ—это съ часу дня до наступленія сумерекъ. Далѣе отъ Сайданайскаго женскаго монастыря до мужского монастыря св. Ѳеклы архимандрита Порфирія сопровождаютъ игуменъ этого монастыря и четыре проводника, изъ числа которыхъ двое съ ружьями. Затѣмъ, ровно черезъ десять дней отъ этого же женскаго монастыря по пути къ Бальбеку съ архимандритомъ Порфиріемъ также слѣдуютъ четыре проводника. Столько же проводниковъ изъ мѣстныхъ служащихъ охраняли его въ пути и отъ монастыря св. Георгія къ Триполи и т. п.

Но при весьма многихъ опасностяхъ этого пути не всегда, кажется, были вполнѣ благонадежны и тѣ лица, которыя принимали на себя обязанность охранять въ этомъ пути мирныхъ путешественниковъ. Въ четвергъ, 18 ноября, на переѣздѣ отъ Бальбека къ монастырю св. Георгія, не столько, кажется, устрашали архимандрита Порфирія и его спутника самыя опасности

пути, сколько необычайно дикая наружность и совершенно исключительныя душевныя качества одного изъ его проводниковъ, выразившихъ желаніе провожать нашихъ мирныхъ путешественниковъ, хотя бы и единолично. Но этотъ вполнѣ и во всѣхъ отношеніяхъ „благонадежный“ проводникъ болѣе пугалъ нашихъ путешественниковъ, чѣмъ успокоивалъ. Во всякомъ случаѣ онъ производилъ на нихъ очень сильное впечатлѣніе и заставилъ архимандрита Порфирія внести въ его путевой „Дневникъ“ слѣдующія строки, нелишенныя своего интереса.

„Лишь только мы двинулись (изъ Бальбека), къ намъ подъѣхалъ на черной, какъ смоль, арабской лошади, покрытой бѣлымъ чепракомъ съ висящими прядями шерсти, черный мущина среднихъ лѣтъ, сухощавый, съ черной небольшой бородой, и привѣтствовалъ насъ: „Сабакумъ-бумъ-хаеръ“ [1]. Это былъ Алишейхъ, нашъ проводникъ. Мы хотѣли подождать нашего старика и другого проводника (за которымъ старикъ отправился). Но онъ (Али) махнулъ рукою и сказалъ намъ: „Чего ихъ ждать? Ступайте за мною; я одинъ васъ провожу по всей дорогѣ; здѣсь всѣ знаютъ Али“, и поѣхалъ впередъ.

— Видна птица по полету, сказалъ я о. Григорію.

— Плотоядная птица, батюшка, плодоядная, отвѣчалъ онъ.

— Ястребъ, вижу, ястребъ взялся провожать голубей.

— Обратите вниманіе ваше, батюшка, на его лошадку; каменная, а онъ, окаянный, первый разбойникъ...

Между тѣмъ, подскакалъ и второй проводникъ, мущина тѣхъ же лѣтъ, круглорожій, черный, высокій, плечистый. Всѣхъ насъ стало одиннадцать.

Мы поѣхали по между-горному полю, впрочемъ, ближе къ Антиливану. Густой туманъ несся съ Ливана въ долину. Стало холодно и сыро.

Позавтракали на коняхъ. Порой я разсматривалъ Алія. Онъ вооруженъ былъ пятью орудіями: двумя пистолетами, двумя карабинами и ружьемъ. На головѣ его была большая чалма изъ пестрой персидской шали. Большіе черные кровавые глаза его вращались безпокойно и выражали непріятную суровость. Продолговатый, прямой нетонкій носъ, весьма большой ротъ съ бѣлыми хорошими зубами гармонировали съ его глазами. Какъ будто двѣ души въ этомъ человѣкѣ; ибо, когда онъ

---

[1]) Вѣрнѣе „Сабехкомъ билхе́ръ“—добраго утра.

смѣялся, глаза его нимало не измѣнялись: все были также суровы и грозны. Я не могъ долго смотрѣть на него. Не страхъ, а какое-то непріятное чувство онъ поселялъ во мнѣ. Смотря на его лошадь, я замѣтилъ, что у ней ротъ весь въ крови и ноздри также красныя.—„По сѣдоку и лошадь, думалъ я,—у него изъ глазъ дикость глядитъ, а у лошади его изъ ноздрей пламя пышетъ". Замѣчайте, батюшка, промолвилъ о. Григорій; лошадь этого разбойника не идетъ тропинкою, а гдѣ и какъ попало. Это значитъ, что она лошадь разбойничья". Я молчалъ.

Въ деревнѣ Кефръ-ел-Муза (Сефъ Хамусъ), на постояломъ дворѣ, „мы благодарили Али и его товарища; они отвѣчали, что они желаютъ только, чтобы мы были здоровы и спокойны. Хороши слова, но страшенъ видъ. Али сидѣлъ у стѣны на корточкахъ и подпирался небольшимъ карабиномъ, и при каждомъ шумѣ хватался за пистолеты. Онъ крайне безпокоилъ насъ своимъ присутствіемъ... Наконецъ, онъ ушелъ вмѣстѣ съ товарищемъ, сказавъ, что ему негдѣ спать въ нашей комнатѣ. Мы рады были его отсутствію, но рѣшились не раздѣваться и поочередно бодрствовать... Послѣ молитвы, прохаживаясь по двору, я думалъ о странной участи своей. Досталось же мнѣ ввѣрить жизнь свою разбойнику... Я сравнивалъ себя съ листкомъ, оторваннымъ отъ огромнѣйшаго сѣннолиственнаго дерева и занесеннымъ въ такую даль, гдѣ дикіе звѣри въ образѣ человѣческомъ питаются подобными мнѣ листками.

Очень сильное и также не особенно благопріятное впечатлѣніе произвелъ на архимандрита Порфирія и его спутника, іеродіакона Григорія, встрѣтившійся имъ на этомъ пути шейхъ изъ-за Антиливана (арабскій старѣйшина), отчаянно скакавшій въ погоню за кочевавшими здѣсь тюркменскими грабителями, осмѣлившимися похитить у него часть его скота и хлѣба. Вотъ что пишетъ объ этой встрѣчѣ самъ архимандритъ Порфирій на 276 страницѣ своего „Дневника", подъ 18 числомъ ноября 1843 года.

„Лишь только мы переѣхали ручей (въ кочевьяхъ тюркменовъ, у оконечности Ливана), замѣтили скачущаго всадника. Сблизившись съ нашими проводниками, онъ остановился на минуту и сказалъ мнѣ нѣсколько словъ. Въ эту минуту я замѣтилъ, что онъ былъ вооруженъ. По разспросѣ оказалось, что этотъ всадникъ есть шейхъ изъ-за Антиливана. Кто-то изъ тюркменскаго кочевья укралъ у него часть хлѣба и скота, и онъ пустился одинъ въ погоню отыскивать

воровъ.„ Что будетъ съ ворами, если онъ отыщетъ ихъ?“ спросилъ я. „Въ его глазахъ, по его требованію, отрубятъ имъ головы, и этимъ кончится судъ“, отвѣтилъ о. Григорій. А почему онъ одинъ отважился преслѣдовать воровъ и такъ далеко? Здѣсь боятся не лицъ, а цѣлаго племени. Убить шейха,—значитъ возбудить все его племя и проч. Ну, люди здѣсь, подумалъ я и взглянулъ на небо, и оно было мрачно“.

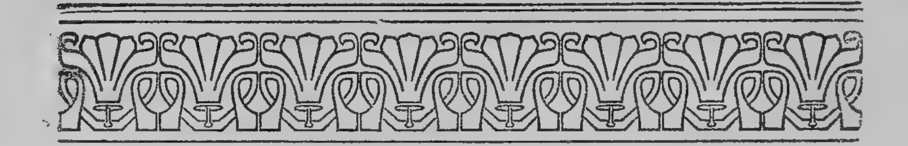
Это были холодные зимніе дни, когда и яркое южное солнце не могло не заволакиваться время отъ времени тяжелою пеленой густыхъ облаковъ и притомъ очень надолго. Но для архимандрита Порфирія замѣтно омрачался въ эти немногіе дни какъ бы и самый Востокъ со всѣмъ тѣмъ, что онъ теперь тамъ видѣлъ и слышалъ. Очень многія его древнія святыни и достопримѣчательности казались теперь архимандриту Порфирію освѣщенными какимъ-то особеннымъ печально тусклымъ свѣтомъ; на все налегала въ его глазахъ тяжелая тѣнь отъ неполноты свѣта и тепла въ сердцахъ восточныхъ христіанъ, отъ недостатка въ нихъ истинно-религіозныхъ чувствъ и настроенностей. Холодная и сухая во всемъ оффиціальность; излишне матеріальный расчетъ въ живомъ соприкосновеніи съ предметами, запросами и требованіями самаго возвышеннаго характера; нѣсколько небрежное, а иногда даже и совсѣмъ неряшливое отношеніе очень многихъ лицъ къ высокимъ предметамъ вѣры и благочестія; глубокій вѣроисповѣдный и національный разладъ тамъ, гдѣ, казалось бы, было мѣсто для одной только христіанской любви, для добраго со всѣми мира и доброжелательства,—вотъ то болѣе общее и болѣе замѣтное для всѣхъ, что по преимуществу характеризовало въ то время нашъ разновѣрный Востокъ и что очень часто было живымъ предметомъ непосредственныхъ наблюденій архимандрита Порфирія, а иногда и тревожнымъ источникомъ его очень горестныхъ думъ и разочарованій.

Непосредственныя послѣдствія всего этого были для архимандрита Порфирія, повидимому, очень неблагопріятны. Благодаря тому, что онъ здѣсь видѣлъ и слышалъ, не только весь путь его отъ Константинополя до Іерусалима, но даже и столько волнующее всѣхъ приближеніе къ этому святому городу и даже самый въѣздъ въ Іерусалимъ не отозвались уже въ его душѣ тѣми высокими отзвучіями, какія всегда такъ свойственны были его необыкновенно гибкому уму и столько отзывчивому на все сердцу. И это замѣтно отразилось даже и на самомъ

стилѣ его письма, всегда такомъ гибкомъ, образномъ и живомъ; но теперь какъ бы утратившемъ уже очень значительную часть своей общей силы и выразительности. Въ художественномъ словѣ, какъ и въ живописи, быстро блѣднѣютъ всѣ краски и тона, разъ только въ самомъ художникѣ замѣтно падаетъ почему-либо его собственное чувство и настроеніе,—этотъ всегда живой и неизсякаемый двигатель высокой мысли и художественной красоты во всѣхъ ея видахъ и проявленіяхъ.

А. Красевъ.

Замѣтки петроградскаго обывателя во время русско-нѣмецкой войны [1]).

Удивительно странно устроена человѣческая натура: во время проявленія общественныхъ бѣдствій: пожаровъ, землетрясеній, наводненій, войны, проявляются у нѣкоторыхъ лицъ самые, низменные, животные инстинкты. Во время настоящей войны нѣкоторыя такія явленія вообще присущи всѣмъ арміямъ, но особенно ярко выступаетъ повальное невозможное, озвѣрѣніе германскихъ войскъ, имѣющее систематическое развитіе, навѣянное тевтонамъ еще задолго до войны, и привитое этимъ дикимъ воинамъ еще съ молокомъ матери. Не даромъ одна высокопоставленная дама выразилась про германца—это не человѣкъ, а чортъ.

Но не это явленіе пытаюсь изложить въ настоящихъ строкахъ петроградскаго обывателя. Во время войны, среди начальствующихъ лицъ, особенно среди высшихъ и штабныхъ развивается особенная склонность къ интригамъ и необычайная зависть къ полководческому таланту, зависть къ популярности начальника среди войскъ и народа. Исторія насъ поучаетъ, что эти явленія повторялись во всѣ войны, во всѣ вѣка и у всѣхъ народовъ.

Что дѣлается у австрійскихъ полководцевъ, то невозможно разобрать обыденному уму простого обывателя. Ярко горѣли у нихъ дѣянія разнаго рода эрцгерцоговъ, Ауфенберговъ, Данклей, Піотрековъ. Теперь о нихъ ничего не слышно. Одинъ изъ австрійскихъ военачальниковъ уже сидитъ на скамьѣ подсудимыхъ. Покуда еще держатся Вейромъ Бемъ-Ермоли и

[1]) См. „Русская Старина“, іюль 1915 г.

Боеровичъ, но и противъ нихъ, говорятъ, другіе австрійскіе военачальники сильно и очень сильно интригуютъ.

Въ германскихъ войскахъ дѣло на счетъ интригъ и зависти стоитъ уже болѣе опредѣленно.

Несомнѣнныя дарованія и твердый характеръ Мольтке сданы въ архивъ благодаря интригамъ бездарнаго кронпринца, старающагося выдвинуть своего профессора Макензена.

Несомнѣнно обладающій военными талантами Рупрехтъ Баварскій вслѣдствіе интригъ высокихъ принцевъ остается въ тѣни.

Выдвигается популярный въ Германіи Гинденбургъ. Говорятъ, что Вильгельмъ начинаетъ ему завидовать и Гинденбургъ начинаетъ стушевываться. Наслѣдовавшіе за Мольтке постъ начальника генеральнаго штаба становятся безсловесными рабами Вильгельма.

Кайзеръ возмнилъ себя Наполеономъ и начинаетъ фактически управлять германскими военными операціями.

Приводимъ картинку корреспондента, поучительную для нашихъ нѣмцелюбовъ [1]).

Передовой отрядъ, гдѣ работала сестра Д., отправилъ раненыхъ и готовился передвинуться вслѣдъ за нашими войсками черезъ день или два. Передъ отправленіемъ сестры рѣшились,

[1]) „Русск. Сл.“, 27 апр. сего года.

пользуясь перерывомъ въ работѣ, хорошенько подкрѣпить свои силы вкуснымъ обѣдомъ, такъ какъ уже нѣсколько дней во время боевъ приходилось питаться только чаемъ и хлѣбомъ. Послали въ сосѣдній городокъ за провизіей и приготовили себѣ „настоящій“ обѣдъ. Вдругъ около часа дня, когда столъ былъ накрытъ, и отрядъ готовился приступить къ обѣду, въ деревню ворвались нѣмцы.

Съ криками и угрозами вошли германскіе офицеры въ помѣщеніе отряда. Увидѣли накрытый столъ, обрадовались:

— Вотъ и прекрасно. Для насъ обѣдъ приготовили.

Это, разумѣется, не бѣда. Не велика важность остаться безъ обѣда. Но германцы не ограничились истребленіемъ чужого обѣда. Они разсѣлись за столомъ, а сестеръ и другихъ работниковъ отряда поставили около стола въ два ряда на колѣни.

— Постойте, посмотрите, какъ мы будемъ ѣсть вашъ обѣдъ...

Ѣли и все время издѣвались. Это было такъ обидно, такъ оскорбительно,—стоять на колѣняхъ и смотрѣть на грубыхъ враговъ,—что хотѣлось броситься на нихъ и пощечинами прекратить грубыя шутки и согнать насмѣшливыя улыбки. Только благоразуміе другихъ членовъ отряда удержало сестру Д. отъ взрыва негодованія.

Нѣмцы съѣли весь обѣдъ,—ничего не оставили. А сестры все время стояли на колѣняхъ. Затѣмъ нѣмцы забрали всѣ постели и подушки и улеглись спать. Къ сестрамъ же приставили караульнаго, чтобы онѣ не вставали съ колѣнъ. Ноги затекли, трудно стоять, а солдатъ даже пошевелиться не позволяетъ. Сейчасъ же грозитъ винтовкой.

Вдругъ раздалась артиллерійская пальба. Сообразили, что это—наши батареи.

Какими родными показались звуки русскихъ снарядовъ. Правда, эти снаряды могли отправить на тотъ свѣтъ и сестеръ, но таково было озлобленіе противъ нѣмцевъ, что готовы были сами погибнуть, лишь бы только отомстить имъ за издѣвательство.

Долго ли, коротко ли продолжалась стрѣльба, но одинъ снарядъ, наконецъ, попалъ въ халупу, гдѣ спали нѣмцы, и стояли на колѣняхъ наши сестры. Убитъ никто не былъ. Снарядъ только оторвалъ весь уголъ халупы.

Нѣмцы вскочили и быстро бѣжали изъ деревни. Поднялись и сестры. Стояніе на колѣняхъ продолжалось часа три. Ноги такъ болѣли, что съ трудомъ двигались.

Вскорѣ въ деревню прискакалъ казачій разъѣздъ. Офицеръ нашелъ сестеръ и сказалъ, что отправится сейчасъ въ погоню за нѣмцами, но сестрамъ совѣтовалъ бѣжать немедленно на станцію, гдѣ уже приготовленъ поѣздъ для эвакуаціи раненыхъ и медицинскаго персонала.

Голодныя, усталыя побѣжали сестры къ поѣзду. Бѣжали верстъ семь. Прямо задыхались отъ усталости, падали, лежали нѣкоторое время, опять поднимались и снова бѣжали. Достаточно было подумать, что нѣмцы могутъ настигнуть и забрать въ плѣнъ, чтобы истощенныя силы мгновенно возстановились, и ноги сами пришли въ движеніе. Въ довершеніе всего, нѣмецкая артиллерія начала обстрѣливать русскія войска, и надъ сестрами рвались шрапнели, и пролетали „чемоданы". Когда онѣ добрались до поѣзда, то образа человѣческаго не имѣли,— такъ устали, оборвали платья, забрызгались грязью.

Состоящія въ россійскомъ подданствѣ нѣмецкія фамиліи распадаются рѣзко на двѣ части. Одна, совершенно обрусѣвшая, облыжно носитъ нѣмецкую фамилію и любитъ Россію не меньше истыхъ, русскихъ, людей. Конечно, было бы лучше, если бы они добровольно, но не страха ради іудейска, перемѣнили свою фамилію, и тогда дѣло съ ними было бы окончательно ликвидировано.

Другая часть живетъ домашней нѣмецкой жизнью, сопричастна по духу нѣмецкой культурѣ, вѣроисповѣданія не православнаго и преданность Россіи этой части сомнительна. Конечно, и въ этой части есть оттѣнки, примыкающіе къ Россіи, но ихъ сравнительно мало. Все это нѣмцы по духу и русскими они быть не желаютъ; молодежь нѣкоторыхъ фамилій частью воспитывается въ Германіи, частью въ Россіи, частью служитъ въ русскихъ войскахъ, частью въ германскихъ.

Русскіе нѣмцелюбы тоже раздѣляются на двѣ части: одни идейные, узколобые, поклонники нѣмецкой культуры, нѣмецкаго уюта, не вѣрящіе въ нѣмецкія звѣрства, ставящіе нѣмецкую науку и технику превыше всего. Они-то главнымъ образомъ тащатъ русскія денежки на нѣмецкій уютъ и нѣмецкіе курорты.

Другая часть продала свою душу нѣмецкому чорту, не чуя зла въ нѣмецкихъ торговыхъ и акціонерныхъ предпріятіяхъ. Россія для нихъ звукъ пустой. Выгода кармана превыше всего. Эта отвратительная часть заслуживаетъ, въ особенности теперь, самаго глубокаго перзрѣнія.

Въ №№ 90 и 96 „Русскаго Слова" и „Новаго Времени" № 14048 иногда удивительныя вещи передаютъ про общество фабрикантовъ и заводчиковъ московскаго раіона, про московскій биржевой комитетъ и его верховодителя Г. А. Крестовникова, отличающагося изумительнымъ германофильствомъ, проводившаго въ комитетъ нѣмцевъ и защищавшаго исключительно нѣмецкіе интересы.

Московское купечество возмутилось противъ Крестовникова и рѣшило выгнать нѣмцевъ изъ бирживаго комитета и самовластнаго Крестовникова поставить на свое мѣсто.

Вотъ что указываетъ по этому поводу Г. Даниленко въ № 90 „Русскаго Слова":

Въ московскомъ биржевомъ комитетѣ, кромѣ настоящихъ нѣмцевъ, имѣются еще и онѣмечившіеся люди, всецѣло зависящіе отъ нѣмецкаго капитала.

— Ведутъ они свои дѣла,—говорилъ одинъ изъ членовъ депутаціи, коренной московскій купецъ, изъ стариннаго купеческаго рода, — широко, но вовсе несообразно со своими средствами, а потому нуждаются въ поддержкѣ банковъ, въ большомъ нѣмецкомъ кредитѣ. Они очень переплелись между собою деньгами и дѣлами, а кромѣ того, имѣютъ теплыя мѣстечки въ различныхъ банкахъ и нѣмецкихъ предпріятіяхъ...

Эти двѣ организаціи давно уже были непріятны коренному московскому купечеству и отдѣльнымъ фабрикантамъ и заводчикамъ, не особенно тяготѣвшимъ къ существующимъ объединяющимъ организаціямъ.

Гнетъ московскаго биржевого комитета давно ощущался.

Нынѣшняя война на многое открыла глаза.

Если до войны диктатурой Г. А. Крестовникова тяготились, не дерзая роптать, то послѣ тѣхъ „разоблаченій", которыя сдѣлала война, молчаніе смѣнилось ропотомъ.

Война вскрыла то, чего ранѣе никто не замѣчалъ, не видѣлъ и надъ чѣмъ никто не задумывался.

Она показала, что вся группа крупныхъ дѣльцовъ, захватившихъ въ свои руки объединенную организацію фабрикантовъ и заводчиковъ, спаявшаяся съ московскимъ биржевымъ комитетомъ,—группа, поработившая русскую промышленность, всю свою силу создала, главнымъ образомъ, благодаря нѣмецкимъ деньгамъ.

И, несмотря на войну, значеніе этихъ денегъ у насъ ничуть не ослабѣло.

Чего можно было ждать отъ нѣмцевъ или отъ заарендованныхъ нѣмцами русскихъ въ мирное время, а тѣмъ болѣе теперь, во время войны?

Теперь у всѣхъ и явились сомнѣнія, почему именно такой неопредѣленный уклонъ получило разрѣшеніе цѣлаго ряда крупнѣйшей важности вопросовъ, такъ живо интересовавшихъ коренную русскую промышленность: о правахъ иностранныхъ подданныхъ враждебныхъ государствъ; объ исполненіи сдѣлокъ и договоровъ, заключенныхъ съ подданными этихъ государствъ; о прекращеніи силы патентовъ и привилегій; наконецъ, о бойкотѣ вражеской промышленности, и т. д., и т. д.

Особенно интересно, какъ абсолютно ничего не дѣлалъ въ Москвѣ московскій биржевой комитетъ,—сатрапія г. Крестовникова.

Зависимость московскаго биржевого комитета отъ нѣмцевъ оказалась настолько серьезной, что этотъ комитетъ ни одного крупнаго вопроса не счелъ нужнымъ довести до свѣдѣнія выборныхъ биржевого общества.

Въ одной изъ корреспонденцій [1]) г. Петровъ передаетъ одно изъ развлеченій окопной жизни нашихъ чудо-богатырей:

„Сидятъ и гадаютъ:

— Что бы придумать?.. Нѣмцу штуку какую, что ли, устроить?

Глядишь, и сочинятъ:

— Свинью сегодня наши на завтра зарѣзали. Идемъ.

Пошли. Сѣли въ кружокъ на корточки. Накрылись плотно шинелями и подъ ними, при свѣтѣ карманнаго фонарика, сняли кожу. Хлопотали полночи, а потомъ гурьбою поползли за окопы. Пробыли гдѣ-то до разсвѣта. Вернулись съ тихими смѣшками, какъ проказливые малые ребята, и, довольные, легли спать.

— Куда ходили?—сквозь дремоту спросили товарищи.

— Нѣмцу памятникъ ставили!

— Лѣшіе!.. Скалозубы!..—бормотали товарищи, засыпая.

На утро, чуть взошло солнце, нѣмцы напротивъ — какъ бѣлены объѣлись: подняли такую стрѣльбу по всей линіи окрестныхъ окоповъ, что у насъ всѣ повскакали:

— Атака, что ли?

---

[1]) „Русское Слово“, 24 апрѣля сего года.

Кинулись къ бойницамъ,—нѣмцы сидятъ у себя, только палятъ безъ-умолку. Наши дивятся: стрѣльба горячая, а свиста пуль надъ окопами нѣтъ.

— Куда они палятъ?—дивились наши.

— А вонъ туда; по столбу у самой линіи ихъ загражденій,— объяснили ночные путешественники.

У кого были бинокли, стали смотрѣть. Передавали другимъ. По окопу пошелъ хохотъ.

Наша компанія сняла шкуру борова. Голову оставили цѣлой. Туловище набили тряпками и понесли. Дотащили до самыхъ загражденій, подъ носомъ у нѣмецкихъ окоповъ, срѣзали потихоньку у одного столба потолще всю проволоку и нѣмецкимъ солдатскимъ ремнемъ крѣпко привязали стоймя свинью къ столбу. На голову натиснули прусскую каску. Нацѣпили патронташъ. Въ переднія лапы всунули и привязали нѣмецкую винтовку.

Среди компаніи нашелся одинъ латышъ изъ Митавы, который зналъ хорошо нѣмецкій языкъ. Латышъ на бѣлой тряпкѣ сажей написалъ по-нѣмецки:

— Покоритель Россіи.

Навязали тряпку свиньѣ на животъ и вернулись, крадучись, домой. На разсвѣтѣ нѣмецкіе дозорные разглядѣли „статую“. Прочли надпись. И поползли, чтобы убрать. Наши караулили. И по тому мѣсту пятокъ-десятокъ пуль. Дозорные поползли снова. Ихъ опять спрыснули пулями. Они донесли своимъ въ окопы. Тутъ и пошла кутерьма.

Наши хохотали и кричали поверхъ бойницъ:

— Шрапнелью, шрапнелью свинью!

Другіе ревѣли:

— Самоубійцы!

Черезъ полчаса „покорителя Россіи“ излохмотили въ клочья. Съ ночью прикончили.“

2—6 мая. Причина нахально дерзкаго отношенія Германіи къ Соединеннымъ Штатамъ заключается въ томъ, что Германія не считаетъ опасной для себя сухопутную армію и флотъ Соединенныхъ Штатовъ. Въ Германіи полагаютъ, что если американцы ввяжутся въ войну, то имъ труднѣе будетъ выполнять военные заказы для Россіи, Англіи и Франціи, и наконецъ, что если

Америка останется нейтральной, то послѣ войны это будетъ единственныя неистощенная страна, и послѣ войны вся мiровая торговля перейдетъ въ руки американцевъ.

Въ настоящей войнѣ, для прiученiя раненаго къ пользованiю рукой или ногой, не бывшей въ дѣйствiи послѣ пораненiя, примѣняется велосипедъ, прикрѣпленный къ полу для возстановленiя дѣйствiя ноги, и веревка, переброшенная черезъ блокъ для укрѣпленiя рукъ. На одинъ конецъ блока привязываютъ тяжесть, а другой конецъ даютъ раненому. Этимъ способомъ достигаются изумительные результаты.

Трудно представить, до чего дошли господа германцы въ обращенiи съ мирнымъ населенiемъ. Все мужское населенiе отъ 16—40 лѣтъ высылается въ Германiи или на работы или подготовляется для поступленiя силой въ ряды войскъ. Женщины включительно до малыхъ дѣвочекъ насилуется на мѣстѣ или отправляются для этой же цѣли въ другiя войска.

Плѣнныхъ германцы заставляютъ возводить укрѣпленiя или исполнять военныя работы на заводахъ.

Истязанiя, добиванiя раненыхъ превзошли всякiе предѣлы; ихъ пытаютъ, топятъ и сжигаютъ. Далѣе идти нельзя.

Неужели и у насъ не могутъ взяться за умъ при работѣ страшно распущенныхъ германо-австрiйскихъ плѣнныхъ, заключить ихъ въ особые лагеря съ самымъ строгимъ режимомъ и прекратить ихъ нахальное поведенiе, устроивъ работы для пользы государства. Пора, пора и пора это сдѣлать. Разсказывали, что нахальство плѣнныхъ доходитъ до того, что они забастовываютъ при работѣ. Попробовали бы наши плѣнные забастовать въ Германiи, ихъ бы мигомъ перебили.

Въ прекрасной книгѣ А. С. Розанова „Нѣмецкое шпіонство" сообщается пикантное свѣдѣніе, что наши старые знакомцы и непосредственные друзья Сименсъ и Гальске, Шуккертъ и др. дали обязательства помѣщать дорогія публикаціи только въ тѣхъ иностранныхъ газетахъ, которыя будутъ пользоваться свѣдѣніями агентства Вольфа, тѣсно связаннаго съ обслуживаніемъ австро-германскихъ интересовъ.

Другое не менѣе пикантное сообщеніе передаетъ, что въ настоящее время достовѣрно извѣстно, что значительныя суммы изъ секретныхъ фондовъ кайзера Вильгельма были переданы германскимъ соціалистамъ для веденія агитаціи среди русскихъ рабочихъ. Организація іюньскихъ забастовокъ прошлаго года обошлась германскому посольству около восьми милліоновъ рублей.

„Вечернее Время" отъ 5-го мая сообщаетъ, что въ Петроградскомъ торговомъ портѣ состоитъ начальникомъ Орестъ Адольфовичъ Пиперъ, техникомъ Эмилій Густавовичъ Леманъ, старшими надзирателями Александръ Вильгельмовичъ Тимротъ и Петръ Вильгельмовичъ Гинденбургъ, а брандмейстеромъ В. А. Эллисонъ.

Въ „Кавказѣ" было напечатано письмо генералъ-лейтенанта Степанова, участвовавшаго въ 1879 году въ комиссіи по разграниченію Россіи и Турціи по Берлинскому трактату. Въ комиссіи участвовалъ турецкій офицеръ, меланхолическій и молчаливый. Этотъ офицеръ, по словамъ генерала Степанова, сказалъ при установкѣ одного изъ пограничныхъ столбовъ: „Нѣтъ надобности хлопотать о прочности столбовъ. Границу придется переносить снова".

Ген. Степановъ былъ озадаченъ замѣчаніемъ и вопросительно посмотрѣлъ на турка, который, почтительно улыбнувшись, продолжалъ:

— Вы, русскіе, возьмете и Эрзерумъ, и Трапезундъ, и самый Стамбулъ.

— Ну, мы съ вами не доживемъ до этого событія,—въ невольномъ смущеніи отвѣтилъ русскій.

— Я не доживу,—это вѣрно... Но вы будете имѣть возможность видѣть Стамбулъ русскимъ. За это я, къ сожалѣнію, почти ручаюсь: такъ написано въ книгѣ судебъ".

Предлагаемъ г.г. нѣмцелюбамъ нижеслѣдующую картинку одного изъ дѣяній культурныхъ германцевъ, начертанную талантливымъ перомъ г. Доманскаго [1]).

Рядовой N—скаго полка, казакъ Оренбургской губерніи, Челябинскаго уѣзда, Василій Водяной 27-го апрѣля былъ посланъ въ составѣ команды на развѣдку. Нужно было осмотрѣть густой лѣсъ. Поэтому солдаты разбрелись поодиночкѣ. Бродили долго. Водяной отбился отъ товарищей. Часовъ около четырехъ дня рѣшилъ вернуться. Только повернулъ и прошелъ съ полверсты, какъ вдругъ изъ-за куста выскочили трое германцевъ. Не дали опомниться,—обезоружили. Двое были рядовые, третій—старшій унтеръ-офицеръ. Рядовые схватили Водяного за руки, а унтеръ-офицеръ, коверкая слова, началъ допрашивать, гдѣ и въ какомъ количествѣ находятся русскія войска.

Водяной отвѣтить на этотъ вопросъ категорически отказался. Тогда унтеръ-офицеръ пригрозилъ:

— Я тебя сейчасъ заколю, если не отвѣтишь!

Но доблестный солдатъ упорно молчалъ. И даже когда разсвирѣпѣвшій нѣмецъ дважды изо всѣхъ силъ ударилъ его кулакомъ по лицу, Водяной не проронилъ ни слова.

— О, доннерветтеръ!—воскликнулъ окончательно вышедшій изъ себя унтеръ.—Русская свинья! Мы научимъ тебя говорить!

Вынулъ тесакъ и подошелъ вплотную къ солдату.

— Будешь отвѣчать?—прохрипѣлъ зловѣще.

— Про наши войска не скажу ничего!—спокойно отвѣтилъ Водяной.

Въ ту же минуту острая боль обожгла его голову: ударомъ тесака палачъ отрубилъ ему правое ухо.

— А теперь ты будешь говорить? — продолжалъ рычать нѣмецъ.

— Ничего не скажу!—превозмогая боль, отвѣтилъ Водяной.

Палачъ отдалъ какое-то приказаніе подчиненнымъ. Тѣ повалили Водяного на землю. Одинъ солдатъ сѣлъ ему на грудь, другой—на ноги. А унтеръ-офицеръ, наклонившись, сталъ медленно, чтобы сдѣлать боль мучительнѣе, отрѣзать Водяному лѣвое ухо.

Несчастный до крови закусилъ губу, чтобы не издать ни звука.

Когда гнусная операція была кончена, Водяного снова подняли.

---

[1]) „Рус. Сл.“, 6 мая с. г.

— Ну, а теперь ты отвѣтишь, гдѣ находятся ваши главныя силы?

— Ничего не отвѣчу!

— Глаза сейчасъ тебѣ выколю!—снова въ бѣшенствѣ набросился на него унтеръ-офицеръ.

И, вѣроятно, привелъ бы свою угрозу въ исполненіе. Но рядовые стали уговаривать своего начальника не дѣлать этого.

— Хорошо!—отвѣтилъ звѣрь.—Но если ты не отвѣтишь сейчасъ на мой вопросъ, я отрѣжу тебѣ языкъ!

— Коли ты разбойникъ, а не солдатъ,—поступай, какъ знаешь! Но только мы, русскіе солдаты, присягѣ не измѣнники!

Это были послѣднія слова, сказанныя Водянымъ.

Снова началось нѣчто неописуемое, нѣчто ужасное. Водяного снова повалили и, несмотря на отчаянное сопротивленіе, вырѣзали ему языкъ.

Совершивъ свое гнусное дѣло, злодѣи скрылись.

Обезсиленный, терпя страшную боль, искалѣченный солдатъ поднялся и побрелъ къ нашимъ позиціямъ. Пришелъ поздно вечеромъ и карандашикомъ на бумажкѣ доложилъ начальству о всемъ случившемся.

Я жадно прочитывалъ строчки, которыя набрасывалъ въ моей книжкѣ Водяной, и повторилъ ихъ вслухъ санитарамъ и сестрамъ, окружившимъ плотнымъ кольцомъ койку. Всѣмъ намъ было безконечно жаль искалѣченнаго,—сестры даже плакали,—всѣмъ намъ было невыразимо больно, тяжело. И въ то же время всѣхъ насъ охватило чувство свѣтлой радости, яркой гордости.

Его Величество Государь Императоръ 5-го сего мая изволилъ прибыть въ дѣйствующую армію [1]).

Съ 1-го включительно по 6-е мая наши дѣйствія въ Митавскомъ и Шавельскомъ раіонахъ у Опатова, а также на р. Прутѣ и Восточной Галиціи были успѣшны, а въ Западной Галиціи большія массы противника наступали на насъ на всемъ фронтѣ, при чемъ главныя силы противника обрушились на нашу славную третью армію. Дѣятельность третьей арміи въ сообщеніи штаба Верховнаго Главнокомандующаго изображается въ слѣдующемъ видѣ:

[1]) „Русскій Инвалидъ“ № 100, 6 мая с. г.

„Силы, кои противникъ рѣшился вновь перебросить на нашъ фронтъ, оказались столь значительными, что нашей третьей арміи не удалось сдержать ихъ напора на участкѣ Цѣнжковице-Горлице. Путемъ непрерывныхъ упорныхъ боевъ и перехода въ стремительныя контръ-атаки, коими удалось не допустить намѣченный непріятелемъ прорывъ нашего расположенія, дѣйствія противника были сведены къ лобовымъ ударамъ на послѣдовательно занимаемыя третьей арміей позиціи. Высокій духъ нашихъ войскъ позволилъ имъ, сохраняя полный порядокъ, разрѣшить выпавшія на нихъ трудныя боевыя задачи и нанести непріятелю огромныя потери.

Къ 1-му мая вся третья армія развернулась на Санѣ".

По этому сообщенію выходитъ, что третья армія упорными боями на послѣдовательныхъ позиціяхъ удерживала превосходныя силы противника, не допустивъ нигдѣ прорыва и въ полномъ порядкѣ развернулась на р. Санѣ. Далѣе въ этомъ сообщеніи передается, что нашимъ остальнымъ силамъ пришлось въ это время перегруппироваться и отойти отъ Карпатъ. Значитъ, и въ этомъ отношеніи третья армія оказала родинѣ громадную услугу. Задерживая своими упорными боями превосходныя силы противника, она дала возможность прочимъ арміямъ перегрупироваться и отойти отъ Карпатъ. На самомъ Санѣ противникъ опять сталъ насѣдать между Ярославомъ и Лезаховымъ на третью армію, которая съ самаго отхода съ Дунайца, имѣла въ своихъ рядахъ половину второочередныхъ частей.

Передъ переходомъ германцевъ въ наступленіе противъ нашей третьей арміи, кайзеръ приказалъ перевезти гвардію съ французскаго фронта изъ Шампани. У Горлицы состоялся смотръ германской гвардіи, послѣ котораго по обыкновенію началась высокопарная рѣчь Вильгельма, обращенная къ войскамъ. Конца этой рѣчи прусскіе гвардейцы не дождались. Наши артиллерійскіе развѣдчики заприметили скопленіе непріятельскихъ войскъ, по которымъ былъ направленъ огонь нашей артиллеріи, при чемъ одинъ изъ снарядовъ разорвался недалеко отъ автомобиля кайзера. Вильгельмъ не относится безбоязненно къ разрыву снарядовъ, а потому онъ мгновенно прервалъ рѣчь и быстро уѣхалъ, а гвардія спѣшно разошлась, съ обстрѣливаемаго пространства.

Разсказываютъ, что на предварительныхъ совѣщаніяхъ Гинденбургъ не очень-то одобрялъ Галиційскую операцію веденіе которой было поручено профессору кронпринца генералу Макензену.

Считающійся спеціалистомъ по части прорывовъ генералъ Макензенъ для этой цѣли примѣнилъ древне греческое построеніе фалангу, въ 15 шеренгъ глубиной и 1000 рядовъ по фронту. Эту фалангу составили прусскіе 1 и 2 гвардейскія дивизіи, двѣ сводныя дивизіи изъ лучшихъ полевыхъ полковъ, 10 полевой корпусъ и 41 резервный подъ начальствомъ генерала Эмиха. Фаланга обслуживалась многочисленной тяжелой артиллеріей, расположенной, по эшелонно, въ глубину. Тучи аэроплановъ корректировали ураганную стрѣльбу громаднаго числа орудій. Эта чрезвычайно продолжительная ураганная стрѣльба должна была смести все живое, а затѣмъ поле дѣйствій предоставлялось фалангѣ пѣхоты. Прилагается схематическій чертежъ этой фаланги, дѣйствовавшей у Горлице и Ярослава. По пути отъ Горлице на участкѣ Беско-Яжмиржъ, какъ у насъ это было указано на стр. 176 Замѣтокъ, фаланга эта была, по приказанію командующаго 3-й арміи, атакована съ успѣхомъ во флангъ нашимъ резервомъ.

По словамъ участниковъ этого отступленія 3-й арміи съ Дунайца на Санъ наши войска глубоко закапывались противъ германскаго ураганнаго огня Во время этого огня наша артиллерія и пулеметы не стрѣляли и начинали стрѣлять только при наступленіи фаланги, изъ рядовъ которой валили горы труповъ. германцы, укрываясь за этими трупами, напирали снова—наши отступали на 2-ю, затѣмъ на 3-ю линію окоповъ и повсюду дѣйствовали подобнымъ же образомъ.

Въ военномъ обзорѣ „Русскаго Инвалида“ за № 102 читаемъ слѣдующія строки.

„Чѣмъ больше доходитъ до насъ извѣстій о подробностяхъ дѣйствій третьей арміи, тѣмъ больше можемъ мы ею гордиться: быстро уйти изъ огромной зубастой пасти колоссальнаго чудовищнаго превосходства, поломавъ достаточно ему зубовъ—подвигъ рѣдкій, огорошивающій противника. Про руку же полководца, владѣющаго ею, было сказано высокимъ авторитетомъ, что если она проситъ поддержки въ 2—3 корпуса, надо посылать для ординарной руки 6—7 корпусовъ“.

Если высокій авторитетъ даетъ такую выдающуюся оцѣнку дѣйствій верховодителя доблестной третьей арміи, то въ оцѣнкѣ его подчиненныхъ, по сказаніямъ военныхъ корреспондентовъ, личность этого военачальника обрисовывается въ слѣдующихъ четырехъ картинахъ:

I.

„Вотъ показывается всѣмъ знакомая фигура генерала, идущаго въ сопровожденіи своихъ двухъ адъютантовъ. Проходящая рота, замѣтивъ его, подтягивается и молодецки проходитъ мимо, заслуживъ большую похвалу за свой внѣшній видъ.

Командующій совершаетъ свою обычную прогулку, и дойдя до улицы около этапнаго коменданта, гдѣ всегда можно видѣть отходящія части пополненія, поворачиваетъ въ эту улицу и, поздоровавшись съ ротою, долго говоритъ съ людьми, напутствуя ихъ передъ выходомъ на передовыя позиціи.

Мертвая тишина наступаетъ на улицѣ, на которой стоитъ нѣсколько сотенъ людей, съ благоговѣйнымъ вниманіемъ прислушивающихся къ словамъ генерала, по одному слову котораго они уже готовы умереть каждую секунду. На лицахъ написанъ порывъ, готовность постоять за себя и не ударить лицомъ въ грязь.

— Въ этомъ всегда его отдыхъ,—поясняетъ мнѣ полковникъ Б., состоящій при штабѣ.

— Поразительно энергиченъ и неутомимъ. Съ солдатами же любитъ поговорить [1]“.

II.

„Впереди рѣзко выдѣляется плотная фигура генерала съ двумя георгіевскими крестами,—это командующій арміею вышелъ встрѣтить проходящій мимо одинъ изъ боевыхъ особенно отличившихся полковъ своей арміи, идущій навстрѣчу врагу.

Начальникъ дивизіи и командиръ полка подъѣзжаютъ съ рапортомъ.

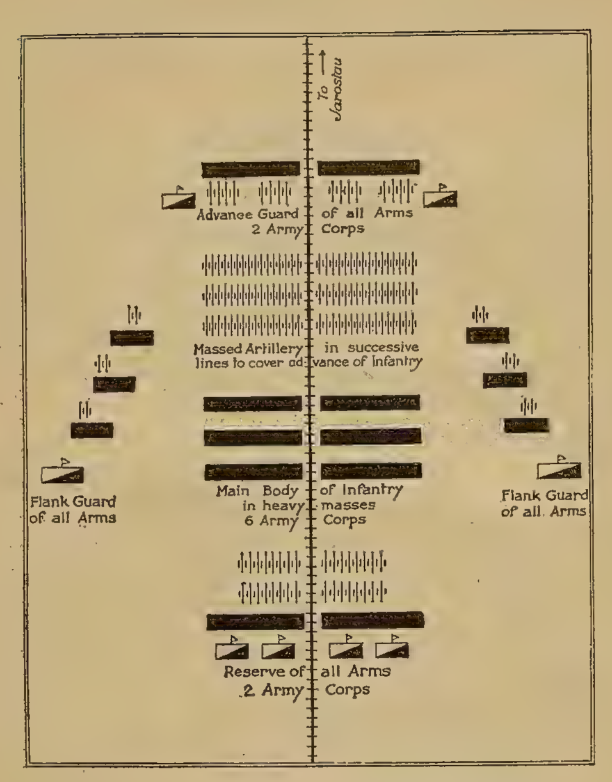
Громко звучитъ команда „смирно, гг. офицеры“.

Оркестръ музыки съ сильно помятыми, прострѣленными трубами съ особымъ стараніемъ играетъ веселый маршъ и, зайдя флангомъ, останавливается на противуположной сторонѣ улицы передъ командующимъ, который пристально всматривается въ надвигающіеся ряды первой роты.

Просидѣвшіе непрерывно долгое время въ окопахъ, а затѣмъ сдѣлавшіе нѣсколько большихъ переходовъ, люди полка въ заношенныхъ шинеляхъ, покрытыхъ грязью сапогахъ, съ полотнищами походныхъ палатокъ черезъ плечо, съ чайниками и кружками за поясами, сразу своимъ видомъ подтверждаютъ, что это боевая часть, снова идущая въ бой.

---

[1]) Развѣдчикъ № 1284 с. г.

Наши враги: Фаланга генерала Макензена

На груди у многихъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ бѣлѣютъ георгіевскіе кресты.

Отдѣльно здороваясь съ ротными командирами, ѣдущими впереди своихъ ротъ, командующій пытливо смотритъ въ лица солдатъ, которые, сразу подтянувшись и выровнявшись, проходятъ твердымъ, бодрымъ шагомъ мимо.

— Здорово, храбрая первая рота!

— Здорово, молодцы второй роты!

— Здорово, пятая доблестная рота!—привѣтствуетъ генералъ людей, дѣлая различія въ словахъ и оттѣняя особенно отличія тѣхъ ротъ, которыя ихъ проявили въ различныхъ дѣлахъ съ начала войны.

— Какая удивительная память—шепчетъ мнѣ стоящій рядомъ старшій штабъ-офицеръ полка, полковникъ О.

Командующій знаетъ все, что касается каждаго полка. Да не только полка, но баталіона, роты. Помнитъ даже всѣхъ офицеровъ, которые отличились.

— Спасибо вамъ за вашу боевую службу! Желаю съ Божіей помощью и дальше также служить.

Сосредоточенно натянутыя лица солдатъ разомъ озаряются внутреннимъ свѣтомъ, глаза вспыхиваютъ, и бодрое „рады стараться“,—„постараемся, ваше прево—во“ дружно гремитъ въ отвѣтъ.

И въ этихъ громкихъ отвѣтахъ сотенъ голосовъ слышится сила и увѣренность въ побѣдѣ.

Гордые похвалою своего вождя, люди еще тверже отбиваютъ шагъ по каменной мостовой, и чувствуется, что идетъ могучая масса людей, спаянная одною общею мыслью, однимъ общимъ желаніемъ поддержать славу своего полка.

Сотни глазъ прямо впиваются въ фигуру командующаго, готовые умереть по его слову, а онъ въ свою очередь съ особымъ вниманіемъ всматривается въ этихъ близкихъ ему дорогихъ людей.

И чувствуется, что между вождемъ и этою сѣрою массою идутъ особые токи, соединяющіе ихъ волю съ его волею, и люди, видящіе его даже первый разъ, уже покорены внутреннею силою этихъ черныхъ глазъ, въ которыхъ свѣтится непреклонная воля полководца.

Молодцеватый фельдфебель, идущій въ замкѣ одной изъ ротъ, сразу привлекаетъ къ себѣ общее вниманіе.

Грудь этого молодца украшена четырьмя Георгіевскими крестами.

Командующій тотчасъ же подзываетъ его къ себѣ.

Вытянувшись въ струнку, фельдфебель замираетъ, стоя передъ генераломъ.

Командующій разспрашиваетъ подробно, за какія дѣла онъ получилъ Георгіевскіе кресты, благодаритъ особо его за службу и подаетъ ему руку, желая такимъ же молодцомъ служить и дальше, показывая примѣръ молодежи.

Фельдфебель вспыхиваетъ весь, какъ застѣнчивая дѣвушка, и съ сіяющими гордостью глазами догоняетъ своего ротнаго командира, спѣша доложить офицеру о выпавшей ему рѣдкой чести [1]).

III.

„Въ спину намъ дулъ холодный вѣтеръ. Казаки бѣгали по шоссе, бились плечами одинъ о другого, отставали отъ коней и сейчасъ же догоняли.

— Ухъ, холодно!.. слышалось позади.

Гдѣ-то стучалъ моторъ. Я оглянулся. Сѣрый, маленькій самокатъ несся на насъ.

— Лошадей держи!.. Не бросай!.. кричалъ вахмистръ.

Мы посторонились. Съ шумомъ и трескомъ легкій автомобиль пронесся мимо насъ. Оттуда крикнули:

— Командующій арміей ѣдетъ позади!..

Казаки подтянулись. Оправили поношенныя и сбитыя на бокъ шинели, затянули ремни и стали съ боку лошадей.

Опять послышался стукъ мотора.

— Смирно!.. Равненіе налѣво!.. Господа офицеры!.. скомандовалъ командиръ послѣдней сотни.

— Здорово, молодцы!..

— Здра-а... вашиство!..

Въ глазахъ казаковъ можно было читать любопытство, смѣшанное съ чувствомъ глубокаго поклоненія тому, въ чью сторону они повернули головы. Его „ѣли“ глазами... О, имя генерала Радко Дмитріева такъ высоко въ арміи, передъ нимъ такъ поклоняются многотысячные ряды сѣрыхъ бойцовъ!

А онъ спокойнымъ, яснымъ взоромъ обводилъ шеренги длинной колонны полка. Ему хотѣлось увидѣть каждаго казака въ томъ видѣ, въ какой нарядилъ его походъ, а казаки забыли и про равненіе, и про то, какъ надо держать головы, руки... Они горѣли однимъ желаніемъ: посмотрѣть на *чернаго* генерала...

---

[1]) „Развѣдчикъ“, № 1286 с. г.

Не скажу почему, но мнѣ не разъ приходилось слышать на-ряду съ именемъ Радко эпитетъ „черный".

— Нынче „черный" генералъ веселый... Глаза-то такъ и ходили по насъ... Хорошій генералъ... говорили казаки, когда моторъ скрылся въ улицахъ небольшого мѣстечка.

— Я слыхалъ отъ солдатъ, какъ въ ентомъ бою онъ подъ огнемъ держался: по немъ стрѣляютъ, кругомъ адъ, а онъ, какъ дома: покуриваетъ, да и все!.. Отъ пороха, сказывали, ажно чернымъ сдѣлался...

— Да нынче дыма нѣту отъ пороха...

— Ну, я ужъ не знаю, а только сказывали...

И этотъ разговоръ у нихъ тянулся безъ конца" [1]).

IV.

„За нѣсколько дней передъ моимъ пріѣздомъ вышелъ такой случай, что командующій со штабомъ чуть ли не въ лицо непріятеля разглядывалъ. Его всюду видятъ, и у батарей, и въ штабѣ полка, и на передовой линіи. Такой ужъ неспокойный человѣкъ, — чужому глазу не вѣритъ, да и солдатскую нужду хочется ближе узнать. Зато и знаетъ его каждый солдатъ. Въ разговорѣ непремѣнно имя генерала вспомянетъ и назоветъ не иначе, какъ „нашимъ".

— Безстрашный... нашъ-то, съ солдатами заодно въ окопѣ стоитъ... Зато и любятъ же его.

Солдатъ невольно заражается примѣромъ командующаго, подтягивается и старается въ грязь лицомъ не ударить.

— Коль генералъ за окопами ходитъ, такъ и намъ нагибаться не слѣдуетъ...

Въ тотъ день командующій былъ въ такой близости отъ непріятеля, что можно было различить отдѣльныя выглядывавшія каски германцевъ. Наши спускались въ долину, успѣхъ переходилъ то на ту, то на другую сторону. Одинъ изъ штабныхъ офицеровъ замѣтилъ, что справа и слѣва кто-то подползаетъ, взбирается на гору, пробирается къ нашему окопу; только тогда уговорили генерала уйти. А черезъ четверть часа окопъ этотъ, хотя и временно, но былъ занятъ непріятелемъ [2])".

---

[1]) Лѣтопись войны № 30 сего года.
[2]) „Веч. Вр." 28 апрѣля с. г.

7—10 мая. Въ г. Вольскѣ мылись въ банѣ среди прочихъ нѣмка и татарка. Нѣмка сказала насмѣшливо: „Ну, пощиплютъ теперь вашу Россію!“ Татарка молча отошла, нацѣдила въ шайку горячей воды, вернулась и ошпарила кипяткомъ нѣмку, обваривши брызгами и себя.

Случай маленькій, но въ немъ, какъ въ каплѣ воды, отражается пламя бурнаго пожара чувствъ, который сотрясаетъ сейчасъ всю Россію.

Италіанская палата депутатовъ, при бурныхъ рукоплесканіяхъ приняла 7 мая проектъ закона, предоставляющаго правительству чрезвычайныя полномочія на случай войны.

Германскій посолъ графъ Бернсторфъ провелъ послѣдніе дни въ отелѣ, въ Вашингтонѣ, гдѣ его осаждали журналисты. Графъ покинулъ отель на автомобилѣ. Только-что автомобиль успѣлъ отъѣхать отъ подъѣзда отеля, какъ одинъ изъ американскихъ журналистовъ, остановивъ шоффера, крикнулъ послу:

— Американскіе граждане считаютъ потопленіе „Лузитаніи“ хладнокровнымъ убійствомъ!

Посолъ освободился отъ журналиста и снова приказалъ шоферу ѣхать. На вокзалѣ посолъ былъ, однако, снова мгновенно окруженъ толпой интервьюеровъ. Графъ Бернсторфъ, поблѣднѣвъ отъ бѣшенства, крикнулъ имъ:

— Я не скажу вамъ ни слова! — и заперся въ телефонной будкѣ.

Минуту спустя онъ вышелъ изъ нея въ сопровожденіи телефоннаго разсыльнаго, насмѣшливо крикнувшаго ему вслѣдъ:

— Вы не заплатили за разговоръ, эй вы!

У посла задергалось лицо, когда со всѣхъ сторонъ послышались возгласы:

— Вотъ главный виновникъ убійства 100 американскихъ гражданъ!

Въ поѣздѣ ему не удалось найти себѣ мѣста, тогда онъ пытался скрыться отъ толпы за дверью купе для курящихъ, но кто-то немедленно постучалъ снаружи въ оконное стекло и воскликнулъ:

— Милостивыя государыни и милостивые государи, смотрите, германскій посолъ! [1]).

---

[1]) „Веч. Вр.“, 8 мая с. г.

Болгарская газета „Камбана", состоящая на содержаніи у Германіи, печатаетъ противъ Россіи такого содержанія статьи: „Русское предательство", „Подлая пропаганда Россіи", „Погромъ русской арміи и русской политики", „Послѣднее издыханіе Россіи", „Дорогой гость и истинный другъ Болгаріи — Гольцъ-паша", „Не освободительница, а поработительница (Россія)", „Не умъ, а кнутъ", „Варварство русской дипломатіи", „Торгашество Россіи".

Не правда ли: милыя слова болгарина по адресу освободительницы Россіи.

Седьмого мая Россія и флотъ понесли тяжкую потерю. Скончался доблестный вождь Балтійскаго флота, адмиралъ Эссенъ, такъ доблестно себя прославившій и въ настоящую и въ Японскую войну.

Въ настоящее время представляется крайняя необходимость перенесенія очага германизма въ Россіи, Юрьевскаго университета, во внутрь Россіи.

Образованіе, полученное въ этомъ университетѣ, сковало скольких, яростныхъ враговъ Россіи, и пора намъ перестать готовить впредь этихъ враговъ на кровныя русскія деньги.

Н. Маринъ въ своей корреспонденціи въ „Русскомъ Словѣ" [1]) рисуетъ такъ дѣятельность черноморскихъ тралеровъ:

„Война создала еще особую спеціальность — ловить различныя мины, ежесекундно рискуя собственной головой.

Уже скоро 7 мѣсяцевъ, какъ на Черномъ морѣ наша партія траленія занимается этимъ опаснымъ дѣломъ.

Въ ясный день, когда море чаруетъ своею гладью, въ жестокій штормъ, когда сѣдыя волны, какъ дикіе звѣри, несутся на берегъ, все сокрушая на своемъ пути, тралеры постоянно за работой, съ утра до самаго поздняго вечера.

Копошатся на морѣ, что-то дѣлаютъ, и только глухіе взрывы порою отмѣчаютъ ихъ дѣятельность.

Шагъ за шагомъ они изслѣдуютъ буквально каждый вершокъ моря.

Своею грудью они расчищаютъ отъ минъ необходимый проходъ для судовъ.

---

[1]) „Русск. Сл." 10 мая с. г.

Минныя загражденія не щадятъ ни своихъ, ни чужихъ. Турецкій заградитель во время этой войны погибъ отъ мины, которую онъ только-что поставилъ.

Одного взрыва современной мины достаточно, чтобы въ нѣсколько минутъ погибъ цѣлый пловучій корабль-городъ съ тысячнымъ населеніемъ, съ такими техническими усовершенствованіями, какихъ и не снилось настоящему городу.

А, вѣдь, каждый корабль построенъ въ расчетѣ противостоять губительному дѣйствію мины!..

Въ минномъ загражденіи, опоясывающемъ побережье, десятки тысячъ минъ. Минныя загражденія тянутся на много-много верстъ.

Ничто не можетъ противостоять разрушительной работѣ волнъ. Общей участи, къ сожалѣнію, не избѣгаютъ и минныя загражденія.

Мины срываются волнами съ своихъ мѣстъ, и не рѣдкость встрѣтить эту „игрушку" тамъ, гдѣ ей совсѣмъ не полагалось находиться.

При такихъ условіяхъ море должно быть подъ постояннымъ наблюденіемъ.

Одну изъ функцій въ данномъ отношеніи выполняютъ наши тралеры.

Работа тяжелая, требующая высшаго напряженія у личнаго состава.

На тралерахъ лежитъ отвѣтственность за цѣлость кораблей эскадры при проходѣ въ опасныхъ участкахъ моря.

И нужно отдать справедливость: эти обязанности они все время исполняли „не за страхъ, а за совѣсть", — въ буквальномъ смыслѣ.

Былъ жестокій штормъ.

Наши корабли метало, какъ маятники. При ударахъ волнъ спеціальный приборъ отмѣчалъ кренъ большихъ судовъ эскадры почти до 20-ти градусовъ. Корабли захлебывались въ соленой водѣ.

Необходимо было пройти опасное мѣсто. Впередъ выдвинулись тралеры. Порою ихъ совсѣмъ не видно за многосаженными водяными валами.

Но легкія суда, какъ ни въ чемъ не бывало, принялись за свою работу. Лишь на этотъ разъ курсомъ всѣхъ кораблей командовалъ начальникъ тралящаго каравана.

— Необходимо уменьшить ходъ...

— Держитесь ближе...

Корабли шли, повинуясь каждому движенію тралеровъ.

Когда опасность миновала, на флагманскомъ кораблѣ взвился сигналъ, повторенный всѣми военными судами:

— Адмиралъ изъявляетъ свое особенное удовольствіе партіи траленія.

А тралеры сигналомъ же скромно отвѣтили:

— Видимъ сигналъ".

Наши нѣмецкіе менониты утверждаютъ, что они не могутъ держать оружія по религіознымъ соображеніямъ, но это соображеніе ясно опровергается, когда предержащія власти вынуждаются производить обыскъ, тогда оказывается, что менониты имѣютъ оружіе.

Вотъ еще картинка звѣрства нѣмцевъ [1]).

„Казакъ Иванъ Пичуевъ 5-й сотни Уссурійскаго полка, будучи взятъ въ плѣнъ нѣмцами на Наревскомъ фронтѣ, въ ночь со 2-го на 3-е мая подвергся истязаніямъ, которыя причинилъ ему нѣмецкій офицеръ, и которыя состояли въ слѣдующемъ: на лѣвомъ ухѣ отрѣзана верхне-наружная часть ушной раковины, приблизительно четвертая часть раковины, при чемъ сильное кровотеченіе. На правомъ ухѣ отрѣзанъ большой кусокъ ушной раковины въ верхней ея части. На наружной поверхности праваго бедра имѣются четыре параллельныхъ поверхностныхъ линейныхъ разрѣза кожи длиною 13 сантиметровъ разрѣзы начинаются на серединѣ бедра и не доходятъ на 4-е. Всѣ пальца до верхняго края колѣнной чашечки. Два среднихъ разрѣза болѣе глубоки, доходятъ почти до жировой клѣтчатки и кровоточатъ. Повидимому, это была подготовка для такъ называемаго нѣмцами лампаса.

По показаніямъ Пичуева, нѣмцы подвергли его такому жестокому истязанію за отказъ сообщить свѣдѣнія о расположеніи и количествѣ нашихъ войскъ. Пичуеву въ ночь съ 3-го на 4-е мая удалось бѣжать изъ плѣна и выйти къ нашимъ войскамъ.

Пораненія эти удостовѣрены медицинскимъ протоколомъ, составленнымъ въ перевязочномъ отрядѣ.

Кромѣ того, передъ описаннымъ истязаніемъ, по словамъ Пичуева, нѣмцы его „подвѣшивали сначала за руки, а потомъ за ноги головою внизъ".

---

[1]) Глав. Упр. Генер. Штаба 10 мая.

И вторая картинка:

„Прибывшіе въ Вильну санитары летучаго отряда передаютъ, что 7-го мая въ Поневѣжъ доставлены двѣ сестры милосердія, надъ которыми нѣмецкіе солдаты совершили насиліе.

Несчастныя найдены нашими санитарами въ лѣсу у Шадовы. Здѣсь онѣ пролежали двѣ недѣли, питаясь травою и корнями.

Дикое насиліе нѣмцевъ и двухнедѣльное пребываніе въ лѣсу, при отсутствіи пищи, такъ повліяли на дѣвушекъ, что онѣ обѣ лишились разсудка".

Третья картинка такая:

„Во время боя на станціи человѣкъ десять нашихъ раненыхъ, желая укрыться отъ свистѣвшихъ пуль, забрались въ пакгаузъ. Когда станція оказалась въ рукахъ нѣмцевъ, нѣсколько человѣкъ ихъ, привлеченные стонами, вбѣжали въ пакгаузъ. Увидѣвъ раненыхъ, нѣмцы о чемъ-то потолковали между собою, а затѣмъ, обрызгавъ быстро стѣны пакгауза внутри и снаружи имѣвшейся у нихъ въ особыхъ приборахъ горючей жидкостью и заперевъ на засовъ дверь, подожгли пакгаузъ.

Стоны заживо сгоравшихъ нашихъ солдатъ не разжалобили озвѣрѣвшихъ дикарей. Они стояли и смотрѣли, пока не обвалилась крыша пакгауза.

Италія объявила войну Австріи. Въ Петроградѣ и во многихъ городахъ по этому поводу произошли самыя сочувственныя демонстраціи въ честь Италіи.

Командующій однимъ изъ военныхъ округовъ въ Восточной Пруссіи передавалъ, что въ разгаръ войны изъ Россіи продавалось огромное количество зерна въ Румынію для дальнѣйшаго слѣдованія въ Германію, и что значительное количество русской нефти и керосина идетъ черезъ Румынію въ Германію [1]).

Въ Кіевъ, по словамъ „Од. Нов.", прибылъ судебный слѣдователь по важнѣйшимъ дѣламъ Петроградскаго окружнаго суда Александровъ для разслѣдованія обстоятельствъ скупки въ кіевскомъ районѣ и перевозки по Юго-Западнымъ дорогамъ весьма значительныхъ грузовъ мѣднаго лома.

[1]) „Нов. Вр.", 13 мая сего года.

Оказывается, что нѣсколько мѣсяцевъ назадъ необнаруженныя пока лица производили въ довольно широкихъ размѣрахъ скупку мѣди на заводахъ, преимущественно винокуренныхъ и пивоваренныхъ, и въ частныхъ складахъ. Есть основанія полагать, что скупка носила злонамѣренный характеръ, такъ какъ всѣ транспорты мѣди направлялись въ Либаву.

Разсказываютъ, что одинъ изъ петроградскихъ сихъ дѣлъ мастеровъ уже высланъ въ Сибирь, передавъ свои многочисленныя акціи извѣстному нѣмцелюбу. Казалось, что сему господину надо было уготовить мѣсто не въ Сибири, а подъ перекладиной висѣлицы.

Передаютъ [1]), что однимъ лицомъ достигнуты удачные опыты лѣченія туберкулеза, рака, гангренознаго воспаленія ультра-фіолетовыми лучами.

Приводимъ разсказъ одного изъ пассажировъ, спасшагося съ „Лузитаніи“:

— „Лузитанія“ погибла ровно черезъ 20 минутъ послѣ взрыва. На нашихъ глазахъ происходили такія сцены: обезумѣвшія женщины съ дѣтьми бросались въ шлюпки, а затѣмъ снова тянулись къ пароходу, въ надеждѣ спасти кое-какія вещи. Въ общей суматохѣ онѣ гибли. Нѣсколько человѣкъ на нашихъ глазахъ умерли отъ разрыва сердца, и ихъ даже не вынесли изъ каюты... Вокругъ парохода сотни людей барахтались, хватаясь за бревна, плававшіе куски мебели, бочки, картины, а на роялѣ нѣсколько человѣкъ почти въ продолженіе часа сражались съ волнами, то выплывая, то снова погружаясь въ воду.

Одна англичанка, срисовывавшая въ моментъ катастрофы Богоматерь съ младенцемъ, вмѣстѣ съ мольбертомъ долго носилась по океану, и мы видѣли, какъ она съ обезумѣвшими глазами, высоко поднявъ надъ собой картину, въ пробковой курткѣ, захлестываемая волнами, долго боролась, пока не нашла смерть въ морской пучинѣ. Много несчастныхъ случаевъ произошло изъ-за того, что многіе, уже находившіеся на шлюпкахъ, не желая покидать остальныхъ, бросались къ нимъ на помощь, а шлюпки, и безъ того переполненныя, шли ко дну. Нѣсколько шлюпокъ на нашихъ глазахъ перевернулись, но это

---

[1]) „Бирж. Вѣд.“, 14 мая.

произошло почти въ тотъ моментъ, когда уже прибыли спасательные пароходы.

Хотя спасательными поясами воспользовались далеко не всѣ, но слѣдуетъ сказать, что пояса были очень хороши. Люди довольно долго держались на водѣ. Особенно тяжело было смотрѣть на множество дѣтскихъ трупиковъ, среди которыхъ были годовалые малютки. Одна молодая женщина съ ребенкомъ, ухватившись за плетеное кресло и сбросивъ съ себя платье, съ рыданіями умоляла помочь ей доплыть до ближайшей шлюпки, въ которую она почему-то не могла попасть. Потомъ мы эту женщину, совершенно посѣдѣвшую, видѣли на сушѣ, но уже безъ ребенка.

Трогательное зрѣлище представлялъ моментъ прибытія первыхъ пароходовъ, высланныхъ командиромъ порта Кинстоунъ. Увидѣвъ приближающіеся пароходы, погибающіе начали пѣть молитвы, которыя были подхвачены матросами.

Его Величество Государь Императоръ изволилъ возвратиться 14 сего мая изъ дѣйствующей арміи въ Царское Село [1]).

16—25 мая. Сообщаютъ, что въ симферопольскомъ обществѣ взаимнаго кредита недавно состоялись выборы правленія, и выбраны всѣ нѣмцы и ихъ приспѣшники.

Начальникъ передового санитарнаго отряда передаетъ объ ужасномъ случаѣ надругательства и насилія надъ сестрой милосердія. Въ началѣ шавельской операціи она попала въ плѣнъ къ нѣмцамъ. Они не отправили ее въ тылъ, а держали около двухъ недѣль въ окопахъ. На ночь раздѣвали донага и привязывали за ногу къ колу. Насиловалъ, кто хотѣлъ, въ общемъ свыше ста человѣкъ. Когда несчастная изнемогла и впала въ безпамятство, ее отвязали и оставили на произволъ судьбы. Спасли ей жизнь мѣстные крестьяне, спрятали въ халупѣ отъ озвѣрѣвшихъ мерзавцовъ и привезли въ Радзивилишки. Теперь эта новая жертва нѣмецкой гнусности лежитъ въ 28 запасномъ госпиталѣ. У нея воспаленіе брюшины. Крайне высокая темпе-

---

[1]) „Русскій Инвалидъ", № 106.

ратура, явные признаки остраго помѣшательства и въ довершеніе всего ее заразили подлой венерической болѣзнью. По понятнымъ причинамъ, фамиліи дѣвушки назвать не могу. Ей 17 лѣтъ, и она изъ хорошой, честной русской семьи [1]).

Хирургическая и медицинская помощь нашимъ раненымъ расчитывается германцами такъ, чтобы какъ можно большее количество плѣнныхъ погибало отъ небрежнаго и жестокаго ухода. Бинты для перевязки давались пропитанные гноемъ, раненые лежали въ грязномъ смоченномъ бѣльѣ, съ массой вшей, въ загноенныхъ простыняхъ, на матрацахъ, издающихъ зловоніе [2]). Бывали случаи, что умирающій буквально плавалъ въ лужѣ, состоящей изъ гноя, отдѣленій и изверженій.

Сообщаютъ, что въ одной только Таврической губерніи нѣмцамъ принадлежитъ одинъ милліонъ сто семьдесятъ тысячъ десятинъ наилучшей русской земли.

Плѣнные германцы наводнили Россію, они не желаютъ работать. Они желаютъ подготовить почву для будущихъ своихъ операцій. Повсюду плѣнные германцы изучаютъ русскій языкъ, изучаютъ мѣстныя условія, входятъ въ связи съ нужными имъ людьми. Несомнѣнно, многіе изъ нихъ по окончаніи войны останутся на мѣстахъ своей ссылки и мало-по-малу заберутъ все и всѣхъ въ свои руки.

Раньше нѣмецкая зараза двигалась съ такой скоростью, что за столѣтіе дошла отъ западной границы до Волги. За это время въ русскую жизнь вклинилось около трехъ милліоновъ носителей этой заразы. Но вотъ вспыхнула война, и за десять мѣсяцевъ восемью стами тысячъ носителей нѣмецкой заразы засѣяно огромное пространство Россіи отъ Волги до Великаго Океана.

Россійскому благодушію положительно нѣтъ предѣловъ! Въ то время, какъ въ нѣмецкихъ земляхъ плѣнныхъ подъ строжайшимъ надзоромъ содержатъ въ концентраціонныхъ лагеряхъ и заставляютъ работать, у насъ высланные находятся на положе-

---

[1]) „Нов. Вр.“, 16 мая.

[2]) Тамъ же.

на положеніи изслѣдователей, изучающихъ еще мало извѣстныя имъ части Россіи съ тѣмъ, чтобы въ недалекомъ будущемъ пустить въ нихъ корни.

Одинъ изъ французскихъ генераловъ передавалъ нашему корреспонденту [1]).

— Изумительно, до чего эта война подняла религіозный духъ въ войскахъ. Болѣе трехъ четвертей моихъ солдатъ присутствуютъ при богослуженіи, и болѣе половины изъ нихъ пріобщаются.

Я спросилъ, правда ли, какъ я слышалъ, что соціалисты и анархисты очень отличаются на войнѣ?

— Они великолѣпно дерутся,—отвѣтилъ онъ съ растроганной улыбкой. У меня былъ такой случай: послѣ одного горячаго дѣла, при довольно драматическихъ условіяхъ,—я самъ былъ раненъ, и рука у меня была на перевязи,—я дѣлалъ смотръ войскамъ, поздравлялъ ихъ и благодарилъ за храбрость, и давалъ награды тѣмъ изъ солдатъ, которые особенно отличились. Между ними мнѣ указали одного, который въ частной жизни былъ извѣстенъ, какъ горячій проповѣдникъ идей антипатріотизма и анти-милитаризма. Я отвелъ его въ сторону и спросилъ: правда ли это это? Онъ отвѣтилъ, что правда.—Но какъ же это можно примирить съ вашимъ теперь героическимъ поведеніемъ?

Онъ посмотрѣлъ мнѣ прямо въ глаза и отвѣтилъ:

— Война, генералъ, многому научаетъ...

Поучительное письмо получено изъ галиційскаго фронта [2]).

11-дюймовый снарядъ упалъ вблизи хаты. Хату разнесло въ щепки, вся крестьянская рухлядь улетѣла неизвѣстно куда; наружная дверь хаты была отброшена на 30 шаговъ, крытая соломой крыша развѣялась по всей деревнѣ, а образъ Спасителя остался цѣлъ, привѣшенный на тоненькой проволочкѣ къ уцѣлѣвшей какимъ-то способомъ балкѣ, даже стекло въ рамѣ образа не тронуло. Вблизи уцѣлѣвшаго образа, въ углу у балки, въ корзинѣ, оказалась нетронутой кошка со своими только-что появившимися на свѣтъ слѣпыми котятами. Этотъ случай произвелъ на всѣхъ насъ громадное впечатлѣніе.

---

[1]) „Нов. Вр.“, 21 мая с. г.
[2]) „Нов. Вр.“, 21 мая с. г.

Нашъ Балтійскій флотъ, помятуя завѣты незабвеннаго Эссена, поранилъ и повредилъ три судна нѣмецкой эскадры, которая быстро возратилась нахъ-фатерландъ.

Началась промышленная мобилизація въ Москвѣ: фабрики и заводы всѣхъ наименованій должны работать на нашу армію. Въ добрый часъ. Давно уже пора.

Пріѣхавшіе съ позицій передаютъ о любопытномъ приказѣ, отданномъ германскимъ штабомъ по войскамъ на Бзурѣ.

Въ приказѣ говорится, между прочимъ:

„Самъ Богъ съ нами и за насъ. Борясь съ цѣлымъ міромъ, мы волею Его получили въ руки новое могучіе оружіе—газы, которымъ мы побѣдимъ враговъ. Могущество и господство великой Германіи надъ Европою являются единственной цѣлью нашей великой борьбы, а потому мы ни передъ чѣмъ не должны останавливаться и должны бороться до окончательнаго успѣха, обезпеченной побѣды. Не пройдетъ и двухъ мѣсяцевъ, какъ врагъ нашъ будетъ окончательно разбитъ".

Приказъ призываетъ солдатъ не жалѣть русскихъ, ибо они издѣваются и убиваютъ нѣмецкихъ плѣнныхъ [1]).

Германцы уже начали примѣнять на англійскомъ фронтѣ особыя зажигательныя пули.

26—31 мая. Курьезная исторія [2]) случилась въ казанскомъ обществѣ ветеринарныхъ врачей, въ которомъ членами состоитъ много нѣмцевъ. Въ отчетѣ общества была такая фраза.

„Дѣятельность общества за истекшій годъ оказалась нѣсколько менѣе интенсивной, главнымъ образомъ, по причинѣ войны, объявленной Россіи германской коализаціей, во главѣ съ Кровавымъ Кайзеромъ".

Слово „Кровавый Кайзеръ" не понравилось ветеринарнымъ нѣмцамъ и ихъ приспѣшникамъ. На баллотировкѣ, поставленной председателемъ, было постановлено слово „Кровавый Кайзеръ" исключить. Послѣ этого постановленія нѣкоторые члены

---

[1]) „Русск. Слово" 25 мая сего года.
[2]) „Нов. Вр.", 26 мая с. г.

заявили о своемъ уходѣ изъ общества. Состоялось новое собраніе, которое вторично рѣшило „Кроваваго Кайзера“ поставить на своемъ мѣстѣ и зачеркнутому не вѣрить.

Съѣздъ промышленниковъ, состоявшійся въ Петроградѣ, своими постановленіями охватилъ всю Россію. Въ этой средѣ нашлись свои Минины, и ихъ пламенное желаніе поработать на боевое снабженіе нашей арміи зажгло сердца Мининыхъ по всей матушкѣ Руси.

Директоръ Московскаго металлическаго завода германскій подданный Карлъ Грабъ арестованъ по требованію штаба Верховнаго Главнокомандующаго. Удивительно, что сіе обстоятельство не учинено предержащими властями.

На съѣздѣ промышленниковъ въ Петроградѣ 28 мая присутствовалъ предсѣдатель Государственной Думы М. В. Родзянко и произнесъ тамъ вдохновенную, преисполненную глубокаго патріотизма рѣчь о настоятельной необходимости всей русской промышленности объединиться и поработать на нужды арміи.

Прибывшіе съ боевыхъ позицій разсказываютъ:

— Видѣли, какъ нѣмцы заставляютъ нашихъ плѣнныхъ подносить снаряды противъ своихъ же и выставляютъ ихъ на бруствера во весь ростъ...

Разсказываютъ о послѣднихъ минутахъ погибшаго отъ германской мины „Енисея“:

Судно быстро уходило въ воду. На мостикѣ стоялъ командиръ, капитанъ I ранга Прохоровъ, и до послѣдней минуты геройски командовалъ и ободрялъ матросовъ громкимъ спокойнымъ голосомъ: „Братцы, не теряйся, берите, что можно для спасенія и тихо въ море опускайся, осторожно, не торопясь“. Герой остался на мостикѣ послѣднимъ, и его никто больше не видѣлъ.

Особенная дѣятельность московскихъ нѣмцелюбовъ вывела изъ терпѣнія москвичей, и они въ маѣ мѣсяцѣ произвели погромъ нѣмецкихъ акціонерныхъ предпріятій и нѣмецкихъ лавокъ.

Съ 6-го мая по конецъ мѣсяца не очень-то пріятныя вѣсти съ театра войны. На Шавельскомъ фронтѣ, послѣ взятія нами укрѣпленной позиціи у Бубье, наступили дѣйствія съ перемѣннымъ успѣхомъ. На Варшавскомъ фронтѣ произошли безуспѣшныя атаки германцевъ, хотя и съ удушливыми газами. На Галиційскомъ фронтѣ за исключеніемъ взятія Синявы III кавказскимъ корпусомъ, успѣшныхъ дѣйствій у Ломинцы и на р. Свицъ, подъ конецъ мѣсяца выдѣлилось наше наступленіе у Журавна на р. Днѣстръ, доставившее намъ 17 орудій, 78 пулеметовъ, 348 офиц. и 15 т. плѣнныхъ. Этотъ переходъ въ наступленіе былъ произведенъ тамошнимъ начальствомъ блестяще, съ полнымъ проявленіемъ надлежащей инициативы. Имя сего таланта скрыто подъ спудомъ отъ свѣдѣнія петроградскаго обывателя и вѣроятно гораздо позже будетъ извѣстно. На всемъ остальномъ Галиційскомъ фронтѣ повсюду многочисленныя силы германцевъ тѣснили насъ и захватили Перемышль, съ взорванными укрѣпленіями. Укрѣпленія эти ехидно подорвалъ Кусманекъ передъ сдачею намъ Перемышля, и передъ нашимъ отходомъ укрѣпленія были разрушены окончательно.

Вообще Божья искра военнаго дарованія съ 6 на 7 мая покинула у насъ Галиційскій фронтъ и оставила намъ въ утѣшеніе грядущимъ поколѣніямъ описаніе отхода 3-й арміи съ Дунайца на Санъ, которое такъ рельефно изложено въ „Оцѣнкѣ военныхъ событій“ обозрѣвателямъ „Русскаго Инвалида“ отъ 29 мая с. г.

Съ полнымъ правомъ 3-я армія можетъ сказать:

„Пройдетъ время, событія кристаллизуются, и нашъ отходъ къ Сану составитъ гордость Русской арміи. Совѣсть 3-й арміи совершенно спокойна, она честно и искусно исполнила свой долгъ, не дала себя уничтожить и создать изъ своего отхода катастрофы. Армія, хотя и сильно ослабленная, сохранила свою физіономію, свою честь, свой духъ, свою артиллерію, свои обозы, свои парки.

Изъ 700 орудій, которыя были въ ней по подсчету самихъ нѣмцевъ, она, стрѣляя до послѣдняго патрона, бросила только 50 орудій совершенно разбитыхъ и еще подорванныхъ нами, чтобы они не могли составить мало-мальски цѣнныхъ трофеевъ.

Каждый боецъ 3-й арміи, отъ командующаго до послѣдняго солдата, сознаетъ, что онъ сдѣлалъ великое дѣло. На фронтѣ 100 верстъ, составлявшемъ западный фронтъ 3-й арміи, на 6 нашихъ дивизій навалилось 14, изъ коихъ было германскихъ половина. И при такихъ условіяхъ 3-я армія дралась выше всякой похвалы, буквально истекая кровью, нанося огромный уронъ врагу. Нѣмцы могутъ сказать, что они многихъ въ ней перебили въ концѣ концовъ, но не разбили арміи, хотя были дивизіи, потерявшія 90% своего состава и все же сохранившія свой обликъ и способность сражаться, чѣмъ и оправдывается фраза, помѣщенная въ началѣ оцѣнки отхода нашего отъ Дунайца къ Сану.

3-я армія своими упорными 18-ти дневными боями дала, буквально, возможность остальнымъ нашимъ арміямъ выбраться изъ дебрей Восточныхъ Карпатъ, перегруппироваться и занять болѣе сосредоточенное положеніе, чѣмъ вернула имъ свободу маневрированія. Въ 19-й день 3-я армія вышла уже изъ опасности быть разбитой и заняла обезпеченное положеніе, которое ей дало возможность, съ пополненіемъ рядовъ, дальше бить врага, маневрировать.

Обращаясь теперь къ тому, какъ наши противники объясняютъ, почему 3-я армія попала въ столь тяжелое положеніе, видимъ, что они полагаютъ, будто мы, ломясь на югъ, въ Венгрію, заслонялись съ запада, со стороны Кракова, именно 3-й арміей, силою въ 4, примѣрно, корпуса, демонстративно растянувъ ее на 200 съ лишкомъ верстъ. Но на флангѣ, гдѣ она входила въ Карпаты, и ей была дана „венгерская" задача, потому что большія части ея силъ ломились въ мезолаборческомъ направленіи, атакуя самыя неприступныя части Карпатъ, какъ тактическихъ позицій, и собравъ сюда все, что можно было, изъ своихъ силъ. На западъ же, какъ уже сказано, продолжало смотрѣть всего 6 дивизій, растянутыхъ на сотню и болѣе верстъ. И долго такое явно демонстративное расположеніе (или, какъ его назвали въ самой арміи, „настоящая стратегическая провокація") нарочно и сдерживало нѣмцевъ, и во время самаго отхода нашего не хотѣвшихъ вѣрить, что передъ ними столь слабыя силы, и страшно преувеличивали ихъ число въ своихъ донесеніяхъ.

Такая работа войскъ стоитъ побѣды и, притомъ, побѣды не малой.

Отрадное впечатлѣніе производятъ за май мѣсяцъ полеты на Кавказъ Юденичевскихъ орловъ на турокъ всѣхъ кавказ-

скихъ фронтовъ, лихіи набѣги черноморскаго флота на турецкія и нейтральныя суда, стремившіяся подвезти уголь и керосинъ въ Босфоръ, а также изрядная трепка германскому флоту въ Рижскомъ заливѣ нашимъ Балтійскимъ флотомъ, выведшая изъ германскаго строя три боевыхъ судна.

Май мѣсяцъ былъ очень несчастливъ для окончательнаго доказательства лояльности нѣкоторыхъ прибалтійскихъ бароновъ, при поставкѣ лошадей въ нашу армію во время мобилизаціи.

Сегодня уголовный кассаціонный департаментъ Правительствующаго Сената разсматривалъ кассаціонную жалобу осужденнаго барона Ферзена на обвинительный приговоръ Петроградской судебной палаты.

„Баронъ Куртъ Николаевичъ Ферзенъ признанъ виновнымъ въ томъ [1]), что въ качествѣ завѣдующаго двѣнадцатымъ военно-конскимъ участкомъ Ревельскаго уѣзда при производствѣ имъ пріема отъ населенія лошадей, подлежавшихъ поставкѣ въ войска вслѣдствіе указа о мобилизаціи, выйдя изъ предѣловъ предоставленной ему закономъ власти и въ нарушеніе правилъ правительственной инструкціи, которою онъ обязанъ былъ руководиться, не произвелъ жеребьевки лошадей, не вызвалъ владѣльцевъ, добровольно желающихъ поставить своихъ лошадей, и самовольно освободилъ отъ поставки на сдаточный пунктъ значительную часть представленныхъ на сгонный пунктъ лошадей хорошаго качества, принадлежавшихъ бар. Мейендорфу, Жираръ-де-Сукантону и Штакельбергу, а также Яку Суйту, Тено Регастику и ему, барону Ферзену. Лошади были освобождены отъ поставки въ войска, какъ не подходящія подъ требованія, предъявляемыя къ обознымъ лошадямъ. Затѣмъ баронъ представилъ на сдаточный пунктъ въ Ревелѣ вѣдомость со спискомъ 97 годныхъ лошадей, въ которую умышленно включилъ завѣдомо невѣрныя свѣдѣнія о годности 38 лошадей, оказавшихся по провѣркѣ комиссіей совершенно негодными для пріема въ войска, и намѣренно утаилъ истину, скрывъ наличность у частныхъ владѣльцевъ участка 24 вполнѣ годныхъ лошадей, качествами своими значительно превосходившихъ принятыя. Вмѣстѣ съ тѣмъ баронъ представилъ и списокъ менѣе годныхъ лошадей, въ который завѣдомо ложно включилъ 24 ло-

---

[1]) „Нов. Вр." 1 мая с. г.

шади разныхъ владѣльцевъ, какъ оставшихся послѣ пріемки болѣе годныхъ, въ дѣйствительности же эти названныя менѣе годными лошади значительно превосходили своими качествами тѣхъ лошадей, которыя были представлены, какъ вполнѣ годныя.

Осужденный за эти дѣянія ревельскимъ окружнымъ судомъ, какъ за превышеніе власти и служебные подлоги, баронъ перенесъ дѣло въ петроградскую судебную палату, доказывая, что ни превышенія власти, ни подлоговъ онъ не допустилъ, а просто неправильно истолковалъ инструкцію; къ тому же онъ считалъ выѣздныхъ помѣщичьихъ лошадей, какъ не втянутыхъ въ тяжелую работу, менѣе пригодными, чѣмъ крестьянскія и рабочія лошади. Эти и другія объясненія барона судебная палата признала незаслуживающими ни малѣйшаго довѣрія, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и ни съ чѣмъ несообразными. Свидѣтельскими показаніями установлено, что лучшихъ помѣщичьихъ лошадей баронъ не измѣрялъ и вовсе не осматривалъ, а экспертъ, ветеринарный врачъ Антоновъ, производившій осмотръ прошедшихъ чрезъ участокъ барона лошадей, засвидѣтельствовалъ, что разница между принятыми и забракованными барономъ лошадьми въ нѣкоторыхъ случаяхъ была не въ пользу первыхъ, „настолько велика и поразительна", что она была очевидна и для неспеціалиста...

Палата въ свою очередь признала освобожденіе барономъ отъ поставки въ войска своихъ и другихъ владѣльцевъ лучшихъ лошадей съ замѣною ихъ совершенно негодными злонамѣреннымъ, отвергнувъ самую возможность предположенія о добросовѣстномъ со стороны подсудимаго заблужденіи, и приговорила его за превышеніе власти къ заключенію въ крѣпость на 6 мѣсяцевъ, а за подлоги (составленіе завѣдомо ложныхъ списковъ) къ заключенію въ крѣпости на 1 годъ, и по совокупности обоихъ преступленій къ послѣднему наказанію.

Въ кассаціонной жалобѣ защитникъ осужденнаго доказывалъ отсутствіе въ дѣяніяхъ его признаковъ подлога, такъ какъ баронъ о качествахъ лошадей высказалъ лишь свое мнѣніе, быть можетъ и ошибочное, и обращалъ вниманіе Сената на цѣлый рядъ будто бы допущенныхъ палатою процессуальныхъ нарушеній, главнымъ образомъ выразившихся въ отказѣ подсудимому въ вызовѣ свидѣтелей и экспертовъ, но Правительствующій Сенатъ приговоръ палаты оставилъ въ силѣ".

7 мая въ Сенатѣ разсмотрѣна и оставлена безъ послѣдствій кассаціонная жалоба барона Таубе на приговоръ о немъ

петроградской судебной палаты, которымъ онъ присужденъ къ штрафу въ 1.900 р. за утайку во время мобилизаціи пяти лошадей [1]).

„14 мая въ Сенатѣ разсмотрѣно дѣло барона О. Ф. Гойнингенъ-Гюне, привлекавшагося къ уголовной отвѣтственности по обвиненію въ превышеніи власти и служебныхъ подлогахъ. Первое выразилось въ томъ, что, состоя завѣдующимъ военно-конскимъ участкомъ въ Эстляндской губ., онъ при пріемѣ отъ населенія лошадей во время мобилизаціи самовольно освободилъ отъ поставки въ войска значительное количество лучшихъ лошадей, принадлежавшихъ помѣщикамъ-дворянамъ. Бароновъ Ѳеодора Гойнингенъ Гюне, Карла Деллинсгаузена, дворянъ фонъ-Фока и Нерлинга. Ревельскій окружный судъ, а затѣмъ и петроградская судебная палата приговорили къ заключенію въ крѣпость на 1 годъ и 4 мѣсяца съ лишеніемъ нѣкоторыхъ правъ. Резолюціей Сената жалоба оставлена безъпослѣдствій“ [2]).

Въ Ревелѣ окружный судъ приговорилъ помѣщика фонъ-Рамма за утайку лошадей при мобилизаціи къ штрафу въ 200 рублей, съ замѣной заключеніемъ въ тюрьму на 2 мѣсяца.

29 мая въ петроградской судебной палатѣ заслушано было очередное дѣло объ утайкѣ прибалтійскими баронами лошадей при мобилизаціи.

Въ качествѣ обвиняемаго фигурировалъ на этотъ разъ управляющій имѣніями графини Пиларъ-фонъ-Пильхау, Гуго Германсонъ, занимавшій постъ завѣдующаго 18-мъ военно-конскимъ участкомъ. Обвинялся онъ въ томъ, что при пріемкѣ лошадей самовольно освободилъ 8 совершенно годныхъ лошадей графини Пиларъ-фонъ-Пильхау и доктора Ульмана и, кромѣ того, включилъ завѣдомо ложно въ списки вполнѣ годныхъ лошадей 19 никуда негодныхъ лошадей графини, прикрывъ ими оставленныхъ у нея здоровыхъ лошадей.

При разсмотрѣніи этого дѣла въ ревельскомъ окружномъ судѣ Гуго Германсонъ призналъ себя виновнымъ и объяснилъ, что лошадей графини онъ скрылъ „условно“, предупредивъ ее, что если негодныя лошади не пройдутъ, то придется затребовать годныхъ. Лошадей же доктора Ульманса онъ освободилъ

[1]) „Нов. Вр.“, 8 мая сего года.
[2]) „Нов. Вр.“, 14 и 15 мая сего года.

потому, что въ окрестныхъ селеніяхъ свирѣпствовала дизентерія, и доктору приходилось часто посѣщать больныхъ.

Ревельскій окружный судъ приговорилъ Гуго Германсона къ низшей мѣрѣ наказанія—4-мъ мѣсяцамъ крѣпости.

Петроградская судебная палата, куда жаловался Германсонъ, приговоръ этотъ утвердила [1]).

Петроградскому обывателю невѣдомо, будутъ ли поступать въ Сенатъ подобныя кассаціонныя жалобы прибалтійскихъ бароновъ. Ему кажется, что вышеприведенныхъ фактовъ лояльности вполнѣ достаточно въ дни нашей великой борьбы, когда каждый русскій крестьянинъ поставлялъ въ родную армію единственную лошадь-кормилицу.

Петроградскому обывателю хотѣлось бы знать жертвы прибалтійцевъ на нужды войны, ихъ воинскіе лазареты въ дѣйствующей арміи,—хотѣлось бы посмотрѣть флагъ Краснаго Креста въ Ригѣ, Митавѣ, Ревелѣ, Юрьевѣ и другихъ прибалтійскихъ городахъ и сравнить ихъ съ таковыми же внутри Россіи. Думается, что тутъ лояльность выказалась бы очень ярко.

Наши союзники на западѣ ведутъ артиллерійскіе бои, небольшія пѣхотныя стычки, минную войну, переходятъ къ боевымъ дѣйствіямъ на воздухѣ, налетамъ воздушныхъ эскадръ на пункты, имѣющіе особое значеніе для войны. Въ общемъ безъ перемѣнъ.

Дѣйствительныя, энергичныя боевыя дѣйствія ведутся въ Дарданеллахъ.

Въ первомъ историческомъ засѣданіи Государственной Думы дѣйствительно лояльный латышско-русскій патріотъ Янъ Юрьевичъ Гольдманъ говорилъ въ своей рѣчи, какая встрѣча ожидаетъ германцевъ со стороны латышей. Всѣ пламенныя слова его высоко патріотической рѣчи сбылись въ текущіе дни войны самымъ точнымъ образомъ. Истинно лояльные патріоты-латыши предпочитаютъ закапывать въ землю свое добро, покидать свои хутора и мызы и угнать свой многочисленный скотъ, чѣмъ предоставить свое добро разбойникамъ-нѣмцамъ. Латышъ предпочтетъ сжечь свою усадьбу, только не могъ бы въ ней пере-

---

[1]) „Русское Слово", 28 мая сего года.

ночевать нѣмецкій разъѣздъ, своимъ знаніемъ мѣстности они постоянно оказываютъ нашимъ войскамъ громадныя услуги. Латышъ встрѣчаетъ русскія войска съ полнымъ восторгомъ, выходитъ съ хлѣбомъ-солью, посылаетъ въ войска цѣлые воза окороковъ, масла, сыра, молока, яицъ, совершенно противоположныя той особенно лояльной встрѣчѣ, которую оказываютъ и оказывали постоянно и на маневрахъ мирнаго времени остзейскіе бароны русскимъ войскамъ. Всякій русскій солдатъ и офицеръ, который испыталъ эту лояльную встрѣчу, никогда ее не забудетъ.

Всѣ латыши говорятъ въ одинъ голосъ:

— Ахъ, если бы у насъ имѣлось оружіе! Мы покрыли бы всю страну летучими партизанскими отрядами. Мы знаемъ каждую тропинку въ лѣсахъ, каждый кустикъ, изъ-за котораго можно было бы снимать германскіе разъѣзды и заставы.

Вся латышская молодежь только и мечтаетъ,—попасть добровольцами въ наши ряды.

Особенно сочувственно относятся латыши къ семействамъ русскихъ чиновниковъ, когда, по обстоятельствамъ военнаго времени, ихъ надо было спасти и пріютить.

Германцы самымъ звѣрскимъ образомъ расправляются съ латышами. Цѣлыми остаются баронскія усадьбы и имѣнія нѣмецкихъ колонистовъ.

По особымъ спискамъ германцы разыскиваютъ латышскихъ лидеровъ, выступавшихъ на городскихъ выборахъ противъ засилья нѣмцевъ.

Въ особенности германцы тщательно разыскиваютъ Гольдмана.

Послѣ смутнаго времени 1904—1905 года прибалтійцы приняли всѣ мѣры для замѣны своихъ служащихъ въ имѣніяхъ германцами и усилили разселеніе на краю нѣмецкихъ колонистовъ. Колонисты-нѣмцы съ восторгомъ встрѣчаютъ германцевъ, грабятъ вмѣстѣ съ ними имущество латышей и вмѣстѣ съ германцами уходятъ при перемѣнѣ военнаго счастья.

Германцы перевели въ дѣйствующія войска въ Курляндіи всѣхъ прежде служившихъ въ баронскихъ усадьбахъ, управляющихъ, лѣсничихъ, дойщиковъ и др., отлично знающихъ край передъ мобилизаціей бѣжавшихъ въ Германію. Своимъ знаніемъ края эти господа оказываютъ громадную помощь германцамъ.

Русскія, латышскія и эстонскія газеты преисполнены извѣстій о томъ, какъ прибалтійскіе помѣщики-дворяне относились съ германскимъ войскамъ. Приведемъ нѣкоторыя изъ этихъ корреспонденцій въ теченіе мая мѣсяца. Въ Фрауэнбургѣ нѣмцы испортили телеграфъ и издали распоряженіе не разговаривать по-русски.

Въ этомъ раіонѣ вмѣстѣ съ нѣмецкими партіями исчезъ также владѣлецъ имѣнія Петерталь, баронъ Геикингъ съ сыномъ [1]).

Въ окрестностяхъ Виндавы, въ им. Р., гдѣ остановился германскій отрядъ, пріѣзжали окрестные помѣщики за какими-то справками.

Въ им. Нигранденъ 22 апрѣля вошелъ германскій разъѣздъ. Офицеры расположились въ домѣ помѣщика Каула, извѣстнаго по своей прежней колонизаторской дѣятельности. Хозяинъ встрѣтилъ гостей съ большимъ радушіемъ [2]).

Въ имѣніи Петерталенъ, владѣльцемъ котораго состоитъ бар. Г., расположился на ночь большой германскій разъѣздъ. Вслѣдствіе того, что отрядомъ командовалъ сынъ бар. Г.,—уже давно указывалось, что онъ сражается въ рядахъ германской арміи противъ Россіи,—отряду было оказано широкое гостепріимство.

Въ имѣніи Кауцмюнде у графа Палена германскій разъѣздъ угощали виномъ. Во главѣ отряда стоялъ графъ фонъ-Спретти, бывшій управляющій гр. Палена и исчезнувшій за двѣ недѣли до войны.

Въ церковной корчмѣ им. Б. начальникъ германскаго разъѣзда сообщилъ, что онъ долженъ посѣтить им. Б—ле, гдѣ живетъ его дядя баронъ Г. [3]).

„Jaunais Wahrds“ сообщаетъ, что баронъ Гаральдъ Ганъ приказалъ своимъ батракамъ вывезти клеверъ и сѣно въ поле и сложить все въ копны. Каждую ночь сжигается одна копна неизвѣстно для какой цѣли [4]).

Въ Сесаускомъ пасторатѣ им. Елей, владѣльцемъ котораго состоитъ графъ Медемъ, кучеромъ служитъ нѣмецкій колонистъ. При появленіи германскихъ отрядовъ этотъ кучеръ занялъ видное положеніе. Германцамъ немедленно были переданы всѣ ключи, кучеръ водилъ дорогихъ гостей по имѣнію, показывая имъ подробности елейскаго хозяйства. Въ имѣніи Елей остался

[1]) „Биржевыя Вѣдомости“ 1 мая с. г.
[2]) „Нов. Вр.“ 3 мая с. г.
[3]) „Новое Вр.“ 5 мая с. г.
[4]) „Нов. Вр.“ 6 мая с. г

управляющій графа Е. Тей, которому и были даны инструкціи. Управляющій и принялъ германцевъ. Сначала нѣмцы посѣтили графскій замокъ, здѣсь они провели нѣсколько времени, играли на роялѣ, осматривали помѣщенія, въ это время въ Елейской гостиницѣ готовился ужинъ. Шталмейстеръ графа Медема привезъ нѣсколько бочекъ пива и массу продуктовъ. Изъ замка для дорогихъ гостей была назначена прислуга. Такъ пировали германцы въ имѣніи графа Медема 4 дня [1]).

20 апрѣля, около 8 часовъ вечера,—разсказываетъ очевидецъ—на желѣзной дорогѣ, по направленію [2]) отъ имѣнія Казупена въ сторону Туккума, раздался взрывъ. Тотъ же часъ изъ имѣнія вышелъ младшій сынъ Л. и пошелъ прямо по полямъ въ направленіи взрыва. Вскорѣ раздался на томъ же мѣстѣ второй взрывъ, и черезъ нѣсколько минутъ на пути показалась дрезина. Появились германскіе кавалеристы, въ количествѣ 60 человѣкъ, съ однимъ фургономъ. Кавалеристы направились въ имѣніе, а дрезина проѣхала за Казупенъ въ сторону Митавы.

Прошло сравнительно немного времени, и вдругъ раздался третій взрывъ, который былъ значительно сильнѣе первыхъ. Дрезину остановили въ пути, а сами, разговаривая и куря папиросы, направились въ имѣніе, гдѣ дожидались ихъ кавалеристы.

Въ числѣ возвращавшихся германцевъ были и офицеры, такъ какъ Л., увидя ихъ, вышла изъ дома, радостно встрѣтила ихъ, стала говорить съ ними по-нѣмецки и троихъ пригласила въ домъ. Тотчасъ же лошади германцевъ были размѣщены по конюшнямъ, изъ амбаровъ имѣнія отпущенъ овесъ, а солдаты приглашены въ домъ.

Всю ночь германскіе солдаты пьянствовали и уѣхали изъ имѣнія 21 апрѣля, въ 9 часовъ утра.

Въ им. Бикстенъ (Туккумскаго уѣзда) германцы забрали лошадей, выдавъ оффиціальную квитанцію. Управляющему барона фонъ-деръ-Роопа, владѣльца им. Бикстенъ, обозначенная сумма показалась недостаточной. Онъ отправился въ ближайшій германскій штабъ, гдѣ былъ принятъ очень любезно. Дѣло, разумѣется, было улажено [3]).

[1]) „Нов. Вр.“ 12 мая с. г.
[2]) „Нов. Вр.“, 8 мая с. г.
[3]) „Нов. В.“ 21 мая с. г.

Изъ им. Цирау, сообщетъ „Dzimte nes Wehstnesis“, бѣжалъ въ Либаву со всѣми своими колонистами баронъ Георгъ Цеге фонъ-Мантейфель. До сего времени этотъ баронъ считался однимъ изъ лояльнѣйшихъ, былъ уѣзднымъ предводителемъ гробинскаго дворянства и находился въ тѣсной дружбѣ съ представителемъ администраціи [1]).

Очень много въ Либавѣ германскихъ офицеровъ, между которыми находится сынъ курляндскаго барона Мантейфеля.

Въ „Русскомъ Словѣ“ [2]), очевидецъ недавнихъ событій въ Курляндіи г. Петровъ такъ описываетъ нашествіе германцевъ:

Освѣдомленность нѣмцевъ была изумительная. По всему краю у бароновъ въ помѣстьяхъ лѣсники, егеря, управляющіе спокон въка были нѣмцы, германскіе подданные. Всѣ они всегда были изъ запасныхъ германской арміи. И всѣ они теперь оказались унтеръ-офицерами, вахмистрами, а то и офицерами нѣмецкихъ частей, наводнившихъ Курляндію. Всѣ прекрасно знаютъ не только дороги, а и каждую тропинку въ лѣсахъ: еще бы,—они, вѣдь, десятки лѣтъ были лѣсниками и егерями здѣсь. Всѣ прекрасно знаютъ латышскій мѣстный крестьянскій языкъ.

Въ Курляндіи, по баронскимъ помѣстьямъ, гдѣ проходили нѣмецкіе разъѣзды, съ нѣмецкими хищниками происходила чудодѣйственная перемѣна. Бароны Курляндіи также „жалуются“, что проходившія нѣмецкія войска „ограбили“ ихъ.

— Брали лошадей. Брали телѣги. Брали хлѣбъ.

— У меня забрали тысячу пудовъ овса.

— У насъ весь разъѣздъ (30—40 человѣкъ) смѣнилъ лошадей. Оставили своихъ заморенныхъ и взяли нашихъ.

Но всѣ эти жалобы звучатъ странно и дышатъ наивностью. Отъ „ограбленныхъ“ баронскихъ усадебъ и не пахнетъ войною. Баронскія помѣстья, это—настоящія замки-дворцы. Всегда на красивыхъ мѣстахъ. На холмахъ, среди парковъ и лѣсовъ. Вокругъ дворца-усадьбы богатыя пристройки: сараи, конюшни, скотные дворы, птичники, охотничьи дома.

---

[1]) „Нов. В.“ 23 мая с. г.

[2]) „Русск. Сл.“ 14 и 16 мая с. г.

Сараи и амбары полны хлѣба, овса, ячменя. Все это почему-то не продавалось, держалось на мѣстахъ. Въ молочныхъ складахъ тысячи пудовъ масла. По конюшнямъ десятки да сотни, а то и болѣе сытыхъ, холеныхъ, породистыхъ лошадей. При каждой усадьбѣ чуть не на цѣлый обозъ всяческой сбруи, хомутовъ, телѣгъ и повозокъ. Баронскіе лѣса кругомъ полны заповѣдной дичи: всѣ бароны—охотники. Держатъ богатыя своры собакъ съ большимъ числомъ доѣзжихъ и егерей. Всѣ эти егеря и собачники—обязательно нѣмцы и, нѣмцы не мѣстные, свои, а непремѣнно изъ Германіи. Таково здѣсь ужъ общее правило.

— Здѣсь нѣтъ своихъ умѣлыхъ людей,—объясняютъ бароны.—Въ Германіи иное дѣло: тамъ охота поставлена образцово, приходится приглашать людей оттуда.

И лѣсниковъ-нѣмцевъ бароны приглашаютъ изъ Германіи. И маслодѣловъ отдуда. И управляющихъ имѣніями.

— Тамъ, въ Германіи, поставлено все образцово,—твердятъ бароны.

„Образцово", на-диво „грабили" нѣмцы изъ Германіи и баронскія имѣнія теперь. Они брали, правда, тысячами пудовъ овесъ, нужныхъ на смѣну лошадей, сбрую, кожи, подводы подъ кожи и овесъ, но и только... Проходившіе нѣмцы-грабители не тронули и пальцемъ баронскіе дичники. Не тронули тысячи пудовъ масла. Не трогали хозяйственную утварь. Развѣ только немного для себя, на дорогу брали свиней. Все остальное уцѣлѣло. Во Франціи, въ занимаемыхъ осенью мѣстахъ, нѣмцы,—даже высшее офицерство,—какъ верблюды изъ пустыни, жрали ведрами вино изъ опустошенныхъ винныхъ погребовъ. Самъ кронпринцъ грабилъ непріятельскіе дворцы-замки. Въ Курляндіи, въ баронскихъ замкахъ-дворцахъ — ничего подобнаго. За исключеніемъ, правда, тѣхъ, у кого съ латышами были всегда добрыя отношенія, кто не считалъ вопросомъ хорошаго тона презирать Россію и русскихъ, кто смотрѣлъ на свой край, какъ на часть Россіи, и кто поэтому передъ приходомъ нѣмцевъ счелъ болѣе благоразумнымъ убраться отсюда подальше. Ихъ усадьбы разграбили „по-нѣмецки". Тѣ же, кто остались на мѣстахъ, уцѣлѣли. У всѣхъ бароновъ-помѣщиковъ богатые винные погреба. Все это не тронуто. Жизнь въ усадьбахъ и послѣ „грабежа" приходившихъ нѣмцевъ—та же, безъ какой-либо перемѣны. Дивящее россіянина богатство: множество комнатъ и прислуги, саксонскій фарфоръ, картины, гобелены, бронза, богатыя нѣмецкія библіотеки. И на всемъ пути, гдѣ проходили нѣмцы, нигдѣ и подобія погромовъ, какіе творились въ поль-

скихъ усадьбахъ. Какъ до нѣмцевъ, такъ и сейчасъ, послѣ ухода ихъ, баронскія конюшни полны лошадей; слуги ихъ въ ливреяхъ; по стѣнамъ залъ—гравюры и картины; на столахъ—дорогой фарфоръ, хрусталь и серебро; винные погреба набиты выдержанными винами. Съ этой стороны можно порадоваться за курляндскихъ бароновъ-помѣщиковъ: они оказались счастливѣе польскихъ.

Иначе приходилось окрестному крестьянскому населенію большею частью латышамъ.

На утро по Митавѣ стали проводить кучки плѣнныхъ: по семь, десять, пятнадцать человѣкъ, и горожане то и дѣло среди плѣнныхъ узнавали знакомыхъ: одинъ былъ изъ одного помѣстья служащимъ до войны, другой — изъ другого, третій — изъ третьяго. И плѣнные спокойно кланялись знакомымъ. Горожане-нѣмцы такъ же спокойно освѣдомлялись:

— А гдѣ такой-то?

— Въ такомъ-то полку. Въ пѣхотѣ. Въ конницѣ.

— Что съ такимъ-то, такимъ-то и съ такимъ-то?

— Раненъ. Живъ. Здоровъ. Убитъ.

Солдаты-конвойные, конечно, не понимали изъ выкриковъ черезъ ихъ головы, но чуяли, что здѣсь тѣсная, внутренняя связь и пріязнь, и, вопреки обычному русскому благодушію, сердито толкали впередъ плѣнныхъ, отгоняли бесѣдующихъ горожанъ.

— Иди, иди, не лопочи! Не въ гости пришелъ къ пріятелямъ!

Это знакомство плѣнныхъ съ иными горожанами, какъ равно и чуждый непонятный языкъ кругомъ, чуждыя глазу нѣмецкія буквы газетъ, чуждыя уху имена селеній, необычный послѣ пріязни поляковъ подъ Варшавой холодокъ населенія бросались въ глаза солдатамъ. Слышались недоумѣнія:

— Земля наша, а жизнь и народъ чужіе.

— „Больной" край,—говорили иные вдумчивые наши офицеры.—Все время держали мы Польшу въ подозрѣніи, а поляки въ тяжелую минуту, глядите, какъ надежны оказались, а здѣсь нѣмецкій духъ былъ хозяиномъ, командовалъ и латышами, и литовцами, держалъ ихъ въ черномъ тѣлѣ, жирѣлъ и роскошествовалъ за счетъ коренного населенія. Давилъ каждую попытку проявленія латышскаго и литовскаго самосознанія. Выдавалъ ихъ за вражду къ Россіи, дьявольски науськивалъ русскаго обывателя и рус-

скую власть на слабые побѣги литовской и латышской культуры: одни-де нѣмцы надежный оплотъ, а вышло, что это было все щупальцы германской погони за „вельтмахтомъ“ (за міровымъ владычествомъ).

Тамъ господа бароны, что ни говори, какъ ни возражай въ газетахъ, а неудачный наскокъ германцевъ въ Курляндію ясно обнаружилъ, что душа мѣстныхъ земельныхъ хозяевъ края не съ русскимъ народомъ, что это—люди не русскаго, а прусскаго духа. И понятно: что можетъ быть общаго съ русскимъ мужикомъ, съ русскими исканіями и чаяніями, съ русскою народною долею у этихъ господъ, привыкшихъ какъ на окрестныхъ латышей, такъ и на всю Россію смотрѣть глазами Момзена, Трейчке и учениковъ ихъ, будто Россія должна быть вотчиной нѣмцевъ, живутъ ли они въ предѣлахъ Россіи, или внѣ ея? Тутъ рѣчь идетъ не о нѣмцеѣдствѣ, а о томъ, что нѣмцы даже въ русскомъ краѣ занимались руссоѣдствомъ и за счетъ русской, латышской, литовской и польской народной нужды занимались нѣмцепитаніемъ. Не пора ли выпречь русскихъ, латышей, литовцевъ и другія затѣненныя народности изъ нѣмецкихъ оглоблей? Необходимо отстранить и нѣмецкое баронство съ главенствующаго мѣста въ Курляндіи. Ихъ громкія похвальбы о высокой нѣмецкой культурѣ въ краѣ пора выкинуть въ мусорную яму. Гдѣ она, эта ихъ культура? Въ пьянствѣ ихъ буршей? Въ богатыхъ охотахъ?

Наши плѣнные офицеры, недавно бѣжавшіе черезъ Голландію изъ лагеря военноплѣнныхъ въ Крефельдѣ, разсказывали, что во время пребыванія ихъ въ плѣну, передъ побѣгомъ, ихъ пустили въ городъ для участія въ похоронной процессіи умершаго нашего офицера, при чемъ ихъ поразило подавленное настроеніе населенія, стоящія безъ работы фабрики; среди мужской части населенія они видѣли только мальчиковъ и стариковъ и повсюду массу калѣкъ. По прибытіи въ Петроградъ и представленіи въ соотвѣтствующее служебное мѣсто первымъ вопросомъ встрѣтившаго ихъ должностного лица былъ. Покажите ваши документы.

В. П.

Въ редакцію „Русской Старины".

Въ своихъ воспоминаніяхъ о студенческой жизни въ Кіевскомъ университетѣ, помѣщенныхъ въ „Русской Старинѣ" (іюнь 1912 г.), я упоминалъ о своемъ знакомствѣ съ японскимъ студентомъ г. Нисси-Токузиро, слушавшимъ лекціи Н. Х. Бунге и другихъ профессоровъ нашего университета. Въ послѣдствіи г. Нисси въ своемъ отечествѣ достигъ степеней высокихъ и одно довольно продолжительное время состоялъ японскимъ посланникомъ при нашемъ правительствѣ. Какъ въ своихъ былыхъ студенческихъ сужденіяхъ, такъ и въ качествѣ посланника г. Нисси стоялъ за дружеское общеніе Японіи съ Русью, отъ которой онъ былъ въ полномъ восторгѣ. Узнавъ о смерти г. Нисси на его родинѣ и вспомнивъ свое съ нимъ знакомство въ лучшую пору жизни, я обратился въ Японское посольство съ письмомъ съ выраженіемъ въ немъ своего соболѣзнованія по поводу кончины бывшаго моего хорошаго знакомаго. Въ отвѣтъ на письмо я получилъ слѣдующія два извѣщенія отъ Японскаго посольства, которыя привожу ниже. Огласить же ихъ почитаю необходимымъ, какъ историческій фактъ, характеризующій истинную культуру и благородство нашего недавняго врага въ противовѣсъ нахальной и презрительной на „звѣриной" подкладкѣ культурѣ нѣмецкой. Вотъ эти сообщенія: 1, Ambassade du Iapon, Saint Pétersbourg. 8 марта 1912 г.

Ваше Превосходительство

Г. Чеважевскій.

Принося Вашему Превосходительству свою глубокую признательность за выраженное въ Вашемъ письмѣ отъ 5 сего марта соболѣзнованіе по кончинѣ барона Нисси вмѣстѣ съ Вашимъ воспоминаніемъ о немъ въ пору Вашей молодости, имѣю честь увѣдомить Васъ, что мною сдѣлано распоряженіе о передачѣ оставшейся послѣ него семьѣ содержанія Вашего письма.

Прошу принять увѣреніе въ моемъ глубокомъ къ Вамъ уваженіи.

Японскій посолъ

I. Motono.

2) Ambassade du Iapon, Saint Pétersbourg. 11 апрѣля 1912 г.

Его Превосходительству

Г-ну В. Чеважевскому.

По просьбѣ оставшейся послѣ покойнаго барона Нисси семьи, которой посольствомъ было передано содержаніе Вашего письма отъ 5 марта с. г., канцелярія Японскаго посольства имѣетъ честь передать Вашему Превосходительству ея глубокую признательность за выраженное вами соболѣзнованіе по поводу кончины барона Нисси.

3-й Секретарь посольства

(подпись не разборчива).

Спрашивается: возможенъ ли подобный случай переписки въ сношеніяхъ съ посольствомъ германскимъ?

В. С. Чеважевскій.

Поправка.

Въ ст. „Забытые русскіе люди“ („Р. Старина“) вкрались слѣдующія погрѣшности:

Написано:	Нужно:
481 стр. 6 строка сверху Недостаточно.	Недостойно.
487 стр. 9 строка сверху Субогъ.	Субочъ.
487 стр. 14 строка снизу Каханишкахъ.	Коханишкахъ.
488 стр. 6—7 строка сверху Нокольская.	Никольская.
488 стр. 10 строка снизу Поненушки.	Поненунокъ.
Онинпты.	Оникшты.
488 стр. 11 строка снизу Кельмъ.	Кельмы.

Редакторъ-издатель П. Вороновъ.

Времена Алексѣя Михайловича. 1645—1676.

44. **Арсеньевъ, Ю.** Ближній бояринъ князь **Н. И. Одоевскій** и его переписка съ Галицкою вотчиной. (1650—1684 гг.). М. 1903.

45. Житіе патріарха Никона, написанное его клирикомъ Иваномъ Шушеринымъ.

Русск. Арх. 1909 г. кн. 9.

Авторъ былъ самымъ преданнымъ лицомъ Никону и участвовалъ во всѣхъ перемѣнахъ его жизни до его кончины.

46. **Извѣстіе,** касающееся подробностей бунта, недавно поднятаго въ Московіи Стенькою Разинымъ. Пер. съ англійскаго А. Станкевичъ. М. 1895.

Примѣч.: **Голубевъ, А. А.** Къ исторіи бунта Стеньки Разина въ Заволжьи. М. 1894.

47. **Перетцъ, В.** Четыре документа къ исторіи украинскаго казачества.

Письма: 1) гетмана **Ив. Выговскаго** къ татарскому вождю Кая-бею, 1659 г.; 2) гетмана **Мазепы** къ Карлу XII, 1708 г.; 3) казаковъ съ просьбой о выдачѣ имъ жалованья къ Петру I и 4) дѣло о жалованьѣ плѣннымъ казакамъ 1708 г.

Кіевск. Стар. 1905 г. т. 89, стр. 232.

48. **Щепотьевъ, Л.** Ближній бояринъ А. С. Матвѣевъ, какъ культурный политическій дѣятель XVII вѣка. Спб. 1906.

49. Посольство въ Испанію. И во Францію.

Древн. Росс. Вивліоѳика, 1774 г. февр., апр. Съ 4 іюня 1667 г.

50. Письмо Семена (Сильвестра) **Медвѣдева** въ Курскъ Прокоѳію Семеновичу по поводу смерти отца перваго. 1667 г., октябрь.

Чтенія въ Общ. Ист. и Древн. 1902 г. т. 2.

Дополненіе: А. Прозоровскій, С. Медвѣдевъ. Его жизнь и дѣятельность. М. 1896.

51. **Шмурло, Е.** Посольство П. Менезія къ папскому двору. (1672—1673). Изслѣдованіе по документамъ.

Журн. Мин. Нар. Просв. 1901 г. т. 333 и 334.

52. **Мерцаловъ, А. Е.** Блазнительный камень въ Бѣлозерскѣ въ 1673 году. Письмо къ архіепископу Вологодскому и Бѣлозерскому Симону.

Русск. Стар. 1907 г. кн. 2.

53. **Рейтенфельсъ, Яковъ.** Сказанія свѣтлѣйшему герцогу Тосканскому Козьмѣ третьему о Московіи. Падуя. 1680 г.
Чтенія Общ. Ист. и Древн. 1905 г. кн. 3. 1906 г. кн. 3.

Дополненіе: „Новые матеріалы о жизни и дѣятельности Якова Рейтенфельса". Члена о. Павла Пирлинга. Тамъ же, 1906 г. кн. 4. Отд. изд. М. 1905, пер. Алексѣя Станкевича.

Времена Императора Петра I. 1682—1725.

54. Дневникъ звѣрскаго избіенія московскихъ бояръ въ столицѣ въ 1682 г. и избраніе двухъ царей Петра и Іоанна.
Старина и Новизна, 1901 г. кн. 4.

Переводъ съ польскаго; рукопись найдена оборванной на полуфразѣ (послѣ описанія коронованія). Авторъ неизвѣстенъ.

55. Петръ Великій боярину Б. П. Шереметеву. Письмо царя, 1696 года.
Русск. Арх. 1911 г. кн. 10.

56. **Савельевъ, А. И.** Письмо царевны Мареы Алексѣевны къ князю Өедору Ромодановскому.
Русск. Стар. 1907 г. кн. 2.

Вѣроятно 1705 года. Царевна (съ 1699—1707 гг.) была пострижена въ монахини подъ именемъ Маргариты.

57. Письма и бумаги Императора Петра Великаго.
Т. I. (Іюль—декабрь 1707 г.). Спб. 1912.

58. **Алелековъ, А.** Забота Петра Великаго о книгопечатальномъ дѣлѣ.
Русск. Арх. 1907 г. кн. 3.

Приложено письмо Петра Великаго къ боярину Ивану Алексѣевичу Мусину-Пушкину, отъ 25 января 1709 года.

59. **Затворницкій, Н.** 1). Собственноручное письмо Императора Петра I генералъ-фельдмаршалу графу Б. П. Шереметеву изъ Карлсбада. Отъ 14 сент. 1711 года.

2). Собственноручное письмо Петра I князю Голицыну. Отъ 25 апрѣля 1712 года.
Русск. Стар. 1909 г. кн. 7.

60. Письмо Петра Великаго къ Ивану Васильевичу Панину. 16 іюня 1714 г.
Русск. Арх. 1912 г. кн. 10.

61. Письма Императора Петра I, Императрицы Екатерины I, царевича Алексѣя и царевны Наталіи къ князю Якову Ѳеодоровичу Долгорукому. Съ 1711 по 1716 г.
Чтенія Общ. Ист. и Древн. 1904 г. кн. 4.

62. **Вишневскій, Д.** Письмо царицы Екатерины къ кіевскому митрополиту Іоасафу Краковскому. Отъ 15 февраля 1716 года.
Кіевск. Стар. 1902 г. т. 77, стр. 86.

63. Новые матеріалы для біографіи перваго русскаго доктора **П. В. Постникова.** (Письма его къ Петру Великому за 1695 и 1696 гг.).
Чтен. Общ. Ист. и Древн. 1911 г. кн. 4.

64. **Рункевичъ, С. Г.** Архіереи Петровской эпохи въ ихъ перепискѣ съ Петромъ Великимъ.
Вып. I. Спб. 1906.

65. Четыре писма, найденные въ Патріяршей книгохранительницѣ, въ Москвѣ.
1. Писмо святѣйшаго Патріарха **Андріяна,** къ Государю Императору, Петру Великому. 13 авг. 1697 г. Москва.
2. Писмо, отъ Государя Императора, **Петра Великаго** къ Патріярху. Изъ Амстердама, 10 сент. 1697 г.
3. Тоже. 31 сент. 1697 г. оттуда же.
4. Отвѣтное письмо патріярха. Отъ 15 окт. 1698 г.
Повѣствователь Древностей Россійскихъ, 1776 г.

66. Письмо митрополита Кіевскаго **Варлаама Ясинскаго** къ Петру I о переяславскомъ епископствѣ. Отъ 29 января 1701 года.
Кіевск. Стар. 1904 г. т. 85, стр. 53.

67. Къ исторіи Московскаго военнаго госпиталя. Письма голландца доктора **Бидлоо** къ Петру Великому.
Русск. Арх. 1907 г. кн. 12.
Госпиталь былъ открытъ 21 ноября 1707 г.; письма съ 1710 по 1725 г.

(Продолженіе слѣдуетъ).

